Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии

ВИТЕБСК
2020

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
Государственное научное учреждение
«Институт истории Национальной академии наук Беларуси»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»
Центр по изучению войн и геополитики
Российско-белорусская ассоциация историков
«Союзная инициатива памяти и согласия»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ

Материалы V Международной научно-практической конференции

Витебск, 21–22 мая 2020 г.

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2020

УДК 327(100)+94(100):327(062)
ББК 66.4(0)я431+63.3(0)6-6я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 26.02.2020.

Редакционная коллегия:
А.П. Косов (гл. ред.),
В.В. Данилович, А.Н. Дулов, В.А. Космач,
И.В. Николаева, А.П. Соловьянов, Д.В. Суржик

Р е ц е н з е н т ы :
заведующий центром всеобщей истории и международных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси, доктор исторических наук, профессор *В.В. Тугай*; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальных военно-исторических проблем Военного университета МО РФ, доктор политических наук, профессор *С.Я. Лавренов*; президент Ассоциации историков Второй мировой войны имени профессора О.А. Ржешевского, доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1 класса *В.А. Золотарёв*

Актуальные проблемы международных отношений и дипло-
А43 матии : материалы V Международной научно-практической конференции, Витебск, 21–22 мая 2020 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 278 с.
ISBN 978-985-517-742-6.

В научном издании содержатся материалы докладов, посвященные актуальным проблемам международных отношений и дипломатии нового и новейшего периода всемирной истории. Оно адресуется исследователям, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кому интересна данная проблематика.

Материалы докладов публикуются в авторской редакции. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

УДК 327(100)+94(100):327(062)
ББК 66.4(0)я431+63.3(0)6-6я431

ISBN 978-985-517-742-6

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2020

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ ……..... 7

РАЗДЕЛ 1. СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВЕСТФАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1648–1789 гг.). ВЕНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1815–1914 гг.) ……..…… 9

Циватый В.Г. Институционализация и функционирование новой европейской дипломатии в формате Вестфальской системы международных отношений (1648–1789 гг.): исторический, внешнеполитический и темпоральный дискурсы …… 9

Мазарчук Д.В. Дипломатическая история Нового времени в XXI веке: расширяя пространственные и смысловые границы 14

Киселёва О.А. Дипломатия США и планы аннексии Канады после Гражданской войны 1861–1865 гг. ……... 18

Чикалова И.Р. Представления традиционалистов о геополитических союзниках России в преддверии Первой мировой войны ……... 21

РАЗДЕЛ 2. СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1918–1939 гг.). ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 гг.) 27

Курганский А.А. Федералистские проекты на страницах журнала «Восток Польши» в начале 1920-х годов …… 27

Макушин А.В., Суржик Д.В. Антисемитизм во второй Речи Посполитой как одна из предпосылок польского коллаборационизма…….. 32

Буранок С.О. 22 июня 1941 г. и советско-американские отношения в оценках периодической печати США …… 39

Ермаковіч Л.І. Польскае пытанне ва ўзаемадачыненнях “Вялікай тройкі” падчас Другой сусветнай вайны ……..……. 43

Монин С.М. Поставки из США в СССР по ленд-лизу в 1943–1945 годах. Факторы расширения сотрудничества ...……. 47

Лобода Д.А. Военно-стратегические и дипломатические истоки операции «Френтик» ……... 52

Редченко Д.В. Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией в оценках российской власти и оппозиции ……..…… 57

Цыплин В.Г. Перевертывание истории, или Почему Польша не хочет отмечать День освобождения Варшавы ……..... 62

РАЗДЕЛ 3. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1945–1991 гг.) …….. 71
Калинин А.А. Американское участие в греческом конфликте в 1944–1953 гг. …… 71
Величко Н.В. Позиция Франции по германскому вопросу на I сессии Совета министров иностранных дел …… 77
Ковяко И.И. Концепция ренацификации в работах британских и американских исследователей-германистов ……..… 81
Шенин С.Ю. «Новые горизонты» американского мессианства: Корпус мира и «моральные императивы» Дж. Кеннеди …….. 84
Сакович Е.Г. Кубинский ракетный кризис в оценках исследователей-традиционалистов 1960-х гг. ……..……... 91
Синдеев А.А. Истоки европейской безопасности: политическая элита ФРГ и Московский договор 1970 г. …… 95
Космач В.А. Некоторые аспекты германской политики Франции в контексте французской политики западноевропейской военно-политической интеграции в 1980-е годы …… 99
Бурда М.А., Гришин О.Е. Некоторые политические доктрины и теории как ключевой аспект конструирования политической повестки США 105
Ковальков А.Л. Подходы к решению «афганского вопроса» в советском руководстве накануне и после вывода советских войск из Республики Афганистан …… 109
Пик С.М. «Личностный фактор» во внешней политике администрации Дж. Буша (на примере подготовки операции «Буря в пустыне») 113
Косов А.П. Становление американского вектора внешней политики РСФСР в контексте кризиса советской государственности (1990–1991 гг.) …….. 118
РАЗДЕЛ 4. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в. ……... 123
Довгялло М.С. Македонско-греческие отношения в 1991–2019 гг. .. 123
Рудковская Е.Э. Политика Н. Саркози в контексте разрешения конституционного кризиса ЕС .....…….. 128
Шевченко Е.С. Политическая повестка Д. Трампа в контексте актуальных проблем международных отношений: особенности формулируемого инструментария ……. 132
Хришкевич Т.Г. Стратегии кибербезопасности ФРГ: ответ на глобальные информационные угрозы начала XXI в. ……. 135
Свилас С.Ф., Станкевич Ю.В. Германия на 40-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО …… 140

Свилас С.Ф., Лузан Д.В. Реформирование Совета Безопасности ООН во внешнеполитическом векторе России …….. 144
Володькин А.А. Значение теории секьюритизации О. Уивера и Б. Бузана для изучения внешней политики государств Балтии в постсоветский период ……. 148
Сальников В.И. Интеграция постсоветского пространства: цивилизационное измерение …….. 153
Мацулевич Е.В., Косов А.П. Подходы США к Беларуси, Казахстану и Центральной Азии как отражение политики Вашингтона в отношении ЕАЭС ……. 157
Shalenna N., Hohosha O. Contemporary Trends in the CIS States' Military Cooperation …… 159
Белащенко Д.А., Сюзева Ю.С. Особенности международно-правового статуса Донецкой и Луганской народных республик в контексте украинского кризиса …… 164
Ладыга А.И., Севрюк В.С. Трансформация политики Украины в сфере информационной безопасности в условиях кризиса российско-украинских отношений…… 168
Ладыга А.И., Шутова А.А. Позиции РФ на южнокавказском треке в XXI веке (на примере Грузии) …… 172
Христофоров В.С., Севрюк В.С. Позиция и роль Израиля в сирийском конфликте ..……. 176
Зинченко А.Н. Разрешение конфликтов и управление вооруженными конфликтами: разница в теоретических подходах …….. 180
Рудковский Э.И. Духовная и национальная безопасность ……. 183
Кравчук О.Ю. Тенденции уровня обеспечения политической безопасности в условиях глобализационных процессов и геополитических изменений ……..…….. 186
Игонина Е.А., Коробкина И.А. Оценка западных исследователей концепта «мягкой силы» Джозефа Ная ……... 188
Федяев О.Д., Урываев А.В. Нейтралитет как принцип невмешательства в международные вооруженные конфликты …… 192
Сень А.Ю., Морозов И.Л. Особенности внешней политики и позиции нейтралитета Австрии ……. 196
Сурма А.А. Проблема реализации политики мультикультурализма в государствах-членах Европейского союза в начале XXI века ….. 201
Саллум Ферас. Социально-экономические и политические предпосылки возникновения вооруженного конфликта в Ливии …..…….. 205
Подрез Ю.В. Становление энергетической дипломатии КНР в странах Африки и Западной Азии в течение 2000–2015 гг. ……. 207
Лю Сянцянь. Туристическая дипломатия как фактор развития китайско-японских отношений в начале XXI века ……. 211

Шмелев А.П., Сикираж В.В. Религиозный фактор во внешней политике Китайской Народной Республики ……..…….. 214
Тунлага. Экономика и торговля между Монголией и Китаем в 2007–2017 гг. …….. 218
Ши Даньдань. Китайские центры исследования «мягкой силы» культуры как инструмент внешней культурной политики КНР …… 220
Свилас С.Ф., Филимонова А.А. Научные центры Российской Федерации по изучению тайваньской проблемы …….……. 222
Хлопов О.А. Влияние пандемии COVID-19 на формирование системы международных отношений …….. 225

РАЗДЕЛ 5. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ БЕЛАРУСИ (1918–2020 гг.). РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ …… 230
Багалейша С.В. Праблема беларуска-літоўскіх узаемаадносін 1915–1924 гг. у айчыннай гістарыяграфіі 2000-х гг. …….. 230
Бараноўскі А.В. Захаванне трох паўночных паветаў Віцебскай губерні ў складзе РСФСР у 1924 г. ..……. 235
Крывашэй Дз.А. Культурнае супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь з Саветам Еўропы ……... 239
Рубо О.П. Инициативы Республики Беларусь в рамках «Восточного партнерства» в 2013–2019 гг. 243
Юрчак Д.В. Виды археологического наследия в законодательстве Республики Беларусь в сравнении с модельными законами СНГ, законодательствами РФ и Украины 246
Вонсович Л.В. Проблемы российско-белорусской интеграции и пути их разрешения ..…….. 252
Косов А.П. Белорусско-российские отношения после провала плана Москвы по «углублению интеграции» …….. 256
Александровіч А.А. Асноўныя тэндэнцыі развіцця беларуска-казахстанскіх адносін …… 263
Слемнёв М.А. Диаспоральная политика Республики Беларусь: законодательное обеспечение и практическая реализация …….. 267

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ..……... 272

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня изучению международных отношений и дипломатии уделяется большое внимание во всем мире. Не является исключением и Республика Беларусь. Ежегодно в стране проводятся научные мероприятия, посвященные актуальным проблемам международных отношений, дипломатии и мировой политики.

На протяжении последних пяти лет подобные форумы проходят и в Витебске. Настоящее издание является результатом работы уже V Международной научно-практической конференции, посвященной исследованию международных отношений и дипломатии. Первая конференция состоялась в стенах Витебского государственного университета имени П.М. Машерова 25–26 апреля 2013 г. и была посвящена актуальным проблемам международных отношений и дипломатии второй половины XX – начала XXI в. Вторая конференция прошла 23–24 апреля 2015 г. В ходе ее работы рассматривались вопросы внешней политики, дипломатии и международных отношений в период новейшей истории (1918 г. – начало XXI в.). Третья конференция (17–18 мая 2018 г.) охватила временной период с 1918 по 2018 г. Ее участники обратились к проблемам теории международных отношений, ключевым аспектам развития международных отношений и внешней политики ведущих государств мира в рассматриваемый период, а также актуальным вопросам внешней политики и дипломатии Беларуси. Четвертая конференция (23–24 мая 2019 г.) была посвящена актуальным проблемам международных отношений и дипломатии за столетний период развития человеческой цивилизации – с 1918 по 2019 г.

Юбилейная, пятая по счету, конференция (21–22 мая 2020 г.) собрала как молодых, так и уже достаточно известных, исследователей из различных научных и учебных учреждений и организаций Беларуси, России и Украины, многие из которых стали уже постоянными участниками витебских научных мероприятий. Она традиционно прошла в ВГУ имени П.М. Машерова, ставшим к настоящему моменту одним из центров изучения международных отношений, внешней политики и дипломатии в Республике Беларусь.

Хронологический и тематический диапазон проблем, рассмотренных в рамках конференции, определен, в первую очередь, научными интересами ее участников. Обратим внимание на то, что представленные материалы основаны на введенных впервые в оборот источниках или же на новом оригинальном и весьма убедительном прочтении уже известных источников.

С позиций современных достижений науки и состояния источниковой базы участниками научно-практической конференции были рассмотрены актуальные проблемы международных отношений и дипломатии с 1648 г. по настоящее время.

Известно, что сегодня у исследователей свои интерпретации актуальных вопросов международных отношений и дипломатии, что во многом обусловлено национальной спецификой, историческими и современными реалиями, а также собственным авторским видением той или иной рассматриваемой проблемы. В подобной ситуации организаторам научно-практической конференции важно было выявить как можно более широкий спектр имеющихся в научном сообществе мнений и оценок в рамках заявленных направлений конференции. И, на наш взгляд, это вполне удалось.

Предлагаемые материалы скреплены единой научной канвой: они демонстрируют тот непреложный факт, что только в совместных обсуждениях событий прошлого можно отыскать продуктивные пути к осмыслению столь сложного настоящего, путем дискуссий наметить ориентиры решения злободневных проблем современного мира. Думается, его издание станет значимым вкладом в историографию международных отношений и дипломатии на постсоветском пространстве.

Представленное издание является результатом плодотворного научного сотрудничества Витебского государственного университета имени П.М. Машерова и Института истории Национальной академии наук Беларуси в рамках выполнения Государственной программы научных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя) подпрограммы № 1 «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В.В. Данилович) задания 1.1.04, а также центра по изучению войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук при участии Российско-белорусской ассоциации историков «Союзная инициатива памяти и согласия».

Надеемся, что активное научное сотрудничество ученых-международников из разных стран продолжится и в дальнейшем. И ВГУ имени П.М. Машерова еще неоднократно будет становиться площадкой для научных дискуссий в сфере международных отношений, внешней политики и дипломатии.

От редколлегии

Р А З Д Е Л 1
СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВЕСТФАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1648–1789 гг.). ВЕНСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1815–1914 гг.)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ФОРМАТЕ ВЕСТФАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1648–1789 гг.): ИСТОРИЧЕСКИЙ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ И ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ

В.Г. Циватый (Киев)

Новая Вестфальская система международных отношений (1648–1794 гг.) дала стимул институционализации и инструментализации новой дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) в темпоральном измерении.

События Тридцатилетней войны (1618–1648), предшествующие важнейшим дипломатическим переговорам в Вестфалии, а также сам Вестфальский конгресс 1648 года, его результаты и исторические последствия, уже более трёхсот лет привлекают пристальное внимание историков, политиков, дипломатов различных государств мира. За последние годы в разных странах отмечается рост интереса научной общественности к историческим реалиям эпохи раннего Нового времени, а особенно – политико-дипломатических событий Вестфальского (1648) и Венского (1814–1815) конгрессов [4; 6, с. 229–246].

Международные отношения в истории Европы и мира прошли ряд сложных этапов. От сильного влияния религиозных и династических принципов они постепенно приобретали современный светский характер. Генри Киссинджер по этому поводу писал: «Когда рухнула концепция единства, государства Европы, которые рождались (институционализировались), стали нуждаться в любом политическом принципе межгосударственных отношений, который бы оправдывал их политико-дипломатические запросы и регулировал бы взаимоотношения между ними. Они нашли его в концепции raison d’état и равновесии политических сил. Одно зависело от другого» [3, с. 47].

Для эпохи раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) характерный объективно обусловленный процесс институционального оформления внешней политики, моделей дипломатии и дипломатических служб государств Европы. Для изучения этих исторических процессов, явлений и событий автор

предлагает к ранее существующим исследованиям подойти с новых методологических основ, а именно – использовать теорию институтов и институциональных изменений в политических и дипломатических системах [9].

Важным институциональным этапом усиления межгосударственных отношений по итогам Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), и, соответственно, итогового мирного договора – Вестфальского (1648 г.), стало становление Вестфальской системы международных отношений (1648–1794 гг.) и усовершенствованной политико-дипломатической системы. Вестфальский мир обеспечил юридические основы для институционального закрепления ряда новых принципов и институтов международного права, формирования и трансформации ранее существовавших постоянных дипломатических представительств в Европе, определения режима иностранцев, перехода к эпохе буржуазного международного права и тому подобное [5].

Главным катализатором европейских международно-политических событий XVII века послужила Тридцатилетняя война (1618–1648) и её итоги, зафиксированные в документах Вестфальского конгресса (1648). Вестфальский мир четко закрепил принципы «государственного интереса» и констатировал институциональное закрепление наций в Европе [1, с. 11–78].

Характер Вестфальского мира 1648 года, который добавил нового институционального вида и повысил значение европейскому нормативному порядку, создал новое идейное, а позднее и политико-дипломатическое пространство. Вестфальский мир впервые в европейском масштабе открыл то, что политика может быть технологией улаживания конфликтов в темпоральном измерении [1, с. 66–78; 2]. Именно с этого времени в качестве главной формы политической организации общества повсеместно утверждается национальное государство (в западной терминологии – «государство-нация»), а доминирующим принципом международных отношений становится принцип национального (т.е. государственного) суверенитета. К этому времени международные отношения характеризовались разобщенностью их участников, бессистемностью международных взаимодействий, главным проявлением которых выступали кратковременные вооруженные конфликты или длительные войны. Новые изменения обусловили и новые подходы абсолютистских монархий к своей внешнеполитической деятельности и дипломатии в период XVI–XVII веков [7, с. 39–49; 9].

Масштабы межгосударственных отношений уже не очерчивались отношениями с соседними или ближайшими государствами, а уже накануне Тридцатилетней войны была европейская система международных отношений и внешнеполитическая активность государств распространялась на всю Европу. Формы и методы дипломатии эпохи раннего Нового времени были направлены на создание своей стране, путем использования разнообразного дипломатического инструментария, благоприятных условий в отношениях с другими государствами [10].

Если поставленной цели не удавалось достичь мирным, политико-дипломатическим путем, то цель реализовывалась с помощью военной силы и оружия, что убедительно подтвердили события и исторические последствия Тридцатилетней войны для европейского пространства XVII века [8].

В эпоху раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) дипломатия становится профессиональным полем деятельности и настоящим искусством. В этот период формируется дипломатический церемониал, этикет и основные аспекты протокольной практики, порядок приёма послов и обязательный перечень почестей, которые должны предоставляться Послам зарубежных государств [9].

Институционализация новой дипломатии – постоянной дипломатии, способствовала появлению специальных трактатов и учебников для дипломатов. В них четко формулировались права и обязанности Посла, особенности его поведения в стране пребывания. Принцип посольской неприкосновенности стал общепризнанным принципом. Торжественный приём означал уважение к государству, и наоборот – сдержанный («холодный») приём означал нескрываемое недовольство его международной политикой или политико-дипломатическое пренебрежение [6, с. 229–246; 9]. Дипломатический корпус (Corps diplomatique) появился при каждом большом дворе и в каждой столице. Политический баланс сил, который утвердился в Европе по завершению Тридцатилетней войны, констатировал институциональное оформление новой политико-дипломатической и новой системы международных отношений – Вестфальской.

Изучая Вестфальский мир и Тридцатилетнюю войну в Европе следует вспомнить о других политико-дипломатические события, которые происходили в то время – Английская революция под руководством Кромвеля и Украинская освободительная война под предводительством Богдана Хмельницкого. Тесное переплетение и взаимосвязь политических событий, происходивших в Западной и Восточной Европе в конце Тридцатилетней войны, активно проявились во время подготовки и подписания Вестфальского мира 1648 и в итоговом формате самой войны, которая фактически продлевается до 1653 года [5; 10].

Современные историки рассматривают Вестфальский мир и Вестфальскую систему международных отношений, как события, которые заложили основы современного мирового порядка – разделения мира на национальные государства и появление связанных с этим принципов международного права. В некотором смысле именно Вестфальский мир заложил основы современной Европы, большая часть которой входила в те времена в сферу влияния Священной Римской Империи. Этот мир фактически уравнял в правах реформированое христианство (различные протестантские церкви) с римо-католическим христианством. На международном уровне был признан принцип: чьё государство того и вера. Кроме того, в международной политике

появилось понятие – Вестфальская система, которая обеспечивала суверенитет государства на своей территории [5, с. 111–121].

Что же представлял собой «европейский политико-дипломатическое пейзаж после битвы» – Вестфальский мир в XVII веке? Немецкий историк Хайнц Духхардт определяет его как «европейский мир». В этом отношении его подход близок к мнению большинства зарубежных и отечественных исследователей, которые разделяют такое мнение немецкого историка: довольно многое говорит о том, что дипломаты в обоих вестфальских городах, где проходили конгрессы, вполне были знакомы с языковыми дипломатическими оборотами и метафорой «европейского равновесия», то есть мыслили в категориях системных связей и категорийным аппаратом теории дипломатии раннего Нового времени. Но, к сожалению, в дальнейшем данное обстоятельство, усилив светские рационально-государственные черты европейской дипломатии, не спасло континент от дальнейших острых противоречий и войн [4, с. 545]. С этим выводом трудно не согласиться, вспомнив развитие международных отношений после 1648 года.

Оглядываясь в прошлое, мы имеем чётко видеть указатели в будущее! История учит даже тех, кто у неё учиться не хочет: она их проучивает! С 1648 года история знала большое количество конгрессов, конференций, саммитов, съездов. Тем не менее, интерес к Вестфальскому конгрессу не ослабевает и сегодня. В настоящее время в научных исследованиях и публицистической литературе продолжается дискуссия о том, в чём эффективность вестфальской системы межгосударственных отношений, в чем секрет вестфальской системы международных отношений и вестфальской модели миропорядка, которая надолго сохранила институционально-стабильный мир в Европе XVII–XVIII веков, и смогла ли бы она служить примером для договоренностей, которые обеспечат стабильность на планете в настоящее время и создать в современном мире, например, новое институциональное образование государств.

Тридцатилетняя война и институционализированная Вестфальская система международных отношений – это уникальное для своего времени политико-дипломатическое явление, по итогам которого были выработаны принципы межгосударственного диалога, использование институтов официальной новой постоянной дипломатии и неформальной (кулуарной) дипломатии, элементов и основ норм дипломатического протокола, этикета и церемониала, которые легли в основу дипломатической практики во всем мире, а не только в Европе.

Основные принципы Вестфальской системы международных отношений, описанные в мирном договоре – взаимное признание государствами национального государственного суверенитета друг друга, равноправие государств между собой и принцип нерушимости границ – применяются и по сей день. Вестфальский мирный трактат имеем все основания считать тогдашним и современным кодексом практической дипломатии. Диплома-

тические рауты и баталии Тридцатилетней войны нашли свое логичное институциональное завершение в Вестфальском мирном договоре, который стал фактически кодексом современной дипломатии [3 с. 19].

Вестфальская система международных отношений подтвердила свой статус как институт, со стойким и эффективным действенным международным механизмом. Можно констатировать, что она успешно действовала в течение всего XVII–XVIII веков, хотя и постепенно шла к своему упадку и была заменена новой архитектурой международных отношений уже лишь после Венского конгресса (1814–1815). Свою защитную институциональную функцию Вестфальская система международных отношений вполне оправдала: когда не имеется возможности избежать местных и локальных конфликтов, возможно и необходимо препятствовать им вылиться во всеобщую войну.

Модель Вестфальского компромисса (не его конкретное содержание как мира между католиками и протестантами, а его определенная формальная структура, способная быть применена к конфликтам иных сил) воплотила в себе противоречие между техническими и этическими аспектами, удерживая их в некотором единстве и порождая новую динамику западной цивилизации [7, с. 39–49].

Начиная с Вестфальского мира 1648 года режим суверенитета заменил все другие формы политической организации на международном уровне. Принцип национального суверенитета предполагал, что каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории и определяет свою внутреннюю и внешнюю политику. Вестфальской системой международных отношений были заложены основные принципы современной мировой политики XX–XXI века. Появление национальных государств – важнейший признак, которым ознаменовано наступление Нового времени, с приходом которого мир вступил на путь индустриального развития.

Таким образом, итоги Вестфальского конгресса и действенность Вестфальской системы международных отношений, стали важным стимулом для дальнейшего социально-экономического, политического, дипломатического и социокультурного европейского развития. Новая политическая система международных отношений возникла не сама по себе. Её подготовило историческое развитие Европы XV–XVI вв. Вестфальский мир – это эпохальное историческое событие, которое ознаменовало собой формирование новой политической системы и новых дипломатических систем государств. Суверенные национальные государства, взаимодействовали между собой, образуя новую систему международных отношений для Европы и всего мира.

Признав в качестве одного из ключевых принципов национального (государственного) суверенитета, вестфальский мир положил начало новой системе отношений, которая впоследствии получила название Вестфальской, или государственно-центристской, модели (системы) мира (мироустройства).

Практические достижения Вестфальского конгресса и опыт межгосударственных отношений периода Вестфальской системы международ-

ных отношений, приобретённый европейской дипломатией первой половины XVII века, предопределили будущее институциональное развитие мировой дипломатии и международного права, и не потеряли своей актуальности и для сегодняшнего дня.

Источники и литература:

1. Вестфальський мир 1648 року і організація міжнародного правопорядку // Білер, Г. Вестфальський мир 1648 року (до 350-ї річниці договорів) / Г. Білер, А. Дмитрієв. – К. : Ін Юре, 1998. – С. 11–78.
2. Дмитрієв, А.І. Вестфальський мир 1648 року і сучасне міжнародне право : монографія / А.І. Дмитрієв. – К. : Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2001. – 426 с.
3. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М. : Ладомир, 1997. – 906 с.
4. Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618–1648) в событиях и коллективной памяти Европы / науч. ред. и сост. Ю.Е. Ивонин и Л.И. Ивонина. – М. : Транс-Лит, 2015. – 564 с.
5. Прокопьев, А.Ю. Тридцатилетняя война / А.Ю. Прокопьев. – СПб. : Наука, 2020. – 385 с.
6. Ціватий, В.Г. Віденський конгрес 1814–1815 рр.: інституціональний вердикт європейського політико-дипломатичного та суспільно-історичного розвитку / В.Г. Ціватий // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. – Вип. 25: Міжвідомчий збірник наукових праць / Відп. Ред. С.В. Віднянський. – К. : Ін-т історії України НАН України, 2016. – С. 229–246.
7. Ціватий, В.Г. Європейська система міжнародних відносин і дипломатична практика в період Тридцятилітньої війни (1618–1648): інституціональний і коггруентний дискурси / В.Г. Ціватий // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка.– Том 30. – Серія «Історичні науки». – Кам'янець-Подільськ, 2020. – С. 39–49.
8. Acta Pacis Westphalicae. Serie III C. Band IV. Diarium Lambergi 1645–1649 / Bearb. von F. Bosbach. – Münster : Aschendorff Verlag, 1986.
9. Black, J. A History of Diplomacy / J. Black. – Chicago : Reaktion Books, 2010. – 312 p.
10. Lentz, T. Le congrès de Vienne. Une refondation de l'Europe, 1814–1815 / T. Lentz. – Paris : Perrin, 2013. – 400 p.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ В XXI ВЕКЕ: РАСШИРЯЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И СМЫСЛОВЫЕ ГРАНИЦЫ

Д.В. Мазарчук (Минск)

Глобализация и интенсификация информационных процессов в современном мире предполагает глубокие преобразования в общественных науках, включая историю. Эти преобразования связаны с необходимостью как отказа от традиционных «больших нарративов», так и пересмотра базового терминологического инструментария историка. В полной мере эти вызовы стоят перед историей дипломатии как одной из отраслей исторической науки.

Длительное время дипломатическая история рассматривалась исследователями в контексте прогрессирующей профессионализации, связанной с формированием системы национальных государств в Европе Нового времени. Оставив за скобками объяснимый европоцентризм такой картины воссоздаваемого прошлого, коснёмся вначале смысловых границ дипломатической истории в свете новых подходов XXI в.

В классическом виде модель рождения дипломатии современного типа была сформулирована английским историком Г. Маттингли. Ранее мы изложили суть его подхода следующим образом. Преимущественно секулярная ренессансная дипломатия осуществлялась профессионализирующейся прослойкой постоянных дипломатических представителей. Первоначально возникнув в Италии, эта модель была воспринята западноевропейскими государствами по причине растущего значения тесных контактов в условиях постоянных конфликтов и противоречий [2, с. 35].

Данная концепция установила хронологическую границу начала современного периода истории международных отношений и истории дипломатии, в качестве которой выступают Вестфальский мир 1648 г. и Пиренейский мир 1659 г. К этому моменту «система европейских государств добилась стадии гетерогенной организации и ненадёжного равновесия, которой итальянские государства достигли после [мира 1454 г. в] Лоди» [6, с. 178]. Это означало, что основные государства Западной Европы восприняли итальянский опыт дипломатических институтов, прежде всего – постоянные дипломатические миссии (resident embassies).

Изложенная «классическая» концепция истории дипломатии в раннее Новое время с начала 2000-х гг. стала подвергаться сокрушительной критике. Исходным моментом для критической переоценки истории дипломатии Нового времени стал отход от национально-ориентированного подхода к пониманию дипломатии как социо-политического процесса. Этот взгляд расширяет понятие дипломатии, включая в последнюю не только формально-аккредитованную службу в интересах государства, но гораздо более широкий спектр посреднической деятельности [7, с. 444–445].

В более общем виде эти изменения можно сформулировать как попытку сближения (либо же «преодоления разрыва») между теорией и практикой. Внешняя политика составляет лишь часть сложного и комплексного процесса взаимодействия на надгосударственном уровне. Сами дипломаты, их понимание собственного места и роли в этом взаимодействии, глубоко проникнутая символизмом практика их деятельности – этот обширный и имманентный массив практик в последние два десятилетия выступает на первые места в исследовательском фокусе.

В результате в поле зрения современных историков дипломатии попадают такие новые темы, как самоидентификация и рефлексия дипломатических представителей, гендерные аспекты дипломатии, невербальные

средства коммуникации – церемонии и ритуалы, роль культурного обмена в дипломатии, гостеприимство и другие формы реципрокности, связи дипломатии с литературой и т.д. Происходит отказ от восприятия разграничения посольских и консульских обязанностей как ключевого рубежа, расширяется интерес к культурным и лингвистическим аспектам дипломатических практик Нового времени.

Одним из новых направлений в дипломатической истории является изучение способов и средств обмена информацией, коммуникативных практик и переговоров. Внимание к информации и стремление контролировать её составляли важнейший предмет заботы правителей итальянских государств периода Возрождения. Одним из следствий этого внимания было создание сложных составных коммуникативных сетей. В результате, взаимное переплетение разных информационных каналов повышало степень достоверности воспринимаемой при дворе (правительстве) политической информации. Без сомнения, изучение практики функционирования подобных информационных сетей в различных регионах расширит понимание самой природы межгосударственного взаимодействия.

Итак, в настоящее время дипломатическая история Нового времени находится в состоянии коренного перелома. Обращение к указанной выше тематике неизбежно требует углубления источниковой базы исследований, в конечном счёте – привлечения методик антропологии, лингвистики, истории литературы и других дисциплин. Таким образом, стоящие в настоящее время перед историей дипломатии вызовы соответствуют общему повороту к междисциплинарности, характерному для науки XXI в. Признаком тенденции к слому устоявшихся дисциплинарных границ являются настойчивые призывы к расширению исследовательской тематики и методологии, социально-культурному подходу к дипломатической истории [8, с. 1].

Одной из главных причин пробуждения исследовательского интереса к новой тематике являются те изменения, которые в настоящее время претерпевает самая структура международных отношений. Новая детерриториализация суверенитета и утрата национальным государством роли базового субъекта мировой политики и гражданско-политической сферы побуждают отказаться от государство-центричного взгляда на историю дипломатии [3, с. 106–189; 5, с. 10].

С другой стороны, кризис идеи линейной истории (прогресса) вынуждает к отказу от телеологичного подхода. С этим фактом связана ещё одна проблема современной историографии – понимание «нового» либо «современного» в дипломатии Нового времени. Другими словами, учёными ставится вопрос: каков критерий, разграничивающий дипломатию современного типа от предшествующих ей форм? Предложенный ранее постоянный характер дипломатических представительств нельзя считать надёжным критерием, поскольку практика асимметричных отношений между европейскими госу-

дарствами сохранялась вплоть до XVIII в. [4]. Тем более асимметричная модель дипломатических связей была характерна в Новое время для отношений между государствами Европы и неевропейскими странами.

Указанные изменения затрагивают как научно-исследовательский, так и образовательный аспект деятельности историков дипломатии. Расширение исследовательских горизонтов ставит перед учёными новые задачи по синтезу и обобщению. При этом эти задачи могут пониматься ими по-разному. В своём анализе учебных изданий Н.А. Власов выразил указанную нами тенденцию как проблему неразличения истории международных отношений от истории международной политики. Он пишет, что предлагаемая им новая концепция учебника предполагает рассмотрение международных отношений «во всём их многообразии»: «В таком учебнике должно быть отражено тесное переплетение экономических, политических, военных и культурных связей, показана динамика развития международных отношений в различных регионах планеты» [1, с. 147]. Вместе с тем Н.А. Власов признаёт трудности, стоящие перед авторским коллективом такого учебника.

Итак, накопленный к настоящему моменту критический материал позволяет коренным образом пересмотреть методологию и концептуальные основания дипломатической истории раннего Нового времени. Учёными многих стран ведутся активные разработки новых тем, расширяющих субдисциплинарный горизонт дипломатической истории. В скором времени накопленный материал позволит приступить к новому синтезу, основанному на новых методологических подходах.

Источники и литература:

1. Власов, Н.А. История международных отношений или история дипломатии в Европе? / Н.А. Власов // Петербургский исторический журнал. – 2016. – № 3. – С. 140–149.

2. Мазарчук, Д.В. Современные подходы к дипломатической истории раннего Нового времени / Д.В. Мазарчук // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава. Зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаны 80-годдзю Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы і 65-годдзю гістарычнай адукацыі ў Гродзенскім дзяржаўным універсітэце імя Янкі Купалы / пад рэд. А.А. Ковалені, І.Ф. Кітурка. – Часть 1. – Гродна : ГрДУ, 2019. – С. 34–37.

3. Малахов, В.С. Государство в условиях глобализации : учебное пособие / В.С. Малахов. – М. : КДУ, 2007. – 256 с.

4. Haug, T. Ungleiche Außenbeziehungen und grenzüberschreitende Patronage; die französische Krone und die geistlichen Kurfürsten (1648–1679) / T. Haug. – Köln : Böhlau Verlag, 2015. – 540 s.

5. Lazzarini, I. Storia della diplomazia e International Relations Studies fra pre- e post- moderno / I. Lazzarini // Storica. – 2016. – Vol. 22, № 65. – P. 9–41.

6. Mattingly, G. Renaissance Diplomacy / G. Mattingly. – N. Y. : Dover Publications, 1988. – 284 p.

7. Sowerby, T.A. Early Modern Diplomatic History / T.A. Sowerby // History Compass. – 2016. – Vol. 14, № 9. – P. 441–456.

8. Watkins, J. Toward a New Diplomatic History of Medieval and Early Modern Europe / J. Watkins // Journal of Medieval and Early Modern Studies. – 2008. – Vol. 38, № 1. – P. 1–14.

ДИПЛОМАТИЯ США И ПЛАНЫ АННЕКСИИ КАНАДЫ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1861–1865 гг.

О.А. Киселёва (Вологда)

Окончание Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) было воспринято внутри страны и за ее пределами в качестве принципиально нового этапа не только во внутригосударственной политике Североамериканской республики, но и в деятельности ее дипломатии. В первой половине XIX века внешнеполитические интересы страны и дипломатическую тактику их реализации, как правило, преимущественно определяли плантаторы, заинтересованные в продвижении на Юг, в том числе на территорию сопредельных государств. Примером такой внешнеполитической акции была война с Мексикой (1846–1848 гг.). С поражением южан в гражданском конфликте (1865 г.) и наступлением эпохи Реконструкции (1865–1877 гг.) разработка внешнеполитических приоритетов оказалась в руках предпринимателей Севера, оказавшихся у руля государственной машины. Они имели в своем распоряжении созданную в пору гражданского конфликта армию и сумели обеспечить высокие темпы роста национального хозяйства. Внешнеполитические интересы США были презентованы главами внешнеполитического ведомства страны – государственными секретарями Уильямом Генри Сьюардом (1861–1869 гг.) и Гамильтоном Фишем (1869–1877 гг.). У.Г. Сьюард, которого многие современники и исследователи характеризовали как предшественника многих более поздних международных доктрин США, в 1867 году провозгласил: «Предоставьте мне уверенность, что не последует вооруженного сопротивления президенту, несущему власть Североамериканской республики; дайте мне еще тридцать лет жизни, и я обещаю Вам во владение весь американский континент и контроль над всем миром» [3, с. 47].

Безусловно, это было крайне амбициозное заявление, исходившее из знаменитой теории «предопределения судьбы» («manifest destiny») и не имевшее реальных шансов на реализацию в означенный Сьюардом отрезок времени. Широкий круг дипломатов и влиятельных бизнесменов, мысливших более реально и практично, чем государственный секретарь, сосредоточили свои усилия на конкретном направлении – нагнетании существовавших в 1860-е годы в Канаде настроений в пользу ассоциации и даже присоединения к США. Среди активных приверженцев этой политико-дипломатической идеи, явно преувеличивавших размах проамериканских настроений в провинциях Британской Северной Америки, были знаменитые политики и военные деятели, принадлежавшие к одной из фракций республиканской партии – радикальные республиканцы З. Чендлер, Н. Бэнкс, Ч. Самнер, Э. Стэнтон, Б. Батлер [4, с. 192]. Особенно выделялся Ч. Самнер, председатель сенатского комитета по внешней политике США,

выдвинувший концепцию «естественных границ», согласно которой Канаде «предначертано оказаться в орбите своего великого соседа» [5, с. 223].

Не без влияния этих лиц США Канада была лишена режима наибольшего благоприятствования в торговле с Североамериканской республикой: в 1866 году американское правительство в одностороннем порядке расторгло с Канадой знаменитый и крайне важный для последней «Договор о взаимности» (1854 г.). Он предполагал свободную, без таможенных платежей, торговлю продуктами аграрного производства и некоторыми видами сырья, регулировал взаимное использование приграничных водных путей и каналов, оговаривал взаимные права пользования территориальными водами друг друга. Конечной целью американской дипломатии была дестабилизация канадской экономики и понуждение своего северного соседа к интеграции с Соединенными Штатами. Тактическая линия действий американских дипломатов получила широкую поддержку в прессе [1, с. 293]. В то же время не все предприниматели одобряли этот разрыв. К примеру, бизнес Новой Англии, напротив, был заинтересован в беспошлинном импорте дешевого канадского угля и соли. Владельцы многих крупных предприятий обрабатывающих отраслей стремились на емкий канадский рынок с целью реализации своей готовой промышленной продукции и считали надежды на вхождение Канады в состав США при помощи «экономической блокады» «пустой иллюзией».

Несмотря на существование различных оценок в США, перед канадцами открылись две перспективы: предложить американцам новые выгодные условия для возобновления договора, которые впоследствии могли привести к формированию единого экономического, а в перспективе – и политического пространства; либо создать единый внутренний канадский рынок путем стимулирования процесса национально-политического объединения отдельных провинций Британской Северной Америки. Разрешение данной дилеммы в немалой степени зависело от метрополии – Великобритании. В Лондоне после напряженнейшей политико-дипломатической борьбы победу одержала та часть элит, которая предпочла расширить самостоятельность Канады при сохранении последней в составе метрополии, нежели утратить ее совсем в результате антиколониального мятежа, либо аннексии со стороны США. В результате был подписан знаменитый Акт о Британской Северной Америке (1867 г.), предусматривавший предоставление Канаде статуса доминиона и расширение прерогатив созданной на ее территории конфедерации, в состав которой вошли Онтарио, Квебек, Нью Брансуик и Новая Шотландия. За пределами доминиона остались провинции Ньюфаундленд, остров принца Эдуарда и Британская Колумбия, а также огромная территория, находившаяся во владении Компании Гудзонова залива [4, с. 208]. Крайне показательно, что еще до ратификации Акта (1867 г.) в Конгресс США стали поступать резолюции, требовавшие от президента выступить с протестом против консолидации канадских провинций в единую конфедерацию под управлением британской

короны. Ряд дипломатов и военачальников напрямую угрожали, что это приведет к столкновению с Великобританией [7, с. 392].

Создание доминиона не исчерпало аннексионистских настроений в США, чему в немалой степени способствовало то, что значительная территория Британской Северной Америки оставалась вне юрисдикции канадского правительства. Важно подчеркнуть, что при этом изменились тактические приемы, при помощи которых американская дипломатия стремилась добиться намеченной цели. Наиболее показательными из них стали эскалация в своих интересах сепаратистских настроений в ряде канадских территорий; вмешательство в ход восстания на Ред-Ривер (территория Компании Гудзонова залива); план «уступки» Великобританией Канады Соединенным Штатам в обмен на отказ последних от материальной компенсации ущерба, нанесенного Великобританией Северу во время Гражданской войны (так называемых «алабамских претензий»). Кратко охарактеризуем первые два, так как третий из них должен быть темой самостоятельной статьи.

Движения в пользу сближения с США в 1860-е гг. существовали во многих канадских провинциях. Их поддерживали торговцы, предприниматели, судовладельцы, опиравшиеся на часть рабочих угольной, лесной, рыбной и других отраслей, ориентированных на экспорт в США и серьезно пострадавших от денонсации Вашингтоном Договора о Взаимности (1854 г.). В них участвовало до трети населения в Новой Шотландии, Британской Колумбии и ряде других регионов [6, с. 82]. Представители этих движений направляли петиции с просьбами о принятии их территорий в состав США, в Новой Шотландии была создана Аннексионистская лига (1870), убеждавшая население в необходимости выхода из конфедерации и заключения политического союза с США. Несмотря на поддержку Вашингтоном подобных организаций, их влияние постепенно сошло на нет, а вместе с этим потерпел фиаско и один из приемов американской дипломатии.

Также не увенчалась успехом и попытка прямого вмешательства в довольно известное восстание на р. Красной (Ред-Ривер) – на Северо-Западе Британской Америки. Эти земли не вошли в состав доминиона и долгое время принадлежали британской Компании Гудзонова залива. В 1869 г., после сложных переговоров с конфедерацией, Компания отказалась от притязаний на канадский Запад за громадный выкуп, но при передаче земель были полностью проигнорированы права проживающего там населения, что и привело к восстанию в районе слияния рек Ассинибойн и Красная (ныне здесь стоит Виннипег, являющийся «воротами» на канадский Запад). Восставшие под руководством Л. Риля создали Временное правительство и выступили против присоединения к доминиону без гарантии права на самоуправление. В район Ред-Ривер государственным департаментом США были направлены секретные миссии, Л. Рилю и его сторонникам предлагалась материальная помощь, услуги посредничества между восставшими и доминионом. Сенатор З. Чендлер даже потребовал начать переговоры «…с народом Виннипега о вхождении

этого района в состав США в качестве территории или штата» [7, с. 931]. Таким образом, адепты присоединения новых территорий стремились превратить враждебность к Канаде в дружественное отношение к США. Эти попытки в конце концов провалились – влияние американского консула в Виннипеге генерала О. Мальмроса на восставших стало постепенно не только ослабевать, но и превратилось в открытую неприязнь к американским агентам [2, с. 110]. Почему? Активный экспансионизм США стал толчком к ряду финансовых и иных уступок территориям Северо-Запада со стороны британского и канадского правительств, перешедших от тактики прямого давления к политике лавирования и компромиссов. В результате восставшие и их сторонники приняли решение войти в состав конфедерации на правах провинции (1871 г.), в связи с чем в основном завершился процесс реального создания доминиона.

Итак, как это ни парадоксально, но, в значительной мере, американские экспансионистские устремления имели результат, противоположный предполагаемому, подтолкнув образование доминиона и, в конечном итоге, сплочение канадских провинций в единый политический организм. Американская дипломатия использовала самые разнообразные по характеру и тактическому содержанию приемы вовлечения Канады в орбиту своего экономического и политического доминирования, но ни одному из них во второй половине 60-х – начале 70-х гг. XIX в. не сопутствовал успех.

Источники и литература:

1. Райерсон, С.Б. Неравный Союз. История Канады, 1815–1873 / С.Б. Райерсон. – М. : Прогресс, 1970. – 398 с.

2. Callahan, J.M. American Foreign Policy in Canadian Relations / J.M. Callahan. – N. Y. : Holt, 1967. – 370 p.

3. Dennet, T. Seward's Far Eastern Policy / T. Dennet // The American Historical Review. – 1922. – Vol. 28. – October. – P. 45–62.

4. Shippee, L.B. Canadian-American Relations 1849–1874 / L.B. Shippee. – N. Y. : Russell and Russell, 1970. – 514 p.

5. Sumner, Ch. Works of Charles Sumner : in 15 vols. / Ch. Sumner. – Boston : Lee & Shepard, 1870–1883. – Vol. 11. – 673 p.

6. Warner, D.F. The Idea of Continental Union: Agitation for the Annexation of Canada to the U.S. 1849–1893 / D.F. Warner. – Lexington : Univ. of Kentucky Press, 1960. – 276 p.

7. U.S. Congress. Congressional Globe, 1865–1873 : in 16 vols. – Washington : Government Printing Office, 1865–1873. – Vol. 7. – 1073 p.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ О ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СОЮЗНИКАХ РОССИИ В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И.Р. Чикалова (Минск)

Сложившийся расклад сил и интересов к началу XX века вынуждал Россию определиться со своим местом в противоречивой системе европейских международных отношений, как говорили тогда, «концерте держав».

В конечном счете, выбор приоритетов сводился к ориентации либо на Францию и Великобританию, которые после серии соглашений 1890, 1896, 1899 гг. о разделе сфер влияния в Индокитае и Африке в 1904 г. заключили договор «Сердечного согласия», либо на противостоявшую им Германию, находившейся с 1879 г. многолетнем союзе с Австро-Венгрией, и присоединившейся к ним в 1882 г. Италии – тем самым Тройственный союз держав завершил свое оформление. Прагматично мыслившие исследователи геополитических проблем того времени И.И. Дусинский [1], Р.Р. Розен [9, с. 27] полагали, что в сложившейся конфигурации международных игроков избежать вступления в один из военно-политических блоков невозможно, но вступив в него, следует руководствоваться интересами одной только России и не подчинять внешнеполитический курс интересам любого блока, будь-то англо-французский или германо-австрийский.

Что же Россия? Россия имела договор с Францией, оформившийся в 1891–1893 гг. Эта дипломатическая комбинация, в оценке Е.В. Тарле, от первых дней своего существования являлась «взаимным страхованием обеих держав от германской опасности», и благодаря этому была «прочной и жизнеспособной, несмотря на все препятствия и противоборствующие течения, обнаружившиеся и в обеих странах, и в наиболее заинтересованных посторонних державах» [11, с. 105]. В 1904 г. Россия вступила в войну с Японией, которую поддержала Англия. В то же время углем эскадру адмирала Рождественского снабжала Германия – без этой поддержки вряд ли был возможен ее поход на Дальний Восток.

На таком фоне императорский двор давал поводы полагать, что возможен и даже желателен союз с Германией, с которой положительные контакты и союзы имели свою историю, и идея их продолжения в России располагала немалым числом приверженцев. Вильгельм II всячески этому способствовал. Династические родственные отношения между домами Гогенцоллернов и Романовых приводили к достаточно частым встречам между двоюродными братьями – императорами Вильгельмом II и Николаем II. Германский император попытался использовать одну из таких встреч как инструмент личной дипломатии.

В ходе одной из них возле небольшого острова Бьёрке у финского побережья Вильгельм II и Николай II на императорской яхте «Штандарт» 24 июля 1905 г. подписали договор о союзе, составленный немцами. О существовании его на протяжении трех месяцев не знал даже министр иностранных дел России В.Н. Ламздорф, а когда узнал, то «не мог поверить своим глазам». По условиям договора Россия и Германия обязывались оказывать друг другу вооруженную помощь в случае нападения на кого-либо из них одной из европейских держав. Главную цель Бьёркского договора германская дипломатия видела в разрушении российско-французского союза. Кроме того, созданием континентального блока Германия намеревалась изолировать Англию, разорвать и англо-французские связи.

Обязательства России перед Германией по Бьёркскому договору находились в полном противоречии с условиями русско-французского соглашения 1891–1893 годов. Да и после заключения мира с Японией Россия меньше зависела от Германии. Наоборот, ей нужен был заем, который могли дать французские и английские банки. Бьёркский договор сделал бы это невозможным. В силу указанных причин договор не вступил в силу, а в 1907 г. во время свидания российского и германского императоров на рейде у Свинемюнде российская дипломатия добилась, чтобы договор «рассматривался как совершенно уничтоженный» [4, с. 476, 620–621]. Отказ России от Бьёркского соглашения с Германией и сохранение ее союза с Францией объективно отбрасывали Германию в лагерь противников России.

Что касается отношений России с Великобританией, то они традиционно отличались напряженностью, а значительная часть российского общества была пропитана англофобией. Ее широкое распространение и устойчивый характер имели свои основания. В общественной памяти даже в начале XX в. прочными были воспоминания о русско-британском враждебном противостоянии на протяжении всего XIX в. в Центральной Азии и на Среднем Востоке, Крымской войне, неприкрытой враждебности Великобритании в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Последующие двухсторонние отношения также не были безоблачными: в Русско-японской войне 1904–1905 гг. антирусская политика поддержавшей Японию Англии давала основания для резкого недовольства и критических выступлений. Эти нюансы отметил известный англовед того времени А.Н. Савин в работе «Англо-русское сближение в связи с образованием Тройственного согласия»: «Отношения России с Англией начались давно, триста шестьдесят два года тому назад, но англо-русская близость очень молода: ей нет еще и десяти лет» [10, с. 107].

В отличие от длительной истории тесных взаимовыгодных контактов с Германией, период англо-русского сближения начался только после русско-японской войны и революции 1905–1907 гг., когда потеряли почву английские опасения относительно русской гегемонии в Азии, а главное – в Европе перед Англией возникла угроза устрашающего роста немецкой военно-политической и хозяйственной мощи. 31 августа 1907 г. было подписано русско-английское соглашение, оно урегулировало отношения в Персии, Афганистане и Тибете, но его значение вышло далеко за рамки колониальных вопросов. Как писал известный историк А.Н. Савин, «Англо-русская вражда кончилась, началась англо-русская дружба и тесно переплелась с дружбой англо-французскою. 31 августа 1907 года родилось тройственное согласие наших дней» [10, с. 147].

Однако, несмотря на подписание соглашения в среде российских консерваторов англофобия не исчезла. Ее вызывало не только традиционное отсутствие доверия к политике Англии, но также неприятие английского политического устройства, английской модели конституционализма

и парламентаризма, что побуждало консерваторов настороженно относиться к британской внешнеполитической стратегии и русско-английскому союзу из-за опасения гипотетически возможного перенесения английских политических порядков на российскую почву. Поэтому намерения улучшить отношения с Англией и установить с нею военно-политический союз в правительственных сферах и в кругах консервативно настроенной общественности разделяли далеко не все.

Среди тех, кто предсказывал трагические, по их мнению, последствия разрыва с Германией и соглашения с Англией, были многие видные представители российской военно-политической элиты. Непримиримость англо-русских противоречий они выводили из предположения о противостоянии морского (Англии) и континентального (России) государств. Так считал дипломат и публицист Ю.С. Карцов, который утверждал: «С конца XVIII столетия, опасаясь усиления и соперничества России на море, Англия перестает быть другом России и становится ее врагом... исторический враг России – Англия» [7, с. 16–17, 19]. Намерения же сблизиться с Россией объяснялись стремлением найти противовес торговой и военной экспансии Германии. «Но государственные интересы России, утверждал Карцов, требуют союза не с Англией, а с Германией, ибо война России с Германией привела бы к печальным результатам, ослабила бы не только Россию, но даже и всю континентальную Европу, и мало того, – чрезмерно усилила бы господство Англии» [8, с. 96].

Эту концепцию активно поддержали традиционалисты, в частности, один из идеологов «Русского народного союза» Г.В. Бутми, депутат Государственной Думы Н.Е. Марков. Последний заявлял, что задача Лондона – «поссорить Россию с Германией». Англии выгодно, чтобы «Россия с Германией воевали, ибо они разобьют себе, во всяком случае, лбы, а Англия будет только усиливаться». По мнению Маркова «при тех или других осложнениях, от дружбы с Англией мы реально почти ничего ожидать не можем. А вот дружбу с Германией мы постепенно растрачиваем и эта дружба на деле японской войны нам давала серьезные доказательства своей реальности» [5].

Решительным противником внешнеполитической ориентации на Великобританию был А.Е. Вандам. Его опыт успешного разведчика способствовал созданию аналитических трудов. В 1912 г. Вандам (в 1910–1913 гг. он находился в запасе) опубликовал в Санкт-Петербурге труд «Наше положение» [2], а год спустя – работу «Величайшее из искусств» [3]. В них, анализируя международное положение, он резко критиковал внешнюю политику Англии и делал прогнозы на будущее. В отличие от большинства русских военных аналитиков начала XX столетия, Вандам, исходя из концепции противостояния континентальной и морской держав, главным противником Российской империи видел Великобританию. Он предрекал, что конец столетия станет «торжеством англосаксонской расы на всем земном шаре», если славянские народы не вступят с британцами в борьбу за «место под солнцем».

Он полагал необходимым создание в Европе коалиции сухопутных держав в составе России, Германии и Франции, направленной против «утонченного деспотизма Англии», полагая, что таким образом Россия смогла бы облегчить решение своих геополитических задач. Среди них – стать «такой же морской державой на Тихом океане, как Англия на Атлантическом», закончив «наступление через Сибирь выходом к Желтому морю».

Позиция традиционалистов, выступавших за союз с Германией и развивавших идею континентального блока, была изложена лидером группы правых в Государственном совете Петром Николаевичем Дурново в записке императору Николаю II, поданной ему в феврале 1914 года [6]. «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится… Даже победа над Германией сулит России крайне неблагоприятные перспективы» [6, с. 194, 199]. Будущее для России Дурново видел не в Антанте, а в тесном сближении с Германией, примиренной с ней Францией и связанной с Россией оборонительным союзом Японией [6, с. 199].

«Записка Дурново» не вызвала практической реакции вечно колеблющегося императора, была оставлена без ответа и отправлена в канцелярию. При этом, если верить свидетельству гросс-адмирала А. фон Тирпица, «сам Николай II был настроен в пользу Германии»: «Николай II, который в одной из бесед со мною сказал по собственной инициативе: “Гарантирую вам, что я никогда не буду воевать с Германией”, в 1914 году также не желал войны с нами» [12, с. 196, 199].

Время показало, что Дурново, предупреждая императора об опасностях военно-политического сближения с Англией и предсказывая социалистическую революцию в России, оказался пророчески прав. Но это стало ясным только в будущем. Тогда взгляды Дурново и его единомышленников разделяли далеко не все, ориентация на укрепление союза с Великобританией сохранилась. С приближением же большой войны в публикациях периодической печати все большее место начали занимать материалы, формирующие образ Германии, как противника, и делающие прогнозы относительно характера будущих военных действий. В марте 1914 г. началась настоящая русско-германская «газетная война». И хотя, считая дальнейшее нагнетание напряженности несвоевременным, ведомства иностранных дел обоих государств приняли меры к прекращению полемики, «газетная война» способствовала нарастанию в общественном настроении (это относится как к Германии, так и к России) взаимных антипатий, психологически готовила массы к позитивному восприятию с позиций национального патриотизма предстоящее объявление войны.

Источники и литература:

1. Арктур [Дусинский И.И.] Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики: [Т. 1]– / Арктур. – Одесса : газ. «Рус. Речь», 1908 (обл. 1910). – 539, [7] с.

2. Вандам, А.Е. Наше положение / А.Е. Вандам. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1912. – 204 с.

3. Вандам, А.Е. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии / А.Е. Вандам. – СПб. : Тип. т-ва А.С. Суворина, 1913. – 53 с.

4. Витте, С.Ю. Воспоминания : [В 3 т. / Вступ. статья и общая ред., коммент. и указатели д-ра ист. наук проф. А.Л. Сидорова] / С.Ю. Витте. – М. : Соцэкгиз, 1960. – Т. 2: Царствование Николая II. – 1960. – 639 с.

5. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 год. Сессия 2-я. Т. 1. Заседания 76–97 (с 7 по 24 мая). – СПб. : Гос. типография, 1914. – 1928 с.

6. Дурново, П.Н. Записка Дурново со вступительной статьей Мих. Павловича / П.Н. Дурново // Красная новь. Литературно-художественный и научно-публицистический журнал. – 1922. – № 6 (10). – С. 178–199.

7. Карцов, Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России) / Ю. Карцев. – СПб. : тип. «С.-Петерб. вед.», 1908. – 47 с.

8. Карцов, Ю.С. Англия, Россия и Германия. Доклад 13 января 1912 г. в Главной палате Русского народного союза имени Михаила Архангела) / Ю.С. Карцов // Правые партии. 1911–1917 годы. В 2 т. – М. : РОССПЭН, 1998. – Т. 2. – С. 96–97.

9. Розен, Р.Р. Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 года, в предвидении приближения мировой войны и грозящей России катастрофы, и сообщенный Правительству в октябре того же 1912 года / Р.Р. Розен. – Пг. : тип. А. Бенке, 1917. – 40 с.

10. Савин, А.Н. Англо-русское сближение в связи с образованием Тройственного согласия / А.Н. Савин // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. – М. : Д.Я. Маковский, 1916–1917. – Т. I. [1916]. – Вып. 2. – С. 106–152.

11. Тарле, Е.В. Франко-русский союз / Е.В. Тарле // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. – М. : Д.Я. Маковский, 1916–1917. – Т. I. [1916]. – Вып. 2. – С. 73–105.

12. Тирпиц, А. Воспоминания / А. Тирпиц. – М. : Воениздат, 1957. – 656 с.

Р А З Д Е Л 2
СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1918–1939 гг.). ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 гг.)

ФЕДЕРАЛИСТСКИЕ ПРОЕКТЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВОСТОК ПОЛЬШИ» В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ

А.А. Курганский (Калининград)

Польский политический журнал «Восток Польши» (польск. «Wschód Polski») – печатный орган общественно-политической организации «Страж Кресова» (польск. «Straż Kresowa», «Towarzystwo Straży Kresowej»), которая выступала за воссоединение земель Польши и бывшего Великого княжества Литовского, а также активно поддерживала федералистский проект Юзефа Пилсудского, который он пытался претворять в жизнь, находясь на посту начальника государства. Журнал издавался сначала в Вильно, а потом в Варшаве, выходил с 1920 по 1922 и в 1924 г., всего было выпущено 29 номеров с периодичностью 1–2 раза в месяц [17].

Настоящая статья посвящена проектам создания федерации на восточных границах Речи Посполитой после Первой мировой войны, о чем написано немалое количество работ [3–4; 7; 14].

Цель настоящей статьи – на основе анализа публикаций журнала «Восток Польши» выяснить содержание, предполагаемые формы и способы реализации федералистских проектов после обретения Польшей независимости.

Организация «Страж Кресова» существовала с 1918 по 1927 г. Она была создана в Люблине с целью недопущения потери польского контроля над Холмщиной и Подлясьем в случае заключения Брестского мира. Позже ее полем деятельности стали все «восточные кресы» – территории Литвы, западных Украины и Белоруссии в составе Второй Речи Посполитой. Организация занималась политической, образовательной и агитационной деятельностью прежде всего среди непольского населения, чтобы способствовать интеграции этих земель посредством их полонизации.

Главным редактором журнала и одним из его постоянных авторов был Болеслав Сроцкий (1893–1954) – польский политик, депутат Сейма и один из учредителей «Стражи Кресовой». Помимо него в журнале публиковались известные польские интеллектуалы и члены «Стражи Кресовой»:

Леон Василевский (1870–1936) – политик-социалист, историк, близкий соратник Ю. Пилсудского и министр иностранных дел Польши в 1918–1919 гг.; Оскар Халецкий (1891–1973) – историк, профессор Варшавского университета, специалист по Ягеллонской идее, бывший экспертом польской делегации на Парижской мирной конференции; Титус Комарницкий (1896–1967) –историк, юрист и дипломат; профессор Антони Суйковский (1867–1941) – географ, государственный деятель, одно время занимавший пост министра по делам религиозных конфессий и многие другие. В журнале много материалов печаталось анонимно или было подписано только инициалами, которые пока остаются нераскрытыми.

Тематика журнала «Восток Польши» отражала деятельность организации и касалась различных политических, экономических, военных, международных, исторических, культурных, религиозных и других вопросов регионального развития. В сферу интересов издания, помимо восточных областей Польши, входили Белоруссия и Украина, три Прибалтийские республики, а также Финляндия. Большое число публикаций посвящалось большевистской России, ее современной политике в польском вопросе с пространными историческими экскурсами в историю. Последние касались различных аспектов польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг., разоблачали русификаторскую политику. Для анализа внешней политики Польши большой интерес представляют постоянные рубрики журнала: хроника международной жизни, обзоры польской и зарубежной прессы, фронтовые сводки о ходе Советско-польской войны и отчеты о деятельности «Стражи Кресовой».

История прессы традиционно является объектом исследования польских историков [11; 13], в историографии также достаточно хорошо изучена деятельность «Стражи Кресовой» [5–6; 8; 12; 18–19], однако такой интересный источник, как журнал «Восток Европы» привлекал еще мало внимания, хотя имеются публикации о биографиях некоторых из создателей и авторов журнала [1–2; 10].

Всего было выявлено свыше 40 публикаций, так или иначе затрагивающих федералистскую тематику разных жанров: исторические очерки, аналитические обзоры, текущие заметки о политической жизни, отклики на международные события и т.п.

Прежде всего обращает на себя внимание авторов к историческим аргументам в обосновании федералистских проектов, которые сводятся к тому, что польское государство – это возрожденная Речь Посполитая и оно должно обрести границы 1772 г. [9, № 3, s. 1–2]. О. Халецкий сравнивает возвращение утраченных польских территорий с обретением Францией незаконно отторгнутых от нее Эльзаса и Лотарингии [9, № 3, s. 2]. Он также отмечает, что территориальные приобретения Польши были результатом не захвата силой, а вытекали из мирных соглашений, наподобие Кревской унии 1386 г. и Люблинской унии 1569 г. Последнюю автор считает не утратившей силу, так как ее действие было прекращено иностранным

вмешательством в эпоху разделов [9, № 3, s. 3]. Часто и пространно рассуждая об исторических традициях, О. Халецкий и другие публицисты не всегда увязывают их с реалиями первой четверти XX в.

От Люблинской унии, породившей федералистскую традицию, часто перебрасывается мостик к современной геополитике. Утверждается, что все народы на обширном пространстве между Россией и Германией заинтересованы в объединении для совместной защиты от угроз с Востока и Запада [9, № 3, s. 5].

Особое беспокойство вызывает будущее независимой Литвы, отмечается ее слабый военный потенциал и неизбежное подчинение во внешней политике России или Германии. «Ни русский, ни немецкий союз с Литвой, – пишет А. Суйковский, – не может быть нейтральным по отношению к Польше, по крайней мере, из-за значительного польского меньшинства, проживающего на этнической литовской территории» [16, № 2, s. 2]. Создание федерации, усиленной системой союзов с Румынией, Венгрией и Югославией, способно обеспечить Польше и союзным с ней странам успешное противостояние двум доминирующим державам региона – России и Германии [17, 1920, № 4, s. 18]. Эта аргументация была особенно актуальной в контексте того, что Польша в тот момент вела войну с Россией и имела неурегулированные территориальные споры с Германией.

Экономико-географические аспекты проекта федерации касаются заинтересованности всех участников в обеспечении выхода к Балтике, в том числе через Литву по течению Немана [16, № 2, s. 1]. А. Суйковский, оставляя за каждой частью федерации самостоятельность в экономических вопросах, указывает, что должна быть согласована общая таможенная политика [16, № 3, s. 17]. Отмечая естественную заинтересованность малых стран в сотрудничестве друг с другом, он приводит высказывание одного из делегатов Парижской мирной конференции: «Малой лиге великих наций должна противостоять великая лига малых наций» [16, № 3, s. 20].

Этно-культурный и конфессиональный аспекты объединения во многом также пронизаны историческими сюжетами. В публикациях журнала много места отводится критике самодержавия, подавлявшего польскую культуру и язык, но не сумевшего добиться их исчезновения [9, № 3, s. 3–4]. Авторы отмечают, что Литва, Западная Белоруссия и правобережная Украина должны согласиться на вхождение в федерацию в силу присутствия там многочисленного польского элемента и католического населения. При этом вопрос о восточных областях Белоруссии и Украины и праве наций на самоопределение в публикациях, как правило, стыдливо обходился стороной. Пожалуй, только О. Халецкий отмечает, что этническая граница между белорусами и русскими проходит как раз по границе раздела 1772 г. и, если к ней вернуться, это не нарушит права наций на самоопределение. По его мнению, особенность Украины заключается в том, что национальное самосознание там развито сильнее,

чем в Белоруссии, и из-за этого Польша будет вынуждена признать независимость Украины, чтобы последняя вступила в федерацию [9, № 4, s. 4–5].

Что касается состава федерации, то, по мнению разных авторов, в нее должны входить разные территории: Халецкий настаивает на границе до 1772 г., Суйковский готов ее расширить на все территории Литвы, Украины и Белоруссии, а также заключить союз с независимыми Эстонией, Латвией, Финляндией, Румынией и даже Кавказом. Отмечается также, что Польша должна создать «великий союз», который бы простирался от Балтики до Адриатики и Черного моря и который бы включал Вольный город Гданьск и Восточную Пруссию [9, № 4, s. 10; 17, 1920, № 4, s. 19]. С 1921 г., после заключения Рижского мира, на страницах журнала остаются в основном только проекты федерации с Литвой, призванные «соединить Вильно и Ковно» [15; 17, 1921, № 4–5, s. 204–207; 17, 1921, № 6–7, s. 311–316].

Авторы журнала в полной мере отдавали себе отчет в сложности реализации федералистского проекта. Будучи людьми достаточно прагматичными в своих оценках, они отмечают, во-первых, их планы не пользуются всеобщей поддержкой, даже на Западе Польше дают понять, что ей необходимо «умерить амбиции на Востоке» и строить свою границу исключительно по этнографическому принципу, т.е. примерно по восточной границе Царства Польского и Западной Галиции. Во-вторых, прошедшие с 1772 г. годы серьезно изменили реалии на всех восточных территориях бывшей Речи Посполитой и будет очень трудно восстановить их былое единство. В-третьих, Литва, Белоруссия и Украина хотят строить и развивать собственные национальные государства и не выражают большой заинтересованности в федерации с Польшей. Помимо всего прочего Халецкий отмечает, что если Польша вследствие мирного договора с Россией поделит с ней земли Белоруссии и Украины, то это вызовет серьезнейшие противоречия, которые в будущем непременно дадут о себе знать [9, № 4, s. 3]. В целом на страницах журнала федералистский проект разрабатывался и обосновывался, исходя из польских интересов на Востоке. Пик публикаций по этой теме пришелся на 1920 г., когда шла Советско-польская война и можно было строить масштабные внешнеполитические планы. Практические шаги по созданию федерации в журнале не обсуждались, видимо в силу того, что авторы статей понимали сложность реализации проекта, но все же верили в него и громогласно пропагандировали, несмотря на явную утопичность.

Источники и литература:

1. Булахтин, М.А. Обращение польского историка Оскара Халецкого к американской общественности в 1919 году: из истории идейно-политической борьбы за восточные границы Польши / М.А. Булахтин // Вестник Прикамского социального института. – 2017. – № 3 (78). – С. 123–127.

2. Королёв, Г. Antemurale польской историографии: Оскар Халецкий о ягеллонской идее, федерализме и пограничье Запада / Г. Королёв // Ab Imperio. – 2015. – № 2. – С. 363–384.

3. Мезга, Н.Н. Проблема становления восточной границы Польши в исследованиях польских историков межвоенного времени / Н.Н. Мезга // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2013. – Вып. 8. – С. 233–238.

4. Симонова, Т.М. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 / Т.М. Симонова // Новая и новейшая история. – 2002. – № 4. – С. 47–63.

5. Cabaj, J. Geneza i pierwszy rok działalności Towarzystwa Straży Kresowej w Chełmszczyźnie i na Podlasiu / J. Cabaj // Dzieje Najnowsze. – 1995. – T. 27, № 4. – S. 15–25.

6. Ciancia, K. The Local Boundaries of the Nation: Borderland Guard Activists in Polish-Occupied Volhynia, 1919–1920 / K. Ciancia // Slavic Review. – 2019. – Vol. 78, № 3. – P. 671–693.

7. Dziewanowski, M.K. Joseph Pilsudski: A European Federalist, 1918–1922 / M.K. Dziewanowski. – Stanford : Hoover Institution Press, 1969. – 379 p.

8. Gierowska-Kałłaur, J. Straż Kresowa wobec kwestii białoruskiej: deklaracje i praktyka / J. Gierowska-Kałłaur // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. – 2009. – T. 44. – S. 21–63.

9. Halecki, O. Granica z roku 1772 a nasz program obecny / O. Halecki // Wschód Polski. – 1920. – № 3. – S. 1–6; № 4. – S. 1–11.

10. Juzwenko, A. Leon Wasilewski's Hopes for Federalism / A. Juzwenko // Wilsonian East Central Europe: Current Perspectives / edited by J. S. Micgiel; Piłsudski Institute in New York. – New York, 1995. – P. 55–64.

11. Kolasa, W. M. Kierunki badań nad historią prasy polskiej 1918–1939. Cz. 1. Tendencje rozwojowe, typologia / W. M. Kolasa // Rocznik Historii Prasy Polskiej. – 2011. – T. 14, Z. 1–2. – S. 5–55.

12. Kornat, M. Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939) : w 2 t. / M. Kornat. – Kraków : Ksiegarnia Academicka, 2003–2004. – T. 1. – 379 s. – T. 2. – 398 s.

13. Łojek, J. Dzieje prasy polskiej / J. Łojek, J. Myśliński, W. Władyka. – Warszawa : Interpress, 1988. – 234 s.

14. Okulewicz, P. Koncepcja "Międzymorza" w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918–1926 / P. Okulewicz. – Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2001. – 418 s.

15. Srocki, B. O polski program państwowy / B. Srocki // Wschód Polski. – 1922. – № 1–3. – S. 1–11.

16. Sujkowski, A. Nasze sprawy na Wschodzie / A. Sujkowski // Wschód Polski. – 1920. – № 2. – S. 1–7; № 3. – S. 16–20.

17. Wschód Polski. – Wilno; Warszawa. – 1920–1922, 1924. – № 1–29.

18. Zielińska, N. Towarzystwo Straży Kresowej, 1918–1927 / N. Zielińska. – Lublin : Verba, 2006. – 243 s.

19. Zielińska, N. Prasowe inicjatywy wydawnicze Towarzystwa Straży Kresowej w latach 1918–1922 / N. Zielińska, T. Zieliński // Studia Bibliogiczne Akademii Świętokrzyskiej. – 2003. – T. 7. – S. 63–81.

АНТИСЕМИТИЗМ ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ КАК ОДНА ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ПОЛЬСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

А.В. Макушин, Д.В. Суржик (Москва)

Современный польский официальный взгляд на события 1939–1945 годов построен на выстраивании образа «жертвы двух диктаторов». Для создания этого образа исторические факты, которые не вписываются в него, стремятся придать полному забвению. Одним из таких фактов стало участие граждан бывшей Польской республики, польского и не польского этнического происхождения в Вермахте, подразделениях СС, полиции, военизированных организациях и «добровольных помощников» – «хиви».

Завоевательные и колониальные планы Адольфа Гитлера опирались не только на немцев: рейхсдойчей – оставшихся в Германии по итогам Версальского договора 1919 г., и фольксдойчей – немецкой диаспоры за рубежом. Стремление фюрера к гегемонии в Европе опиралось на большую массу добровольцев из «арийских народов» в начальный период Второй мировой войны, а после 1943 года – на всех, кого могли «поставить под ружьё». Польша, как и другие завоёванные нацистами территории, не избежала феномена сотрудничества с врагом (коллаборационизма). Чем было обусловлено предательство национальных интересов на примере бывших граждан второй Речи Посполитой? Какими были мотивы, основные формы и число пособников оккупантов?

Одной из предпосылок сотрудничества с нацистскими оккупантами была общность во взглядах, в частности – на «еврейский вопрос». Согласно переписи 1931 г., 3 130 581 граждан Польши обозначили свое вероисповедание как иудаизм. К 1 сентября 1939 г. это число выросло и по мнению некоторых авторов составляло 3 474 тысячи человек, или около 10% населения республики. Они проживали преимущественно в городах (77%), а 23% – в сельской местности. Согласно той же переписи, 79% иудеев назвали своим основным языком идиш, 12% – польский язык и 9% – иврит. Большинство евреев традиционно проживало в восточных районах, где они составляли от 50% до 70% горожан. Евреи были заняты в мелкотоварном производстве, торговле, отчасти – в сельском хозяйстве и «свободных профессиях». 22% польских журналистов, 33 юристов, 43% учителей и 56% врачей были евреями [12; 20, p. 27–28; 21].

Современная официальная польская историография стремится представить антисемитизм во второй Речи Посполитой как следствие «темного наследия» царских времен и антибольшевистской пропаганды российских белогвардейских офицеров. Именно так Е. Томашевский изображает предпосылки крестьянского бунта 1918–1919 гг., разгоревшегося вблизи Жешува против евреев, помещиков и государственной власти. Отметим, что тот же

Е. Томашевский в более ранних трудах не стеснялся говорить о дискриминационных мерах польских властей в отношении евреев, оговаривая, что последние носили спорадический, а не системный характер [19, s. 205–206]. Доктор Гжегшож Мотыка из Института национальной памяти откровенно признает ответственность поляков в начале Волынской резни. По его сведениям, этнический конфликт начался с убийства 624 чехов и 124 украинцев в городке Малин, которое совершили нацисты вместе с польской «синей полицией» в июле 1943 г. в ходе карательной операции [18]. Иностранные историки более свободно говорят о широком распространении антисемитизма в межвоенной Польше. Так, У. Хаген, основываясь на мемуарах Невилла Хаски, делает вывод, что основной польской политической силой, выражавшей антисемитизм, была Национально-демократическая партия Р. Дмовского. Впрочем, как показывает Хаген, и без участия НДП режим «пилсудчиков», вел последовательную политику по отчуждению евреев из общественной, политической и экономической жизни страны.

28 июня 1919 г. польские представители подписали «Версальское соглашение», 93-я статья которого гласила: «Польша принимает… постановления… для защиты интересов жителей, отличающихся от большинства населения по расе, языку и религии» [2, с. 45]. Именно религия (наряду с языком) стала той основой, на которой радикальные польские политики собирались построить свою государственность. Религиозный мистицизм пронизывал польскую политическую публицистику межвоенных лет. При этом главное место отводилось аллюзии на воскресшего после распятия Христа, под которым понимали возродившую свою государственность Речь Посполитую. Все ее враги неизменно обретали черты мистического зла, а борьба с ними обретала апокалиптичный характер.

Поэтому в том же году, когда Польша подписала Версальский мир с указанными выше гарантиями, Варшава их нарушила. С государственных железных дорог были уволены сотрудники еврейской национальности. Население второй Речи Посполитой с момента возникновения подвергалось активной националистической и антисемитской пропаганде, которая усилилась в середине 1930-х гг. Антисемитизм выражался также в широко развитом «образовательном апартеиде». В межвоенной Польше он получил название «гетто за партами» (getto ławkowe), когда для студентов-евреев выделяли в особые места в университетских аудиториях. Первыми до этого додумались в Львовской политехнической школе в 1935 году, а к 1937 году эту меру ввели во всех университетах при активной поддержке министерства образования.

Главным выразителем антисемитизма в Польше была Национально-демократическая партия Р. Дмовского (Национально-демократический союз или Национальная партия, а позднее – «Лагерь Великой Польши»). Партия входила в правительственную коалицию вплоть до 1926 г. и являлась проводником крайних форм ассимиляции национальных меньшинств.

По мнению эндеков, национальные диаспоры являлись конкурентами полякам, и должны быть ограничены в своих правах по сравнению с титульной нацией. Особенно это касалось евреев, которых Дмовский требовал отделить от национальной культуры и «покончить с еврейской главой [польской] истории» [13, p. 368].

Национал-демократы опирались на мелких лавочников, крестьян, богатых фермеров, хотя полностью завоевать симпатии сельского населения им не удалось. Социальной базой партии были также «белые воротнички», в некоторой степени – католическое духовенство и, особенно после 1918 г. – на студенты, чье число стремительно росло в межвоенной Польше. После государственного переворота Ю. Пилсудского в 1926 г., НДП раскололась. Часть ее присоединилась к Пилсудскому и его Польской социалистической партии, а оставшиеся приняли полуфашистские взгляды. Единственное, что (по мнению газеты польских евреев «Наш взгляд») отличало эндеков от нацистов, было отсутствие у первых требования «арииизировать» имущество из-за бедности польских евреев.

После смерти Пилсудского, в 1935–1937 гг., пользуясь попустительством властей, эндеки провели ряд «национальных бойкотов» – погромов, сопровождавшихся убийством и ранением не менее 500 евреев и мародерством [11, p. 21]. Национальная партия на выборах 1937 г. выступала с весьма откровенным лозунгами: «Евреи – наш главный враг», «Наши главная задача и долг – убрать евреев из всех сфер общественной, экономической и культурной жизни Польши». Это означало лишение избирательных прав, создание барьеров в получении высшего образования, службе в вооруженных силах, работе в прессе и других интеллектуальных профессиях. Это также означало изгнание евреев из бизнеса, лишение их права собственности на землю. Польское государство, по мнению эндеков, должно поощрять поляков к «вытеснению» евреев из всех этих сфер и к полной «полонизации» городов с тем, чтобы выселить евреев в гетто.

В 1937 г. правительство создало партию «Лагерь национального единства» (ЛНЕ, польск. OZN или OZON). Она должна была стать социальной базой политики «санации», а также взять на себя голоса радикальных движений. Однако, завоевав большинство в Сейме, ЛНЕ, начала продвигать антисемитские законы, аналогичные тем, что принимали западные соседи Польши. Они опирались на целенаправленную государственную политику по изоляции евреев, лишая их лицензий на ведение бизнеса, крупных кредитов, налагая ограничения на их торговые фирмы. Эти шаги имели серьезные последствия, учитывая довлеющую роль государства в экономике второй Речи Посполитой. Центральная власть также отказывала в регистрации новым общественным объединениям евреев. «Лагерь национального единства», хоть, формально, и оппозиционный национал-демократам, поддержал их в проведении «национальных бойкотов» евреев.

В августе 1936 г. польское правительство распорядилось о необходимости указывать имя владельца на всех вывесках магазинов. Тем самым налицо была их принадлежность евреям и, по утверждениям некоторых исследователей, это способствовало антисемитским нападениям. 1 января 1937 г. вступил в силу закон, который позволил польскому правительству регулировать, а районным властям, где евреи насчитывали менее 3% населения – запрещать забой скота на кошерных скотобойнях. В мае 1937 г. евреи были изгнаны из польских медицинской и адвокатской ассоциаций, а в апреле 1938 г. – из Банка Польши. Но самым чувствительным был принятый «пилсудчиками» в марте 1938 г. новый закон о гражданстве. По нему 30 октября 1938 г. аннулировались паспорта тех граждан Речи Посполитой, что проживают более 5 лет за границей. Закон не был направлен напрямую против евреев, но привел к «Хрустальной ночи». Дело в том, что с 1911 г. в Ганновере проживала переехавшая с территории Царства Польского семья Зенделя и Рифки Гриншпан. В связи с наступлением нового польского закона о гражданстве Гриншпаны, равно как и 15 000 других польских евреев на территории Германии в одночасье стали лицами без гражданства и были депортированы нацистами в Польшу. Но власти Речи Посполитой отказались их принять и поместили в лагерь для перемещенных лиц в городке Збоншинь. 7 ноября 1938 г. Гершель Гриншпан, получивший открытку от родителей об их злоключениях, в порыве мести расстрелял третьего секретаря немецкого посольства в Париже Э. фон Рата. Это известие послужило поводом к серии погромов в ночь с 8 на 9 ноября 1938 г., получивших название «Хрустальной ночи», и принятию Нюрнбергских расовых законов, еще более ограничивших права немецких евреев [9; 10; 16, p. 90–91; 22, p. 179–194; 23, p. 43; 26].

Тем временем польский министр иностранных дел Й. Бек разрабатывал план выселения евреев из Польши. Следуя за идеологом антисемитизма П. де Лагардом [7], дипломат считал, что для этой цели вполне подойдет остров Мадагаскар [5]. И в этом глава внешнеполитического ведомства второй Речи Посполитой сходился с нацистским руководством [6].

Антисемитизму на государственном уровне противостояли Польские крестьянская и социалистическая партии и Бунд. Но их борьба, как отмечают американские исследователи, лишь укрепляла непримиримую позицию авторитарной власти «пилсудчиков» [13, p. 373]. Впрочем, внутренняя политика режима «санации», приводила к возникновению межнациональных конфликтов не только с еврейским, но и другими, прежде всего – с украинским и белорусским меньшинствами. Проблемы, порожденные земельной политикой на территории Западных Украины и Белоруссии, привели к увеличению польских землевладельцев и обнищанию местного населения [24, s. 102–205]. Попытки национальных меньшинств противостоять этому были пресечены полицейскими акциями, санкционированными польским руководством. Это было одной из причин быстрого поражения в ходе

германо-польской компании 1939 года. Призывники из «крессов всходних» не желали воевать за режим, который проводил ассимиляцию и стремился к уничтожению их национальной идентичности. Нацистское вторжение застало Польшу в самом разгаре борьбы вокруг «еврейского» и других национальных вопросов, которые стали важным фактором внутренней слабости второй Речи Посполитой перед внешней агрессией.

Оккупированная Третьим рейхом польская территория была разделена на две части с разным правовым статусом населения. Северо-Западная часть Польши (Познань, Катовице и польское Поморье) была декретом А. Гитлера от 8 октября 1939 г. включена в состав Германского рейха, из этих земель были образованы рейхсгау «Западная Пруссия» (2 ноября 1939 года переименовано в рейхсгау «Данциг – Западная Пруссия»), а также рейхсгау «Позен» (с 29 января 1940 года – рейхсгау «Вартеланд»).

Из этих двух рейхсгау в генерал-губернаторство было депортировано полтора миллиона поляков, место которых заняли фольксдойчи из Прибалтики и других регионов [15, p. 17]. Население этих двух рейхсгау даже не немецкого происхождения (кашубы, силезцы) признавалось равным «арийским народам» и подлежало призыву. Несмотря на миф о «немецком идеальном порядке», точных данных о бывших гражданах Польши из этих земель, которые надели мундиры цвета «фельграу» нет. Тем не менее, опираясь на современные исследования, можно составить примерное представление о численности поляков в вермахте. В авторитетном отечественном труде «Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь» говорится о 60 277 поляках в составе вермахта, плененных Красной армией [1, с. 369]. С другой стороны, немецкий историк Рольф-Дитер Мюллер «Речь идет об Эльзасе, Лотарингии, Эйпен-Мальмеди, а также о польских немцах, то есть о 8% наличного состава всех вооруженных сил Германии» [3, с. 283]. Если учесть, что всего в вермахт в годы Второй мировой войны были призваны 21 млн 107 тыс. человек, то число фольскдойчей в нем составляет примерно 1,7 млн человек. Еще определеннее о числе бывших граждан второй Речи Посполитой на военной службе Третьего рейха говорит польский профессор Ежи Кочановский: «На польских землях (в первую очередь в горах вокруг Силезии), были мобилизованы около 250 000 человек» [14, s. 309]. Они подлежали обязательному призыву по законам «О гражданине Рейха» (от 15 сентября 1935 г.) и «Об обороне» (от 16 марта 1935 г.).

В 1940–1942 годах нацисты, рассматривая польскую территорию как колонию Третьего рейха, ограничились лишь набором трудовых резервов, созданием полицейских сил из бывших польских граждан украинской национальности. Этому способствовало присоединение к генерал-губернаторству пятого дистрикта «Галиция». По некоторым сведениям, призывы восточные польские крессы дали оккупантам 5–12 тысяч украинских и 2–2,2 тысяч польских коллаборантов в ряды 202-го и 107-го полицейских батальонов [25]. Каждый из них, проведя несколько карательных

акций, показал низкую лояльность немцам, а после в связи «Волынской резней» с весны 1943 г. в них наблюдалось массовое дезертирство.

Оставшиеся в распоряжении немцев польские полицейские вошли в состав 1-го и 2-го батальонов 2-го гренадерского полка (штурмбанфюрер СС Гельмут Ганц) бригады Зиглинга [4, с. 283]. В бригаде наблюдалось массовое дезертирство поляков в «Армию Крайову».

Кроме этих добровольческих формирований из поляков нужно упомянуть «бригаду Святого Креста» (польск. «Brygada Świętokrzyska»). Сегодня ее представляют борцами за «свободу Польши», но в действительности это подразделение было сформировано из числа членов «Национально-радикального лагеря». Эта партия исповедовала крайне националистические и антисемитские взгляды, схожие с «Нюрнбергскими расовыми законами» и книгами А. Гитлера и А. Розенберга с заменой «арийской нации» на «польскую нацию».

Неудивительно, что с момента своего формирования солдаты этой бригады активно участвовали в карательных акциях против своих же соплеменников, которые придерживались коммунистических и социалистических взглядов. В январе 1945 года вступив в бои с Красной армией, «бригада Святого Креста» координировала свои действия с командованием 59-го корпуса вермахта. После этого в штаб бригады было откомандировано несколько немецких офицеров для связи с начальником радомского гестапо гауптштурмфюрером СС Полом Фуксом.

Несмотря на самоубийство фюрера, бригада до 5 мая 1945 года воевала на гитлеровской стороне. 6 мая бригада перешла на сторону союзников, и совместно с американской армией освободила город Пльзень. Командование американских войск, посчитав их своими союзниками, не стало разбираться в истории подразделения, и доверило контроль над территорией, прилегающей к Пльзеню. «Идиллию» нарушила статья «Польские фашисты правят пятью чешскими деревнями» в журнале «Ньюс кроникл» за 30 июля 1945 г. Уже 6 августа 1945 г. «бригада Святого Креста» была расформирована, но, несмотря на вынесенные в Польше приговоры, американское правительство не выдало ее участников [8; 17].

В послевоенные годы польское правосудие было крайне лояльно к бывшим нацистским пособникам и полицейским. Из солдат 202-го батальона большинство отделалось небольшими сроками заключения, из числа сотрудников «синей полиции», которые остались в Польше, после войны были осуждены лишь около 20% [27].

Современное политическое руководство Польской Республики использует историю как инструмент для получения экономических и политических выгод. Внутри самого польского общества пока еще есть попытки противостоять героизации гитлеровских карателей и убийц, но продолжающаяся политика пропаганды идей крайнего национализма и «Польши от моря до моря» ведет к тому, что рядовой польский гражданин начинает верить в образ

«вечной жертвы алчных соседей, отнявших исконные польские земли» и «благородного рыцарственного польского воина». Использование истории как оружия для достижения сиюминутных целей неизбежно приводит сперва к «войнам исторической памяти», пример которых мы можем сейчас наблюдать. Попытки официальной Польши возложить на СССР ответственность за начало Второй мировой войны и геноцид народов Восточной Европы преследуют цель скрыть участие польского руководства в этом процессе. Одной из задач этого является и стремление забыть об участии поляков в боевых действиях на стороне Вермахта и совершения ими военных преступлений, в том числе против собственного народа. Задачей российских историков в данной ситуации является изучение вопросов начала и хода Второй мировой войны, осмысление фактов и популяризация исторического знания в современном российском и зарубежном обществе.

Источники и литература:

1. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М. : Вече, 2010. – 388 с.
2. Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника / под ред. проф. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина, со вступ. стат. проф. Ю.В. Ключникова. – М. : Изд-во Литиздата НКИД, 1925. – XXXI, 198 с.
3. Мюллер, Р.-Д. На стороне вермахта: иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма», 1941–1945 гг. / Р.-Д. Мюллер. – М. : РОССПЭН, 2012. – 303 с.
4. Романько, О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС / О.В. Романько. – М. : Издатель Быстров, 2006. – 668 с.
5. Шмидт, В. Антисемитский «Мадагаскарский план» в предвоенной Польше 1936–1939 гг. / В. Шмидт // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 3 (14). – С. 25–36. doi:10.24411/2409-1413-2018-00028.
6. Brechtken, M. Madagaskar für die Juden: Antisemitische Idee und politische Praxis 1885–1945 / M. Brechtken. – München : Oldenbourg, 1998. – 336 s.
7. de Lagarde, P. Schriften für Deutschland / P. de Lagarde. – Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 1933. – 216 s.
8. Detka, K. Militarne i polityczne aspekty funkcjonowania Brygady Świętokrzyskiej NSZ w latach 1944–1945 i powojenne losy jej żołnierzy / K. Detka. – Kielce, 2018. – 94 s.
9. Die Judenpolitik des SD 1935 bis 1938: Eine Dokumentation / Hsrg. M. Wildt. – München : Oldenbourg, 1995. – 220 s.
10. Friedländer, S. Nazi Germany and the Jews, 1933–1939 / S. Friedländer. – N. Y. : Harper Collins, 1997. – XII, 436 p.
11. Gilbert, M. The Routledge Atlas of the Holocaust / M. Gilbert. – Abingdon : Routledge, 2009. – 289 p.
12. Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1938. S. 18–19 [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: http://statlibr.stat.gov.pl/exlibris/aleph/a22_1/apache_media/VUNVGMLANSCQQFGYHCN3VDLK12A9U5.pdf. – Data dostępu: 29.03.2020.
13. Hagen, W. W. Before the “Final Solution”: Toward a Comparative Analysis of Political Anti-Semitism in Interwar Germany and Poland / W. W. Hagen // The Journal of Modern History. – 1996. – Vol. 68, № 2. – P. 351–381.

14. Kochanowsky, J. Polacy do Wehrmachtu? Propozycje i dyskusje 1939–1945. Zarys problem / J. Kochanowsky // Przeglad Historyczny. – 2002. – № 93/3. – S. 307–320.

15. Littlejohn, D. Foreign legions of the Third Reich : in 4 vol. / D. Littlejohn. – San Jose (CA) : R. James Bender Publishing, 1994. – Vol. 4. – 381 p.

16. Melzer, E. No Way Out: The Politics of Polish Jewry, 1935–1939 / E. Melzer. – Cincinnati : Hebrew Union College Press, 1965. – 248 p.

17. Motyka, G. Lekcja historii dla premiera Morawieckiego, czyli jak Brygada Świętokrzyska NSZ trzech Żydów spotkała [Zasób elektroniczny] / G. Motyka // Gazeta wyborcza. – 06.03.2018. – Tryb dostępu: https://wyborcza.pl/7,75968,23104117,jak-brygada-nsz-trzech-zydow-spotkala.html. – Data dostępu: 30.03.2020.

18. Motyka, G. Polski policjant na Wołyniu / G. Motyka, M. Wierzbicki // Kwartalnik Historyczny. – 1998. – № 24. – P. 126–140.

19. Najnowsze dzieje Żydów w Polsce w zarysie, do 1950 roku / Ed. J. Tomaszewski. – Warszawa : PWN, 1993. – 498 s.

20. Pogonowski, I. C. Jews in Poland: A Documentary History / I. C. Pogonowski. – N. Y. : Hippocrene Books, 1993. – 402 p.

21. Polish Jews in World War II [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.info.kalisz.pl/Statut/JewsWar2.htm. – Date of access: 06.10.2008.

22. Rabinowicz, H. M. The Legacy of Polish Jewry: A History of Polish Jews in the Inter-War Years, 1919–1939 / H. M. Rabinowicz. – N. Y. : Y. Yoseloff, 1965. – 256 p.

23. Read, A. Kristallnacht: The Nazi Night of Terror / A. Read, D. Fisher. – N. Y. : Times Books, 1989. – 306 p.

24. Siwicki, M. Dzieje konfliktow polsko-ukrainskich / M. Siwicki. – Warszawa : Tyrsa, 1992. – 317 s.

25. Solak, A. Zbrodnia w Malinie – prawda i mity (1) [Zasób elektroniczny] / A. Solak // Myśl Polska: Kresy. – 2005. – № 29–30. – Tryb dostępu: http://www.myslpolska.icenter.pl/index.php?menu=kresy&nr=2005071718269. – Data dostępu: 30.03.2020.

26. Tomaszewski, J. The Civil Rights of Jews in Poland, 1918–1939 / J. Tomaszewski // Studies in Polish Jewry. – 1994. – Vol. 8. – P. 115–127.

27. Wenklar, M. Polacy w niemieckiej policji pomocniczej. Schutzmannschaftbataillon 202 w świetle zeznań jego członków / M. Wenklar // Studia nad Autorytaryzmem i Totalitaryzmem. – 2012. – Vol. 34, № 4. – S. 35–50.

22 ИЮНЯ 1941 г. И СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ США[1]

С.О. Буранок (Самара)

Нападение Германии и её союзников на СССР вызвало широкую и разнообразную реакцию в общественно-политических кругах США и Великобритании. Первые отклики на события 22 июня 1941 г., их анализ и оценки появились в западной прессе уже в день нападения. Правда, относительно небольшое число англоязычных периодических изданий успело опубликовать сенсационную новость. Так, в «Youngstown Vindicator»

[1] Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ «Красная угроза» в оценках прессы США 1917–1941 гг. (МД-776.2019.6)

(Огайо) большая часть выпуска под крупным заголовком «Гитлер начал войну с Россией. Танки в бою» посвящена начавшейся войне. Американские журналисты, практически не имея никакой дополнительной информации, сконцентрировались на анализе возможных причин и последствий такого внешнеполитического шага. Так же поступили редакторы и влиятельной «New York Times», сообщив читателям, что «решение Гитлера напасть на Россию означает поворот в войне в пользу союзников».

Нападение Германии на СССР вызвало в обществе США самые разные оценки, которое условно можно разделить на два блока или лагеря (по политической ориентации). Первый – во главе с президентом Ф.Д. Рузвельтом и частью администрации Белого Дома, считали, что США должны как можно быстрее оказать помощь «советскому союзнику» и преступить к оформлению коалиции. Кроме президента лидером этого блока был Гопкинс, призвавший 22 июня распространить ленд-лиз на Советский Союз [15, p. 369].

Другой лагерь общественно-политических сил состоял из изоляционистов, доказывающих, что агрессия Германии формирует очень выгоднее условия для США. Однако, чтобы эти «не упустить» условия, надлежит точно соблюдать принципы политики невмешательства. Сторонниками таких взглядов были, например, экс-посол в Советском Союзе Буллит, сенаторы Кларк и Джонсон. Уже в июне 1941 пресса США опубликовала их слова, что Америке следует держаться подальше от «грызни собак» и «бойни двух диктаторов» [16, p. 115–120]. Кроме того, сенатор Тафт заявлял журналистам, что быстрый выигрыш войны Сталиным (гипотетический) намного опаснее, чем такая же гипотетическая победа Гитлера [13, p. 112].

Американские военные в большей степени симпатизировали второму лагерю, считая, что у СССР просто недостаточно сил и средств для ведения современной войны. В рамках такой позиции в период 22–24 июня 1941 г. военный министр США Стетсон сообщал в администрацию президента сильно приуменьшенные сведения о военном потенциале СССР [17, p. 1].

Но, несмотря на многочисленные заявления политиков-скептиков, президент Рузвельт 24 июня заявил: «оказать России всю необходимую помощь» [14, p. 1]. Эту позицию разделяли и многие другие политики США. Например, глава АФТ У. Грин сразу после начала войны СССР и Германии стал организатором сбора помощи [4]. Большую поддержку Советскому Союзу выражали и другие структуры, деятельность которых была связанна с рабочим движением. Активную просоветскую позицию занял Эдвард Картер (президент нескольких рабочих организаций) и близкий к руководству печатного органа американских коммунистов «Daily Worker» [16].

Следовательно, что американские политики, журналисты и редакторы размежевались после 22 июня 1941 г. на несколько противоположных группировок, тогда как большинство простых граждан симпатизировало и было готово помогать СССР. Первая реакция на нападение 22 июня 1941 г., была представлена в прессе США уже в сам день атаки [10, p. 8].

Американские политические обозреватели изоляционистской направленности писали, что нарушение договора о ненападении стало следствием «политических амбиций Сталина». Например, журналист У. Стоунмен сообщал: «Гитлер ударил по России, опасаясь возможного нападения диктатора Сталина» [11, p. 48]. «Chicago Daily Tribune» и Р. Кремер из «Washington Post» опубликовали такой же взгляд на причина нападения [2, p. 1]. Журналисты и редакторы изоляционистской прессы при оценке причин войны основывались лишь на пропаганде нацистских лидеров.

Интернационалистская пресса США, наоборот, 22 июня 1941 г. обвиняла Германию в предумышленном нападении на Советский Союз, называя в качестве причин войны – захват стратегических ресурсов и территории СССР [9, p. 1]. Данный подход к оценке причинам войны между СССР и Германией очень скоро будет доминирующим в а информационном пространстве США. Большую роль в распространении и укреплении данного взгляда на причины агрессии нацистов сыграли американские журналисты, работавшие в СССР. Журналист «Ассошиэйтед Пресс» Генри Кэссиди указывает в мемуарах, как он был шокирован внезапным нападением Германии и немедленно приступил к работе по формированию положительного образа Советского Союза в изданиях «New York Times» и «New York Herald Tribune» [10, p. 39–43]. Глава «Юнайтед Пресс» в Москве Генри Шапиро уже 22 июня записал первые свои оценки агрессии и начал работу над статьями [7]. Ещё один журналист «Ассошиэйтед Пресс», Эд Гилмор, о событиях 22 июня отозвался: «Теперь нам стало ясно – Гитлер войну проиграет» [5, p. 11]. К таким же заключениям пришёл политический комментатор Уоллес Кэрролл [8]. Таким образом, американские журналисты, находившиеся в Советском союзе, выступили сторонниками интернационалистских изданий США и поддержали позицию президента Рузвельта в оценке причин войны.

Следовательно, уже 22 июня в американской прессе были поставлены принципиальные вопросы о специфике оценки агрессии Гитлера, а также о необходимости формирования нового отношении к СССР. Наиболее острым из обсуждаемых тем была военно-техническая и материальная помощь Красной Армии со стороны США – нападение Германии актуализировало в США давнюю дискуссию «русофилов» и «русофобов». 23–24 июня 1941 г., когда прошла первая реакция на сообщения об агрессии, начался процесс разделения американских редакторов, журналистов и политиков в глобальных точках зрения на вероятный исход войны Германии и СССР. Большая часть республиканцев и симпатизирующие им периодические издания стали основой для лагеря «скептиков» или «русофобов», прогнозирующих скорое поражение Советского Союза. Демократы, стоящие на позициях интернационализма в духе Вильсона и Рузвельта, пропагандировали оперативное налаживание полноценного сотрудничества Советского Союза и Америки. Кроме того, существовал и третий лагерь,

где были представители обеих партий: «прагматики» – они доказывали важность соблюдения принципа «Америка – прежде всего».

Прямым следствие данной дискуссии среди политиков и представителей СМИ стало очень обтекаемое заявление президента Ф.Д. Рузвельта от 24 июня, где были не очень ясные указания на то, что Советский Союз в ближайшем будущем будет получать помощь от США [3, p. 1]. Наиболее крупные и влиятельные газеты Англии, США и Канады немедленно опубликовали текст заявления Рузвельта, о помощи и симпатии к борьбе СССР. А «New York Times» запускает цикл статей, посвящённых силе РККА и общим вопросом формирования обороны в СССР. Главный вывод издания: скорой и лёгкой победы у Гитлера не будет [10, p. 1].

Таким образом, итогом заявления Рузвельта стала большая популярность в СМИ США позиции сторонников помощи СССР. Тем не менее, данное обстоятельство не означало ликвидации других позиций и оценок войны Германии и СССР. Сохранили свою популярность в обществе взгляды прагматиков. Самым ярким их представителем в информационном пространтсве Америки был Гарри Трумэн, заявивший: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны помогать России, если побеждать будет Россия, нам следует помогать Германии, и пусть они убивают друг друга как можно дольше» [6, p. 46]. Однако, следует указать, что самые авторитетные американские газеты восприняли это как циничную шутку, о чём прямо написала «New York Times» [10, p. 18]. В общем, прагматики среди американских журналистов и политиков были сторонниками несколько иной позиции – до середины июля 1941 года значительной популярностью обладало мнение на советско-германское противостояние как «войну двух дикторов, из которой победителем выйти должна свобода и демократия» [12, p. 1].

Таким образом, для американской периодической печати последовательным и предсказуемым выглядел летом 1941 г. следующий шаг – начало процесса складывания между США, Советским Союзом и Великобританией военного договора – Антигитлеровской коалиции.

Источники и литература:

1. Cassidy, H. Moscow Dateline: 1941–1943 / H. Cassidy. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1943. – 383 p.
2. Chicago Tribune. – 1941. – June 22. – P. 1.
3. Colorado Springs Evening Telegram. – 1941. – June 24. – P. 1.
4. Cornell University Library. American Federation of Labor. Green, William. President's correspondence, 1926–1952. – CN: 5402mf.
5. Gilmore, E. Me and My Russian Wife / E. Gilmore. – New York : Doubleday & Company, Inc., 1954. – 316 p.
6. Levering, R.B. American Opinion and the Russian Alliance 1939–1945 / R.B. Levering. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1976. – 278 p.
7. Library of Congress. Papers of Henry Shapiro. – Box 149.
8. Library of Congress. Papers of Wallace Carroll. – Box 5.

9. Los Angeles Times. – 1941. – June 22. – P. 1.
10. New York Times. – 1941. – June 22. – P. 18.
11. Pittsburgh Press. – 1941. – June 22. – P. 48.
12. Portsmouth Times. – 1941. – June 24. – P. 1.
13. Pratt, J. Cordell Hull 1933–1944: in 2 vol. / J. Pratt. – New York : Cooper Square Pub., 1964. – Vol. 2. – 840 p.
14. San Francisco Examiner. – 1941. – June 24. – P. 1.
15. Sherwood, R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History / R. Sherwood. – New York : Grosset & Dunlap, 1950. – 1011 p.
16. Thayer, C. Bears in the Caviar / C. Thayer. – New York : Lippincott, 1951. – 303 p.
17. The Franklin Delano Roosevelt Library. Safe Files. – Box 5. Russian Divisions 6/24/41.
18. University of Vermont Libraries Special Collections. Edward C. Carter Collection. – Box 3. Folder 7. Russian War Relief and American Russian Institute: public file, 1941–1942.

ПОЛЬСКАЕ ПЫТАННЕ ВА ЎЗАЕМАДАЧЫНЕННЯХ “ВЯЛІКАЙ ТРОЙКІ” ПАДЧАС ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Л.І. Ермаковіч (Баранавічы)

1 верасня 1939 года фашысцкая Германія напала на Польшчу. У адказ на гэта ўрады Вялікабрытаніі і Францыі, якія былі звязаны з Польшчай пагадненнямі аб узаемадапамозе, 3 верасня аб’явілі вайну Германіі. Так пачалася Другая сусветная вайна.

Аднак рэальнай дапамогі Вялікабрытанія і Францыя Польшчы ў вайне з Германіяй, як вядома, не аказалі, і пад ударамі вермахта, да якога 17 верасня 1939 г. далучылася савецкая Чырвоная армія, польская дзяржава меней за чатыры тыдні была поўнасцю акупіравана і знікла з палітычнай карты Еўропы.

У такіх абставінах польскі ўрад адмовіўся легітымізаваць склаўшуюся з Польшчай трагічную сітуацыю, а сам падаўся ў эміграцыю: спачатку ад’ехаў у Румынію, пасля ў Францыю, а затым у Лондан, дзе і знаходзіўся на ўсім працягу Другой сусветнай вайны.

Урады Вялікабрытаніі і Францыі афіцыйна прызналі польскі ўрад у эміграцыі начале з Уладзіславам Сікорскім адзіным законным прадстаўніком інтарэсаў заняволенага польскага народа і працягвалі з ім адносіны на дыпламатычнай аснове. Францыя спыніла гэтыя адносіны пасля сваёй капітуляцыі перад Германіяй 22 чэрвеня 1940 г.

Цікава адзначыць, што пасля нападу фашысцкай Германіі на СССР, нягледзячы на іх сумесны падзел Польшчы, 30 ліпеня 1941 г. у Лондане было падпісана Пагадненне паміж СССР і польскім урадам, поводле якога савецкі ўрад прызнаў савецка-германскія дагаворы 1939 г. адносна тэрытарыяльных змен у Польшчы страціўшымі сілу. У сваю чаргу польскі ўрад

заявіў, што Польшча не звязана ніякімі пагадненнямі з якім-небудзь бокам, які накіраваны супраць Савецкага Саюза.

Гэтым пагадненнем аднаўляліся раней разарваныя дыпламатычныя адносіны, і абодвы ўрады ўзаемна абавязваліся аказваць адзін аднаму ўсялякую дапамогу і падтрымку ў вайне супраць гітлераўскай Германіі. У прыватнасці, урад СССР даў сваю згоду на стварэнне на савецкай тэрыторыі польскай арміі пад польскім камандаваннем пры аператыўным кіраўніцтве ёю з боку савецкага камандавання.

Згаворлівасць савецкага лідара І. Сталіна з польскім эмігранцкім урадам, яго адмова ад тэрытарыяльных змен у Польшчы, стаўшых вынікам германа-савецкага хаўруса, тлумачыцца катастрафічным развіццём падзей на савецка-германскім фронце, якое вымагала пошуку і задзейнічання любых знешнепалітычных магчымасцей для змяншэння пагрозы існаванню СССР.

Аб’яўленне Гітлерам 11 снежня 1941 г. вайны Злучаным Штатам Амерыкі надало сусветнай вайне сапраўды глабальны характар, паскорыла фарміраванне антыгітлераўскай кааліцыі, у якой дамініруючую ролю адыгрывала так званая “вялікая тройка”: СССР, ЗША і Вялікабрытанія на чале з іх лідарамі – І. Сталіным, Ф. Рузвельтам і У. Чэрчылем. Менавіта “вялікая тройка”, зыходзячы з аб’ектыўных рэалій і сваіх інтарэсаў ажыццяўляла ўзгодненую лінію па ўсіх пытаннях еўрапейскай палітыкі ваеннага часу, у тым ліку ў адносінах да польскага пытання, стрыжань якога складала пытанне аб палітычнай будучыні польскага народа.

Гістарычныя крыніцы сведчаць аб тым, што да пачатку 1943 г. польскае пытанне як істотны фактар ва ўзаемаадносінах кіраўнікоў трох вялікіх дзяржаў не ўзнікала. Аднак вясной 1943 г. нечакана наступіў востры крызіс у польска-савецкіх адносінах, які стаў вынікам так званай “катынскай справы”: выяўленнем нямецкімі акупацыйнымі ўладамі масавых пахаванняў польскіх вайскоўцаў у катынскім лесе пад Смаленскам, якія былі ўзяты ў палон Чырвонай арміяй у верасні 1939 г. Немцы ў гэтым злачынстве абвінавацілі Маскву, і польскі ўрад, паверыўшы ім, запатрабаваў ад савецкага кіраўніцтва расследавання па гэтай справе.

Са свайго боку савецкі ўрад у катэгарычнай форме адхіліў усе абвінавачванні ў свой адрас. З гэтай нагоды І. Сталін, які быў галоўным актарам катынскай трагедыі, у сваім пасланні У. Чэрчылю ад 21 красавіка 1943 г. цынічна пісаў, што распачатая нямецкімі фашыстамі паклёпніцкая кампанія з нагоды імі ж забітых польскіх афіцэраў у раёне Смаленска “была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной печатью”, і на падставе гэтага “Советское Правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим правительством” [1, с. 145–146].

У выніку дадзенага інцыдэнта савецкае кіраўніцтва разарвала дыпламатычныя адносіны с польскім урадам у Лондане і аддало сакрэтны загад Цэнтральнаму і Беларускаму штабам партызанскага руху разброіць

дзейнічаўшыя на акупіраванай немцамі тэрыторыі Беларусі атрады Арміі Краёвай, якая падпарадкоўвалася польскаму ўраду ў эміграцыі. Сам яго кіраўнік – генерал У. Сікорскі – 4 ліпеня 1943 г. загінуў у загадкавай авіякатастрофе.

Пасля перамогі над немцамі ў бітве на Курскай дузе ў ліпені-жніўні 1943 г. у канчатковай перамозе над фашысцкай Германіяй савецкае ваенна-палітычнае кіраўніцтва ўжо не сумнявалася. Таму прыйшоў час падумаць аб механізмах палітычнага ўплыву і кантролю над народамі тых еўрапейскіх краін, якія будуць вызвалены Чырвонай арміяй у выніку яе будучага замежнага паходу. Першым такім механізмам уплыву менавіта на Польшчу стала стварэнне ў Варшаве 1 студзеня 1944 г. Краёвай Рады Народовай у процівагу польскаму эмігранцкаму ўраду у Лондане. У яе склад увайшлі польскія камуністы, звязаныя з Масквой, прадстаўнікі Польскай рабочай, сялянскай, сацыялістычнай, дэмакратычнай партый, Партыі працы, а таксама прадстаўнікі прафсаюзных арганізацый і беспартыйныя грамадска-палітычныя дзеячы. Старшыней гэтай Рады быў абраны прадстаўнік Польскай рабочай партыі Баляслаў Берут. На сваім першым пасяджэнні Краёвая Рада Народова прыняла дэкларацыю аб саюзе з СССР у барацьбе з нямецка-фашысцкай Германіяй.

Утварэнне вышэйназванай Рады выклікала рэзкую адмоўную рэакцыю з боку эмігранцкага польскага ўраду і яго новага кіраўніка Станіслава Мікалайчыка, які заявіў аб непрызнанні Рады.

У выніку правядзення аперацыі “Баграціён” па вызваленні Беларусі Чырвоная армія 20 ліпеня 1944 г. выйшла на мяжу з Польшчай. Гэта дазволіла савецкаму кіраўніцтву ажыццявіць у аднабаковым парадку, без узгаднення з урадамі Вялікабрытаніі і ЗША, надзвычай важную палітычную акцыю: 21 ліпеня 1944 г. Краёвая Рада Народова ўтварыла ў Маскве Польскі камітэт нацыянальнага вызвалення (далей – ПКНВ), які па сутнасці стаў новым польскім урадам і які перахопліваў уладныя функцыі і паўнамоцтвы польскага эмігранцкага ўрада ў Лондане. Яго рэзідэнцыяй быў абраны г. Люблін. 26 ліпеня 1944 г. урад СССР і ПКНВ падпісалі пагадненне, паводле якога прызнавалася ўлада ПКНВ на вызваляемай Чырвонай арміяй польскай тэрыторыі.

Такое “двоеўраддзе” ніякім чынам не магло задаволіць кіруючыя колы Лондана і Вашынгтона. Аднак разумеючы, што ПКНВ, за спіной якога стаіць Савецкі Саюз, з’яўляецца палітычнай рэальнасцю, якую нельга ігнараваць і з якою неабходна лічыцца, У. Чэрчыль і Ф. Рузвельт імкнуліся дамагчыся ад І. Сталіна згоды на ажыццяўленне кантактаў абодвых урадаў дзеля збліжэння іх пазіцый і аб’яднання ўсіх дэмакратычных сіл на вызваленай польскай тэрыторыі, якія па-сяброўску настроены ў адносінах да СССР, ЗША і Вялікабрытаніі, І. Сталін фармальна даў на гэта згоду і нават сустрэўся ў Маскве з дэлегацыяй польскага эмігранцкага ўрада начале з Мікалайчыкам. Пасля гэтай сустрэчы ён пісаў Ф. Рузвельту, што ў яго “создалось впечатление, что Миколайчик не против того, чтобы нашлись пути к объединению поляков” [2, с. 162].

Наступныя падзеі яскрава паказалі, што ў планы савецкага кіраўніцтва не ўваходзіць аб'яднанне на дэмакратычнай аснове ўсіх дэмакратычных сіл Польшчы. Сталін абвінаваціў польскі ўрад у Лондане ў вядзенні злачыннай тэрарыстычнай работы супраць савецкіх салдат і афіцэраў на тэрыторыі Польшчы. Ён заявіў, што гэта адбываецца ў той час, калі ПКНВ дамогся вялікіх поспехаў "в укреплении польского государства и аппарата государственной власти на территории Польши" [2, с. 190–191]. У гэтых умовах, падкрэсліў І. Сталін у сваім лісце да Ф. Рузвельта ад 27 снежня 1944 г. "я должен откровенно сказать, что если Польский комитет национального освобождения преобразуется во Временное Польское Правительство, то … у Советского Правительства не будет серьезных оснований откладывать вопрос о его признании" [2, с. 190]. Адначасова ён заклікаў сваіх саюзнікаў прызнаць ПКНВ законным урадам Польшчы пасля таго, як ён ператворыцца ў Часовы ўрад Польшчы [2, с. 192].

Такой аднабаковай пазіцыі І. Сталіна кіраўнікі ЗША і Вялікабрытаніі не маглі нічога супрацьпаставіць, бо І. Сталін меў неабвержны аргумент у выглядзе савецкіх войскаў, якія "делали и делают все возможное для того, чтобы ускорить освобождение Польши от немецких захватчиков и помочь польскому народу в восстановлении свободы и в деле процветания его родины" [1, с. 293].

Рашэнне аб пераўтварэнні ПКНВ у Часовы ўрад Польскай Рэспублікі было прынята на VI сесіі Краёвай Рады Народовай, якая адбылася 31 снежня 1944 г. – 5 студзеня 1945 г. Гэты ўрад быў адразу прызнаны Вярхоўным Саветам СССР з-за яго прасавецкай арыентацыі. Але ён не быў прызнаны ўрадамі ЗША і Вялікабрытаніі, якія настойвалі на рэарганізацыі дадзенага ўрада шляхам уключэння ў яго новых членаў як з прадстаўнікоў польскай эміграцыі, так і з самой Польшчы. Такі агульны падыход на рэарганізацыю Часовага ўрада Польшчы быў замацаваны на Крымскай (Ялцінскай) канферэнцыі трох саюзных дзяржаў у лютым 1945 г.

Палітычная практыка не спраўдзіла надзеі на рэарганізацыю Часовага ўрада Польскай Рэспублікі на аснове ўзгодненага падыхода лідараў саюзных дзяржаў. Гэтаму заміналі розныя абставіны і найперш пазіцыя савецкага кіраўніцтва, якое катэгарычна настойвала на тым, каб рэканструкцыя Часовага ўрада Польшчы азначала не яго ліквідацыю, а менавіта яго рэканструкцыю шляхам яго пашырэння, пры гэтым ядром будучага польскага ўрада нацыянальнага адзінства павінен быць Часовы ўрад Польскай Рэспублікі. Да таго ж уключэнне ў склад новага ўрада новых яго членаў з ліку прадстаўнікоў польскай эміграцыі (эмігранцкага ўрада ў Лондане) і з самой Польшчы павінна было адбывацца пасля іх кансультацый з прадстаўнікамі польскага Часовага ўрада і з яго адабрэння. Невыкананне гэтай умовы, на думку І. Сталіна, можа быць успрынята ў Польшчы як знявага польскага народа і як спроба навязаць Польшчы ўрад, створаны без уліку грамадскай думкі Польшчы [1, с. 373–374]. Акрамя таго, выклікаць

на кансультацыю з вызваленай Польшчы і Лондана патрэбна было толькі тых дзеячаў, якія на справе імкнуліся ўсталяваць сяброўскія адносіны паміж Польшчай і Савецкім Саюзам.

Зразумела, што пры такім падыходзе не існавала ніводнага шанца трапіць у новы аб'яднаны урад ніводнаму прадстаўніку з апазіцыйнымі поглядамі, з поглядамі, якія б адрозніваліся ад савецкага пункту гледжання на тэрытарыяльныя межы Польшчы, яе грамадска-палітычнае ўладкаванне і палітычную будучыню польскага народа.

Па-сутнасці разглядаемы план рэарганізацыі і стварэння аб'яднанага ўрада Польшчы, у якім былі б прадстаўлены галоўныя слаі польскага грамадства і які ўзяў бы на сябе абавязак правесці ў вызваленай Польшчы свабодныя выбары пры ўдзеле ўсіх антынацысцкіх партый, савецкім урадам быў заблакіраваны. Больш таго, І. Сталін абвінаваціў У. Чэрчыля і Ф. Рузвельта ў дзейнасці па стварэнні польскага ўрада, варожа настроенага да СССР [1, с. 403].

Такім чынам, надзеі лідэраў ЗША і Вялікабрытаніі на адраджэнне суверэннай, незалежнай і свабоднай Польшчы пры ўмове, што яна будзе дружалюбнай у адносінах да Савецкага Саюза, не спраўдзіліся. У гэтай сувязі У. Чэрчыль з засмучэннем і прыкрасцю напісаў І. Сталіну 28 красавіка 1945 г. наступныя радкі: "Не особенно утешительно заглядывать в будущее, когда Вы и страны, в которых Вы господствуете, плюс коммунистические партии во многих других государствах выстраиваются все по одну сторону, а те, кто объединяется вокруг народов, говорящих по-английски, и их союзников или доминионов – по другую сторону" [1, с. 407]. Магчыма, што гэтыя радкі азначаюць прадчуванне будучай "халоднай вайны".

Источники и литература:

1. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – 472 с.

2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном. (авг. 1941 г. – дек. 1945 г.). – 327 с.

ПОСТАВКИ ИЗ США В СССР ПО ЛЕНД-ЛИЗУ В 1943–1945 ГОДАХ. ФАКТОРЫ РАСШИРЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

С.М. Монин (Москва)

Военно-экономическое сотрудничество СССР и США, пройдя в 1941–1942 годах этап становления и налаживания [3, с. 66–70; 4, с. 182–185], в 1943–1945 годах в целом успешно расширялось и крепло.

Оно развивалось на фоне военных побед антигитлеровской коалиции, начатых на рубеже 1942–1943 годов успехом англосаксов в Северной Африке и триумфом Красной Армии под Сталинградом.

Эти военные достижения были бы невозможны без должной экономической опоры. Советский Союз, в кратчайшие сроки эвакуировал огромные производственные мощности на восток, развернул их там и в целом примерно за год перевел свою экономику на военные рельсы. К концу 1942 года СССР уже превзошел Германию по выпуску военной продукции и продолжал наращивать производство. Но давалось это ценой колоссального напряжения сил и мобилизации всех ресурсов страны. Советским людям приходилось все туже затягивать пояса, экономя буквально на всем, своим беспримерным трудом обеспечивая выживание и укрепление своей страны и своей армии в ожесточеннейшем противостоянии со страшным врагом. В этих обстоятельствах военно-экономическая помощь от западных союзников – Великобритании, Канады, но особенно, конечно, от Соединенных Штатов – имела неоценимое значение.

Стойкость и мужество Советского Союза и его Красной Армии, принявших на себя основное бремя противоборства с Третьим рейхом, позволили Соединенным Штатам заняться перестройкой своей экономики и всего общества в соответствии с требованиями военного времени, но в относительно спокойной обстановке, когда их территории никто напрямую не угрожал, а пламя мировой войны полыхало где-то за океанами. Даже сражения на Тихоокеанском театре не опалили Западный берег США, а в достаточно масштабные и затяжные бои с вермахтом их войска вступили только летом-осенью 1943 года в Италии.

В политико-юридическом плане ленд-лизовский трафик из США в СССР регулировался ежегодно подписываемыми протоколами. Вслед за Московским протоколом от 1 октября 1941 года (рассчитан на срок до 31 июня 1942 года) и Вашингтонским протоколом от 6 октября 1942 года (от 1 июля 1942 до 30 июня 1943 года) были подписаны Лондонский протокол от 19 октября 1943 года (на срок от 1 июля 1943 до 30 июня 1944 года) и Оттавский протокол от 17 апреля 1945 года (на срок от 1 июля 1944 до 30 июня 1945 года).

В советское время считалось, что общие расходы США по ленд-лизу составили 46 млрд долларов, при этом СССР получил продукции на 9,8 млрд долларов, тогда как Британская империя – на 30,3 млрд долларов [2, с. 400]. В современной литературе называются несколько иные цифры – США истратили 50,1 млрд долларов (около 610 млрд в ценах 2008 года), из которых на долю СССР пришлось 11,3 млрд долларов (примерно 138 млрд), а на долю Британской империи 31,4 млрд долларов (примерно 382 млрд). Помимо поставок из США, Советский Союз получил по ленд-лизовской схеме из Великобритании товаров на 1,7 млрд долларов, а из Кана-

ды – на 200 млн долларов. Таким образом, общая сумма всех поставок в СССР по ленд-лизу составила 13,2 млрд долларов [1, с. 233].

При этом важно подчеркнуть, что первоначально (в 1941–1942 годах) поставки из США в СССР осуществлялись с перебоями, зачастую намного отставая от запланированного, с нареканиями по поводу качества, комплектности, сохранности продукции. В 1943–1945 годах картина была уже другая. Из-за океана практически безостановочно шел поток грузов самого разного предназначения. На период действия третьего и четвертого протоколов пришлось 57% всех грузов [1, с. 156]. По другим подсчетам, отгружено по стоимости – 74,6%, по объему – 74,3% (включая период с 1 июля по 15 сентября 1945 года) [5, с. 131].

Для советской стороны проблема была уже не в том, чтобы добиться поставок в срок и нужного качества и номенклатуры, а в том, чтобы правильно заказать продукцию, исходя уже не из потребностей текущего момента, а в более долговременной перспективе, захватывая даже послевоенный период.

Все эти изменения были вызваны действием, в частности, следующих факторов.

Победы Красной Армии под Сталинградом, а затем на Курской дуге и на Днепре убедили западных союзников не только в том, что СССР не рухнет и не запросит сепаратного мира, чего так опасались в Вашингтоне и Лондоне в начале войны. Советский Союз показал, что и при прежних поставках (может, даже и без них) он в состоянии не просто продолжать войну, а наступать и еще неизвестно, где его армия остановится. Оставлять его в роли единоличного победителя Третьего Рейха никак не входило в планы англосаксов. Надо было показать, что в успехах Красной Армии очевидна роль ленд-лизовских поставок союзников.

Конечно, Германия еще оставалась чрезвычайно сильна и опасна. Чтобы ее сокрушить, предстояло пролить очень много крови. Эту честь США и Британия готовы были доверить Советскому Союзу, а для этого можно было и увеличить поставки. Известны слова Г. Трумэна, занявшего Белый дом после смерти президента Ф. Рузвельта: «Деньги, истраченные на ленд-лиз, безусловно, спасали множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, пропорционально сокращал военные опасности для нашей собственной молодёжи».

В этой связи надо подчеркнуть, что основной проблемой в отношениях союзников по антигитлеровской коалиции в 1943 – начале 1944 года оставался второй фронт. Англосаксы продолжали тянуть с его открытием, и в качестве своего рода компенсации за его отсутствие готовы были пойти на увеличение потока ленд-лизовских грузов.

США быстро наращивали свой военно-экономический потенциал. Так, в марте 1943 года они производили вооружения почти в три раза больше

(в стоимостном выражении), чем год назад. Соответственно, это позволяло не только удовлетворять потребности собственных вооруженных сил, но и большие ресурсы направлять на помощь союзникам. Больше всего получала Великобритания, но заметно росли поставки и в Советский Союз.

В США были мобилизованы необходимые производственные мощности. Со стороны как поставщика, так и получателя отстроена и налажена инфраструктура для ленд-лиза: дороги, порты, аэродромы, склады, задействован морской, железнодорожный, автомобильный, авиационный транспорт.

Были отлажены маршруты движения ленд-лизовсих грузов. Наибольший поток шел через Тихий океан (47,1% за всю войну). Там американцы сражались с японцами, а потому перевозки могли осуществляться только судами под советским флагом, в том числе полученными по ленд-лизу. В конце 1942 – начале 1943 годов сюда начали переводить советские транспорты из Атлантики, где конвои все больше формировались из новых судов типа «либерти», за которыми старые советские пароходы просто не поспевали. В США постройка этих быстровозводимых судов (посекционный монтаж с применением сварки вместо клепки) была поставлена на поток. В 1943 году спускали по три штуки в день, а всего за годы войны ввели в строй около 2700 единиц. Таким образом, была решена проблема тоннажа, на нехватку которого англосаксы все время кивали при объяснении задержек с поставками в СССР.

Особенно разительные перемены произошли в так называемом Персидском коридоре, где соединялись морские, сухопутные и воздушные маршруты поставок в СССР. Первоначально, когда советские и британские войска в августе 1941 года вошли в Иран, предполагалось, что организовывать доставку грузов из портов Персидского залива через Иран в советские Закавказье и Туркмению или на Каспий будут прежде всего англичане. Они многое сделали, но сил у них не хватало. Со второй половины 1942 года обеспечение поставок взяли на себя американцы. Действуя с присущими им энергией и деловитостью, они добились очень многого. Были реконструированы или по сути построены заново иранские и иракские порты на берегах Персидского залива, Трансиранская железная дорога, соединявшая юг и север страны, шоссейные дороги, авто- и авиасборочные заводы.

В северной части Ирана соответствующие работы проводила и советская сторона. Она также реконструировала или строила порты на Каспии, поддерживала функционирование железных и шоссейных дорог, обеспечивала перегонку своим ходом самолетов и груженых ленд-лизовской продукцией автомобилей на север, к своим границам.

Через Персидский коридор прошло 23,8% всех поставок в СССР в годы войны. При этом в 1943 году его доля составила 33,5%, в 1944 году – 28,8%, а в 1945 году – 1,2% (грузопоток был перенаправлен в освобожденные от гитлеровцев порты Черного моря) [5, с. 148, 195].

Чуть меньше – 22,6% – пришлось на долю самого известного широкой публике маршрута через северные (арктические, полярные) моря. Важнейшее значение для обеспечения безопасности проходивших по этим акваториям конвоев имели успехи западных союзников в Битве за Атлантику. В свое время со вступлением в войну Советского Союза ее масштабы расширились за счет Арктического театра военных действий. В 1941 году немцы, надеясь на успех своего «блицкрига», не обращали на него особого внимания. Но с начала следующего года, поняв, что война затягивается, а СССР получает через полярные моря весомую «подпитку», гитлеровцы сосредоточили на севере Норвегии серьезную группировку своих кригсмарине и люфтваффе для атак на идущие в Мурманск и Архангельск караваны торговых судов. Ожесточенное противостояние не только в Арктике, но и во всей Северной Атлантике стоило союзникам в том году огромных потерь (по некоторым данным, до половины торгового тоннажа). Однако с весны 1943 года произошел перелом в Битве за Атлантику в пользу союзников.

Совершенствовалась организация проводки конвоев. Суда с ленд-лизовскими грузами из гаваней Восточного побережья США направлялись в Шотландию или Исландию (в июле 1941 года американские войска, сменив англичан, взяли остров под свой контроль). Там к ним присоединялись британские, советские транспорты и суда других стран. Формировались конвои, в которых, начиная с 1942 года, «американцы» составляли большинство.

В 1943–1945 годах в северные советские порты пришли 20 караванов (в 1943 году – 6, в 1944 году – 10, в 1945 году – 4). Первое время в конвой включались 6–10 судов, а к концу войны порой почти по полсотни, так что их приходилось делить на две группы. Усиливались возможности сил охранения, в частности, за счет включения в их состав.

Помимо большого числа гитлеровских подлодок в Арктике нашли свою могилу и последние крупные надводные корабли кригсмарине, которые немецкое командование еще надеялось использовать на союзнических коммуникациях. 26 декабря 1943 года в морском бою у мыса Нордкап был потоплен линкор «Шарнхорст», пытавшийся перехватить два конвоя (один шел в СССР, а другой обратно). 12 ноября 1944 года в норвежских фьордах авиацией был уничтожен самый сильный германский линкор «Тирпиц», некогда сыгравший свою роль в разгроме конвоя PQ-17.

По несколько процентов от всех поставок пришлось на маршруты через советскую Арктику (по сути, Северный морской путь) и – в конце войны – через Черное море. Существовали также два воздушных пути для перегонки самолетов своим ходом: Аляска – Сибирь (АЛСИБ) и трансафриканский (США – южная Атлантика – Африка – Персидский залив).

Безусловно, советская сторона только приветствовала наращивание потока ленд-лизовских грузов, в которых она очень нуждалась. Но если в начале войны требовалось в первую очередь оружие, то примерно с 1943 года СССР стал все больше заказывать промышленное оборудова-

ние, транспортные средства, стратегическое сырье, продовольствие и другую продукцию, предназначенную уже не только для военных нужд. Все эти материалы были также необходимы для восстановления разрушенного войной народного хозяйства и для решения острых социальных проблем, в том числе связанных со снабжением населения.

Поставки из США в СССР по ленд-лизу имели огромное значение. Но как бы велики и разнообразны они не были, исход войны решался на поле боя. А там, в 1943–1945 годах, все более уверенно диктовала свою волю Красная Армия.

Источники и литература:

1. Бутенина, Н.В. Ленд-лиз: сделка века / Н.В. Бутенина. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 311 с.

2. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / редкол.: М.М. Козлов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1985. – 832 с.

3. Монин, С.М. Американская прогамма ленд-лиза и рапространение ее действия на СССР / С.М. Монин // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.) : материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 17–18 мая 2018 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 66–70.

4. Монин, С.М. Начало поставок из США в СССР по ленд-лизу (1941–1942 годы) / С.М. Монин // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг.: Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права : материалы международной научной конференции, Витебск, 3–4 окт. 2019 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 182–185.

5. Рыжков, Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз / Н.И. Рыжков. – М. : Экономическая газета, 2012. – 439 с.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ОПЕРАЦИИ «ФРЕНТИК»

Д.А. Лобода (Полтава)

В наши дни всё более усиливается изучение истории войны 1939–1945 годов в русле регионального, краеведческого подхода. Новые исследования позволили «нарисовать картину» войны, которой видели ее рядовые участники, современники, города и села, ареной которой они были. В краеведческом контексте Полтавщина стала не просто ареной несколько боевых операций, а и «сценой», где неоднократно «выступали» ее главные герои в прямом и переносном смысле. Среди событий – трагедия армии Кирпоноса в Шумейковом урочище, визит Адольфа Гитлера в Полтаву в 1942 году для решения судьбы Сталинграда и, напоследок, совместная советско-американская военная операция «Френтик».

В прошлом году отмечалось 75-летие с начала этой операции на Полтавщине. Военно-воздушная операция, суть которой заключалась в челночной бомбардировке немецких военно-промышленных объектов с использованием авиабаз в Великобритании, Италии и СССР, была хоть и известным фактом в истории войны, но при этом ещё остается малоисследованной [8].

«Френтик» остается незамеченным, когда говорят о советско-американском сотрудничестве в годы войны, о нем не говорят, как об операции, ставшей первой встречей американского и советского солдата на суше, отодвигая это во времени к событию «Встречи на Эльбе» [6]. В общеукраинском контексте об этой операции не говорят как о такой, в ходе которой впервые на территории современной Украины появилась настоящая боевая часть американских вооруженных сил.

Сегодня же Украина также оказалась в состоянии войны, однако фронт теперь не на Западе, а на Востоке. Мы хотим мира, а не войны, но мы нуждаемся в помощи, опыт в организации которой может быть заимствован, в том числе, и из событий операции «Френтик». В положении потенциальной агрессии со стороны восточного соседа необходимо иметь не менее потенциальные возможности для отражения атаки средствами дальней и стратегической авиации, которой Украина пока не обладает [11]. Полтавщина, ее военные аэродромы в случае возобновления и усиления боеспособности могут стать надежным воздушным щитом не только для Украины, но и Европы в целом. Однако все это возможно при условии исследования боевого и дипломатического опыта отгремевшей восемь десятилетий назад войны.

В предлагаемой статье мы пытаемся коротко восстановить хронологию событий, предшествовавших развертыванию операции «Френтик», а также факторы и доктрины, что обусловили ее необходимость.

Стоит отметить, что в конце 1943 году Европа еще находилась в неопределенном состоянии. Хотя войска Германии уже получили несколько стратегических поражений сначала в Африке, а затем под Сталинградом и в Италии, ее позиции оставались прочными. Отсутствие второго фронта замедляло уничтожение Третьего Рейха, превращая усилия Советского Союза в постоянные горы трупов и реки крови. В то же время США почти одни вели борьбу против японцев на Тихоокеанском театре военных действий. СССР не вступил в войну против Японской империи, опасаясь открытия второго фронта против него самого с Востока (при этом и не забудем о ряде соглашений, подписанных с ними накануне и в ходе войны – Япония также таких боевых действий не желала). Так, американская сторона еще в декабре 1942 года сделала попытку уговорить советскую сторону дать разрешение на размещение тяжелых бомбардировщиков на авиабазах Сибири с целью эффективного бомбардировки Японии, однако Москва ответила четким отказом [5].

Дело в том, что американцы уже давно имели разработанную и отшлифованную доктрину стратегических авиабомбардировок. В 1920–1930-х годах

вдохновители этой доктрины, генералы Джулио Дуэ и Вильям Митчелл, писали, что будущие войны будут вести армады самолетов, за штурвалы которых сядет «особый класс» пилотов, вроде закованных в броню рыцарей Средневековья [1, с. 148]. В конце 30-х энтузиасты воздухоплавания ВВС США разработали теорию «промышленных сетей», по которой государство современности не способно выжить в условиях тотального уничтожения отдельных элементов собственной индустриальной базы. Поэтому необходимы многочисленные соединения тяжелых бомбардировщиков, которые в плотном боевом порядке и на больших высотах безнаказанно ликвидировали бы гражданские и промышленные вражеские узлы [2, с. 54].

На выполнение такой стратегии, что на государственном уровне получила статус доктрины, американскими оружейниками в 1930-х годах были сконструированы первые образцы самолетов, которым было суждено стать участниками челночных бомбардировок Германии в ходе операции «Френтик». Ими стали Боинг В-17 «Летающая крепость» и В-24 «Либерейтор».

Уже в ходе войны доктрина была модифицирована и получила название «AWPD-I», по которой было определено 154 жизненно важных центров Германии, уничтожение которых заставило бы как нацистское руководство, так и население пойти на капитуляцию перед странами антигитлеровской коалиции [3, с. 399]. В то же время выполнение этой доктрины осложнялось отчаянным сопротивлением сил Люфтваффе, высокой концетрацией немецких истребителей на западном направлении и, как следствие, большими потерями бомбардировщиков союзниками. Ночные бомбардировки и сопровождение новейшими истребителями Р-51 «Мустанг» облегчили ситуацию, однако проблема оставалась. Американцы решили прибегнуть к хитрости, и чтобы запутать немцев, в августе 1943 года впервые прибегли к тактике челночных бомбардировок, используя авиабазы Великобритании, Северной Африки и Италии. Это позволило проникать самолетам как можно глубже в тыл врага, поэтому командующий ВВС США генерал Арнольд обратился к Объединенному комитету начальников штабов союзников с предложением попросить СССР предоставить собственные авиабазы для усовершенствования и форсирования сквозных бомбардировок. Благодаря этому вся территория Европы, оккупированная Вермахтом, становилась бы доступной для бомбардировок с воздуха. Кроме того, это бы рассредоточило истребители Люфтваффе на разных фронтах, то есть сделало бы их более уязвимыми, а бомбардировки американцев – безопаснее. Американцы также хотели показать восточному союзнику, что они хотят помочь Советскому Союзу, даже не открывая второй фронт и укрепить межгосударственные отношения и потушить раздраженность Москвы отсутствием высадки во Франции [7, с. 42].

Поэтому в ноябре 1943 года состоялась Московская конференция стран-участниц антигитлеровской коалиции, на одном из заседаний которой американцы предложили с целью ускорения разгрома стран Оси просить советскую

сторону предоставить свои авиабазы, на которых бы самолеты смогли пополнять запасы топлива, боеприпасов, выполнять ремонт, обмениваться метеорологическими данными и так далее. В. Молотов, нарком иностранных дел СССР, положительно откликнулся на это предложение и отметил, что советские представители вскоре встретятся с генералом Дином и Ванденбергом (ВВС США) для разработки плана реализации действий [4, с. 85, 86].

Впрочем, имплементацию этого было отсрочено, что можно увидеть с Тегеранской конференции конца ноября 1943 года, когда Президент США Ф. Рузвельт был вынужден напомнить Сталину о предварительных договоренностях [9, с. 446, 447]. К этому вопросу вернулись только в декабре 1943 в беседе В. Молотова с послом США в СССР В. Гарриманом. В ней речь шла о необходимости согласовать такие действия с ВВС СССР [10, с. 16, 17]. Очевидно, страна советов тормозила данную акцию, ведь посол Гарриман будет вынужден просить о встрече с И. Сталиным, которая состоится уже 2 февраля 1944 года. Изолированность коммунистического государства всегда была залогом стабильности внутри общества, поэтому появление «американского сапога» на советской земле воспринималось неоднозначно. Однако И. Сталин дал согласие на проведение операции: было обусловлено количество тяжелой авиации ВВС США (150–200 самолетов «В-17» и «Либерейтор»), первоначальное место дислокации (Великие Луки), необходимость надлежащей маскировки, питания, квартирования и обеспечения переводчиками военнослужащих [4, с. 68].

Через три дня, 5 февраля, состоялось рабочее совещание между генералом Дином, с американской стороны, и маршалом авиации Новиковым, генерал-полковником авиации Никитиным, генерал-майором Славиным, с советской. В ходе выяснения обстоятельств предстоящей операции, Дин подчеркнул, что наиболее выгодным расположением авиации может стать юг СССР. Новиков отметил, что поскольку отдельные регионы УССР были еще достаточно недавно деоккупированны от нацистов и авиабазы там уничтожены, на юге единственным возможным вариантом является Полтавский авиаузел. Кроме того, были обсуждены и другие технические детали операции. Было договорено о пребывании на территории СССР 600 американских специалистов, обслуживавших авиабазу, для них была упрощена визовая регистрация [11, с. 26, 27]. Американские военнослужащие должны были прибыть самолетами и железной дорогой из Тегерана в Полтаву, а командующим авиасоединением был назначен полковник ВВС США Гриффит [10, с. 53, 54]. При этом управление транспортными самолетами должны были осуществлять советские летчики [10, с. 69, 70].

Началась новая фаза подготовки к встрече и обустройство военной базы американцев в Украине непосредственно на месте – в Полтавском авиационном узле. Нужно было еще многое сделать, прежде чем первый самолет американских ВВС прикоснется своим шасси полтавской земли, о чем будет идти речь в следующей главе.

Таким образом, военной операции, которой будет присвоено кодовое название «Френтик» (от анлийского – бешенный, неистовый), предшествовал длительный переговорный процесс, который с опаской вела советская сторона, в то время как американская преследовала как военные, так и политико-дипломатические цели.

Это было декларацией намерений вести войну до победного конца вместе, используя все доступные пути, даже не имея возможности открыть второй фронт на западе.

Полтавщина же волею судьбы была определена судьбой как место, где обычный американский солдат встретится с обычным советским; местом, откуда начнется отсчет столкновения американского и украинского миров периода Второй мировой войны.

Источники и литература:

1. Дуэ, Дж. Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны. Военная доктрина генерала Дуэ / Дж. Дуэ. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
2. Золотарев, А.Ю. Теории господства в воздухе: от Дуэ до Уордена / А.Ю. Золотарев // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2017. – № 2 (12). – С. 50–57.
3. История второй мировой войны 1939–1945 гг. : в 12 т. – М. : Воениздат, 1974. – Т. 2. Накануне войны. – 474 с.
4. Конверсіно, М. Дж. Спільна війна. Провал операції «Френтік» 1944–1945 / Дж.М. Конверсіно. – Київ : К.І.С., 2015. – 318 с.
5. Кошкин, А. Рузвельт ищет помощи Сталина против Японии [Электронный ресурс] / А. Кошкин // Regnum. – 2017. – 2 октября. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2328992.html. – Дата доступа: 18.10.2019.
6. Красильщик, С. Встреча на Эльбе. Воспоминания советских и американських участников Второй мировой войны / С. Красильщик. – М. : Изд-во Агентства печати Новости, 1988. – 216 с.
7. Никитин, А. “Челночные” операции / А. Никитин // Военно-исторический журнал. – 1975. – № 11. – С. 41–46.
8. Полтава відзначила 75-річчя радянсько-американської бойової операції «Френтік» [Електронний ресурс] // УКРІНФОРМ. – 21.09.2019. – Режим доступу: https://www.ukrinform.ua/rubric-regions/2785057-poltava-svatkue-75ricca-radanskoamerikanskoi-bojovoi-operacii-frentik.html. – Дата доступу: 13.10.2019.
9. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы : в 2 т. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 1. 1941–1943. – 510 с.
10. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы : в 2 т. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 2. 1944–1945. – 575 с.
11. Структура Повітряних Сил ЗС України [Електронний ресурс] // Ukrainian Military Pages. – Режим доступу: https://www.ukrmilitary.com/p/ukrainian-air-force.html. – Дата доступу: 15.09.2019.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ГЕРМАНИЕЙ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ

Д.В. Редченко (Саратов)

Современная официальная российская оценка советско-германского договора о ненападении, часто именуемого Пактом Молотова–Риббентропа, основана на Постановлении II Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г № 979-1 «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». В нем, в частности, указано: «Съезд констатирует, что переговоры с Германией по секретным протоколам велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР … решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несёт ответственности за этот сговор.

Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания “секретного дополнительного протокола” от 23 августа 1939 г. и других секретных договорённостей с Германией. Съезд признаёт секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств» [7].

10 мая 2005 г. на пресс-конференции по итогам саммита Россия – Европейский союз, проходившей в Большом Кремлевском дворце, президент России Владимир Путин опирался именно на этот документ. Так, отвечая на вопрос журналистки эстонского телевидения: «Почему Вам так тяжело сказать: “Извините за оккупацию”?» Владимир Владимирович заявил: «Возьмите, пожалуйста, постановление Съезда народных депутатов 1989 года, где черным по белому написано: Съезд народных депутатов осуждает пакт Молотова–Риббентропа и считает его юридически несостоятельным. Он не отражал мнение советского народа, а являлся личным делом Сталина и Гитлера.

Что еще можно сказать более точно и ясно по этому вопросу? Или Вы хотите, чтобы мы делали это каждый год? Что еще нужно сказать, как Вы считаете? Мы считаем, что этот вопрос закрыт. Всё. Возвращаться к этому больше не будем: сказали один раз – достаточно» [10].

Однако все же в дополнение к этому российский президент еще раз охарактеризовал советско-германский договор как сговор, разменной

монетой в котором были малые государства и малые народы. Правда, при этом Путин подчеркнул, что таковы были реалии той жизни, так же как и реалии колониального прошлого европейских стран, так же как и использование рабского труда в Соединенных Штатах [10].

В 2009 г., накануне своего визита в Польшу, посвященного 70-летию начала Второй мировой войны, уже будучи председателем российского правительства, Владимир Путин написал статью, в которой дал дополнительные оценки Пакта о ненападении.

«Вне всякого сомнения, – писал он, – можно с полным основанием осудить пакт Молотова–Риббентропа, заключенный в августе 1939 года. … Сегодня мы понимаем, что любая форма сговора с нацистским режимом была неприемлема с моральной точки зрения и не имела никаких перспектив». Вместе с тем российский премьер указывал, что «годом ранее Франция и Англия подписали пресловутое Мюнхенское соглашение с Гитлером, разрушая всякую надежду на создание единого фронта против фашизма», и что по своей сути это соглашение было таким же аморальным сговором с Гитлером, как и советско-германский пакт о ненападении. При этом Владимир Владимирович отметил, что незадолго до вторжения Германии в Польшу последняя сама приняла участие в разделе Европы, аннексировав чешскую Тешинскую Силезию. Кроме того, Владимир Путин призвал не отказываться и от беспристрастного конкретно-исторического взгляда на события прошлого: «Отвергнуть предложение Германии подписать пакт о ненападении – в условиях когда возможные союзники СССР на Западе уже пошли на аналогичные договоренности с немецким рейхом и не хотели сотрудничать с Советским Союзом, в одиночку столкнуться с мощнейшей военной машиной нацизма – советская дипломатия того времени вполне обосновано считала, как минимум, неразумным» [1].

Выступая в Гданьске 1 сентября 2009 г. Владимир Путин снова подчеркнул коллективную ответственность стран Запада и Советского Союза за непредотвращение Второй мировой войны: «Важно понять, что любое сотрудничество с экстремистами, а применительно ко Второй мировой войне – с нацистами и их приспешниками, чем бы это сотрудничество ни мотивировалось, ведет к трагедии. По сути, это и не сотрудничество вовсе, а сговор с целью решить свои проблемы за счет других.

Значит, надо признать, что все предпринимавшиеся с 1934 г. по 1939 г. попытки умиротворить нацистов, заключая с ними различного рода соглашения и пакты, были с моральной точки зрения – неприемлемы, а с практической, политической точки зрения – бессмысленными, вредными и опасными. Именно совокупность всех этих действий и привела к этой трагедии, к началу Второй мировой войны.

Конечно, нужно признать эти ошибки. Наша страна сделала это. Госдума Российской Федерации, Парламент страны осудил пакт Молотова – Риббентропа. Мы вправе ожидать того, чтобы и в других странах, которые

пошли на сделку с нацистами, это тоже было сделано. И не на уровне заявлений политических лидеров, а на уровне политических решений» [8].

К этой теме Владимир Путин вернулся спустя 5 лет, 5 ноября 2014 г., т.е. уже в условиях окончания «перезагрузки» и резкого обострения отношений с Западом в связи с украинскими событиями. На встрече с молодыми учёными и преподавателями истории он довольно существенно сместил акценты в своих оценках Советско-германского договора: «…до сих пор спорят по поводу пакта Молотова–Риббентропа и обвиняют Советский Союз в том, что он разделил Польшу. А сама Польша что сделала, когда немцы вошли в Чехословакию? Забрала часть Чехословакии. Так она сама это сделала. А потом получила ответную шайбу. ... Советский Союз подписал договор о ненападении с Германией. Говорят: ах как плохо. А что же здесь плохого, если Советский Союз не хотел воевать? Это первое. А второе: даже зная о неизбежности войны, полагая, что она может состояться, Советскому Союзу, кровь из носа, нужно было время для того, чтобы модернизировать свою армию» [2].

10 мая 2015 г. в Москве на брифинге по итогам встречи с Меркель Путин продолжил курс на корректировку оценок Договора: «Советский Союз предпринял массу усилий, чтобы создать условия для коллективного противостояния нацизму в Германии... Все эти попытки успехом не увенчались... Советский Союз понял, что его оставляют один на один с гитлеровской Германией, он предпринял шаги, направленные на то, чтобы не допустить прямого столкновения, и был подписан пакт Молотова–Риббентропа. В этом смысле я разделяю мнение нашего Министра культуры о том, что смысл для обеспечения безопасности Советского Союза в этом пакте был» [5].

Сам же Владимир Мединский упомянутое мнение изложил на открытой лекции в апреле 2015 г., где назвал пакт Молотова–Риббентропа хоть и далеким от нравственности, но колоссальным успехом сталинской дипломатии с точки зрения государственных интересов Советского Союза, «оттяжки» войны, поскольку воевать начали не с нами, а с Англией и Францией, и благодаря этому мы сохранили миллионы жизней советских граждан [6].

Российская оппозиция по своему отношению к Советско-германскому договору о ненападении и его базовой оценке, данной II съездом народных депутатов СССР, четко делится на два лагеря. Если державно-патриотические партии (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») заключение Пакта Молотова–Риббентропа оправдывают, то либерально-демократические («Яблоко», «Союз правых сил», «Парнас») выступают с его осуждением.

Так, КПРФ не раз отмечала, что на II съезде народных депутатов СССР, а затем и в Российской Федерации давались официальные оценки советско-германскому договору, целью которых было подыграть западным партнерам. По мнению же лидера КПРФ Геннадия Зюганова, подписав Пакт с Гитлером, Сталин принял гениальное и единственно возможное

в тех исторических условиях решение, поскольку произошло это «в условиях, когда Запад поощрял гитлеровскую военную машину двигаться на СССР, а нашей стране как воздух нужны были еще несколько лет мирной передышки для решения неотложных задач укрепления обороноспособности. … Заключив пакт, Сталин выиграл битву за пространство и время, что стало одним из залогов нашей грядущей великой Победы в 1945-м» [4].

Сходную, хотя и более сдержанную оценку пакта, дает лидер «Справедливой России» Сергей Миронов: «Оценка любого исторического события должна даваться в контексте того времени, когда оно свершалось. Считаю, что пакт Молотова–Риббентропа был шагом вынужденным и оправданным с точки зрения обеспечения безопасности Советского Союза накануне войны». Решение же II съезда народных депутатов СССР относительно пакта, по мнению Миронова, было недостаточно продуманным, особенно с учетом того, что ни Англия, ни Франция не спешат каяться за «Мюнхенский сговор» 1938 года [3].

Глава ЛДПР Владимир Жириновский также считает, что договор о ненападении с Германией в условиях нежелания Англии и Франции вступить в альянс с Советским Союзом был единственным способом защитить страну в тот момент [3].

Прямо противоположную позицию занимают российские либералы.

По мнению теперь уже экс-председателя партии «Яблоко» Сергея Митрохина, подписание договоренностей с Германией было грубейшей политической ошибкой Сталина, которого Гитлер «развел как мальчика». Действия же других европейских правительств того времени, в частности, те, которые привели к Мюнхенскому соглашению, не оправдывают Москву в ее подковерной игре в передел европейских границ с гитлеровским режимом. В связи с этим осуждение Пакта Молотова–Риббентропа II съездом народных депутатов логично и закономерно, является выражением естественного желания строить государство на совершенно иных, по сравнению со сталинскими, принципах [3].

Еще более негативную оценку Договора о ненападении дал лидер движения «Союз правых сил» Леонид Гозман: «… надо признать, что практически все державы того времени (кануна Второй мировой войны. – *Д.Р.*) вели себя предельно недостойно по отношению к фюреру», при этом оправдывать заключение СССР пакта с Гитлером – «это полное безобразие, надругательство над памятью людей, которые погибли (а их миллионы), ну в общем это позор, мерзость, совершенно отвратительное что-то» [9]. По мнению Гозмана, «со стороны Сталина это была не столько попытка оттянуть начало войны, сколько реальное стремление разрушить мир с близкой ему по духу диктатурой». Что же касается постановления II съезда народных депутатов СССР об осуждении Пакта, то, по мнению главы СПС, «это было высоконравственное, а значит, политически правильное решение» [3].

Подводя общий итог, необходимо еще раз отметить, что основой современной российской официальной оценки Пакта Молотова–Риббентропа попрежнему является соответствующее постановление II съезда народных депутатов СССР, опирающееся на результаты работы комиссии Яковлева. Однако в настоящее время российская правящая политическая элита все более придерживается максимально прагматического и конкретно-исторического подхода к этой оценке. Что же касается прежних рафинированно идеалистических суждений по поводу данного договора, то они остаются уделом лишь отечественной маргинализированной либеральной оппозиции.

Источники и литература:

1. Владимир Путин: «Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?» Статья председателя правительства Российской Федерации В.В. Путина в «Газета Выборча». 31.08.2009 [Электронный ресурс] // Интернет-портал ИноСМИ.ru. – Режим доступа: https://inosmi.ru/russia/20090831/252071.html. – Дата доступа: 10.04.2020.
2. В Музее современной истории России состоялась встреча Владимира Путина с молодыми учёными и преподавателями истории. 5 ноября 2014 года [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство президента России. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/46951. – Дата доступа: 10.04.2020.
3. Желенин, А. Пакт МолотоваРиббентропа в оценках современных политиков [Электронный ресурс] / А. Желенин // Военно-промышленный курьер. – № 33 (299). – 26 августа 2009 года. – Режим доступа: https://vpk-news.ru/articles/7263. – Дата доступа: 10.04.2020.
4. Заключив пакт, Сталин выиграл битву за пространство и время, что стало одним из залогов нашей грядущей великой Победы. Председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Госдуме Г.А. Зюганов ответил на вопросы еженедельника «Россия» и журнала «Политический класс» в связи с 70-летием пакта Молотов–Риббентроп [Электронный ресурс] // Сайт Санкт-Петербургского городского отделения КПРФ. – Режим доступа: http://www.cprfspb.ru/3134.html. – Дата доступа: 10.04.2020.
5. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам встречи с Федеральным канцлером Германии Ангелой Меркель, 10 мая 2015 года [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство президента России. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49455. – Дата доступа: 10.04.2020.
6. МИА «Россия Сегодня»: Лекция Мединского В.Р., 24 апреля 2015 года [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство «Россия сегодня». – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=HE3QeZwfb5U. – Дата доступа: 10.04.2020.
7. Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24.12.1989 № 979-1 «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 29. – Ст. 579.
8. Председатель Правительства России В.В. Путин выступил на состоявшейся в Гданьске церемонии, посвященной 70-ой годовщине начала Второй мировой войны, 1 сентября 2009 года. [Электронный ресурс] // Сайт Постоянного представительства Российской Федерации при международных организациях в Вене. – Режим доступа: http://rusmission.org/1. – Дата доступа: 10.04.2020.

9. Президент Общероссийского общественного движения «Союз правых сил», член Комитета гражданских инициатив, психолог, Леонид Яковлевич Гозман отвечает на вопросы журналиста Андрея Маркова. Дата премьеры: 30 августа 2019 [Электронный ресурс] // Ютуб-канал «Культура Достоинства». – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=6gLAe_SJwOM. – Дата доступа: 10.04.2020

10. Пресс-конференция по итогам встречи на высшем уровне Россия – Европейский союз, 10 мая 2005 года [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство президента России. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22967. – Дата доступа: 10.04.2020.

ПЕРЕВЕРТЫВАНИЕ ИСТОРИИ, ИЛИ ПОЧЕМУ ПОЛЬША НЕ ХОЧЕТ ОТМЕЧАТЬ ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВАРШАВЫ

В.Г. Цыплин (Саратов)

В последнее время польские политики все чаще на государственном уровне искажают роль Советского Союза во Второй мировой войне. В Польше не хотят вспоминать тех, кто освободил польскую столицу. На эти взгляды не влияют ни документы Центрального архива МО РФ, вводимые в научный оборот, ни информационные материалы в защиту разрушаемых памятников советским воинам-освободителям. В суровой действительности в Польше не востребованы открытые документы, позволяющие разобраться в сути происходящих процессов того периода, интерес представляют только собственные рассуждения. Реалии новейшей польской истории таковы, что Москва старается поставить поляков в позицию благодарности за освобождение от немецкой оккупации, что польская общественность имеет критическое мнение, связанное с вторжением Красной Армии в Польшу с ее последующей оккупацией.

Польский культурный центр в Москве, имеющий статус дипломатической миссии при МИД Польши, занимается организацией в крупных городах России культурных мероприятий, связанных с польской проблематикой. Все прибывшие на эти мероприятия получали в качестве презента ежедневник на 2020 год, который также распространялся среди посетителей польского посольства. В дневнике российским гражданам преподносилась информация о важных событиях в польском обществе, о культурной жизни в стране, о новых историографических подходах к событиям прошлого [14]. Данные цели пытались достичь за счет необычных рисунков и своеобразных статей, написанных со специфическим прозападным уклоном. В них просматриваются порочные попытки западной историографии: создать новую картину истории Второй мировой войны, представить Россию вечно виноватой. Для этого используются как старания подобранных активных и заинтересованных организаторов, так и антироссийски настроенных отечественных учёных. На страницах ежедневника отдельными

штрихами пытаются показать, что в Польше кипит культурная и научная жизнь, что не надо ее изображать белым пятном на карте, что в ней есть уникальные ученые, занимающиеся «новой историей» и реализующие новаторские проекты, о которых надо срочно рассказать в России. В то же время факты там изложены фрагментарно, совершенно не говорится о конкретных событиях, что в конечном итоге приводит к фальсификации исторического знания. Так, страница от 17 января осталась незаполненной. Варшава много лет игнорирует День освобождения Польши советскими войсками, при этом памятные мероприятия по случаю нападения на республику фашистской Германии ежегодно оказываются в центре внимания.

Перечисленные выше позиции легко объясняются словами заместителя МИД Польши Шимона Шинковского вель Сенка сообщившего, что Варшава руководствуется не историческими, а современными критериями, а Москва не планирует отмечать юбилеи Второй мировой войны с позиций «исторической правды» [18]. Более того, Сейм Польши на законодательном уровне запретил России толковать историю со своей точки зрения. Это делалось в соответствии с «Законом об Институте национальной памяти», инициатором принятия которого выступила вице-спикер сейма М. Кидава-Блоньская, выдвинутая кандидатом в президенты Польши от оппозиционной партии «Гражданская платформа». Она является сторонником позиции, когда любые исторические документы, содержащие неприятные для Польши трактовки, необходимо запретить [9]. Уголовное преследование стало носить экстерриториальный характер. Уголовное дело может быть возбуждено против любого субъекта, вне зависимости от места нарушения. В документе была прописана процедура наказания от штрафа до тюремного заключения на срок до трёх лет. Сразу после вступления закона в силу, националистическая общественная организация «Польская лига против клеветы» подала в суд первый иск за нарушение польского закона о Холокосте против аргентинской газеты. В ней статью о еврейском погроме 1941 года в Едвабне проиллюстрировали фотографией солдат польского антикоммунистического сопротивления [29]. Польские руководители активно поддерживали подобные законодательные инициативы, чем инициировали осложнение отношений Польши с Израилем, США, которые задействовали против Варшавы дипломатические и экономические рычаги давления. Не состоялись контакты Д. Трампа с премьер-министром Польши Т. Моравецким, что поставило под вопрос приобретения Польшей ракет «Пэтриот», предназначавшиеся для размещения на границе с РФ [5, с. 19]. Здесь уже совсем недалеко до реальных угроз, которые могут привести: к предъявлению финансовых претензий, сокращению масштабов военного сотрудничества, к санкциям. В тоже время, с одобрения американского госдепа польские русофобы по-другому преподносят предпосылки начала войны и полностью искажают предвоенную ситуацию. К недовольству многих западных политиков, включая польских, существуют советские

архивы, содержащие конкретные документы о внешнеполитической деятельности практически всех государств. Они также проливают свет на механизм принятия решений конкретными политическими деятелями накануне и в ходе Второй мировой войны, где позиции польских руководителей представлены в негативных тонах. Сложно отрицать целый ряд заархивированных исторических фактов, изложенных в архивных документах.

Во-первых, Польша является первым в мире государством, заключившим пакт о ненападении с фашистской Германией, что делало невозможным реальное участие Польши в любых системах коллективной безопасности [15, с. 19].

Во-вторых, несмотря на то, что Германия не стала давать гарантий относительно польско-германских границ, определенных после окончания Первой мировой войны, глава польского государства Ю. Пилсудский и министр иностранных дел Польши Ю. Бек расценивали соглашение с Германией как величайшее достижение польской дипломатии. После того как Германия заявила о выходе из Лиги Наций, её интересы в этой международной организации в первой половине 30-х годов стала представлять Варшава [17, с. 67]. О добровольной защите Польшей германских позиций в Лиге Наций неоднократно заявлял Председатель комитета Совета Федерации по международным делам К. Косачев [11].

В-третьих, 31 августа 1937 года польский Генштаб утвердил директиву № 2304/2/37, в которой говорилось об угрозах для Германии и Польши большевизма и СССР как государства, вне зависимости от существующего в нем строя. Опасную Россию запланировали уничтожить. Аналогичные мысли встречаются в документе 2-го разведывательного отдела главного штаба Войска Польского, датированном 1938 годом. Там в основах польской политики на Востоке заложен раздел России. В феврале 1937 года по подобным вопросам проходили беседы между руководством Польши и Г. Герингом, который прибыл в Варшаву с неофициальным визитом [23, с. 183]. 26 января 1939 года в ходе беседы, проходившей между руководителями МИД Германии и Польши, Ю. Бек обозначил территориальные претензии своего государства на Советскую Украину и на выход к Чёрному морю.

В-четвертых, проводя близорукую, самонадеянную и оторванную от реальности политику, Польша совместно с фашистской Германией аннексировала чужие территории, после чего перестала существовать сама. В начале января 1939 года польское руководство проявило принципиальность и заняло твердую позицию в отношении германских требований относительно их масштабных устремлений [1, л. 2]. В связи с этим косвенное давление Гитлера на Польшу было предпринято через глав дипломатических миссий уже 12 января путем предоставления времени на обдумывание польской стороной определенных германских предложений [2, л. 31]. А во фрагменте записи доклада начальника генерального штаба Ф. Гальдера, сделанного перед офицерами генштаба в апреле 1939 года, просматри-

валась задача о ликвидации Польши разными способами [21, л. 5]. А еще в октябре 1938 года польская армия провела операцию «Заользье», в результате которой был захвачен Тешинский район Чехословакии с населением 228 тысяч человек, что позволило увеличить мощность польской тяжелой промышленности на 50%. От Польши последовали новые ультимативные требования. Захотелось новых территориальных приращений теперь уже в Словакии. По договору, заключенному 1 декабря 1938 года Польша получила Яворину на Ораве с населением 4,3 тысячи человек [13, с. 270].

В-пятых, 500 тысяч граждан Польши добровольно проходили службу в Вермахте и СС. К ним фашистское командование относилось как к полноценным солдатам. Несмотря на несоответствие арийским меркам, из поляков были сформированы отдельные подразделения: Горальский легион Ваффен-СС, бригада Святого Креста – Brygada Swietokrzyska. Частично были укомплектованы поляками 3 танковая дивизия СС «Totenkopf», 4 полицейская гренадерская дивизия СС, 31 гренадерская дивизия СС Bohmen und Mahren, 32 гренадерская дивизия СС. В тоже время, личный состав армии В. Андерса, созданной на территории СССР в рамках советско-польского военного союза, был настроен негативно. Большинство призывников не видело в сотрудничестве каких-либо перспектив. Они рассчитывали, что после окончания войны Западная Украина и Белоруссия снова вернутся в состав Польши. После заявления В. Андерса о невозможности использовать польские войска на советско-германском фронте, армия нарушила союзнические обязательства и без согласования с советским и польским правительством осуществила по свидетельству очевидцев, настоящее бегство. Удивительный факт из СССР в Англию и Иран вместе с командующим сбежала армия в 80 тысяч военнослужащих [3, л. 137]. В польской эмигрантской прессе сочинили оправдательное вранье. Военнослужащие, по ее мнению, хотели как можно быстрее начать боевые действия с фашистами, но СССР затянуло поставки вооружения. Из-за этого пришлось сменить приоритеты и объединить свои усилия с англичанами, которые быстро поставят необходимое вооружение [4, л. 37].

В-шестых, польские коллаборационисты, пожелавшие идти на службу к фашистам, принимали самое активное участие в уничтожении евреев. Они были привлечены к проведению облав, паспортному контролю, охране еврейских гетто, депортации, доставки евреев в концлагеря и места их массовых расстрелов. Эти события по-прежнему покрывает завеса молчания. Политики, общественные активисты мировые СМИ начали активно обращаться к теме еврейских погромов в Польше с 2015 года, когда Я. Качиньский высказался против размещения на территории Польши беженцев с Ближнего Востока. Такую позицию польского политика приравняли к систематическому преследованию и истреблению евреев немецкими нацистами в Германии. Поляков старались пристыдить и припомнить им, что некоторые их предки даже осуществляли антиеврейскую политику нацистов. В ходе ревизии

знаний о Второй мировой войне, совпавшей с расширением ЕС, европейцы представляются как невинные жертвы страшного коммунизма, который был принесен Москвой, а Национальными героями в этих странах стали люди, которые участвовали в Холокосте. Этот процесс полностью переформатировался, когда Европарламент принял в качестве общеевропейского дня памяти День памяти жертв тоталитарных режимов, то стало понятно, что европейский дискурс о прошлом переформатировался [16].

В-седьмых, на территории Польши функционировало 6 концлагерей, организованных немцами в рамках людоедской программы «окончательного решения еврейского вопроса» [8]. Неоспоримым является факт, что ни в отечественной, ни в историографии европейских государств до настоящего времени нет серьезных обобщающих работ по источниковой базе концентрационных лагерей, образованных Третьим рейхом и насчитывающих 14033 пунктов различной направленности [12, с. 80]. В настоящее время на территории Польши существует множество центров, содержащих материалы по концлагерям, где имеются как свидетельские показания узников и официальные лагерные документы, так и судебные материалы по конкретным личностям, совершившим преступления [31, p. 74]. Мировому сообществу известны практически все центры хранения основной источниковой базы истории концлагерей Третьего рейха, включая частные коллекции, имеется учет засекреченных фондов в архивохранилищах.

Ученые имеют представления о параметрах деятельности нацисткой машины террора. Но в качестве научного обоснования они применяют концепцию «Кровавых земель» профессора Йельского университета Т. Снайдера, которая представляет народы Центральной Европы жертвами войны, полностью исключая при этом все виды ответственности за сотрудничество с нацистами и участие в Холокосте [32]. В ЕС считается неоспоримым фактом, что в результате победы СССР поработил народы Центральной и Восточной Европы и установил в них тоталитарные режимы [30]. Зачастую бойцов Красной Армии, одержавших победу над нацизмом, растаскивают по национальным квартирам. Так, глава МИД Польши Г. Схетына, выпускник философско-исторического факультета, историк по образованию, заявил, что этнические украинцы 27 января 1945 года освободили концлагерь Аушвиц-Биркенау [6]. В истории имеется много фактов, когда невозможно отрицать позитивные итоги действий советских военнослужащих, начинают «благодарить» представителей нерусских народов СССР. Ответственность за все негативное в ходе боевых действий всегда возлагают на Россию, а другие народы СССР считаются жертвой русского тоталитарного режима. В XXI веке польские руководители неоднократно и публично высказывали свою порочную мысль о неприятии критического направления в польской исторической науке и публицистике, старалась не допускать рассказов об истории без прикрас и скрыть от общественности позорные страницы истории Польши. Они были

и остаются противниками объективных оценок и извлечений моральных уроков из истории для неповторения ошибок прошлого. А резонансные издания польского историка и социолога Я.Т. Гросса, такие как «Соседи», «Страх» и «Золотая жатва», наоборот призывали к противоположному: рассказать правду об агрессивности польского общества к евреям, о помощи фашистам в годы войны, а поисках поляками скрывающихся евреев и их убийстве, антисемитизме в послевоенной Польше [7, с. 449].

Ангажированные исследователи постоянно муссируют тему предательства со стороны Москвы, которая допустила предательство польских националистов в «Армии Крайовой», которые старались выполнить союзнические обязательства перед СССР. По их мнению, вместо помощи советские руководители произвели оккупацию Польши [10]. В 2017 году президент Польши А. Дуда утвердил поправки в «Закон о запрете пропаганды коммунизма или иного тоталитарного строя» от 1 апреля 2016 года. Тем самым он санкционировал официальное уничтожение около 500 памятников и памятных знаков советским воинам, освобождавшим Польшу. В списках погибших значатся 600 тысяч советских солдат и офицеров, действовавших в интересах «независимой и демократической Польши» [26, л. 376]. Советские военнослужащие не только освобождали польскую территорию от врага, но и помогали местной администрации начинать мирную жизнь: очищали населенные пункты от мародеров, тушили пожары, на улицах разбирали завалы, всемерно способствовали организации работы городских служб [27, л. 193]. Инициаторами возведения советских мемориалов в Польше были генералы, которые хоронили советских солдат и выполнили задачу по увековечению их памяти. Документы, недавно опубликованные Минобороны РФ свидетельствуют, что после освобождения поляки наоборот устанавливали памятники советским солдатам, а не сносили их. В Варшаве на площади стоял монумент советско-польскому братству по оружию, который демонтировали в 2011году при строительстве ветки метро. На старое место его уже не вернули. В настоящее время польские политики считают, что советские военачальники произвели наглядное закрепление своего военного присутствия на территории Польши [28, с. 486]. Комментарии Департамента информации и печати Министерства иностранных дел России от 18 июля 2017 года, в которых говорится, что благодаря решающему вкладу СССР, польский народ не был уничтожен, а Польша сохранилась как государство, остались без внимания мировых СМИ [25, с. 112]. За время нацистской оккупации Польша потеряла 21,4% своего населения. Современные польские историки, рассматривая ситуацию с Варшавским восстанием, которая для них является спекулятивной темой, постоянно высказывают обиды, что им не помогли. Историки - русофобы идут дальше. Они без зазрения совести говорят, что советские войска якобы намеренно со злым умыслом остановились перед Варшавой и специально ждали подавления восстания, начатого Армией

Крайовой. О героях – поляках Варшава старается не вспоминать, вместо них превозносят трусов, авантюристов и предателей. Маршал СССР К.К. Рокоссовский, поляк по национальности, считал, что Варшавское восстание изначально было обречено на провал: растянутость коммуникаций, отсутствие резервов, создание немцами устойчивых оборонительных рубежей и подтягивание ими свежих сил [22, с. 281]. В результате своих нелепых действий инициаторы восстания, которыми являлись члены лондонского правительства Польши в изгнании, задумавшие преступную игру на опережение, остались банкротами. Современные польские политики предпочитают прославлять авантюриста Коморовского, который в своих послевоенных интервью вспоминал о готовности воевать с советскими войсками, которые должны были прорваться в польскую столицу во время восстания [24]. Варшаву 17 января 1945 года освобождали и воины армии Войска Польского. Герои, принимавшие участие в штурме города, не считали себя величественнее советских солдат, которые тоже брали город. Только вот сегодня в правительство Польши попали потомки особой касты, к которой возможно относятся: сбежавшие в Румынию осенью 1944 года; убывших воевать за Польшу в Иран, реализовывающие авантюрный план в 1944 году в Варшаве [19].

Организованный в Польше институт исторической памяти имеет в настоящее время достаточно серьёзное влияние. Он воспитал несколько поколений историков, у которых сформировано прозападное видение направления преподавания истории этого сложного периода. Они уверены, что в геополитическом неуспехе Польши виновником является Россия. Используя методики современного ревизионизма, сложно решить стоящие на повестке дня вопросы сотрудничества, дружбы и можно только придти к полной неприязни между Россией и Польшей. На основании архивных документов, при наличии политической воли и применении конкретных пропагандистских шагов в короткое время можно легко переформатировать Польшу из жертвы в агрессивную страну. Но нельзя осуществлять такие шаги государству, которое имеет союзников из народов бывшего Советского Союза и продолжает сохранять свои исторические традиции. Это унизительно для потомков народа-победителя, нам нельзя забывать память миллионов граждан Польши, которые отдали свои жизни в борьбе с фашизмом. Добро и правда является лучшим оружием против лжи, чего и боятся всякого рода манипуляторы. Следуя этим курсом, Центральный архив Министерства обороны РФ разместил в январе 2020 года уникальные исторические документы, проливающие свет на боевые действия по освобождению Красной Армией Варшавы 17 января 1945 года, на что польские власти продемонстрировали очередной всплеск негодования и обвинили Россию в попытке «переврать историю» [20].

Искажение современной истории, очернение подвигов героев, снос памятников – такими действиями сегодняшняя Польша предаёт память своих

предков. Каждая страна по своему разумению выбирает героев и праздники. Поляки, отрекшиеся от своих настоящих героев в пользу каких-то протеже, помешанных на антисоветизме, не вызывают ничего, кроме жалости и презрения. Такие методы применяют те, для кого историческая правда представляется как разменная монета в геополитической игре.

Возможно, руководство Польши так горько и плачевно переживает: потерю своего призрачного лидерства в ЕС, различного рода критику в свой адрес, восстановление отношений между Россией и Германией. Вероятно, это и стало причиной психоза определенной части населения Польши.

В то же время навязываемая модель исторической правды все-таки неприемлема для значительного числа граждан Польши. Но стоит ли продолжать истерию и навсегда отказаться от празднования дня освобождения своей столицы?

Таким образом, переформатирование политики памяти польского руководства может привести к росту конфликтности внутри польского общества и на международной арене, а также к росту ксенофобских настроений.

Источники и литература:

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 0122. Оп.23. П. 183. Д. 2.

2. АВП РФ. – Ф. 082. Оп.22. П. 93. Д.7.

3. АВП. РФ. – Ф. 0122. Оп. 26а. Д. 13.

4. АВП. РФ. – Ф. 0122. Оп. 26а. Д. 60.

5. Белов, С.И. Политика памяти Польши как фактор генерации внешних и внутренних конфликтов / С.И. Белов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 2. – С. 93–100.

6. Бугайская, Е. Провокация по-польски / Е. Бугайская // Российская газета. – 2015. – 1 янв.

7. Булахтин, М.А. Политика исторической памяти в современной Польше / М.А. Булахтин // Вестник Удмуртского университета. – 2019. – Т. 3, №. 4. – С. 449–458.

8. Дежкин, Г. Почему все гитлеровские концлагеря по уничтожению людей располагались в Польше / Г. Дежкин // Аргументы недели. – 2015. – № 3. – 29 янв.

9. Как Польша изображает жертву и искажает историю [Электронный ресурс] // НТВ. – Режим доступа: https://www.ntv.ru/ novosti/2280204/. – Дата доступа: 24.02.2020.

10. Келлерхофф, С.Ф. Варшавское восстание 1944 года: Сталин останавливает танки – Гитлер наносит удар [Электронный ресурс] / С.Ф. Келлерхофф // ИноСМИ. – 04.08.2014. – Режим доступа: http://inosmi.ru/world/20140804/222143472.html. – Дата доступа: 20.02.2020.

11. Косачев ответил на обвинения польского премьера // Российская Газета. – 2019. – 31 дек.

12. Малышева, Е.М. Концентрационные лагеря третьего рейха: центры хранения документов и источниковая база исследования проблемы / Е.М. Малышева, С.В. Аристов // Военно-исторический журнал. – 2017.– № 9. – С. 80–88.

13. Марьина, В.В. Кто и как делил Чехословакию в марте 1939 года / В.В. Марьина // Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? – М. : Вече, 2009. – С. 269–293.

14. Мастеров, В. Освенцим ждет освобождения от политики [Электронный ресурс] / В. Мастеров // Независимая газета-НВО. – 23.01.2020. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/world/2020-01-23/1_7776_poland.html. – Дата доступа: 20.02.2020.

15. Мельтюхов, М.И. 17 сентября. Советско-польские конфликты 1918–1939 / М.И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2009. – 618 с.

16. Миллер, А. Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит / А. Миллер // Новая газета. – 2015. – 3 июля.

17. Назаров, О.Г. О роли Польши в развязывании Второй мировой войны / О.Г. Назаров // Информационные войны. – 2015. – № 1 – С. 64–74.

18. Польша отметила 80-ю годовщину начала Второй мировой войны с ФРГ и США, но без России [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2019. – 1 сентября. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6830056. – Дата доступа: 21.02.2020.

19. Правда о роли Польши во Второй мировой войне [Электронный ресурс] // БРОД. – Режим доступа: https://brodv.ru/2019/06/15/pravda-o-roli-polshi-vo-vtoroj-mirovoj-vojne/. – Дата доступа: 22.02.2020.

20. Рассекреченные документы об освобождении Варшавы взорвали мозг правительству Польши [Электронный ресурс] // NEWS-FRONT. – Режим доступа: https://news-front.info/2020/01/18/rassekrechennye-dokumenty-ob-osvobozhdenii-varshavy-vzorvali-mozg-pravitelstvu-polshi/. – Дата доступа: 21.02.2020.

21. Российский государственный военный архив. – Ф. 152/К. Оп. 1. Д. 440.

22. Рокоссовский, К.К. Солдатский долг / К.К. Рокоссовский. – М. : Воениздат, 1988. – 367 с.

23. Секреты польской политики 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. – М. : РИПОЛ классик, 2010. – 512 с.

24. Сидорчик, А. Не те победители. Почему Польша не празднует 75-летие освобождения Варшавы? [Электронный ресурс] / А. Сидорчик // Аргументы и факты. – 14.01.2020. – Режим доступа: https://aif.ru/society/history/ne_te_pobediteli_pochemu_polsha_ne_prazdnuet_75-letie_osvobozhdeniya_varshavy. – Дата доступа: 24.02.2020.

25. Филипповых, Д.Н. Между памятью и забвением. Научилась ли Польша мудрости? / Д.Н. Филипповых, Г.В. Епонешникова // Вестник ВЭГУ. – 2017 – № 5. – С. 111–119.

26. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). – Ф. 233. Оп. 2307. Д. 12.

27. ЦАМО РФ. – Ф. 886. Оп. 1. Д. 84.

28. Цыплин, В.Г. «Зачистка» памятников участникам ВОВ как способ поддержания температуры риторики против России в 2015 году / В.Г. Цыплин // Материалы V Международной научной конференции «Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение». – М. : Перо, 2016. – С. 484–488.

29. Anniversary of the Jedwabne pogrom [Electronic resource] // Jewish Historical Institute. – 2018. – 10 July. – Mode of access: http://www.jhi.pl/en/blog/2018-07-10-anniversary-of-the-jedwabne-pogrom. – Date of access: 21.02.2020.

30. Dits, G. Putinizatsiya germanskoi politiki [Electronic resource] / G. Dits // ИноСМИ. – 14.10.2015. – Mode of access: http://inosmi.ru/world/20151014/230802093.html. – Date of access: 21.02.2020.

31. Skibinska, A. Guide to the Sources on the Holocaust in Occupied Poland / A. Skibinska // European Holocaust Research Infrastructure. – 2014. – P. 73–87.

32. Snyder, T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin / T. Snyder. – N. Y. : Basic Books; Random House, 2010. – 524 p.

Р А З Д Е Л 3
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1945–1991 гг.)

АМЕРИКАНСКОЕ УЧАСТИЕ В ГРЕЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ В 1944–1953 гг.[1]

А.А. Калинин (Киров)

Проблема генезиса холодной войны остается дискуссионной в историографии. Становление биполярной системы во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. сопровождалось рядом региональных конфликтов. Первым военным конфликтом в Европе в годы холодной войны стала гражданская война в Греции 1946–1949 гг. Греческий конфликт подпадает под характеристику «интернационализированный внутренний конфликт», так как в него оказались вовлечены ведущие мировые державы (США, СССР, Великобритания, Франция и др.), страны народной демократии, а также Организация Объединенных Наций. Не случайно историк А. Геролиматос предлагает рассматривать конфликт в Греции как интернационализированную гражданскую войну. Он считает, что доктрина Трумэна «спасла» Грецию от «сползания» в советскую сферу, и таким образом страна избежала десятилетий экономического и культурного застоя [13, p. 292–297].

Конфликт в Греции может быть поставлен в один ряд с последующими интернационализированными внутренними конфликтами периода холодной войны: корейским, вьетнамским и др. Поэтому при анализе греческого конфликта опирался на теорию конфликта, которая разрабатывается в рамках политической конфликтологии [14; 5].

Важность исследования истории греческого конфликта вытекает из необходимости изучения средств и методов, используемых США для интернационализации внутренних конфликтов в различных регионах мира с середины XX в. вплоть до сегодняшнего дня. В период греческого конфликта 1944–1953 гг. американская администрация разработала и апробировала алгоритмы вмешательства во внутренний гражданский конфликт с его последующей интернационализацией с целью недопущения прихода к власти Коммунистической партии Греции (КПГ), которые впоследствии будут применяться в других странах и регионах.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).

Анализ временного измерения греческого конфликта позволил выделить три его стадии: формирование конфликтной ситуации (1944–1946 гг.), период гражданской войны (1946–1949 гг.) и постконфликтная стадия (1949–1953 гг.).

В 1944–1946 гг. в Греции вызревал гражданский конфликт, который явился результатом синергии внутренних и внешних факторов. Ведущая роль левых сил в греческом движении Сопротивления создала новую политическую ситуацию после ухода немецких оккупантов осенью 1944 г. КПГ была не прочь реализовать в Греции «югославский сценарий», где коммунистический режим возник без прямого участия СССР. Однако Лондон не допустил подобного развития событий. В качестве противовеса возможному усилению советского влияния англичане приложили усилия для втягивания американцев в конфликт.

Конфликтная стадия охватывает период со второй половины 1946 г. до осени 1949 г. Гражданская война в Греции, начавшаяся летом 1946 г., была военным конфликтом низкой интенсивности, в котором СССР и страны Восточной Европы поддерживали дружественных инсургентов на греческой территории. До середины 1946 г. американцы не видели угрозы Греции со стороны СССР. Важную роль в переосмыслении американцами целей советской внешней политики и восприятия «красной угрозы» Греции сыграли турецкий кризис и политика СССР в Восточной Европе. Спусковым крючком к этому стала, по-видимому, советская нота турецкому правительству от 7 августа 1946 г. об изменении конвенции Монтрё [2, с. 375]. Исполняющий обязанности госсекретаря Д. Ачесон считал ноту «пробным шаром русских» и предложил дать понять Москве, что если она не отступит, то это может вызвать новую войну. На совещании в Белом доме 15 августа Ачесон сообщил президенту Г. Трумэну, что Госдепартамент, военное и военно-морское министерства пришли к общему мнению, что Советский Союз стремится установить контроль над Турцией, а затем и господство над Грецией с далеко идущими последствиями для Ближнего и Среднего Востока и очевидной угрозой для британских коммуникаций в Индию. Трумэн согласился, что на действия Москвы в Восточном Средиземноморье должен последовать твердый американский ответ [16, p. 112–113].

Осенью в американских военных, внешнеполитических и разведывательных кругах сложился консенсус в отношении оценок коммунистического давления на Грецию, которое рассматривалось как доказательство экспансионистских замыслов Москвы. Ответственность за напряженную ситуацию на северных границах Греции теперь всецело возлагалась на «советские марионетки» Югославию, Албанию и Болгарию. В «Меморандуме о Греции» от 25 сентября директор Управления ближневосточных и африканских дел Госдепартамента Л. Гендерсон рассматривал Грецию как центральный узел международных противоречий в течение ближайших нескольких месяцев, и ее судьба могла стать решающим фактором

в определении будущей политической ориентации государств Ближнего и Среднего Востока, а также оказать влияние на страны, политические симпатии которых пока склонялись в пользу Запада [9].

«Красная угроза» Греции побудила США пойти на интернационализацию греческого конфликта. Механизм принятия решений в условиях обострения конфликта может быть описан через призму концепции «группового мышления». «Кризисным решением», которое было выработано в кратчайший срок и в состоянии стресса, стала программа помощи Греции и Турции. Трактовки греческого кризиса как внутреннего или регионального были вытеснены из сознания американцев, и в Вашингтоне утвердилось черно-белое восприятие конфликта. При этом культивировался неоправданный пессимизм, когда американские дипломаты приходили к выводу, что без масштабной помощи Греция через несколько недель может оказаться под властью коммунистов. В меморандуме заместителя госсекретаря Д. Ачесона «Кризис и неминуемая угроза коллапса в Греции» от 21 февраля 1947 г. говорилось об угрозе экономического и финансового краха. «Греция – единственная балканская страна, – заключил Ачесон, – которая по-прежнему ориентируется на западные демократии. Если не оказать срочную и прямую поддержку, то, вероятно, греческое правительство будет свергнуто и к власти придет крайне левый тоталитарный режим». Капитуляция Греции из-за отсутствия адекватной поддержки со стороны США и Великобритании могла привести к потере Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки [10, p. 29–30].

В тот же день британское посольство в США передало в Госдепартамент памятные записки по Греции и Турции, создав стрессовую ситуацию, запустившую действие механизма «группового мышления». Д. Ачесон в эти дни пребывал в состоянии сильного возбуждения. Журналисту Л. Фишеру он сказал, что «британцы уходят отовсюду и если вместо них не придем мы, то придут русские» [6, p. 165].

12 марта Трумэн выступил перед объединенной сессией Конгресса с посланием, в котором попросил выделить в 1947/1948 финансовом году 400 млн долл. для оказания помощи Греции и Турции в связи с коммунистической угрозой. Греческий конфликт стал удобным поводом для выдвижения рубежной для американской внешней политики доктрины Трумэна, которая вызревала в Вашингтоне больше года. Скорость, с которой была разработана и принята программа помощи Греции и Турции, объяснялась тем, что основные постулаты доктрины сдерживания были сформулированы ранее, и оставалось лишь найти повод для апробации их на практике. Соединенные Штаты в этой доктрине выступали воплощением «вселенского добра», а Советский Союз и его «сателлиты» – «мирового зла». Такой упрощенный подход вел к демонизации греческих коммунистов и северных соседей Греции, а также исключил возможность поиска компромиссного сценария урегулирования конфликта, который превратился в «игру с нулевой суммой».

Администрация Г. Трумэна гиперболизировала советскую угрозу, чтобы обосновать новый внешнеполитический курс США. Антикоммунистическая риторика президента побудила многих республиканцев и южных демократов поддержать масштабную помощь Греции.

Важной составляющей американской стратегии в отношении Греции стало вовлечение в конфликт Организации Объединенных Наций. В январе–апреле 1947 г. сбор информации осуществляла Комиссия по расследованию греческих пограничных инцидентов. Однако вследствие пяти советских вето Совет Безопасности ООН не смог принять ни одного решения по греческому вопросу. Тогда по инициативе американцев 21 октября Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 109 (II) «Угроза политической независимости и территориальной целостности Греции», которая предусматривала создание Специального комитета ООН по Балканам (UNSCOB) [4]. Этот орган действовал с октября 1947 г. по декабрь 1951 г. Вашингтон стремился подчинить UNSCOB целям американской политики. Советник посольства США в Греции К. Рэнкин откровенно писал, что UNSCOB должен отбросить «беспристрастность» и понять свою цель «спасения Греции». Некоммунистический мир должен осознать, считал Ранкин, что Греция «находится на “нашей стороне”, или… что мы находимся на “ее стороне”» [15, p. 102–103]. Решения Генассамблеи демонстрировали широкую поддержку американской политики в Греции, а доклады Специального комитета служили основанием для дальнейшего вмешательства США в греческий конфликт.

Нарастание интенсивности конфликта продолжалось до декабря 1947 г., когда в Северной Греции было провозглашено Временное народно-демократическое правительство главе с командующим партизанами, членом Политбюро ЦК КПГ Маркосом Вафьядисом. Американская разведка считала, что создание кабинета Маркоса инспирировано СССР с целью увеличить моральную и материальную помощь греческим повстанцам [8]. Греческий конфликт достиг своего пика.

Соединенным Штатам удалось не допустить признания «хунты Маркоса» другими государствами. 30 декабря Госдепартамент обнародовал заявление, в котором осудил создание «Свободного» правительства и пообещал «серьезные последствия» для тех стран, которые его признают [7]. В США развернулась дискуссия о целесообразности отправки американских войск в Грецию. Ее итогом стала директива СНБ-5/2 от 12 февраля 1948 г., которая допускала переброску войск только в качестве крайней меры на случай дальнейшей эскалации коммунистической агрессии [11, p. 46–51]. Пик кризиса был пройден.

Участие американцев в греческих внутренних делах охватывало экономическую, политическую и военную сферы. Для реализации программы помощи были созданы специализированные органы: Американская миссия помощи Греции, позднее – миссия Администрации экономического

сотрудничества; военными вопросами занималась Армейская группа США в Греции, которая затем вошла в состав Объединенной группы военного консультирования и планирования. Американцы стали своего рода арбитрами в греческом политическом процессе. Вашингтон сделал ставку на поддержку политических сил, способных наиболее эффективно противодействовать усилению влияния леворадикальных партий. Посольство и миссии США с середины 1947 г. до конца 1952 г. являлись своего рода «теневым правительством» Греции. Фактически принятие доктрины Трумэна означало ограничение суверенитета Греции. Как писала афинская газета «Катимерини», США «заботятся о Греции и руководят ею, как если бы она была сорок девятым или пятидесятым американским штатом» [3, л. 66].

Масштабная помощь США позволила греческим властям в августе 1949 г. нанести решающее поражение партизанам. К 1953 г. американцам удалось решить свои главные задачи в Греции: восстановить разрушенную войной экономику, добиться относительной стабильности финансово-кредитной системы. Хотя программа реконструкции была сокращена из-за снижения финансирования в 1951 г., ключевые экономические показатели свидетельствуют об успехе программы помощи, которая реализовывалась с 1947 по 1954 г. Благодаря внедрению при помощи американцев современной техники и мелиорации производство сельскохозяйственной продукции в Греции в 1953 г. составило 149,5% к уровню 1939 г. Промышленное производство увеличилось к 1953 г. на 67% по сравнению с 1939 г. [17, p. 343–344].

Не менее важным достижением американцев стало решение проблемы нестабильности греческих правительств. В директиве СНБ-103/1 «Позиция Соединенных Штатов в отношении Греции» от 14 февраля 1951 г. ставилась задача добиваться формирования стабильного демократического правительства [12, p. 463–466]. Своего пика вмешательство США в греческую политику достигло в 1950–1952 гг., когда американцы, управляя политическим процессом «в ручном режиме», добились формирования правительства, опирающегося на стабильное парламентское большинство. США способствовали консолидации греческих политических партий, а также выступили за переход к мажоритарной избирательной системе. Бывший лидер Либеральной партии С. Венизелос во время беседы с советским послом в Греции М.Г. Сергеевым в 1954 г. признал, что мажоритарная система была продиктована греческому правительству американцами [1, л. 42, 43].

Результатом греческого конфликта стало закрепление раскола Балканского полуострова и превращение Греции в военно-политического союзника США. В области безопасности американцы отводили Афинам роль «моста» между европейской (атлантической) структурой безопасности на базе НАТО и зарождавшейся системой безопасности Ближнего и Среднего Востока. Важными составляющими новой американской стратегии стали принятие Греции в Североатлантический Альянс (1952 г.) и подписание двустороннего военного соглашения США и Греции (1953 г.).

Источники и литература:

1. Архив внешней политики РФ. – Ф. 084. Оп. 42. П. 156. Д. 7.

2. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. – Киров : Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2014. – 510 с.

3. Государственный архив РФ. – Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 10129.

4. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Документ A/RES/109 (II) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/109(II). – Дата доступа: 07.04.2020.

5. Сетов, Р. А. Конфликт и кризис: категориальные комплексы в теории международных отношений / Р. А. Сетов // Введение в теорию международных отношений: учеб. пособие / отв. ред. А. С. Маныкин. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – С. 178–214.

6. Chace, J. Acheson: The Secretary of State Who Created the American World / J. Chace. – N. Y. : Simon & Schuster, 2007. – 512 p.

7. Communist Attempt to Overthrow Recognized Greek Government // The Department of State Bulletin. – Vol. XVIII. – No. 445. January 11, 1948. – P. 59.

8. Declassified Documents Reference System (GALE). Документ DDRS-239575-i1-4. Prospects for Soviet/Satellite Support for the “Free” Greek Government, January 2, 1948 [Electronic resource]. – Mode of access: http://infotrac.galegroup.com/galenet. – Date of access: 14.01.2020.

9. Department of State, Division of Near Eastern Affairs. Memorandum regarding Greece. Washington, D. C. September 25, 1946 // W. L. Clayton to D. Acheson. Washington, D. C. October 8, 1946. U. S. National Archive and Records Administration, College Park, Maryland, USA. – RG 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. Box 7027. 868.00/10–846.

10. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. – 1947. – Vol. 5. – Wash. : U. S. Government Printing Office, 1971. – IX, 1377 p.

11. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. – 1948. – Vol. 4. – Wash. : U. S. Government Printing Office, 1974. – XV, 1161 p.

12. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. – 1951. – Vol. 5. – Wash. : U. S. Government Printing Office, 1982. – XXXV, 1497 p.

13. Gerolymatos, A. An International Civil War: Greece, 1943–1949 / A. Gerolymatos. – New Haven; L. : Yale University Press, 2016. – XXXII, 399 p.

14. Mitchell, C. R. The Structure of International Conflict / C.R. Mitchell. – L. : Macmillan, 1981. – XII, 355 p.

15. Nachmani, A. International Intervention in the Greek Civil War: the United Nations Special Committee on the Balkans, 1947–1952 / A. Nachmani. – N. Y.; Westport (Conn.); L. : Praeger, 1990. – XVI, 196 p.

16. Schnabel, J. F. History of the Joint Chiefs of Staff. The Joint Chiefs of Staff and National Policy / J. F. Schnabel. – Vol. I: 1945–1947. – Wilmington (Delaware) : Michael Glazier, 1979. – XI, 241 p.

17. Vetsopoulos, A. The Economic Dimensions of the Marshall Plan in Greece, 1947–1952: The Origins of the Greek Economic Miracle: A Thesis / A. Vetsopoulos. – L. : University of London, 2002. – 399 p.

ПОЗИЦИЯ ФРАНЦИИ ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ НА I СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Н.В. Величко (Витебск)

11 сентября 1945 г. в Лондоне открылась первая сессия Совета министров иностранных дел (СМИД). Несмотря на то, что повестка дня сессии включала лишь вопрос о подготовке мирных переговоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии, Ж. Бидо заявил, что Франция согласится на создание центральной германской администрации лишь в том случае, если будут приняты её требования об отделении от Германии Рура, левого берега Рейна и Саара [2, с. 60, 66–67].

Работа I сессии СМИД состояла из двух частей: первая её часть проходила в Лондоне с 10 сентября по 2 октября 1945 г., а вторая – в Москве с 16 по 25 декабря 1945 г. Московская конференция «сгладила расхождения во мнениях, имевших место в Лондоне» [3, л. 40]. В газете «Нейе Цайт» от 30 декабря 1945 г. в статье «Московские результаты» отмечалось большое значение внесённых решений. «Московская конференция, – говорилось в статье, – преодолела мёртвую точку, перед которой остановилась Лондонская конференция» [3, л. 41]. В немецкой газете «Дер Тагесшпилль» в статье «Москва и французский кабинет» сообщалось о разногласиях по вопросу об отношении Франции к Московским решениям между Ж. Бидо, предлагающим «примиренческую политику» и генералом Ш. де Голлем, заявившем, что «Франция не позволит, чтобы политическое восстановление Европы происходило без участия страны. Компромисс, к которому пришёл кабинет, предусматривает получение от великих держав более подробных объяснений Московских решений» [4, л. 44].

На первой сессии СМИД в Лондоне делегация Франции поставила на обсуждение меморандум своего правительства от 4 сентября, где правительство выступило против восстановления центрального германского правительства, разрешения политических партий по всей Германии и создания общегерманских департаментов во главе с государственными секретарями. На заседании Лондонской сессии СМИД 14 сентября 1945 г. Ж. Бидо говорил об этом в резкой форме и потребовал «решительного отторжения рейнских областей, включая Рур, от Германии» [6, с. 34].

Не возражая против границы между Германией и Польшей по Одеру и Нейсе, установленной в Потсдаме, французское правительство заявило, что оно придает первостепенное значение тому, чтобы Рейнско-Вестфальский регион не смог больше в будущем представлять для Германии арсенал, зону прохода или отправной пункт для нападения на своих западных соседей. Окончательное отделение этого региона, включая Рур, от Германии, необходимое для прикрытия французской границы, составляло бы существенное условие безопасности Европы и всего мира.

Поэтому правительство Франции считало необходимым, чтобы в стране в случае, если центральные германские учреждения будут созданы, было бы в то же время уточнено, что Рейнско-Вестфальский регион будет изъят из их компетенции. Подчеркивалось, что французский представитель в СКС в Берлине не будет уполномочен подписываться под мероприятиями, предрешающими судьбу этого региона до тех пор, пока вышеуказанный вопрос не будет обсужден пятью министрами и не явится предметом решения СМИД. Такова была программа ревизии Потсдамского соглашения, выдвинутая правительством Франции.

Правительство Франции при молчаливом содействии США упорно отстаивало свой план. Вскоре после Лондонской сессии СМИД, решившей вести обсуждение меморандума от 4 сентября посредством обычных дипломатических каналов, французское правительство направило СССР, Великобритании и США, а также Бельгии, Люксембургу, Чехословакии и Голландии памятные записки по германскому вопросу, а накануне второй сессии СМИД представило союзникам новый меморандум от 25 апреля 1946 г., который содержал предложение отделить от Германии Рур, Рейнскую область и Саарский бассейн.

Рурская область должна была рассматриваться как политическое единство, независимое от Германии, подчинённое в политическом и экономическом плане международному режиму. Предлагалось держать постоянно на этой территории международные вооруженные силы, а наиболее важные рудники и промышленные предприятия экспортировать и передать международным государственным учреждениям. Согласно французскому проекту, германское правительство лишалось доступа в Рур, который рекомендовалось отделить от Германии таможенным кордоном. Что касается международного контроля над Рурской областью, то, как подчёркивали авторы меморандума, особо важная роль отводилась бы державам, наиболее заинтересованным в этом непосредственно.

В разделе меморандума о Рейнской области предлагалось создать на её территории несколько отдельных государств, которые имели бы свою денежную систему, таможенный режим и собственные дипломатические представительства за границей, однако были бы постоянно оккупированы войсками Франции, Бельгии, Люксембурга, а также Великобритании [6, с. 46–60].

Наконец, как видно из нот от 18 февраля 1946 г. к СССР, Великобритании и США, французское правительство настаивало на аннексии Саарской области. Ссылаясь на Парижский мирный договор 1919 г., оно требовало, чтобы территория Саара была включена во французскую таможенную и денежную систему, а его угольные копи вновь стали собственностью Франции. Эту область предлагалось изъять из ведения СКС в Берлине и передать под постоянный контроль французского правительства с тем, чтобы последнее представляло её также за границей. Из этих документов видно, что Франция по-прежнему выступала против образования

в Германии центрального правительства и административных департаментов в масштабе всей страны. Вместо этого она предлагала тотчас же начать с восстановления и развития областных единиц, то есть, земель, и избегнуть восстановления централизованного государства.

Ш. де Голль назвал французское предложение о расчленении Германии «честным, практичным, гуманным и простым решением вопроса». С такими же заявлениями выступили тогда статс-секретарь министерства иностранных дел Франции П. Шнейтер, французский посол в США А. Боннэ и председатель внешнеполитического комитета Объединённой социалистической партии Франции – Французской секции II Интернационала (СФИО) С. Грумбах. Они уверяли, что германский вопрос нельзя решить без отделения от Германии её важнейших западных промышленных регионов. Ж. Бидо на Лондонской сессии СМИД говорил: «Моё правительство уже много раз говорило, что немецкая агрессия опирается на очень важные области – Рур и Вестфалию. Что важно для Франции? Чтобы эти области не были больше областями, поддерживающими агрессию страны, против которой Франция так долго боролась. Она считает важным, чтобы эти области были изъяты, отделены от агрессивной державы, чтобы весь этот уголь, всё это железо, все эти заводы не могли бы больше служить для войны, а служили бы для дружбы между народами, для мира» [1, л. 72].

Предложения французского правительства, направленные на расчленение Германии и уничтожение её как самостоятельного государства, вызвали отпор со стороны делегации СССР в СМИД. Но обсуждение французских предложений в СМИД само по себе устраивало Лондон и Вашингтон, так как оно открывало путь к отказу от согласованных решений по германскому вопросу.

В циркуляре народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова послам и посланникам СССР от 10 октября 1945 г. о последних итогах первой сессии СМИД отмечалось следующее.

«IX. Вопросы, поставленные французами.

1. Французская делегация заостряла вопрос о политике в отношении Германии. Она заявила, что решения Берлинской конференции её не связывают. Французы защищали мысль об отделении Рейнско-Вестфальской области от Германии и выражали недовольство созданием пяти общегерманских экономических секретариатов, как это решила Берлинская конференция. Предложение французов не было принято, но и не было окончательно отклонено. Американцы и англичане косвенным образом поддерживали французов в их попытках подтачивать прочность решений Берлинской конференции.

2. По вопросу о реституциях с Германии, т. е. о возвращении французского имущества, увезённого немцами, французы защищали такую позицию. Они требовали, чтобы возвращение французской собственности было произведено раньше выплаты Германией репараций, что также

направлено на расшатывание Берлинских решений, хотя французы с точки зрения союзников, не имели никакого права на указанные выше претензии» [5, с. 261–262].

В общих замечаниях по итогам первой сессии СМИД в циркуляре В.М. Молотов подчёркивал, что «французская делегация выполняла в Лондоне особую роль по расшатыванию решений Берлинской конференции. Она получала в этом поощрение со стороны англо-американцев. Если бы она добилась успеха в этом направлении, это отразилось бы отрицательным образом на тех крупных дипломатических завоеваниях, которые были достигнуты Советским Союзом в Берлине и Ялте» [5, с. 262–263]. Точно такую же позицию занял французский представитель в СКС, что во многом затрудняло его работу [5, с. 278–279].

Таким образом, в первые месяцы реализации Потсдамских соглашений Франция пыталась отомстить немцам за все «обиды», решить в короткий срок за счёт Германии проблему «величия» Франции. Подобное поведение Парижа только запутывала германскую проблему в отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции. Ещё в 1953 г. американский историк Д. Уорбург в своей книге «Победа без войны» писал: «Крупнейшей ошибкой, допущенной в Потсдаме, было включение Франции в Контрольный совет четырёх держав в качестве полноправного члена, хотя она и не подписывалась под соглашением, на основании которого, этот совет должен был действовать. Это позволило Франции саботировать объединение Германии, срывая управление четырьмя оккупационными зонами как единым политическим и экономическим целым, для того, чтобы добиться удовлетворения французских претензий относительно пересмотра границ. Остаётся фактом, что выполнение плана четырёх держав, разработанного для Германии, в течение первых четырёх месяцев его действия мешала именно Франция» [2, с. 63]. Однако уже во время первой, Лондонской сессии СМИД намечались первые ростки сближения Франции с Великобританией и США.

Источники и литература:

1. Конференция пяти министров иностранных дел в Лондоне. Стенограмма записи заседаний сессии Совета Министров иностранных дел в Лондоне 11 сентября – 2 октября 1945 г., текст предложений и проектов делегаций США, Англии, Франции, Китая. Типографские экземпляры, подготовленные НКИД СССР // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 558. Оп. 11. Д. 238.

2. Молчанов, Н.Н. Внешняя политика Франции. 1944–1954 / Н.Н. Молчанов. – М. : Гос. изд-во пол. лит-ры, 1959. – 404 с.

3. Оперативная сводка № 11 по немецким газетам, вышедшим в Берлине 30 декабря 1945 года // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф 82. Оп. 27. Д. 11. Л. 38, 40–42.

4. Оперативная сводка № 12 по немецким газетам, вышедшим в Берлине 31 декабря 1945 года // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 82. Оп. 27. Д. 11. Л. 44–47.

5. СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3 т. / редкол.: Г. П. Кынин и Й. Лауфер. – М. : Международные отношения, 1996–2003. – Т. II: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. – 2000. – 880 с.
6. Kessel, M. Westeuropa und die deutsche Teilung: England und französische Deutschlandspolitik auf den Aussenministerkonferenzen von 1945 bis 1947 / M. Kessel. – München : R. Oldenburg Verlag, 1989. – 321 s.

КОНЦЕПЦИЯ РЕНАЦИФИКАЦИИ В РАБОТАХ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-ГЕРМАНИСТОВ

И.И. Ковяко (Минск)

Во второй половине 1940-х гг., в период реализации политики денацификации, работы британских и американских исследователей были представлены, главным образом, статьями аналитического характера. При анализе денацификации исследователи придерживались двух основных подходов. Первый из них был отражением «линии Моргентау» в политическом мышлении Вашингтона и характеризовался поддержкой жесткой денацификации с акцентом на аспект наказания. В 1945 г. Генри Моргентау, глава Казначейства США, издал книгу «Германия – это наша проблема». В данной публикации автор уделил внимание анализу феномена «тевтонской паранойи», которая подтолкнула немцев развязать две мировые войны. Важной предпосылкой формирования новой Германии автор считал полное устранение нацистов от управления экономикой. Только после этого Моргентау считал возможным предпринять программу масштабного переобучения немцев, хотя и считал ее перспективы сомнительными. По мнению автора, история не содержит примеров, когда один цивилизованный народ позволил бы другому привить ему иной образ жизни [7, с. 147, 153].

Одновременно с развитием «линии Моргентау», которая делала акцент на наказании, среди британских и американских исследователей обозначилось прагматическое крыло, которое концентрировало внимание на необходимости сокращения расходов союзных держав в Германии и восстановлении немецкой экономики. На практике жесткая денацификация вскоре выявила серьезные проблемы. Как правило, руководящие посты в Третьем Рейхе занимали члены НСДАП, которые имели хорошее образование, опыт работы и навыки эффективного управления хозяйством. Денацификация предполагала замену прежнего хозяина одним из его рядовых сотрудников. Однако передача собственности в другие, политически надежные руки грозила падением рентабельности и усугублением социально-экономического кризиса. Это влекло за собой либо увеличение нагрузки на бюджет держав-победительниц, либо дестабилизацию ситуации в Германии [4, с. 161; 10, с. 255].

С нарастанием противоречий между великими державами позиции сторонников Моргентау неуклонно ослабевали. Начиная с 1947 г. в политическом мышлении США отчетливо преобладала позиция Государственного департамента, который ставил на первое место задачу экономической реабилитации, а не наказания нацистов. В статье Аллена Даллеса «Альтернативы для Германии», опубликованной в 1947 г., отмечалось, что важнейшим условием формирования демократии является не только победа над нацизмом, но и преодоление неблагоприятных социально-экономических условий. Демократию невозможно создать в обществе, где царят голод и безнадежность [2, с. 422, 430]. Окончательный отказ от проведения жесткой денацификации в экономической сфере произошел в связи с принятием плана Маршала летом 1947 г. и его распространением на западные зоны Германии.

С 1948 г., когда было заявлено о прекращении участия западных оккупационных сил в денацификации, появились очевидные свидетельства масштабного провала программы. В публикациях исследователей появляется новый термин для обозначения неудовлетворительных результатов денацификации – «ренацификация». Сотрудник Говардского университета Джон Херц отмечал, что к 1948 г. немецкое общество вступило в стадию «ренацификации», которая сопровождалась возвращением «денацифицированных» нацистов на высокие должности в политических, экономических и иных структурах. Таким образом, денацификация в Германии свелась лишь к временному отстранению нацистов от занятия важных постов, однако не обеспечила их долгосрочного отстранения от рычагов влияния. Одной из главных причин такого результата автор назвал формирование биполярного мира и нарастание соперничества между США и СССР, в том числе в Германии. В такой ситуации вчерашние объекты политики денацификации постепенно превращались в инструменты политики двух центров силы [5, с. 589–592].

Профессор Гарвардского Университета Уильям Гриффит, констатируя «ренацификацию» немецкого общества и подъем волны неонацизма в Западной Германии, отмечал, что все усилия США по борьбе с этими тенденциями оказались более голословными нежели эффективными. Планирование денацификации страдало от нерешительности Вашингтона. Военная администрация, вынужденная принимать политические решения, очевидно благоволила более консервативным и «стабильным» на их взгляд элементам. В результате они нечасто назначали активных анти-нацистов на высокие посты. Исследователь отметил, что свертывание активной денацификации произошло во многом под влиянием общественного мнения в США. В 1947 г. ненависть к побежденному рейху уступила место страху перед советской империей. В результате наиболее серьезные нацисты оказались безнаказанными или отделались незначительными наказаниями [3, с. 68, 72–73, 76].

Недоверие к результатам денацификации высказал также советник президента США Джеймс Уорберг. Он охарактеризовал денацификацию как «несостоятельный фарс», включив ее в авторский каталог ошибок Запада в германском урегулировании. Он полагал, что если демократия не приживется на немецкой почве, то в Германии гораздо вероятнее придут к власти неонацисты, а не коммунисты. Следовательно, страх перед СССР не может служить оправданием серии фатальных ошибок в германской политике стран Запада [9, с. 248, 264]. Свидетельством устойчивости концепции «ренацификации» стала также работа американского исследователя Тета Гаренса Тетенса. Книга «Новая Германия и старые нацисты» вышла в свет в 1961 г. и содержала довольно резкие оценки результатов денацификации в западных зонах [8].

Значительное увеличение геополитического веса ФРГ, которое последовало за объединением Германии в 1990 г., способствовало оживлению дискуссии о немецком прошлом и возможных рисках будущего. Тема денацификации в работах британских и американских историков вновь приобрела актуальность. В публикациях стала преобладать иная концепция – «консервативного восстановления». С точки зрения ее последователей, в результате неудачной денацификации западных зон к власти пришла старая консервативная элита, которая существовала в Германии еще во времена Второго рейха и Веймарской республики. Таким образом, рожденная после денацификации ФРГ представляла собой не «ренацифицированную» Германию, а государство, вернувшееся к традиционным консервативным ценностям [1, с. 288]. Однако, по выражению американского историка А. Леви, при строительстве новой Германии все же были использованы некоторые «нацистские кирпичи» [6, с. 631]. По мере того как на протяжении 1990-х–2000-х гг. в объединенной Германии произошла окончательная смена поколений на всех уровнях общественно-политической структуры, концепция «ренацификации» окончательно утратила былую актуальность.

Источники и литература:

1. Boehling, R. U.S. military occupation, grass roots democracy and local German government // American policy and the reconstruction of West Germany, 1945–1955 / Ed. by J. F. Diefendorf, A. Frohn, H. J. Rupieper. – Washington, D.C. : German Historical Institute, 1993. – P. 281–306.

2. Dulles, A.W. Alternatives for Germany / A.W. Dulles // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25, № 3. – P. 421–432.

3. Griffith, W. Denazification in the United States zone of Germany [Electronic resource] / W. Griffith // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1950. –Vol. 267. – P. 68–76. – Mode of access: https://www.jstor.org/stable/1026728. – Date of access: 29.01.2019.

4. Havens, R.M. Note on effect of denazification upon property rights in Germany [Electronic resource] / R.M. Havens // Southern Economic Journal. – 1946. – Vol. 13, № 2. – P. 158–161. – Mode of access: https://www.jstor.org/stable/1052524. – Date of access: 29.01.2019.

5. Herz, J.H. The fiasco of denazification in Germany [Electronic resource] / J. Herz // Political Science Quarterly. – 1948. – Vol. 63, № 4. – P. 569–594. – Mode of access: https://www.jstor.org/stable/2144399. – Date of access: 15.03.2019.

6. Levy, A. F. Promoting democracy and denazification: American policymaking and German public opinion / A. F. Levy // Diplomacy and Statecraft. – 2015. – № 26. – P. 614–635.

7. Morgenthau, H. Germany is our problem / H.Jr. Morgenthau. – New York; London : Harper&Brothers, 1945. – 239 p.

8. Tetens, T.H. The new Germany and the old Nazis / T.H. Tetens. – New York : Random House, 1961. – 286 p.

9. Warburg, J. Germany: key to peace / J. Warburg. – Cambridge, Mass. : Harvard University, 1953. – 344 p.

10. Weir, C. Economic developments in Western Germany / Cecil Weir // International Affairs. – 1949. – Vol. 25, № 3. – P. 249–256.

«НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ» АМЕРИКАНСКОГО МЕССИАНСТВА: КОРПУС МИРА И «МОРАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ» ДЖ. КЕННЕДИ

С.Ю. Шенин (Саратов)

В Соединенных Штатах величие президента Дж. Кеннеди часто связывается с его стратегическим видением, которое материализовалось в создании институтов, успешно переживших десятилетия и функционирующих до сих пор. В первую очередь, указывается на его стремление разработать новый механизм внешней помощи, который должен был активизировать процесс глобализации и изменить баланс сил в войне с коммунизмом в пользу Америки.

Учитывая, что внешняя помощь занимала важное место в его предвыборной программе, Кеннеди постарался добавить несколько оригинальных идей в официальную платформу с целью отказаться от устаревшей внешнеполитической идеологии «взаимной безопасности» и сформулировать альтернативную философию, основанную на «моральных императивах» американской культуры. Так, он заявил, что, будучи избранным в президенты, он собирается создать так называемый Корпус мира.

Первоначально эта идея была предложена сенатором Р. Нубергом, и 18 июня 1959 г. в беседе с аналитиком С.Л. Шульцбергером президент Эйзенхауэр полностью её поддержал: «Это чертовски хороший замысел. Я бы хотел его публичного обсуждения». В конце 1959 г. после короткой дискуссии в прессе предложение было рассмотрено некоторыми законодателями под названием «Молодёжный корпус пункта-4». 14 января 1960 г. конгрессмен Г. Рейс представил поправку к Закону о взаимной безопасности, которая предполагала возможность для хорошо образованных молодых американцев вместо прохождения военной службы подписаться на двухлетнюю работу за рубежом в рамках программ развития отсталых стран [12].

В Сенате аналогичная законодательная инициатива была предпринята сенатором от Орегона Р. Ньюбергером. Усилиями названных законодателей в Закон о взаимной безопасности на 1960 г. было включено положение об ассигновании 10 тыс. долл. на проведение необходимых для данной программы предварительных исследований. В качестве организации, которая должна была выступить консультантом Конгресса по данному вопросу, был избран Исследовательский фонд Университета Колорадо.

Предложение Г. Рейса было с восторгом воспринято Организацией клубов молодых демократов (Organization of Young Democratic Clubs) и Национальной студенческой ассоциацией (National Student Association), которые активно рекламировали идею конгрессмена в кампусах университетов по всей стране.

15 июня того же года сенатор Г. Хамфри направил на рассмотрение верхней палаты Конгресса проект закона № 3675 о выделении средств «на программу подлинного межличностного общения, в рамках которой талантливые и выдающиеся молодые американцы будут учить аборигенов простейшим технологиям промышленного и сельскохозяйственного производства, грамотности, английскому языку и другим школьным предметам, а так же санитарным и оздоровительным процедурам в Азии, Африке и Латинской Америке». По сути, законопроект сенатора Хамфри предлагал не изучать возможность создания, а сразу создать Корпус мира [9].

Однако законопроект оказался заблокирован, поскольку его отказались поддержать некоторые ключевые фигуры, как в демократическом, так и республиканском лагерях. Например, известный экономист У. Ростоу, возглавлявший специальную аналитическую группу, разрабатывавшую программу внешней помощи для Дж. Кеннеди, был против «Корпуса мира»: «О, Боже мой, мы не сможем прикоснуться к нему даже десятифунтовой палкой, потому что мы получим оттуда этих чёртовых детей, и никто не может сказать, что произойдёт после этого» [4, p. 98–99].

Скептичным было отношение к идее и со стороны руководителя программы помощи в администрации Эйзенхауэра Дж. Ридлбергера, директора Управления по международному сотрудничеству (International Cooperation Administration – ICA): «Я сомневаюсь, что очень молодые люди смогут внести существенный вклад, если они не имеют технической подготовки и знаний языков. Любой, кто знаком со сложностями процесса рекрутирования для ICA, может подтвердить факт, что в основном нам нужны эксперты» [14, p. 2213]. Таким образом, идея не попала в программу внешней помощи (Mutual Security Program – MSP) на 1960 год из-за жёсткой оппозиции администрации.

Тем не менее общеизвестно, что США в прошлом накопили определенный опыт в указанной сфере. С 1809 г. христианские миссионеры уезжали из США, чтобы учить и работать в слаборазвитых странах. В течение многих лет десятки частных организаций финансировали поездки волонтеров

за границу для работы с простыми людьми в слаборазвитых странах. Среди таких организаций особо выделялся Комитет помощи друзьям Америки (American Friends Service Committee), получивший признание за особый вклад в реализацию программ переселения беженцев и общинного развития.

Другое частное агентство помощи Operation Crossroads было основано Джеймсом Робинсоном, афро-американским директором Общинного центра Монингсайд (Morningside Community Center) в Нью-Йорке. Во время поездки в Африку Робинсону пришлось наблюдать ужаснейшие условия жизни, преобладавшие в примитивных африканских деревнях. После возвращения в Соединенные Штаты он организовал программу для студентов колледжей, которым предлагалось провести летние каникулы в Африке, работая над одним из проектов общинного развития. В 1958 г. ему удалось привлечь к работе в Африкеболее 60 студентов. К 1962 г. уже три сотни студентов участвовали в 27 проектах в 19 странах мира, что, несомненно свидетельствовало о прогрессе в реализации программы.

Непосредственным предшественником Корпуса мира можно считать Международную службу волонтеров (International Voluntary Service – IVS), созданную в 1953 г. бывшим руководителем программы «пункта-4» С. Эндрюсом. Эта светская программа имела поддержку американского правительства и в ней участвовали одиннадцать крупнейших миссионерских и филантропических организаций (Пресвитерианский миссионерский комитет, Методистский миссионерский комитет, Ассоциация колледжей дарованной земли, Фонд Рокфеллера и т.д.). Основной акцент эта организация делала на найме в качестве агентов технической помощи молодых американцев, чей динамизм и искренность могли стимулировать активность и восприимчивость местного населения. Волонтеры IVS работали в качестве агрономов, передавая местному населению знания по животноводству, повышению урожайности садовых и зерновых культур, эффективному и экономному ведению домашнего хозяйства, организации общественного здравоохранения и строительства жилых домов. Все эти проекты легли в основу деятельности Корпуса мира [4, p. 93–94].

С. Эндрюс, используя позитивный опыт своей организации, активно доказывал демократам необходимость включить идею Корпуса мира в избирательную программу Кеннеди, поскольку последний «искал что-то для привлечения внимания молодёжи». В том же направлении подталкивал кандидата и генерал Джеймс Гевин, который имел заметное влияние на молодого сенатора.

Кеннеди принял идею и озвучил ее впервые для публики в середине октября 1960 г. в речи, обращенной к студентам Мичиганского университета [8]. С самого начала Корпус мира рассматривался как средство помощи отсталым регионам через прямые контакты с местным населением, а не с властями. Волонтеры должны были помочь людям научиться делать что-то для самих себя, не ожидая «милостей сверху». С. Эндрюс вспоминал,

что в Мичигане «вся его [Кеннеди] речь была посвящена Корпусу мира. После этого он получил больше писем и телеграмм, чем после любой другой его речи в рамках кампании. Именно так Корпус мира оказался принят как идея» [4, p. 97].

Через несколько дней в Толедо делегация Мичиганского университета вручила Кеннеди петицию, под которой подписались несколько сотен «будущих волонтеров». Стратегов предвыборного штаба демократов воодушевила столь неожиданно поддержка данного предложения. Вскоре после этого, во время выступления в Сан-Франциско создание Корпуса мира уже вошло в список предвыборных обещаний Кеннеди.

Чувствуя, что концепция Корпуса мира выглядела очень привлекательно в глазах молодых избирателей, Кеннеди стал её активно эксплуатировать в рамках кампании. Так, он заявил, что «мы не можем прекратить подготовку наших молодых людей в качестве солдат для войны, но нам также нужно готовить их в качестве послов мира». Отвечая на критику о дилетантизме молодых людей, кандидат в президенты предположил, что «эти молодые мужчины и женщины должны быть проверены в рамках строгих экзаменов, подготовлены в языках, в специальных умениях и привычках, нужных для стран, где они будут служить». Он также предположил, что корпус должен был работать в рамках программы технической помощи ICA [10].

В среде политического истэблишмента этот неожиданный ход Дж. Кеннеди вызвал самую противоречивую реакцию. Президент Эйзенхауэр стал теперь называть Корпус мира «наивным юношеским экспериментом», а кандидат от республиканцев Р. Никсон заметил, что Кеннеди «предлагает отправить к другим народам в качестве представителей США молодежь, которую он называет волонтерами, но которая на самом деле во многих случаях просто пытается избежать призыва в армию». Даже некоторые демократы считали идею Корпуса мира прекрасной, но практически не реализуемой в соответствии с целями предвыборной компании [11, p. 557]. В то же время, идея получила поддержку некоторых влиятельных республиканцев, например, Р. Боуи [7].

Так или иначе, большинство исследователей признает, что благодаря идее Корпуса мира внешнеполитическая платформа Дж. Кеннеди завоевала дополнительные симпатии электората. В ходе предвыборной компании кандидат сумел придать идее молодежной службы за рубежом привлекательный идеалистическо-романтический оттенок, одновременно расширив концепцию Хэмфри за счет женщин и «немолодых» волонтеров.

Сразу после победы Кеннеди в Белый Дом и офисы Национального комитета демократической партии стали массово приходить письма в поддержку Корпуса мира. Уже через несколько дней после вступления в должность президент поручил одному из своих ближайших советников М. Милликану подготовить доклад о возможности создания международной молодежной службы. Доклад был готов в январе, а в феврале президент ознако-

мился с предварительным заключением Исследовательского центра Колорадо, сделанного, как указано выше, по заданию Конгресса. Оба исследования одобряли создание организации, которая позволит молодым американцам служить за границей. Показательно, что ни один из докладов не рекомендовал создание полностью независимого правительственного агентства, предлагая подчинить Корпус мира правительственным структурам.

Идея была с энтузиазмом встречена по всей стране, поскольку американцы, очевидно, были готовы к международной программе, в которой молодежь США послужила бы на благо всего мира. Galluppoll в январе показал, что 71% американцев поддерживают идею Корпуса мира, и лишь 18% высказываются против [1, p. 6].

Президент всерьез задумался о немедленном воплощении казавшегося некогда исключительно риторическим предвыборного лозунга, надеясь на волне массовой народной поддержки добиться от Конгресса значительных объемов финансирования. Для этого он согласился отсечь популистские крайности этой идеи [13, p. 1303] (которые, кстати, подтолкнули молодёжь голосовать за него), заявив, что «у нас достаточно волонтёров, чтобы укомплектовать предлагаемый корпус без приманки в виде освобождения от военной службы» [3].

Кеннеди поручил мужу своей сестры, молодому и динамичному политику С. Шриверу, изучить возможность скорейшей организации Корпуса мира. Доклад Шривера от 28 февраля 1961 г. был подготовлен с учетом предшествующей законодательной истории вопроса, а также материалов докладов двух названных экспертных групп.

Шривер предложил президенту два варианта реализации идеи: медленный, т.е. заняться подготовительной работой в ожидании пока Конгресс одобрит финансирование всей концепции, и быстрый, т.е. создать Корпус мира немедленно президентским указом с финансированием за счет имевшихся ассигнований в рамках Программы взаимной безопасности. Во втором случае появлялась возможность уже летом запустить несколько пилотных проектов, продемонстрировав Конгрессу конкретные планы и предварительные результаты работы новой организации. Подобная тактика, в случае удачи, могла положительно повлиять не только на финансирование Корпуса мира, но и на судьбу всей программы иностранной помощи, закон о которой должен был утверждаться осенью 1961 г. [6].

Кеннеди, будучи сторонником смелых инициатив, избрал второй путь и уже 1 марта подписал указ об основании Корпуса мира, одновременно направив в Конгресс запрос о его законодательном оформлении. Несколько дней спустя, 4 марта, С. Шривер был назначен директором новой организации. Многие сторонники и почитатели Кеннеди, включая А. Шлезинджера, воспевали организационные таланты Шривера, его врожденный идеализм, добросовестность, целеустремленность и заразi-

тельный оптимизм, а также способность быть одновременно тактичным и решительным в работе с конгрессменами.

Таким образом, создание новой организации явило собой пример стремительной, но не спонтанной, политической акции, основанной на умелом и своевременном использовании широкой народной поддержки идеи Корпуса мира в США, а также всестороннем предварительном исследовании, подготовленном тремя независимыми экспертными группами.

Структура организации была создана Шривером по рекомендациям исследовательских групп и в соответствии с собственными представлениями об управлении такими организациями. Однако, несмотря на протесты администрации Кеннеди, по Закону об иностранной помощи, принятому Конгрессом осенью 1961 г., Корпус мира оказался не только включенным в структуру госдепартамента, но и подчиненным вновь созданному Агентству международного развития в качестве одного из инструментов «помощи развитию».

На практике, данное положение нередко приходило в противоречие с интересами исполнительной власти, поскольку потенциально большой политически вес Корпуса мира, а также его значение как лучшего выразителя особого духа «новых горизонтов» требовал поставить организацию непосредственно под контроль президента. «Разве позволил бы себе Франклин Рузвельт выпустить подобные программы из-под своего влияния?» – упрекал Кеннеди один из его советников Р. Нойштадт [11, p. 557].

Официальное признание Корпуса мира произошло после подписания президентом 22 сентября 1961 г. соответствующего закона (PL 87-293), предварительно утвержденного в обеих палатах Конгресса.

Как это нередко бывает, самыми сложными для директора Корпуса мира оказались финансовые вопросы. На содержание каждого волонтера, включая подготовку, транспортные расходы, зарплату штатных сотрудников, приобретение необходимых материалов, оборудования и т.д., ежегодно планировалось тратить примерно 10 тыс. долл. Однако, как и в отношении всей программы иностранной помощи в целом, утверждение ассигнований Корпуса мира в Конгрессе не обошлось без урезаний: вместо запрошенных Шривером 64 млн долл. было предоставлено 58 млн долл. Главным негативным последствием недостаточного финансирования являлось не столько небольшое сокращение планируемого числа волонтеров (с 10 тыс. до 9 тыс. человек), сколько сбои в реализации проектов из-за нехватки оборудования и последовавшее за этим снижение энтузиазма и даже нередкие случаи возврата волонтеров домой.

Широко распространено и не лишено оснований представление о Корпусе мира, как молодежной организации. Однако, несмотря на то, что средний возраст волонтеров колебался в пределах 20–25 лет, в организацию принимали всех желающих американцев не моложе 18 лет, независимо от пола, возраста и семейного положения. Самым «старым» волонтером был

76-летний инженер, работавший в Восточном Пакистане. Хотя очень часто волонтеры Корпусов мира отправлялись за границу в качестве учителей, заявки принимались от представителей любых профессий для того, чтобы удовлетворить разнообразные, а порой весьма пространные заявки развивающихся государств. Тем не менее определенные закономерности в подборе персонала все же наблюдались. Так, например, количество женщин, задействованных в проектах Корпуса мира, вдвое уступало количеству мужчин, а кроме того, они, как правило, были старше по возрасту [1, p. 224].

Первой страной, принявшей американских волонтеров была Гана, соглашение с которой было подписано в июле 1961 г. Доброволец Том Ливингстон, приступивший 12 сентября 1961 г. к работе в местной школе второй ступени, стал первым волонтером Корпуса мира за рубежом. В начале 1962 года 700 волонтеров работало в 12 странах мира (Чили, Колумбия, Гана, Индия, Малайя, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Сьерра-Леон, Танганьика, Таиланд и Того).

В течение первого года реализации программы число волонтеров возросло в 7 раз, а количество принимающих стран – в 4 раза. К апрелю 1963 г. уже 4 тыс. американцев работали в 17 слаборазвитых странах, и еще 900 проходили подготовку перед отправкой за границу. К июню 1963 г. 4400 волонтеров служили делу развития по всему миру, и 2 тыс. готовились в различных колледжах и университетах США. В 1964 г. Корпус мира вырос до 10 тыс. волонтеров с бюджетом 94 млн. долл. Пика своей активности организация достигла в 1966 г., когда для финансирования работы 15 тыс. волонтеров Корпус мира получил от Конгресса более 107 млн долл. [5]

Однако вскоре, к концу 1960-х гг., после прихода к власти президента-республиканца Р. Никсона стал реализовываться план последовательного выдавливания Корпуса мира из американской внешней политики за счет быстрого сокращения его ежегодного бюджета. Стратегия по снижению значимости данной организации при администрации Никсона оказалась успешной.

Тем не менее, несмотря на попытки республиканских администраций ослабить этот инструмент глобализации, сильная идеологически обоснованная организационная культура Корпуса мира с опорой на ценности и энтузиазм молодежи позволили ему выжить, сохранив целостность своей изначальной миссии [2, p. 738–740]. В модифицированном виде идея американского нео-мессианства воплотилась и в недавнем прошлом в Корпусе демократии Б. Клинтона.

В завершении отметим, что Корпус мира представлял собой важнейший элемент стратегии американских демократов, которая заключалась в необходимости переориентировать внешнюю политику США в «третьем мире» с идеологии «взаимной безопасности» на глобалистские рельсы «помощи развитию».

Источники и литература:

1. Adams, V. The Peace Corps in Action / V. Adams. – Chicago : Follett, 1964. – 318 p.
2. Drezner, D. Ideas, Bureaucratic Politics, and the Grafting of Foreign Policy / D. Drezner // American Journal of Political Science. – 2000. – Vol. 44, No. 4. – P. 733–749.
3. Lawrence, W.H. Peace Corps Plan Goes to Kennedy; Early Test Urged / W.H. Lawrence // The New York Times. –1961. – January 8.
4. Oral History Interview with Stanley Andrews. – Harry S. Truman Library. – October 31, 1970.
5. Peace Corps: Diversity: Challenges and Opportunities [Electronic resource]. – Mode of access: https://files.peacecorps.gov/multimedia/pdf/media/PCTimes2008_08.pdf. – Date of access: 02.01.2020.
6. Peace Corps: Shriver report and recommendations, February 1961. Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files. Departments and Agencies [Electronic resource] // John F. Kennedy Library. – Mode of access: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKPOF/085/JFKPOF-085-014. – Date of access: 02.01.2020.
7. Raymond, J. Support for Youth Corps Found In June Testimony of U.S. Aide / J. Raymond // The New York Times. – 1960. – November 4.
8. Remarks of Senator John F. Kennedy, University of Michigan, October 14, 1960. University of Michigan, Student Union Building Steps, Ann Arbor, Michigan [Electronic resource]. – Mode of access: http://peacecorpsonline.org/messages/messages/2629/4078.html. – Date of access: 02.01.2020.
9. S. 2000, Peace Corps bill, introduced by Senator Hubert H. Humphrey, June 1, 1961 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.visitthecapitol.gov/exhibitions/artifact/s-2000-peace-corps-bill-introduced-senator-hubert-h-humphrey-june-1-1961. – Date of access: 02.10.2020.
10. Salisbury, H. Kennedy Favors U.S. 'Peace Corps' to Work Abroad / H. Salisbury // The New York Times. – 1960. – November 3.
11. Schlesinger, A.A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House / A.A. Schlesinger. – Greenwich : Fawcett Pub., 1965. – 1087 p.
12. Sulzberger, C.L. Is the President is Asking Enough / C. L. Sulzberger // The New York Times. – 1961. – February 13.
13. The Department of State. Request for Establishment of the Peace Corps on a Permanent Basis: Message from the President (Kennedy) to the Congress, March 1, 1961 // American Foreign Policy. – 1961. – Department of State Publication 7808. Washington, D.C. : GPO, 1965. – P. 1302–1303.
14. U.S. Congress. House. Mutual Security Appropriations for 1961 (And Related Agencies). Hearings before the Subcommittee of the Committee on Appropriations, 86th Congress, 2nd Session. – Washington, D.C. : GPO, 1961. –3081 p.

КУБИНСКИЙ РАКЕТНЫЙ КРИЗИС В ОЦЕНКАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ 1960-х гг.

Е.Г. Сакович (Минск)

Исследование истоков кубинского ракетного кризиса и инициатив Н.С. Хрущева и Дж. Кеннеди по его урегулированию в англоязычной историографии проводилось в контексте традиционалистского направления, господствовавшего в историографии «холодной войны» до первой полови-

ны 1960-х гг. Начало данному направлению в исследовании «холодной войны» положила статья Дж. Кеннана «Истоки советского поведения», которую он опубликовал под псевдонимом «Х» в журнале «Международные отношения» (*Foreign Affairs*) в 1947 г. В статье автор последовательно проводил в жизнь тезис об экспансионистском поведении СССР и предложил проводить политику сдерживания СССР [3, p. 854].

В научных кругах концепция, предложенная Дж Кеннаном, вызвала активное обсуждение и неоднократно использовалась как политическими деятелями, так и исследователями для обоснования политики США по отношению к СССР.

В 1987 г. Дж. Кеннан в связи с 40-летием своей статьи в том же журнале опубликовал новую статью «Политика сдерживания: тогда и сейчас», в которой писал, что в научно-политической среде концепцию, предложенную им в 1947 г., репрезентировали как призыв к военной конфронтации с СССР. Дж. Кеннан подчеркивал, что в действительности в 1947 г. сдерживание он понимал исключительно как идеологическое противостояние двух сверхдержав [4, p. 829].

Традиционалисты, придерживавшиеся идеи ответственности СССР в начале и эскалации кризиса, сконцентрировали внимание на анализе мотивов СССР в размещении ракет на Кубе и рассмотрении поведения США во время кризиса.

Определяя специфику изучения проблематики традиционалистами, В. Мидленд писал, что работы ортодоксов по кубинскому кризису не являлись в прямом смысле научными исследованиями, так как были написаны не профессиональными историками, а политическими деятелями – Т. Соренсеном, М. Банди, А. Шлезингером, принимавшими участие в его урегулировании, и в работах отражали официальную позицию [5, p. 35].

Традиционалисты придерживались точки зрения, в соответствии с которой Н.С. Хрущев посредством создания ракетно-ядерного комплекса на Кубе начал политику «ядерного шантажа», чтобы заставить США пойти на переговоры по Западному Берлину. В оценках позиции США традиционалисты проявили единодушие и указывали на значимость инициатив Дж. Кеннеди в урегулировании кризиса.

Т. Соренсен и М. Банди полагали, что Н.С. Хрущев, разместив ракеты на Кубе, преследовал пять основных целей: проследить реакцию США в условиях «холодной войны»; отвлечь внимание США от Западного Берлина; защитить Кубу; решить проблему Западного Берлина в обмен на вывод воинского контингента США из Турции; изменить ядерный баланс между СССР и США. Авторы считали, что главная ошибка президента состояла только в том, что он пошел на поводу у СССР и втянул США вначале в «западноберлинскую» авантюру, а в 1962 г. – в «кубинскую» [9, p. 45; 2, p. 364].

Схожую точку зрения высказал А. Шлезингер, который в исследовании «Тысяча дней», посвященном биографии Дж. Кеннеди, выделял три мотива размещения советским лидером ракет на Кубе: стремление достичь ядерного паритета между СССР и США; решить проблему Западного Берлина; укрепить позиции в социалистическом лагере. Заслугу президента во время октябрьского противостояния на Кубе автор видел в том, что, во-первых, в отличие от советского лидера, он использовал исключительно дипломатические методы разрешения конфликта, во-вторых, заставил Н.С. Хрущева пересмотреть систему взаимоотношений Востока и Запада, и, в-третьих, представил «гибкий ответ» на «устрашающий» вызов со стороны СССР [8, p. 56]. Рассматривая итоги кризиса, А. Шлезингер отмечал, что «кубинская авантюра» Н.С. Хрущева была изначально обречена на провал, так как являлась своеобразной реакцией советского лидера на комплекс нерешенных проблем, включая Западный Берлин и Китай [8, p. 400].

Не отрицая в целом провокационной политики СССР по отношению к США в 1962 г., У. Ростоу утверждал, что в большей степени ракетно-ядерная угроза США со стороны СССР в октябре 1962 г. была вызвана стремлением советского лидера сохранить инициативу в решении германского вопроса [7, p. 145].

У. Ростоу, положительно оценивая Дж. Кеннеди, писал, что президент не спешил отвечать на провокацию СССР такими же методами, а действовал взвешенно и решительно. Дж. Кеннеди не допускал стратегических ошибок и с политической прозорливостью пытался просчитать предполагаемые действия советской стороны [7, p. 146].

Истоки кризиса У. Ростоу видел в политике СССР в отношении Кубы после революции 1959 г. Кубинская революция создала иллюзию у советского лидера Н.С. Хрущева относительно перспектив коммунизации Кубы, которой отводилась роль первого звена в цепной реакции. Начало укрепления позиций СССР на Кубе ученый связывал с признанием в январе 1959 г. советским руководством Временного правительства Республики Куба и восстановлением в мае 1960 г. дипломатических отношений. Размещение ракет на Кубе в октябре 1962 г. исследовательоценивал как своеобразный устрашающий маневр для США [7, p. 146–148].

В середине 1960-х гг. в связи с тем, что состоялся междисциплинарный поворот, стало возможным осмысление кубинского ракетного кризиса в том числе и в теоретическом контексте на основе применения методов социологической и политологической наук.

Попытку рассмотреть кризис с позиций конфликтологии предпринял Дж. Нэтан в статье «Ракетный кризис: для проведения исследований теперь его самое лучшее время». Анализируя поведение Н.С. Хрущева и Дж. Кеннеди во время октябрьских событий на Кубе, ученый ввел понятие «кризисная дипломатия». При этом он подчеркивал, что и Н.С. Хрущев, и Дж. Кеннеди изначально не преследовали цель начать ядерное

столкновение и были заинтересованы в том, чтобы разрешить конфликт исключительно дипломатическими методами [6, p. 260].

Дж. Нэтан утверждал, что кубинский кризис являлся типичным проявлением политической игры и взаимоотношений во время «холодной войны» и считал, что возникновение и разрешение международных кризисов можно объяснить с помощью модели, основные положения которой заключались в следующем: кризисы – элементы системы международных отношений, которые являются результатом постоянного столкновения противоположных мнений и взглядов; имеют дуалистическую природу, которая проявляется в том, что, с одной стороны, они могут привести к открытому столкновению, с другой – предусматривают вариант мирного урегулирования; мирный исход кризисов во многом зависит от политических инициатив участвующих в нем сторон. В случае с кубинским кризисом многое определялось здравомыслящей и своевременной реакцией советского и американского лидеров на действия друг друга; самым действенным способом разрешения кризисов является дипломатия – сочетание силы и договора [6, p. 257–258].

С. Брэмс в работе «Игра супердержав. Использование игровой теории в исследовании конфликта супердержав» попытался спроецировать кубинский кризис на игровую теорию, которая изначально использовалась как метод в социологии, позволяющий рассмотреть возможные сценарии развития событий. Игровая теория направлена на анализ взаимодействия двух сторон, имеющих изначально два противоположных варианта поведения – взаимодействующего и конкурентного. В зависимости от результата игры делят по трем категориям: игры «с нулевой суммой» – выигрыш одной стороны равен проигрышу другой; с «ненулевой суммой» – выигрывают обе стороны; игры с «отрицательной суммой» – обе стороны проигрывают [1, p. 101].

В результате проведенного исследования С. Брэмс пришел к выводу, что угроза ядерного столкновения двух супердержав была сведена к нулю, таккак и СССР, и США предпочитали активно апеллировать к идее «ядерной угрозы» только как средству сдерживания друг друга во время кризиса, несмотря на наличие у советской и американской сторон нескольких вариантов развития кризиса, предусматривающих применение силы в его разрешении.

Источники и литература:

1. Brams, S. Superpower Games: Applying Game Theory to Superpower Conflict / S. Brams. – New Haven : Yale University Press, 1985. – xvi, 176 p.

2. Bundy, M. The Presidency and the Peace / M. Bundy // Foreign Affairs. – 1964. – № 3. – P. 353–365.

3. Kennan, G. (X) The Sources of Soviet Conduct / G. Kennan // Foreign Affairs. – 1987. – № 4. – P. 852–868.

4. Kennan, G. Containment: 40 years Later / G. Kennan // Foreign Affairs. – 1987. – № 4. – P. 827–830.

5. Meadland, W. The Cuban Missile Crisis: Needless or Essential / W. Meadland. – New York :Praeger, 1988. – viii, 167 p.
6. Nathan, J. The Missile Crisis: His Finest Hour Now / J. Nathan // World Politics. – 1975. – № 2. – P. 256–281.
7. Rostow, W. The Diffusion of Power, an Essay in Recent History / W. Rostow. – New York : Macmillan, 1972. – xx, 739 p.
8. Schlesinger, A. Thousand Days: John F. Kennedy in the White House / A. Schlesinger. – Boston : Houghton Miffin, 1965. – xiv, 1087 p.
9. Sorensen, T. Kennedy / T. Sorensen. – Frankfurt a. M., Wien, Zurich, Buchergilde, 1967. – 751 p.

ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ФРГ И МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР 1970 г.

А.А. Синдеев (Москва)

6 февраля 1951 г. К. Шумахер, лидер социал-демократической оппозиции в бундестаге, отвечая на полученные им ранее от канцлера «Размышления о современной ситуации», писал К. Аденауэру[1]: «Германское единство не означает роста шансов России, если единство возникнет на демократической основе. Все зависит от того, чтобы это единство стало результатом демократического волеобразования... Предпосылками германского единства является не только выравнение частного и общественного права с принципами западной свободы. [Предпосылки] исходят из того, что данная свобода сначала действительно будет создана в качестве постоянной (*unrevidierbar*). Властные средства государства, – констатировал К. Шумахер, – должны быть подняты во всех частях Германии на одинаковый уровень. В этом и в равенстве предпосылок для союзников заключаются условия, при которых могут быть сделаны решительные шаги в направлении объединения» [9]. Со временем ставка на потерю влияния Советского Союза в процессе объединения Германии, на постепенное взращивание свободы в восточногерманском обществе, усиленное укрепление демократических институтов на Западе страны, на повышение эффективности государственных аппаратов и на субъектность немцев, их готовность и способность решать германский вопрос, стали традиционными установками СДПГ, на которых затем успешно были выстроены «новая» аргументация Э. Бара в его тутцингской речи 1963 г. и «новая восточная политика» партии.

В связи с этим особый научный интерес представляют предратификационные политические дискуссии о Московском договоре между СССР и ФРГ, заключенном 12 августа 1970 г. Тогдашнему канцлеру В. Брандту принципи-

[1] 20 февраля 1951 г. К. Шумахер и К. Аденауэр встретились для обсуждения данной проблематики, о чем газета «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*» сообщила в номере от 21 февраля 1951 г. В СССР идеи К. Шумахера воспринимались с недоверием, считалось, что он выступает за создание выгодных условий для последующего нападения на страны народной демократии.

ально важно было обеспечить движение по пути демократизации и упорядоченного открытия восточноевропейских обществ, активизировать с помощью разрешения конкретных практических вопросов касательно Берлина и взаимодействия между ФРГ и ГДР опцию единства страны, что, по его мнению, должно было бы позднее стать одним из индикаторов оценки «эффективности договора». Неслучайно даже в официально озвученной канцлером цели отчетливо слышны подобные нотки: «Федеральное правительство придерживается убеждения, – заявил В. Брандт 18 сентября 1970 г., – что настало время по-новому обосновать и нормализовать в рамках возможного наше отношение к Советскому Союзу и Восточной Европе», поскольку «наш национальный интерес не позволяет нам стоять между Западом и Востоком...» [3, с. 3633]. Очевидно, что «обоснование по-новому» не тождественно изменению содержания политики, а «рамки возможного» указывают скорее всего на ограниченность идейного репертуара нормализации [3, с. 3633][1].

К индикаторам эффективности договора следует отнести еще как минимум два положения из сентябрьской речи канцлера: разрядку, становящуюся возможной только после «улучшения положения в Берлине и возле него» и якобы полученное от Советского Союза фактическое согласие на изменение границ «по договоренности с другими государствами» [3, с. 3632][2]. Для предмета этой статьи не столь принципиально, имелось ли такое согласие, более значимо понимание того, что реальных причин для спора о Московском договоре между различными блоками политической элиты ФРГ практически не было, если не принимать в расчет желание заявить о себе и выставить себя истинным защитником внешнеполитических интересов страны.

Единственное, что можно было серьезно обсуждать до ратификации стали программа ближайших шагов в германском вопросе и приоритетность углубления западноевропейской интеграции, благодаря которой, по мнению лидера фракции ХДС/ХСС Р. Барцеля гарантировался «мирный порядок в Европе»[3].

---

[1] Тем более «[н]ациональная цель германского единства через самоопределение не ущемляется [по Брандту. – *А.С.*] договором...» [3, с. 3632].

[2] Приведу еще одна цитату из выступления В. Брандта: Договор «держит открытым путь к достижению мира (*Zustand des Friedens*) в Европе, при котором германский вопрос также сможет найти справедливое и долгосрочное решение...» [3, с. 3633].

[3] В свою очередь оппозиция, устанавливая псевдосвязь между Московским договором и другими самостоятельными направлениями внешней политики, попыталась создать впечатление фиаско правящей коалиции. Вспомним заявления Р. Барцеля от 18 сентября 1970 г. и фракции ХДС/ХСС от 10 августа того же года о том, что «[п]осле десяти шагов в восточной политике срочно необходимы двадцать шагов в западной политике...», а «[г]ермано-советский проект договора хотя и удовлетворяет некоторым ожиданиям фракции ХДС/ХСС... не снимает решительные сомнения... [Кроме того] фракция ХДС/ХСС не смогла увидеть баланс между обязательствами Федеративной Республики и ответными услугами Советского Союза. Она не видит и для людей в расколотой Германии никаких преимуществ. По-иному, нежели в политике прежних федеральных правительств, которая, например, привела к примирению с Францией и заложила при этом фундамент для создания европейских Сообществ, мы не может установить (*erkennen*) в германо-советском проекте договора конструктивные, ориентированные на будущее элементы и принцпипы лучшего мирного порядка для всех европейцев» [3, с. 3634, 3636].

Напоминание со стороны христианских партий о требовании «укрепить свободный Берлин», а потом заключить Московский договор в сентябре 1970 г. было совершенно бессмысленным, как и возвращение к завышенным ожиданиям фракционного решения от 26 мая 1970 г.[1], преследовавшего цель не дать правительству получить заслуженно причитающиеся ему политические дивиденды.

Более перспективный тезис «Договор не в состоянии решить проблему безопасности» Р. Барцель развивать не стал, в том числе и потому, что тогда ХДС/ХСС пришлось бы предлагать иные средства обеспечения безопасности, что в условиях известных проблем в западном лагере было затруднительно сделать.

Очевидная слабость позиции ХДС/ХСС[2] позволила Г. Венеру, руководителю фракции СДПГ в бундестаге, призвать коллег к реализму. «Мы... рассматриваем, – сказал он, – этот договор как одно из средств, хотя и очень важных, добиться (*gelangen*) ... основополагающего изменения» [3, с. 3638].

Заниматься раздуванием критики оппозиция, естественно, не перестала. В близких к ХСС организациях изгнанных и перемещенных лиц активно предостерегали от последствий произошедшего «[к]оллаборационизма [федерального правительства] с лидером несвободного мира» [5, с. 4476]. Общая тональность выступлений Ф.-Й. Штрауса также была далека от дипломатии[3].

Впрочем, большее значение для оппозиции имело выяснение истинных целей правительства и его интерпретации договора. Показательный пример подобного выяснения можно встретить в бундестаге 9 октября 1970 г.

Министр иностранных дел В. Шеель (СвДП) пояснял по запросу депутата от ХДС барона О. фон Фиркса[4]: «Ответ Министерства иностранных дел на письмо Балтийского совета от 20 июля исходит из того, что ни одно из федеральных правительств не делало заявлений, которые признали бы включение балтийских государств [в состав СССР]. Подписание германо-

---

[1] «Это решение, – сообщал Р. Барцель, – содержит остающиеся важными для нас масштабы оценки... договора. Это – наряду с Европой, НАТО и Берлином... снижение имеющейся напряженности... отказ от международно-правового признания ГДР... договор об отказе от силы и сохранение советской оговорки о применении силы исключают себя... установление границ в мирном договоре...» [3, с. 3635]. Любопытно, что федеральное правительство большинство из перечисленного Р. Барцелем в так называемом списке недостигнутого смогло согласовать на переговорах в Москве.

[2] О слабости позиции свидетельствует то, что представители ХДС/ХСС сознательно распространяли недостоверную информацию. 16 августа 1970 г. Р. Барцель заявил, «что... восточная политика [правительства] укрепляет господство Советского Союза в Европе». 26 августа К.-Г. Кизингер говорил об угрозе «прав[у] немцев на самоопределение» и разрушении «фундамент[а] западной политики интеграции и союзов». 31 августа 1970 г. генеральный секретарь ХДС Б. Хек писал в «*Deutschland-Union-Dienst*»: «Московский договор не содержит безоговорочного отказа Советского Союза от силы по отношению к Федеративной Республике». 9 сентября 1970 г. Р. Барцель на втором канале немецкого телевидения заметил: «Мы видим, что границы цементируются и не становятся проницаемыми». См. подробнее обзор высказываний оппозиции ФРГ в выступлении В. Шееля в бундестаге: [6, с. 4743].

[3] См. подробнее о подходе ХСС в монографии профессора М. В. Стрельца: [2, с. 354–356].

[4] О. фон Фиркс родился 14 сентября 1912 г. в Латвии, оберштурмбанфюрер СС, с 1969 по 1976 г. – депутат во фракции ХДС/ХСС. См. подробнее: [8].

советского договора ничего в этом не изменило. После возвращения из Москвы 7 августа в аэропорту я сказал...: "...Границы могут и в будущем изменяться или отменяться по обоюдному согласию мирным способом"». Когда же фон Фиркс уточнил: «Господин министр, Вы не придерживаетесь со мной мнения, что согласно правилам логики, а также немецкого языка "уважение целостности государства в его теперешних границах", как и значится в договоре, действует не бессрочно, а ограниченно, если одновременно утверждается, что части этих границ появились в нарушение международного права, то есть не на основе договора, а с помощью аннексии?», В. Шеель, не подвергая сомнению сказанное бароном, лишь дополнил: «Но это же не мешает нам установить, что одностороннее изменение границ... не станет основой нашей политики. Мы... по правовому установлению, правовому характеру границ не заняли никакой позиции» [4, с. 3931–3932]. Таким образом, предмет спора, действительно, отсутствовал.

Из всего вышеизложенного следуют по крайней мере пять выводов: стратегическая цель постепенного вытеснения СССР из Восточной Германии и европейской части социалистического лагеря ни одной из ведущих партий ФРГ не оспаривалась; СССР, несмотря на «новую восточную политику», продолжал оставаться политическим противником, акцент лишь смещался с вынужденного взаимовыгодного сотрудничества с советским правительством на одновременное продолжение данного вынужденного сотрудничества и начало приоритетного развития интенсивных контактов с «русским народом»; Московский договор 1970 г. способствовал в итоге внешнеполитическому сплочению западногерманской элиты[1].

Последний вывод чрезвычайно важен, если сравнить ценность контактов в рамках коллективного Запада с отдельными социалистическими странами и с СССР. Советское руководство не могло не знать, какова с учетом выработанного внешнеполитического консенсуса истинная цель Федеративной Республики Германия.

Что касается европейской безопасности, то в 1960-е гг. (не в последнюю очередь из-за ослабления позиций США) все большую роль стали играть малые и средние страны Европы, что существенно затруднило автономные действия крупных государств. До сих пор дискуссионным остается вопрос, насколько рост числа акторов на международной арене продуктивен с точки зрения формирования системы региональной безопасности [Ср.: 1]. Если под этим ракурсом оценивать установки политической элиты ФРГ, то придется констатировать следующее: сил для полномасштабной реализации данных установок на практике у политической элиты Западной Германии не было, а угроза доверию, наоборот, присутствовала.

[1] См. обоснование канцлером Г. Колем решения о приглашении Э. Хонеккера в Бонн: [7].

Источники и литература:

1. Синдеев, А.А. Системообразующие процессы европейской безопасности // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 – начало XXI в.) : материалы IV Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 мая 2019 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 17–21.
2. Стрелец, М.В. Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): идеология и политика. Монография / М.В. Стрелец. – Брест : Издательство БГТУ, 2004. – 410 с.
3. Deutscher Bundestag: 66. Sitzung. – Bonn, den 18. September 1970. – 38 S. (3631–3664).
4. Deutscher Bundestag: 71. Sitzung. – Bonn, den 9. Oktober 1970. – 46 S. (3931–3972).
5. Deutscher Bundestag: 80. Sitzung. – Bonn, den 13. November 1970. – 46 S. (4475–4514).
6. Deutscher Bundestag: 85. Sitzung. – Bonn, den 10. Dezember 1970. – 18 S. (4739–4754).
7. Kohl, H. Erinnerungen, 1982–1990 / H. Kohl. – München : Droemer, 2005. – S. 83–86.
8. Oltmanns, R. Spurensuche auf verbrannter Erde: Reportagen, Berichte, Erzählungen zur Zeitgeschichte: Deutschland, Europa, Südamerika, Asien, Afrika (1969–2009) / R. Oltmanns. – Nordersedt, 2009. – S. 36–39.
9. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes der Bundesrepublik Deutschland. – B 2-VS. – Bd. 199A. – Bl. 12.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 1980-е ГОДЫ

В.А. Космач (Витебск)

В 1981 г. президентом Франции стал социалист Франсуа Миттеран, а в 1982 г. федеральным канцлером ФРГ по итогам выборов в бундестаг был утвержден христианский демократ Гельмут Коль. Оба политика сыграют выдающуюся роль в истории своих стран последней четверти XX века. Они же будут во многом определять всю архитектуру европейской геополитики и международных отношений и, конечно же, всю гамму и результативность двусторонних отношений между Францией и ФРГ, в том числе в области вооружений и европейской военно-политической интеграции 1980-х– первой половины 1990-х гг. [6, с. 185–189; 7, с. 439–440].

«Что же касается Франции, – отмечает в «Истории внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель» Н.В. Павлов, – то развернувшаяся там начиная с 1981 года дискуссия отчетливо показала, что в будущем в области поддержания своей внешней безопасности, опираясь на нынешнюю стратегию, Франция в одиночку уже не сможет противостоять военным и финансовым проблемам. Поэтому мощный западногерманский экономический потенциал должен был помочь стране решить многие

насущные вопросы. В противном случае без союза с ФРГ позиции Франции в Европе были бы значительно ослаблены.

В новых условиях сотрудничество между Бонном и Парижем в военной области не только расширилось, но и углубилось. В ходе первых официальных консультаций между обеими странами 21–22 октября 1982 г. в Бонне Ф. Миттеран и Г. Коль договорились о проведении дважды в год совещаний министров обороны и иностранных дел для обсуждения различных военно-политических проблем, а также о создании комиссии по вопросам обороны и безопасности, в которую вошла и группа по ядерным проблемам. Под эгидой комиссии были созданы три специализированные рабочие группы: по политическим и стратегическим вопросам, по военному сотрудничеству (т.е. согласование оперативного планирования и военного строительства) и по сотрудничеству в области производства вооружений. Подключение к этому механизму группы по ядерным проблемам предоставило ФРГ возможность обсуждать с Францией оперативные вопросы, связанные с использованием французских ядерных сил.

В декабре 1983 года впервые после Второй мировой войны западногерманские танки пересекли французскую границу и совместно с французскими сухопутными войсками приняли участие в военных маневрах на территории Эльзаса. В феврале 1984 года в Бонне состоялось совместное совещание членов комиссии по делам обороны и вооруженных сил Национального собрания Франции и их коллег из бундестага ФРГ» [7, с. 430–431].

Новым шагом в деле углубления военного сотрудничеств между обеими странами, пишет далее Н.В. Павлов, стала очередная франко-западногерманская встреча на высшем уровне в мае 1984 г. в загородном дворце Рамбуйе, под Парижем. Было подписано соглашение о начале совместного производства нового противотанкового вертолета второго поколения. На встрече в Рамбуйе была также достигнута договоренность о создании двусторонней группы для разработки и осуществления запусков военных искусственных спутников Земли. В общей сложности представители министерств обороны; двух стран обсудили возможность разработки свыше 50 совместных проектов по производству вооружений, в том числе созданию нового боевого самолета.

Вместе с тем развитие франко-западногерманского военно-политического сотрудничества в 1980-е гг. проходило не так гладко, как это может показаться. В 1984–1985 гг. именно в этой важнейшей сфере двусторонних отношений, а также в области совместного производства вооружений в оси Париж – Бонн появились признаки некоторой напряженности. В наиболее острой форме франко-западногерманские разногласия проявились в области исследования и использования космического пространства. В январе 1985 г. Федеративная Республика дала понять, что, в вопросе освоения космоса она больше доверяет США, чем планам «независимой космической Европы», которые вынашивал Париж. Отказавшись

от участия в реализации французского проекта спутника военной разведки, западногерманское руководство постаралось смягчить этот отказ, предложив французам создать совместную комиссию по космическому планированию. Напомним, подчеркивает Н.В. Павлов, что именно в это время в ФРГ начал активно дискутироваться вопрос об участии страны в американской программе СОИ. Поддержка американских космических планов со стороны Бонна вызвала болезненную реакцию в Париже, поскольку это было связано с опасениями, что при определенных условиях ФРГ, участвуя вместе с США в разработке соответствующих программ и их реализации (программа СОИ), может получить военно-стратегические преимущества перед другими западноевропейскими государствами [7, с. 432].

Во второй половине 1980-х гг. (продолжилось сближение военно-стратегических доктрин, согласно которым Франции и ФРГ отводилась первостепенная роль в натовской концепции «обороны на передовых рубежах». Следствием усиления «атлантических» тенденций во французском руководстве стало расширение участия Франции в военных мероприятиях, в частности маневрах Североатлантического блока, несмотря на то, что она на тот момент не являлась членом его военной организации. В 1987 г. по сравнению с 1986 г. существенно увеличилось также участие Франции в учениях сухопутных войск на территории ФРГ, в том числе в сентябре в Баварии прошли самые крупные за весь послевоенный период франко-западногерманские маневры под кодовым названием «Кеккер-шпац», в которых было задействовано 55 тыс. солдат и офицеров 2-го армейского корпуса бундесвера и 20 тыс. военнослужащих французских «сил быстрых действий» [7, с. 433–434].

После парламентских выборов в ФРГ в 1987 г. канцлер Г. Коль указал в своем правительственном заявлении на то, что «ныне между Францией и Федеративной Республикой Германией существует такое единство воззрений и интересов, которое должно позволить сделать первые шаги и к оперативной единой внешней политике». Это заявление стало прологом для конкретных шагов навстречу друг другу, которые в совокупности объясняют общее и особенное в подходе Франции и ФРГ к решению проблем европейской безопасности. Идеологические противоречия уступили место в середине 1980-х гг. идеологическому сотрудничеству, охватившему широкий круг вопросов, которые наряду с конкретными программами в области военно-технической кооперации получили ярко выраженный проатлантический акцент. В июле 1987 г. два бывших французских министра обороны – Ш. Эрню и П. Месмер выступили в печати с предложением о размещении на территории ФРГ французского нейтронного оружия, которое, по их мысли, должно было находиться под совместным контролем Парижа и Бонна. В ноябре 1987 г. в Карлсруэ была достигнута принципиальная договоренность о создании совместной бригады численностью 4200 человек.

По случаю 25-й годовщины Елисейского договора руководители обеих стран приняли два дополнительных протокола к нему. Согласно этим протоколам от 22 января 1988 г. были учреждены совместный Совет обороны и безопасности и франко-западногерманский Экономический и финансовый совет. В первом должны были заседать главы государств и правительств, министры иностранных дел и обороны, а также руководители военных штабов обеих стран с периодичностью не менее двух раз в год. Во втором предполагались ежеквартальные консультации между министрами экономики и финансов, а также президентами центральных банков [7, с. 433].

В справке второго секретаря посольства СССР в ФРГ А. Лопушинского «Военно-политическое сотрудничество ФРГ и Франции» от 19 февраля 1988 г. отмечался факт создания в январе того же года франко-западногерманского Совета обороны и безопасности и обращалось внимание Москвы на то, что с октября 1988 г. будет создана смешанная военная бригада из военнослужащих Франции и Германии. Г. Коль был уверен, что подобные шаги Бонна и Парижа – это выражение «общности судей» двух стран и необходимость обороны территории двух государств «как единого целого» [1, л. 55]. А. Лопушинский в этой связи заявил, что для Франции это еще и переход к вооруженной защите своей страны не только на собственной национальной территории.

4 февраля 1988 г., отмечал далее советский дипломат, Г. Коль в своем выступлении заявил еще, что недавние договоренности между ФРГ и Францией – это еще отличный пример для других структур обороны двух стран, это переход от военного сотрудничества двух государств к «военной интеграции» [1, л. 55]. Фактически Г. Коль высказывался за идею создания совместной европейской обороны и совместной европейской армии (вооруженных сил).

Далее А. Лопушинский писал, что через военную кооперацию Франции и ФРГ Париж привязывается к военно-политической организации НАТО [7, л. 56]. И подобное предусматривалось НАТОвскими и французскими соглашениями (со стороны Франции в этих случаях выступал Генштаб вооруженных сил страны) 1967, 1974 и 1978 гг. А в совместных учениях «Кеккер-Шпац» осенью 1987 г. Франции и Германии французские и западногерманские войска были выдвинуты к чехословацкой границе [1, л. 57]. Бонн также выступал за возможное применение французского ядерного оружия для защиты Западной Германии от внешнего противника [1, л. 58].

Интерес в связи с темой нашего исследования представляет также справка атташе советского посольства в ФРГ В. Семенова «О подходе Франции к процессу западноевропейской военно-политической интеграции» от 4 марта 1988 г. Он отмечал, что в данном вопросе, как и по проблемам взаимоотношений Парижа с ФРГ, во французском политическом истеблишменте сформировались три течения.

Во-первых, писал В. Семенов в МИД в Москве, позиция Франции по отмеченным темам формируется прежде всего под влиянием неоголлистского Объединения в поддержку республики (ОПР), неолиберального Союза за французскую демократию (СФД) и проатлантического крыла Французской социалистической партии (ФСП). Все три партийно-политические группировки тогда полагали, что Франция и Великобритания вместе уже не в состоянии одни обеспечить «советское военное превосходство». Поэтому Парижу и Лондону следует выступать за сохранение американского ядерного щита в Европе. А через западноевропейскую военную интеграцию можно освободить часть военных сил США для действий в других регионах мира. ОПР, СФД и проатлантическое крыло ФСП выступали за сближение Франции с НАТО и за усиление роли Франции в Западной Европе [1, л. 60].

Во-вторых, отмечал В. Семенов, это традиционные голлисты, ратовавшие за превращение Западной Европы в «третью военную силу» наряду с СССР и США. Поэтому они также выступали за военно-политическое сотрудничество Парижа с Бонном.

И, наконец, в-третьих, подчеркивал В. Семенов, это значительная часть ФСП, ориентировавшаяся на европейскую военную интеграцию как ступени к созданию «единой Европы» в качестве «третьей силы между капитализмом и социализмом» [1, л. 61]. Французские социалисты выступали при этом за сотрудничество с СССР и Организацией Варшавского договора (ОВД) в области разоружения и безопасности.

С конца 1980-х гг., в связи с подготовкой Маастрихских соглашений, определилось еще одно направление европейской политики Франции, сторонники которого получили название «евросоциалистов». Они критиковали Маастрихтский договор в связи с недостатками в вопросах социальной политики, а также выступали против создания тесного военно-политического и военно-финансового союза «12-ти» членов Европейского сообщества. Среди сторонников этого направления были левые социалисты во главе с Ж.П. Шевенманом, коммунисты, некоторые профсоюзные центры, «зеленые», а также (с некоторыми оговорками) часть правых сил и ультраправый «Национальный Фронт». Они, как и многие деловые круги Франции, выражали опасение, что в единой Европе доминирующие позиции – в ущерб Франции – займет Германия [5, с. 13].

По В.А. Манжоле, ядерная дипломатия Франции выступала в качестве важного средства внешнеполитического национализма (1960-е гг.), проявления солидарности и партнерства союзниками Франции по НАТО и в Европе (1970–1980-е гг.), в деле установления определенного равновесия между внешнеполитическим национализмом, атлантическим и европейским направлениями во внешней политике Франции [4, с. 29]. А.А. Субботин обращал внимание на то, что в вопросах военного сотрудничества Западная Германия выступала в качестве равного партнера Парижа [9, с. 19].

Западногерманские исследователи в связи с темой германо-французской политики безопасности в 1980-е гг. выделяли следующие важнейшие события:

– 1982 год: соглашения о тесном сотрудничестве в области политики безопасности и регулярные встречи министров иностранных дел и обороны, а также создание совместного Комитета (Комиссии) по безопасности и обороне.

– 1986 год: соглашение о совместных консультациях касательно французских ядерных сил, которые могли бы угрожать ФРГ.

– 1987 год: совместные военные маневры «Кекер – Шпатц» в Южной Германии (ФРГ), соглашения по Совету обороны и объединенной бригаде вооруженных сил Франции и Германии.

– 22 января 1988 года: создание германо-французского Совета по обороне и безопасности и совместной военной бригады [10, с. 227].

Источники и литература:

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 757. Сектор по ФРГ. Оп. 33. П. 188. Д. 18. Справки о взаимоотношениях с третьими странами. 1988 год.

2. Бариев, Р.Р. Отечественная историография франко-западногерманских отношений (вторая половина XX – начало XXI вв.) : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук / Р.Р. Бариев. – Казань, 2006. – 21 с.

3. Костюк, Р.В. Левые силы Франции и европейское строительство. 1980–1990-е годы / Р.В. Костюк. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – 575 с.

4. Манжола, В.А. Ядерная политика Франции (60–80-е годы) : автореф. дисс. на соискание уч. степени доктора ист. наук / В.А. Манжола. – Киев, 1993. – 41 с.

5. Мирхан, Б. Европейская политика Франции (80 – нач. 90-х годов) : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук / Б. Мирхан. – Киев, 1993. – 24 с.

6. Обичкина, Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012) / Е.О. Обичкина. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 382 с.

7. Павлов, Н.В. История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель / Н.В. Павлов. – М. : Междунар. отношения, 2012. – 382 с.

8. Павлов, Н.В. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера / Н.В. Павлов, А.А. Новиков. – М. : Московские учебники, 2005. – 608 с.

9. Субботин, А.А. Франко-западногерманские отношения в 1974–1988 годах : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук / А.А. Субботин. – Киев, 1990. – 24 с.

10. Deutschland – Frankreich. Hohen und Tiefen einer Zweirbeziehung. Ergebnisse eines dreitägigen Simphosiums im Februar 1988 in Essen. – Essen, 1988. – 257 s.

11. Schwarz, H.P. Eine Entente Elementaire: das deutsch-französische Verhältnis im 25. Jahr des Elysée-Vertrages. Mit e. Dokumentation / H.P. Schwarz. – Bonn : Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik, 1990. – 94 s.

12. Simonian, H. The privileged partnership. Franco-german relations in the Europian Comminity 1969–1984 / H. Simonian. – Oxford : Clarendon Press, 1985. – XII, 407 p.

13. Über Freundschaft hinaus ... Deutsch-französische Beziehungen ohne Illusion / Deutsch – Franz. Inst. (Hrsg.). – Stuttgart, Bonn, 1988. – 183 s.

НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ И ТЕОРИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ США

М.А. Бурда, О.Е. Гришин (Москва)

Насущность исследования обусловлена тем, что США по-прежнему сохраняют за собой право обновлять спектр проблем, дискутирующихся в рамках международного сообщества, и утверждают необходимость формирования межгосударственных связей определенного формата. Актуализируется вопрос поиска и подбора наиболее адекватных действующему политическому режиму и соответствующих международным практикам политических доктрин и теорий, в категориально-смысловых границах которых предполагается определение и утверждение конкретной политической повестки, как в рамках политической системы США, так и за ее пределами.

Во второй половине XX века мировое сообщество столкнулось с запуском комплекса системных изменений и появлением запросов на восприятие качественно новых политических дефиниций, что обосновывалось, в частности, следующими факторами: сменой традиционных политических режимов в ряде государств; усложнением и диверсификацией внутриполитических процессов; формированием новых тенденций в части выстраивания политической коммуникации между субъектами и утверждением моделей конструирования институциональной архитектуры политической системы; инновативизацией и технологическим усложнением политических практик и отношений, обусловливающих необходимость пересмотра основных принципов и особенностей взаимодействия неполитических и политических акторов, а также обновлением инструментария осуществления политического выбора; обновлением ценностных оснований планирования и организации политической деятельности как в рамках государственных границ акторов международных отношений, так и в рамках функционально-смысловых параметров международных организаций; формулированием обновленного инструментария взаимодействия на международной арене; расстановкой акцентов в пользу обращения к новым формам и конфигурациям создания межгосударственных блоков и союзов; проявлением взаимообусловленности и взаимозависимости политических субъектов и надгосударственных политических институтов, сопровождающееся не только системной вовлеченностью большинства участников международных отношений в ключевые процессы глобального политического пространства и полифоничностью предлагаемых инициатив, но и переформулированием парадигм развития и реформированием иерархии межгосударственных контактов с учетом общепринятых норм и ценностных оснований и т.п.

Политические лидеры США, как правило, выдвигали на первый план проблему конструирования политической повестки, в рамках которой возможны тиражирование и трансляция оптимальных с точки зрения американ-

ской действительности политических установок и формул, с целью упрочения лидирующих позиций США, сохранения способности американского государства парировать атаки любой сложности, а также формулирования ответной реакции на проявляющиеся кризисы и деструкции и в результате обеспечения жизнеспособности и перспективности собственного варианта политического развития. При этом принципиальное значение для достижения заявленных целей имеет вопрос выбора политических доктрин и теорий с учетом современных реалий, потенциальных угроз, доминирующих норм в рамках международных отношений и специфики внутриполитической ситуации.

Наиболее известными и получившими широкое практическое применение называются, в частности, следующие политические доктрины и теории:

1. «Теория сдерживания» (Deterrence Theory), разработанная Дж. Кеннаном, ключевыми ориентирами которой являются признание целесообразности создания барьеров в развитии конкурентоспособного в геополитическом и военно-стратегическом отношении противника и утверждение необходимости сохранения за собой возможности нанесения превентивного удара при наличии исходящей угрозы с целью обеспечения национальной безопасности и политической независимости. При этом в качестве основополагающих методов и приемов подобной деятельности формулируются демонстрация собственного военно-политического доминирования, создание реальных предпосылок для ослабления влияния конкурента во внешнеполитическом поле, осуществление постоянного поиска контраргументов с целью обоснования собственной позиции, ранжирование вариантов достижения задач в зависимости от критериев эффективности оказываемого политического (военно-политического) давления и целесообразности задействованных рычагов. Наиболее успешно принципы теории были реализованы американскими президентами в период «Холодной войны» при планировании и организации мероприятий по ликвидации угрозы усиления советского влияния, в частности, в странах Восточной Европы и Латинской Америки. С точки зрения формирования конкретного информационно-коммуникационного поля, обусловленного директивными установками представителей высшего эшелона политической власти и утверждаемыми теорией положениями, использовались такие инструменты, как четкое конструирование образа внешнего агрессора, планирование действий исходя из стратегии выстраивания диалога с позиции силы, приобщение к практикам целенаправленных диффамации и дискредитации, оперирование категориями политического влияния и стратегического планирования [5, p. 339–355].

2. «Теория домино» (Domino Theory), разработанная Дж. Даллесом, концентрируется вокруг установки на инициирование действий деструктивного свойства в рамках одной политической системы таким образом, чтобы подобные действия обязательно провоцировали соответствующие трансформации в аналогичных политических системах. «Теория домино» применялась Р. Рейганом в отношении стран Латинской Америки, Дж. Кеннеди – в отноше-

нии стран Юго-Восточной Азии, Л. Джонсоном – в отношении стран Южной Америки, Дж. Бушем-старшим – в отношении стран Латинской Америки и Ближнего Востока. В контексте проблемы конструирования политической повестки со стороны американских президентов наблюдались ведение двойной игры, задействование теневых механизмов, игнорирование утвержденных норм, целевое искажение информационного фона [4].

3. «Реальная политика» (Realpolitik), разработанная Г. Киссинджером, формулируется в рамках идеи расстановки акцентов при анализе ситуации и принятии решения с учетом конкретных факторов и специфики реально сложившегося положения дел, при этом особую значимость приобретают такие ценностные установки, как прагматичность, практичность, рациональность и логичность. По большому счету, «реальная политика» предполагает утверждение приоритетности обращения к положениям теории политического реализма с одновременным указанием на возможность отхода от соблюдения устоявшихся культурных норм и идеологических принципов в политической сфере. Как известный теоретик и практик Реальной политики, эксперт в области международных отношений, Г. Киссинджер, определявший рамочные условия конструируемой политической повестки в США на протяжении второй половины XX века, оказывал влияние на реализацию ряда внутри- и внешнеполитических проектов таких американских президентов, как Л. Джонсон, Р. Никсон, Дж. Форд. В контексте «реальной политики» при определении вектора формулирования политической повестки предлагаются такие нарративы, как корректировка исполнения договорных обязательств и требований достигнутых соглашений в ситуации изменения политических целей и программ, проявление гибкости и способности к оперативному маневрированию в зависимости от поступающих требований среды, сохранение в арсенале необходимого количества действенных стратегий с возможностью выбора наиболее подходящей сложившимся условиям, отсутствие установки на выстраивание взаимоотношений с четко обозначенным списком союзных государств с целью определения наиболее подходящего партнера с учетом возникающих обстоятельств [1].

4. Теория «управляемого хаоса» («Controlled Chaos» Theory), предложенная С. Манном, утверждает в качестве центральных формулировок конструируемой политической повестки отход от активного участия в проектах, направленных на достижение равномерного международного развития и международной интеграции; оперирование категориями с различными определениями в контексте задействования в конкретной создавшейся обстановке наиболее приемлемой; поддержание высокого уровня реверсивности, энтропии и фрагментарности коммуникации в международном политическом пространстве, рассогласованности и разнонаправленности политических интересов участников международных процессов; формирование условий и возможностей достижения демонтажа существующей системы международных отношений с целью установления собственных правил игры и др. [2, p. 19–28].

5. Концепция «мягкой силы» («Soft Power» Concept), предложенная Дж. Наем, формулирует американский вариант достижения политического лидерства в планетарном масштабе и закрепления способности одного государства оказывать влияние на ход и развитие происходящих политических изменений в рамках современного мироустройства с использованием неформальных, неконвенциональных, латентных, внешне незаметных инструментов. Подразумевается реализация целей посредством организации деятельности через такие глобальные структуры, как Всемирная торговая организация (World Trade Organization), Всемирный банк (World Bank), Международный валютный фонд (International Monetary Fund) и др. Соответственно, утверждаемая политическая повестка предполагает культивирование атрибутики демократии американского образца и ценностных оснований американской политической традиции [3].

6. Доктрина «глобального политического пробуждения» (Doctrine of Global Political Awakening), предложенная Зб. Бжезинским, создает смысловые основания для утверждения инклюзивности американского государства на международной арене на основе анализа политического опыта США последних нескольких лет. Центральной идеей является расширение существующих и создание новых возможностей по корректировке трендов межгосударственного взаимодействия и масштабирования политического влияния ввиду утверждающихся активности и интерактивности политических субъектов. В контексте закрепления политической повестки прокламируются следующие принципы: объединение (Unify), расширение (Enlarge), вовлечение (Engage), умиротворение (Pacify) [6].

Таким образом, встраивание конструируемой политической повестки в контекст популяризирующихся трендов и в рамки идеи сохранения стабильности доминирующих в системе политических норм США, как правило, является наиболее перспективным сценарием с целью доктринального обоснования принимаемых решений.

Источники и литература:

1. Bew, J. Realpolitik: A History / J. Bew. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 408 p.

2. Kantemnidis, D. Chaos Theory And International Relations / D. Kantemnidis // Journal Of Mediterranean And Balkan Intelligence. – 2015. – Vol. 6, № 2. – P. 19–28.

3. Nye, J. Soft Power: The Means To Success In World Politics / J. Nye. – New York : Public Affairs Group, 2004. – XVI+208 p.

4. Stratton, S. The Ties That Bind: The Domino Theory In American Foreign Policy, 1947–1968 / S. Stratton. – Hamilton, Ontario : McMaster University, 1989. – V+152 p.

5. Taddeo, M. The Limits Of Deterrence Theory In Cyberspace / M. Taddeo // Philosophy & Technology. – 2018. – Vol. 31. – Issue 3. – P. 339–355.

6. The Global Political Awakening [Electronic resource] // The New York Times. – 2008. – 16 December. – Mode of access: https://www.nytimes.com/2008/12/16/opinion/16iht-YEbrzezinski.1.18730411.html. – Date of access: 10.02.2020.

ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ «АФГАНСКОГО ВОПРОСА» В СОВЕТСКОМ РУКОВОДСТВЕ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ВЫВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН

А.Л. Ковальков (Кропивницкий)

15 февраля 1989 г. ограниченный контингент советских войск покинул территорию Афганистана. Для СССР война, длившаяся больше 9 лет и ставшая последней в истории этого государства, закончилась. Она имела глубокие последствия для политического и социально-экономического развития не только Советского Союза и Афганистана, но и для мира в целом. Масштабность этого события обусловила появление обширной историографии, наиболее полный обзор которой сделал А.А. Костыря [10]. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мыслью, высказанной в одном из обобщающих исследований проблемы, что «было бы излишне оптимистичным утверждать, что осмысление “необъявленной войны” в Афганистане можно считать свершившимся фактом» [16, с. 49].

Одним из таких недостаточно изученных вопросов является проблема наличия разных подходов к решению «афганского вопроса» в советском руководстве в конце 1980 – начале 1990-х гг. Несмотря на наличие специализированных исследований по истории советско-афганских отношений [18] и внешней политики СССР в последние годы его существования [15], эта проблема не получила должного освещения в научной литературе. Источниковой базой исследования послужили стенографические записи заседаний [2] и протоколы Политбюро ЦК КПСС [2; 3], а также выступления и воспоминания государственных деятелей, причастных к афганской политике СССР [5; 6; 7; 9; 13; 14; 17; 21].

Ко времени прихода к власти в СССР нового политического руководства во главе с М.С. Горбачевым война в Афганистане была в разгаре. Безвозвратные потери советских войск уже составляли более 9 тыс. чел., Москва тратила на содержание ОКСВ 10–11 млн руб. в день [15, с. 93]. Ситуация усугублялась резким падением мировых цен на нефть, что повлекло за собой сокращение валютных поступлений в государственную казну примерно на 50%. СССР недополучал около 10 млрд дол. в год [11, с. 218], что впоследствии привело к росту дефицита бюджета. По американским оценкам, с 1985 по 1987 г. этот дефицит вырос в четыре раза и в 1988 г. составил около 100 млрд руб. [11, с. 236–237]. Афганская проблема требовала решения.

Уже весной 1985 г. в своем рабочем блокноте М.С. Горбачев отметил Афганистан в числе первоочередных проблем [6, с. 276], подтвердив это в разговоре со своим внешнеполитическим советником А.С. Черняевым [21, с. 39]. По словам последнего, для нового Генерального секретаря выход из Афганистана «с сохраненным лицом» мог иметь силу XX съезда для Н. Хрущева

[21, с. 38]. Сам Горбачев позже называл Афганистан ключевым моментом в реализации нового политического мышления [2, с. 354]. Он действительно в интервью [13], с трибун XXVII съезда КПСС [14] и Организации объединенных Наций [5] неизменно подчеркивал необходимость политического урегулирования «афганской проблемы». Этой цели была подчинена смена высшего партийного и политического руководства Афганистана, а Женевский переговорный процесс значительно ускорился [подробнее см.: 19].

12 февраля 1986 г. в разговоре с М. Наджибуллой Горбачев четко дал понять, что правительство ДРА должно брать ответственность за ситуацию в стране на себя, а СССР не собирается бесконечно долго откладывать вывод своих войск из страны [16, с. 64]. Вопрос Афганистана регулярно поднимался на заседаниях Политбюро ЦК КПСС. 26 июня 1986 г. прозвучало категорическое: «Короче говоря, нужно оттуда вылезать». Генсека поддержал А.А. Громыко: «Это не наша война» [2, с. 55]. 13 ноября того же года были озвучены примерные сроки вывода войск: не позднее, чем через два года [2, с. 105]. Вместе с тем всегда подчеркивалось, что допустить падения режима НДПА нельзя [2, с. 145].

Несмотря на официальные заявления, советское политическое, партийное и военное руководство не было единым в «афганском вопросе». По имеющимся данным, приблизительно в начале 1987 г. оформилось три подхода, приверженцы которых имели отличительные взгляды на возможную дальнейшую политику СССР касательно Афганистана. Военная верхушка (Начальник Генерального Штаба ВС СССР маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев, Начальник группы управления Министерства обороны СССР в Афганистане генерал армии В.И. Варенников), а также первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Г.М. Корниенко выступали за полный вывод советских войск и за попытки убедить НДПА разделить власть в стране с оппозицией. Министр иностранных дел Э.А. Шеварнадзе и заместитель Председателя КГБ СССР В.А. Крючков настаивали на продолжении поддержки Афганистана всеми имеющимися средствами. Заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлев обосновывал идею «афганизации» конфликта, в то время, как сам М.С. Горбачев – «постепенной афганизации» [8, с. 428; 9, с. 114].

Эти дискуссии ожесточились после 8 февраля 1988 г., когда М.С. Горбачевым впервые было объявлено о намерении вывести войска из Афганистана начиная с 15 мая того года [7]. 14 апреля 1988 г. были подписаны Женевские соглашения о политическом урегулировании ситуации вокруг Афганистана, центральное место в котором отводилось именно выводу советских войск.

И до, и после подписания соглашений М. Наджибулла неоднократно поднимал вопрос о невозможности самостоятельно противостоять оппозиции и о желательности оставить часть советских войск в Афганистане. Эти идеи активно поддерживал Э.А. Шеварнадзе. В январе 1989 г., после

возвращения из Кабула, министр предложил рассмотреть вопрос о возможном размещении в РА после вывода советских воск бригады в составе 3–5 тыс. чел., которую можно было бы использовать для прорыва блокады Кандагара [21, с. 269]. Этот вопрос бурно обсуждался на заседании Политбюро ЦК КПСС 24 января. В ходе дискуссий допускалась возможность оставления дивизии (12 тыс. чел.) для охраны магистрали Хайратон – Кабул, нанесения бомбо-штурмовых ударов (БШУ) по позициям оппозиции с советской территории [3]. Эти варианты были отброшены как нежелательные. Было принято решение поддерживать режим Наджибуллы материальными и политическими средствами. Вывод войск состоялся согласно графику.

В дальнейшем вопросы о возможном направлении отдельных частей СА в РА, или нанесении БШУ с территории СССР неоднократно поднимались на заседаниях Политбюро [2, с. 468, 657; 4], но все аргументы Шеварднадзе и Крючкова опровергались твердой позицией Генсека. Но желание поддерживать кабульский режим “любой ценой” выразилось в масштабных поставках продовольствия, горючего, вооружения и военной техники, общая стоимость которых в 1989–1990 гг. составила от 5 до 6 млрд руб. [1, с. 220; 20, с. 234].

В начале 1990 г. внимание кремлевского руководства переключилось на европейские проблемы. О падении интереса к Афганистану свидетельствует решение ЦК КПСС от 12 февраля о прекращении работы Комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану [12, с. 547–548]. Уже после августовского путча, 13 сентября 1991 г., Министр иностранных дел СССР Б. Панкин и Госсекретарь США Дж. Бейкер подписали соглашение о прекращении поставок оружия конфликтующим сторонам в Афганистане с 1 января 1992 г. [17].

В завершение отметим, что разногласия вокруг «афганского вопроса» стали иллюстрацией сложной и противоречивой внутренней и внешней политики СССР в последние годы его истории. Сосуществование рациональных, конструктивных подходов с доктринальными, идеологическими способствовали углублению кризиса советской системы. Афганистан стал демонстрацией того, как много в горбачевском «новом политическом мышлении» оставалось от мышления старого, сформированного в годы «холодной войны».

Источники и литература:

1. Архивы Кремля и Старой площади. Документы по «делу КПСС». Аннотированный справочник документов, представленных в Конституционный суд Российской Федерации по «делу КПСС» / сост. И.И. Кудрявцев; под ред. В.П. Козлова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1995. – 326 с.

2. В Политбюро ЦК КПСС… По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев (руководитель проекта), А. Вебер, В. Медведев. – М. : Горбачев-Фонд, 2008. – 800 с.

3. Выписка из протокола № 146 заседания Политбюро ЦК КПСС. – 24 января 1989 года [Электронный ресурс] // Электронный Архив Национальной безопасности

Университета Дж. Вашингтона. Афганистан. – Режим доступа: https://nsarchive2.gwu.edu//rus/text_files/Afganistan/January%2024,%201989.pdf. – Дата доступа: 12.03.2020.

4. Выписка из протокола №159 заседания Политбюро ЦК КПСС. – 19 мая 1989 года [Электронный ресурс] // Электронный Архив Национальной безопасности Университета Дж. Вашингтона. Афганистан. – Режим доступа: https://nsarchive2.gwu.edu//rus/text_files/Afganistan/1989.05.19%20CC%20on%20Afgh.pdf. – Дата доступа: 12.03.2020.

5. Горбачев, М.С. Выступление в Организации Объединенных Наций. 7 декабря 1988 г. / М.С. Горбачев. – М. : Издательство политической литературы, 1988. – 32 с.

6. Горбачев, М.С. Жизнь и реформы : в 2 кн. / М.С. Горбачев. – М. : АО Издательство "Новости", 1995. – Кн. 1. – 600 с.

7. Заявление Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза М.С. Горбачева по Афганистану // Правда. – 1989. – 9 февраля. – С. 1.

8. Зубок, В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / В.М. Зубок. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2011. – 671 с.

9. Корниенко, Г.М. Как принималось решение о вводе советских войск в Афганистан и их выводе / Г.М. Корниенко // Новая и новейшая история. – 1993. – № 3. – С. 107–118.

10. Костыря, А.А. Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979–1989 гг.) / А.А. Костыря. – Донецк : ООО "ИПП "Промінь", 2009. – 600 с.

11. Крисенко, Д.С. За лаштунками Білого дому: фактори формування політики США щодо СРСР періоду адміністрації Р. Рейгана (1981–1989) / Д.С. Крисенко. – Біла церква, 2014. – 500 с.

12. Ляховский, А.А. Трагедия и доблесть Афгана / А.А. Ляховский. – М. : ГПИ "Искона", 1995. – 650 с.

13. Ответы М.С. Горбачева на вопросы газеты "Вашингтон пост" и журнала "Ньюсуик" // Советско-американская встреча на высшем уровне, Москва, 29 мая – 2 июня 1988 г.: Документы и материалы. – М. : Политиздат, 1988. – С. 3–29.

14. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального Секретаря ЦК КПСС товарища М.С. Горбачева // Материалы XVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М. : Политиздат, 1987. – С. 3–90.

15. Полынов, М.Ф. Внешняя политика Горбачева. 1985–1991 гг. / М.Ф. Полынов. – СПб. : Алетейя, 2015. – 502 с.

16. Рубцов, Ю.В. Советский Союз в необъявленной войне в Афганистане (1979–1989 годы) / Ю.В. Рубцов // Новая и новейшая история. – 2009. – № 1. – С. 48–71.

17. Совместное советско-американское заявление // Правда. – 1991. – 14 сентября. – С. 6.

18. Топорков, В.М. Афганистан: советский фактор в истоках кризиса / В.М. Топорков. – Чебоксары : Интерактив плюс, 2014. – 319 с.

19. Христофоров, В.С. Трудный путь к Женевским соглашениям 1988 года по Афганистану / В.С. Христофоров // Новая и новейшая история. – 2008. – № 5. – С. 23–48.

20. Червонописский, С.В. Военно-политическая спецоперация СССР в Афганистане (25 декабря 1979–15 февраля 1989 гг.) : словарь-справочник / С.В. Червонописский, А.А. Костыря, В.Г. Сироштан. – К. : Мединформ, 2008. – 452 с.

21. Черняев, А.С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям / А.С. Черняев. – М. : Издательская группа "Прогресс" – "Культура", 1993. – 528 с.

«ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БУША (НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ ОПЕРАЦИИ «БУРЯ В ПУСТЫНЕ»)

С.М. Пик (Львов)

Как известно, на каденцию 41-го президента США Дж. Буша пришлось немало глобальных геополитических испытаний под общим названием «конец “холодной войны”». Формирование постбиполярного «нового мирового порядка» происходило так стремительно, что администрация президента, реагируя на сложные и разноплановые международные вызовы, не успела даже приблизительно разработать стратегическую концепцию своей внешней политики [7, p. 487]. Возникало множество вопросов, ответов на которые не то, чтобы не было, напротив, они могли быть самыми непредсказуемыми. Оставалось полагаться на понимание особенностей международной ситуации, опыт и политическую интуицию, а также на личные контакты с лидерами иностранных государств. Личная дипломатия президента Буша и слаженная, продуктивная работа его ближайшего окружения во главе с советником по национальной безопасности Б. Скоукрофтом стали залогом эффективного менеджмента конфликта на Ближнем Востоке, возникшего в результате военной интервенции Ирака на территорию Кувейта 2 августа 1990 г. (якобы по причине того, что Кувейт незаконно добывал иракскую нефть из приграничного месторождения Румайла).

Поначалу реакция администрации Буша была более чем сдержанной, как, в принципе, почти все внешнеполитические решения президента, что в первую очередь обусловлено преобладающим уровнем фактора сознательности в модели его личности (подробнее о факторе “conscientiousness” в пятифакторной модели личности: 11, p. 133–143). Свое влияние также оказывала и прежняя политика руководства США в отношении Ирака: негласная поддержка в период Ирано-иракской войны 1980–1988 гг., развитие конструктивных отношений с целью стабилизации ситуации в регионе и противостояния распространению советского влияния, помощь в восстановлении экономического сектора страны и сотрудничество в энергетическом, кредитование сельскохозяйственного сектора [8]. На подготовительной видеоконференции, проведенной Скоукрофтом с заместителями: государственного секретаря (Р. Киммитт), главы Пентагона (П. Волфовиц), директора ЦРУ (Р. Керр), начальника Объединенного комитета начальников штабов (адмирал Д. Джеремайя), было решено заморозить иракские и кувейтские финансовые счета в банках США и обратиться к Совету Безопасности ООН с просьбой потребовать незамедлительного и безоговорочного вывода иракских войск из Кувейта. Президент Буш согласился с предложениями Скоукрофта и подписал соответствующие приказы об экономических санкциях. На утреннем заседании 2 августа члены Совета Национальной

Безопасности обсудили ситуацию на Ближнем Востоке и варианты официальной американской реакции, но, в отличие от большинства, Скоукрофт был настроен решительно выступить против явной агрессии Ирака: во-первых, США не могли допустить безнаказанности военной интервенции, во-вторых, под прямым прицелом Ирака оказалась Саудовская Аравия, следствием чего могла возникнуть перспектива захвата Ираком контроля над половиной добываемой в мире нефти. Это подрывало не только политические интересы США на Ближнем Востоке, но и экономические в глобальном масштабе. Вывод: надо требовать освобождения Кувейта [7, p. 386–387]. Свои аргументы Скоукрофт изложил президенту лично, после заседания СНБ, и с этого момента позиция США начала конкретизироваться.

После единогласного принятия СБ ООН резолюции 660, которая осуждала интервенцию Ирака и призывала его руководство немедленно вывести войска из Кувейта [4], президент Буш предпринял дипломатические усилия с целью привлечь на сторону США международное сообщество. В личных телефонных разговорах с королем Иордании Хуссейном, президентом Египта Х. Мубараком и президентом Йемена А. Салехом 3 августа, а также в ходе личной беседы с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер президент США нашел взаимопонимание и категорическое неприятие нового статус-кво на Ближнем Востоке. Как эмоциональный лидер, убежденный в необходимости персональных контактов, президент Буш за десять дней кризиса провел 34 телефонных разговора с главами иностранных государств. Результатом его личной дипломатии стало формирование международной коалиции из 29 государств, поддержка в ООН, а также аккумуляция финансирования в рамках Gulf Crisis Coordination Group [9, p. 237–238; 7, p. 387–388, 400–401].

На заседании СНБ 4 августа приоритетным оказался вопрос не столько об освобождении Кувейта, сколько о защите Саудовской Аравии. Если, с точки зрения начальника ОКНШ К. Пауэлла, США не должны воевать из-за Кувейта, то вторжение Ирака на территорию Саудовской Аравии для США абсолютно недопустимо. И чтобы не оказаться лицом к лицу с агрессией, необходимо безотлагательно разработать план действий и согласовать с королем Фахдом и его окружением. Американская делегация в составе главы Пентагона Д. Чейни, П. Волфовица, генерала Н. Шварцкопфа и заместителя советника по национальной безопасности Б. Гейтса 5 августа вылетела в Саудовскую Аравию, а также посетила Египет и Марокко, заручившись поддержкой руководства этих стран. Уже 20 августа президент Буш подписал директиву национальной безопасности 45, подготовленную Скоукрофтом, которая четко обозначила:

– жизненно важные интересы США в Персидском заливе, включая доступ к нефти, а также безопасность и стабильность дружественных стран в регионе;

– готовность США защищать свои интересы посредством использования военной мощи, если понадобится, против вражеского государства;

– настаивание на немедленном, полном и безоговорочном выводе всех иракских войск из Кувейта и возобновление там легитимной власти [3].

В своем публичном заявлении для американской и международной аудитории президент Буш назвал интервенцию в Кувейт не американской, европейской или ближневосточной проблемой, а проблемой всего мира, и сравнил действия С. Хусейна с гитлеровскими захватами Рейнской области и Польши. Из-за аморального поведения президента Ирака, лживого и жестокого, Буш утратил свое природное добродушие, стал жестким и даже мстительным, воспринимая Хусейна как личного врага. Он умышленно неправильно произносил имя «Саддам», делая ударение на первом слоге, чем демонстрировал свое неуважение, изменяя таким образом и значение слова (с араб. СаддАм – наносящий удар, поражающий; сАддам – острая проблема, требующая решения) [7, p. 391, 401]. В интервью официальному корреспонденту при Белом доме К. Уолшу в сентябре 1991 г. президент Буш о личном отношении к Хусейну и понимании его мотивов говорил как о полном разочаровании. «Я все еще думаю, что он дважды просчитался: во-первых, он не думал, что мы будем применять силу, а во-вторых, если даже мы ее используем, он по какой-то странной причине решил, что останется победителем, то ли из-за патовой ситуации, то ли из-за продолжительного дислоцирования наших войск в пустыне. Но чем дольше затягивался кризис, тем очевидней было то, что Саддам утратил понимание реальности» [12].

Рациональный и очень скрупулезный подход администрации Буша к разрешению ближневосточного кризиса позволил максимально использовать возможности для дипломатического урегулирования, а также подготовить самую благоприятную почву для проведения успешной силовой операции. С целью оптимизации процесса принятия решений и быстрого реагирования на изменение ситуации Скоукрофт создал Группу восьми (“Gang of Eight”) в составе президента, вице-президента Д. Куэйла, госсекретаря Дж. Бейкера, Д. Чейни, К. Пауэлла, начальника аппарата президента Дж. Сунуну, Б. Гейтса. Перед заседаниями Группы восьми собиралась «малая группа» (“small group”) из шести человек: Гейтса, члена СНБ по вопросам Ближнего Востока Р. Хаасса, Джеремайи, Керра, Киммитта и Волфовица, заданием которой было разрабатывать линию поведения администрации и наблюдать за имплементацией решений, принятых Группой восьми. «Малая группа» собиралась несколько раз в неделю, а в период максимального напряжения кризиса – несколько раз в день, работая практически без выходных. Президент Буш высоко оценил их отдачу, наградив всех шестерых Президентской гражданской медалью – второй по значимости гражданской наградой в США после Президентской медали Свободы. Более неформальными были субботние утренние встречи Скоукрофта, Хаасса и Гейтса в кабинете советника по национальной безопас-

ности, где шаг за шагом, вопрос за вопросом продумывалось и обсуждалось то, что называется большой международной политикой. Такие процедуры (условно “3+6+8”), а также прямой доступ Скоукрофта к президенту давали возможность добиваться полной координации работы администрации и не удивительно, что решение об операции «Буря в пустыне» (“Desert Storm”) удалось сохранить в тайне до самого начала ее реализации [7, p. 392; 10, p. 302–303].

Пока военные разрабатывали план операции по освобождению Кувейта, а также принимали меры для защиты Саудовской Аравии от эвентуальной агрессии со стороны Ирака (операция «Щит пустыни», “Desert Shield”), Скоукрофт вел активную разъяснительную работу с лидерами обеих палат Конгресса, с представителями официальных СМИ, его люди поддерживали постоянный контакт с “Citizens for a Free Kuwait” – организацией, которая в рамках широкой информационной кампании представляла интересы кувейтского правительства в изгнании. Роль посредника между администрацией президента и широкой общественностью взяла на себя “Gulf Working Group” под кураторством СНБ. Президент Буш посредством личной дипломатии собирал вокруг США союзников (следует отметить, что политику администрации в Персидском заливе последовательно и без колебаний поддерживала М. Тэтчер, о чем позже с большим уважением вспоминал Скоукрофт), а также сумел привлечь на свою сторону президента СССР М. Горбачева в ходе сентябрьского саммита в Хельсинки [2, с. 341, 365; 7, p. 402]. Благодаря комплексным усилиям администрация Буша обрела широкую поддержку американской и международной общественности на всех уровнях и в политическом, военном, материально-техническом, финансовом отношениях была полностью готова к силовому варианту восстановления независимости Кувейта.

План военной операции был утвержден 31 октября и предусматривал «двойной удар»: высадку морского десанта на северном побережье Кувейта и массированный фланговый удар по иракским войскам с запада, из района северной границы Саудовской Аравии. Несмотря на сомневающихся в необходимости такой масштабной операции Чейни и Пауэлла, президент Буш оставался тверд в своем решении: как бывший военный летчик он комфортно себя чувствовал во всем, что касалось войск. «Лучшего главнокомандующего надо было еще поискать, – говорил позже Чейни. – Он был очень крутой босс» [10, p. 302–303; 7, p. 281, 393].

Наверное единственным нюансом, не предусмотренным администрацией Буша в процессе менеджмента ближневосточного кризиса, была тайная личная инициатива экс-президента Дж. Картера, о которой стало известно из сообщения премьер-министра Канады Б. Малруни. В середине ноября Картер разослал личные письма главам государств – членов СБ ООН с просьбой провести переговоры с С. Хусейном. Кроме того, он обратился к главам других государств, чтобы их представители в ООН

повлияли на постоянных членов СБ с целью выхода из международной коалиции под предводительством США. Однако 29 ноября СБ утвердил резолюцию 678, которая ультимативно призывала Хусейна до 15 января 1991 г. выполнить требования резолюции 660 (он продолжал их игнорировать), иначе были санкционированы все необходимые меры, чтобы привести ее в исполнение [5; 9, p. 238]. И хотя поведение Картера, идущее вразрез с политикой администрации Буша, сложно назвать миротворческим, оно в некоторой степени повлияло на решение президента сделать финальную попытку для урегулирования кризиса дипломатическим путем. На встрече со Скоукрофтом и Бейкером 30 ноября президент Буш выразил желание лично встретиться с Хусейном, но Скоукрофт увидел в этом шанс для манипуляций со стороны иракского лидера: администрация могла оказаться в неудобном положении перед своими союзниками, если бы Хусейн согласился с большинством ее требований. В случае добровольного вывода иракских войск с территории Кувейта угроза их возвращения оставалась, то же касалось и шаткой безопасности Саудовской Аравии. Президент Буш понимал, что во второй раз создать подобную международную коалицию не удастся, но все же не мог отступить от собственных правил, будучи убежденным в том, что президент – это в первую очередь моральный лидер [1, с. 19]. Ему была нужна эта последняя попытка, чтобы считать исчерпанными все мирные средства. После недолгих дискуссий ближайшее окружение президента решило изменить формат и организовать встречу госсекретаря Бейкера с министром иностранных дел Ирака Т. Азизом. Под руководством Скоукрофта и Бейкера был подготовлен текст письма, согласован с президентом Бушем и передан Бейкером Азизу на встрече в Женеве 8 января 1991 г. Как и предвидел Скоукрофт, миссия Бейкера оказалась безрезультатной: Азиз отказался передать письмо Хусейну, в котором, как он выразился, содержались «одни угрозы», что было «унизительно для иракцев» [7, p. 404–406]. То есть, последняя дипломатическая попытка обернулась простой формальностью: администрация Буша была абсолютно готова к силовому урегулированию.

На слушаниях в Конгрессе решение о применении военной силы в Персидском заливе Палата представителей поддержала с результатом 250:183, а Сенат – с результатом 52:47. Пять преобладающих голосов в Сенате можно определенно назвать успехом администрации и команды Скоукрофта в частности (еще одно подтверждение сознательности, «правильности» Буша, который, как главнокомандующий, мог начать «Бурю в пустыне» и без санкции Конгресса и был намерен так поступить, если бы не получил политической поддержки). В свою очередь, американская общественность поддержала политику администрации более чем убедительно – 66% [6, p. 253].

По истечению срока ультиматума согласно резолюции 678, 15 января 1991 г. президент Буш подписал директиву нацбезопасности 54 о применении военной силы, а 16 января выступил из заявлением о том, что США

и союзники по международной коалиции, исчерпав все альтернативы мирного урегулирования, упреждая затягивание кризиса и его негативное влияние на международную экономику, приступают к военно-воздушным атакам территории Ирака. Началась первая фаза операции «Буря в пустыне».

Источники и литература:

1. Буш, Дж. Глядя в будущее. Автобиография / Дж. Буш; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 336 с.

2. Буш, Дж. Мир стал другим / Дж. Буш, Б. Скоукрофт; пер. с англ. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 504 с.

3. National Security Directive 45. – 1990. – 20 August [Electronic resource]. – Mode of access: https://fas.org/irp/offdocs/nsd/nsd_45.htm. – Date of access: 6.02.2020.

4. Security Council Resolution 660. Iraq – Kuwait. – 1990. – August 2 [Electronic resource]. – Mode of access: http://unscr.com/en/resolutions/660. – Date of access: 6.02.2020.

5. Security Council Resolution 678. Iraq – Kuwait. – 1990. – November 29 [Electronic resource]. – Mode of access: http://unscr.com/en/resolutions/678. – Date of access: 6.02.2020.

6. Sestanovich, S. Maximalist. America in the World from Truman to Obama / S. Sestanovich. – N. Y. : Vintage Books, 2014. – 402 p.

7. Sparrow, B. The Strategist. Brent Scowcroft and the Call of National Security / B. Sparrow. – N. Y. : Public Affairs, 2015. – 717 p.

8. Statement of the Honorable Lawrence S. Eagleburger Deputy Secretary of State before the House Committee on Banking, Finance and Urban Affairs. – 1992. – May 21 [Electronic resource]. – Mode of access: http://bush41library.tamu.edu/files/persian-gulf/41-CO072. – Date of access: 6.02.2020.

9. Strategic Interests in the Middle East: Opposition or Support for US Foreign Policy / Ed. by J. Covarrubias, T. Lansford. – Mississippi : Ashgate, 2007. – 243 p.

10. The Limited Partnership. Building a Russian–US Security Community / Ed. by J. E. Goodby, B. Morel. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 317 p.

11. The Oxford Handbook of the Five Factors Model / Ed. by Th. A. Widiger. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 589 p.

12. Walsh, K. Questions for the President Bush for U.S. News&World Report book on the Persian Gulf crisis and the war with Iraq / K. Walsh [Electronic resource]. – Mode of access: http://bush41library.tamu.edu/files/persian-gulf/41-pr013. – Date of access: 6.02.2020.

СТАНОВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РСФСР В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1990–1991 гг.)

А.П. Косов (Витебск)

Как известно, внешнеполитическое ведомство РСФСР было воссоздано еще в 1944 г. Это произошло по конъюнктурным соображениям союзного руководства. Однако до начала 1990-х гг. оно (как и аналогичные министерства БССР и УССР) находилось в глубокой тени МИД СССР. Долгое время министерство занималось почти исключительно вопросами выезда граждан РСФСР за рубеж. С нарастанием в Советском Союзе

центробежных тенденций ситуация стала меняться. И, особенно, после начала борьбы за власть между лидером СССР М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным, занимавшим тогда пост Председателя Верховного Совета РСФСР, а с 10 июля 1991 г. ставшим Президентом РСФСР.

Формирование отношений РСФСР с Соединенными Штатами началось примерно со второй половины 1990 г., после провозглашения Съездом народных депутатов РСФСР суверенитета России. 12 июня 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, что открыло новую страницу в истории России, активизировав внешнеполитическую деятельность РСФСР. Для победы команде Ельцина важно было заручиться не только поддержкой россиян, но и руководства США, которое к этому времени стало своеобразной ведущей инстанцией, одобряющей или не одобряющей те или иные действия, происходящие в СССР. В ту пору Б.Н. Ельцин и его сторонники старались представить себя более проамериканскими деятелями, нежели М.С. Горбачев [5, с. 33].

Сам Б.Н. Ельцин впервые воочию познакомился с Америкой, будучи депутатом Верховного Совета СССР. Его визит в Соединенные Штаты был организован Г. Алференко из «Фонда социальных изобретений», который получал средства за счет пожертвований из США [12, с. 76]. Именно тогда будущий российский президент познакомился с многими представителями американской деловой и политической элиты.

Однако в 1990–1991 гг. американская администрация еще всецело поддерживала советское руководство. К тому времени в Вашингтоне уже убедились, что горбачевский Советский Союз не представляет былой угрозы для Соединенных Штатов, а является вполне удобным партнером для продвижения американских интересов в мире. Команда Дж. Буша манипулировала М.С. Горбачевым, как хотела [6, с. 190]. Поэтому по мере нарастания в СССР дезинтеграционных процессов американцы стали опасаться, что советский лидер может реально утратить контроль над ядерной сверхдержавой и это приведет к хаосу. В частности, госсекретарь Дж. Бейкер открыто призывал Соединенные Штаты сделать все, чтобы «укрепить союзный центр», т.е. власть Горбачева. Распад Югославии стал для американцев наглядным примером того, что может произойти в многонациональном государстве, когда его составляющие потребуют независимости. Многими в администрации Буша считалось, что за падением М.С. Горбачева может последовать сдвиг вправо [5, с. 34].

Неудивительно, что вплоть до последних дней существования СССР США продолжали делать ставку на советского президента, не желая идти на переговоры с Б.Н. Ельциным, которому в Вашингтоне не особо доверяли и не симпатизировали. Американской элитой российский лидер воспринимался как пьяница и недипломатичный демагог, которому нельзя верить. Всем запомнилось его некорректное поведение во время своего

первого визита в Вашингтон в сентябре 1989 г. Невоспитанность Б.Н. Ельцина произвела особенно отрицательное впечатление на советника президента по национальной безопасности Б. Скоукрофта, который охарактеризовал российского лидера как автократа и популиста [5, с. 34].

Как подчеркивает российский политолог Л.Ф. Шевцова, единственным человеком в тогдашней администрации Буша-ст., который приветствовал распад Советского Союза, был глава Пентагона Д. Чейни. Опасаясь падения СССР, американцы при этом не были готовы вложиться в его сохранение или реформирование. Для американского президента перестройка воспринималась как некредитоспособное предприятие [14, с. 17–18]. Подобный взгляд характерен и для известного российского международника В.А. Кременюка: будучи ветераном «холодной войны» Дж. Буш не горел желанием спасать социализм даже с «человеческим лицом» [8, с. 253]. Бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок также пришел к выводу, что несмотря на свою симпатию к М.С. Горбачеву президент США скорее «искал повода не оказывать помощи Советскому Союзу, а не наоборот» [10, с. 475].

Впоследствии, по признанию одного из архитекторов реформ в России Е.Т. Гайдара, многое для упразднения недоверия со стороны США к российским властям было сделано американским послом в Москве Р. Страусом. Его деятельность способствовала успеху визита Б.Н. Ельцина в Вашингтон в конце января 1992 г. Администрация Буша приняла решение через международные финансовые структуры поддержать начинания российских реформаторов [4, с. 169–170].

В 1991 г. руководство РСФСР существенно активизировало свою деятельность на американском направлении. Так, в январе-феврале 1991 г. в Вашингтон для участия в сессии ГА ООН по вопросам международного сотрудничества в ликвидации последствий чернобыльской аварии был направлен А.В. Козырев. Однако главная цель его визита заключалась в том, чтобы встретиться с авторитетными представителями американского политического истеблишмента и убедить их от безоглядной поддержки тогдашнего советского руководства [7, с. 155–156]. Благодаря семье политологов Гати, ему было организовано выступление в Совете по международным отношениям, где он попытался представить экспертам точку зрения команды Ельцина на происходящее в СССР [7, с. 157]. Встречаясь с представителями американского политического истеблишмента, А.В. Козырев пытался убедить их в необходимости поддержки Б.Н. Ельцина в борьбе с «реакционерами» из КПСС, уверяя своих собеседников в том, что поддержка российского лидера отвечает национальным интересам Соединенных Штатов [2, с. 291]. Это, действительно, возымело действие на отдельных американцев. По словам С. Тэлботта, российский президент многими стал восприниматься не только как «демократически избранный», но и «первый руководитель, лишенный имперских амбиций» [13, с. 34].

Усилия представителей России не пропали даром. С весны 1991 г. американцы стали строить взаимоотношения не только с Кремлем, но и с лидерами советских республик. Изменения в американском подходе отразил сам президент Дж. Буш: «Надо танцевать с теми, кто находится на танцплощадке» [3, с. 444]. Несмотря на поддержку Кремля, после августовских событий 1991 г., американское руководство уже не могло игнорировать власти РСФСР, поскольку российский президент находился в ореоле славы спасителя Отечества и демократии. А.В. Козырев подчеркивал, что после провала путча в стране «была окончательно ликвидирована идеологическая и практическая основа для политики враждебности в отношении США» [7, с. 225]. Так, в августе 1991 г., выступая на одном из митингов в Москве, глава МИД РСФСР провозгласил в качестве официальной позиции следующее: «для демократической России США и другие западные демократии – настолько же естественные друзья, а в перспективе союзники, насколько естественными врагами они были для тоталитарного СССР» [7, с. 211]. Поэтому во время своего визита в Москву Дж. Бейкер планировал встретиться уже не только с М.С. Горбачевым и новым министром иностранных дел СССР Б.Д. Панкиным, но и с Б.Н. Ельциным и А.В. Козыревым, до которых намеревался довести пять принципов, которыми собирался руководствоваться Вашингтон в подходе к развивающимся в Советском Союзе отношениям Центр – республики [11, с. 84]. Уже 4 сентября 1991 г. госсекретарь их озвучил, указав на: мирное самоопределение, уважение существующих границ, соблюдение демократических и правовых норм, гарантии прав человека и уважение норм международного права и международных обязательств [5, с. 62].

Однако СССР уже доживал свои последние дни. Отметим, что озвученная в ходе «новоогаревского процесса» в ноябре 1991 г. готовность Вашингтона признать независимость Украины оказала важное влияние на общий исход переговоров о сохранении даже «рыхлого» Союза [1, с. 81]. Характерно, что о принятых 8 декабря 1991 г. в Вискулях решениях Б.Н. Ельцин, Л.М. Кравчук и С.С. Шушкевич, прежде всего, проинформировали Дж. Буша, а не М.С. Горбачева.

25 декабря 1991 г. Союз Советских Социалистических Республик канул в Лету. Президент Дж. Буш объявил об официальном признании России как независимого государства и правопреемника СССР. В российско-американских отношениях началась новая глава. 1 февраля 1992 г. Дж. Бушем и Б.Н. Ельциным была подписана Кэмп-Дэвидская декларация, в которой отмечалось, что «Россия и США не рассматривают друг друга в качестве потенциальных противников. Их отношения характеризуются отныне дружбой и партнерством, основанным на взаимном доверии, уважении и общей приверженности демократии и экономической свободе» [9, с. 12]. У российской политической элиты расчет был на то, что окончание «холодной войны» и демократическая (антикоммунистическая)

революция, произошедшая в России в августе 1991 г., сделают Запад не только ее естественным партнером, но и союзником [1, с. 86].

Таким образом, в условиях внутриполитической борьбы между М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным за власть последнему, несмотря на первоначальное неприятие в Вашингтоне его фигуры, удалось заставить представителей американской элиты с собой считаться. По мере ослабления в СССР позиций М.С. Горбачева американцы оказались вынуждены пойти на сотрудничество с руководством РСФСР, проявившему завидную долю упорства по налаживанию контактов с Западом.

Источники и литература:

1. Барсенков, А.С. Внешняя политика России на начальном этапе становления новой государственности (1991–1993) / А. С. Барсенков // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 75–105.
2. Бешлосс, М. Р. На самом высоком уровне. Закулисная история окончания «холодной войны» / М. Р. Бешлосс, С. Тэлботт. – М. : АО «Все для вас», 1994. – 398 с.
3. Буш, Дж. Мир стал другим / Дж. Буш, Б. Скоукрофт. – М. : Международные отношения, 2004. – 502 с.
4. Гайдар, Е. Дни поражений и побед / Е. Гайдар. – М. : Вагриус, 1996. – 365 с.
5. Голдгейер, Дж. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны» / Дж. Голдгейер, М. Макфол. – М. : Междунар. отношения, 2009. – 520 с.
6. Громыко, Анат. А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына / Анат. А. Громыко. – М. : ИПО «Автор», 1997. – 255 с.
7. Козырев, А.В. Преображение / А.В. Козырев. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 336 с.
8. Кременюк, В.А. Уроки холодной войны / В.А. Кременюк ; Ин-т США и Канады Рос. акад. наук. – М. : Аспект Пресс, 2015. – 319 с.
9. Кэмп-Дэвидская декларация Президента Буша и Президента Ельцина о новых отношениях // Дипломатический вестник. – 1992. – № 4 – 5. – Спецвыпуск. – С. 12.
10. Мэтлок, Дж. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / Дж. Мэтлок. – М. : Рудомино, 2003. – 579 с.
11. Панкин, Б.Д. Сто оборванных дней / Б.Д. Панкин. – М. : Совершенно секретно, 1993. – 272 с.
12. Свидерский, А.А. Личность первого президента РФ Б.Н. Ельцина в создании и формировании российско-американских отношений / А.А. Свидерский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 2. – С. 75–82.
13. Тэлботт, С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии / С. Тэлботт. – М. : Издательский дом «Городец», 2003. – 528 с.
14. Шевцова, Л. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Л. Шевцова ; Моск. Центр Карнеги. – М. : РОССПЭН, 2010. – 272 с.

Р А З Д Е Л 4
СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

МАКЕДОНСКО-ГРЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1991–2019 гг.

М.С. Довгялло (Минск)

Республика Македония (РМ) является одним из шести новых государств, возникших на территории бывшей СФРЮ после распада этой федерации. Путь к независимости начался с принятия Собранием Македонии в январе 1991 г. Декларации о суверенитете [3, с. 222], в которой подчеркивалось право македонского народа на самоопределение вплоть до отделения. В сентябре был проведен всенародный референдум, на котором большинство македонского населения высказалось за республиканский суверенитет. В ноябре Собрание Македонии приняло Конституцию, провозглашавшую РМ суверенным, самостоятельным, демократическим государством [6, с. 202]. Независимость нового македонского государства была официально провозглашена в январе 1992 г. Путь к независимости был мирным, а существование в условиях самостоятельности – трудным и неспокойным. В феврале 1992 г. СФРЮ и Македония подписали договор о выводе с территории республики частей Югославской народной армии [16, с. 873]. Тем самым ей удалось избежать военных столкновений, а ее отделение от СФРЮ произошло мирным путем. И она оказалась единственной страной среди новых государств, возникших на просторах Югославии, которая не пострадала от военных действий. Македония во внешней политике стала ориентироваться на вступление в ЕС и НАТО и начала проводить подготовительные мероприятия при поддержке этих объединений.

Вместе с тем, становление нового государства было омрачено ухудшением отношений с соседними странами на Балканах (Грецией, Болгарией, Сербией и Албанией). Так, Болгария, например, признала Республику Македонию, не признав существование «македонской нации» и «македонского языка», который она считала диалектом болгарского, а Сербская православная церковь не признала автономию Македонской православной церкви. Греция была недовольна статьей Конституции Республики Македония, в которой говорилось о праве Скопье защищать статус и права македонского народа в соседних странах, так как крупнейшая провинция на севере Греции со столицей в Салониках, занимающая наибольшую территорию, тоже называется Македонией. В Афинах опасались того, что соседнее государство будет на нее претендовать и таким образом угрожать

целостности Греции. Кроме того греческие власти обвиняли Скопье в посягательстве на культурное наследство, принадлежащее грекам. Греция отказала молодому государству в праве официально называться «Македония» и в получении согласия на его прием в ООН, введя тем самым против него политическое и экономическое эмбарго. Правительство Греции заявляло, что никогда не согласится, чтобы в названии соседней республики были «греческое» слово «Македония» или «производное от него» [13, с. 35]. Протяженность государственной границы между странами составляет 234 км. Благодаря своему членству в ЕС и НАТО, Греции удалось затормозить дипломатическое признание Македонии. Греция добилась того, что конституционное название страны не было использовано в международных документах, в то время как перед Македонией открылась дорога к дипломатическому признанию. К весне 1993 г. Македонию официально признали всего пять государств – Болгария, Турция, Россия, Словения и Хорватия [18, с. 68].

Только в апреле 1993 г. страна была принята в члены ООН под временным названием «Бывшая югославская Республика Македония» (БЮРМ) до урегулирования разногласий, возникших в связи с названием этого государства [10, с. 53]. Республика оставалась единственным государством Балканского полуострова, которое до 2019 г. не было признано под конституционным названием. В Скопье подчеркивали, что подобные изменения в названии республики противоречат Конституции, международно-правовым актам, нарушают права граждан Македонии на самоопределение и могут повлечь за собой дестабилизацию в стране. В январе 1994 г. были установлены дипломатические отношения с Россией. В 1995 г. Македония была принята в ОБСЕ [6, с. 204], а в ноябре становится 38-м членом Совета Европы и присоединяется к программе «Партнерство во имя мира» [3, с. 237], что рассматривалось в стране как «прорыв» к системе европейской и мировой безопасности. В июне 1996 г. уже 72 государства признали Македонию, из них 35 – под названием «Республика Македония» [2, с. 617].

Только в сентябре 1995 г. македонско-греческие противоречия были частично урегулированы специальным соглашением, подписанным в Нью-Йорке. Греция согласилась признать БЮРМ как суверенное государство, снять экономическое эмбарго с 1992 г., а Скопье отказалось от эмблемы – шестнадцатиконечной Вергинской звезды – на своем национальном флаге и заявило, что не имеет территориальных претензий к Греции. Афины перестали возражать против вступления Македонии в ОБСЕ и Совет Европы [14, с. 615].

Для Македонии косовский кризис в Югославии стал важнейшим и тяжелейшим потрясением. В июне 1998 г. македонское руководство удовлетворило просьбу НАТО о предоставлении самолетам альянса воздушного пространства. 15 июня в Македонии прошли воздушные учения НАТО «Решительный сокол» с участием 79 самолетов НАТО. Правительство в день начала учений заявило о том, что «территория страны не может быть использована для проведения военных операций против какого-либо

соседнего государства». Аналогичной позиции придерживался президент К. Глигоров, заявивший в октябре 1998 г., что «РМ не может принимать участия в военной интервенции против одного из своих соседей». Однако пришедшая к власти оппозиция имела другие взгляды [7, с. 404]. Из-за позиции Скопье в ходе натовской агрессии против Югославии / превращения Македонии в плацдарм США и НАТО на Балканах / и вследствие разрушения транспортной и экономической инфраструктуры оказались прерваны почти все связи с Белградом – в прошлом торговым партнером Македонии. Эти действия испортили отношения двух стран. Первым шагом к восстановлению прерванных отношений в 1999 г. стало подписание в декабре 2000 г. Протокола о сотрудничестве между министерствами иностранных дел двух стран [7, с. 405].

В начале 2000-х годов греческая дипломатия довольно благосклонно отнеслась к взятому Македонией курсу на европейскую интеграцию. Так, в 2001 г. между БЮРМ и Евросоюзом было подписано Соглашение о стабилизации и ассоциации, а в конце 2005 г. она получила статус кандидата в члены ЕС. Однако начало официальных переговоров о вступлении БЮРМ в Евросоюз несколько раз блокировалось Грецией, применявшей право вето под предлогом непризнания им фигурирующего в Конституции македонского государства названия «Республика Македония». Именно к нему греческая сторона прибегла, в частности, на саммите НАТО в Бухаресте в 2008 г., когда под давлением Афин представители альянса отказались открыть для Скопье процедуру вступления в эту военно-политическую организацию [1, с. 25]. Этот момент стал определяющим и при обсуждении весной 2014 г. вопроса о вступлении Скопье в НАТО. Греция как член Североатлантического альянса снова отказалась признавать в таком качестве Республику Македония. В апреле 2011 г. РМ подала иск в Международный суд в Гааге. Она обвиняла Грецию в создании препятствий для вступления в ЕС и НАТО. В декабре Международный суд принял решение, что Греция не имеет права блокировать членство РМ в ЕС, НАТО и других международных организациях. Между тем, только Евросоюз оставался самым значительным внешнеторговым партнером РМ. На него приходилось 68,1% товарооборота. Больше всего товаров экспортировалось в Германию, Бельгию, Италию и Грецию [12, с. 339].

Переговоры Греции и РМ о названии страны проходили под эгидой ООН с 1995 г. Временное и исторически компромиссное название БЮРМ не устраивало евро-атлантические структуры, настаивавшие на разрешении македонско-греческого спора путем согласования между двумя странами нового официального названия македонского государства. Ни греческая, ни македонская сторона долгое время не желали идти на компромисс. Ситуация изменилась только после того, как в Македонии к власти пришло правительство, согласившееся ради скорейшего вступления в НАТО и ЕС изменить официальное название своего государства. Произошло это после

острого и продолжительного политического кризиса, разразившегося в Македонии в 2015 г. Смена власти в Македонии в 2017 г. поставила на повестку дня возобновление переговорного процесса. Условия для этого были благоприятные. Прежде всего изменилась внутриполитическая ситуация в Македонии. Новый премьер-министр З. Заев в качестве основной своей задачи поставил присоединение страны к евро-атлантическому сообществу даже в том случае, если это потребует уступок в отношении Греции. В январе 2018 г. в македонском парламенте выступил генсек НАТО Йенс Столтенберг, который прямо сказал, что вступление страны в альянс зависит от смены названия страны [15].

Растянувшиеся почти на полгода переговоры завершились 12 июня 2018 г., когда главы греческого и македонского министерств иностранных дел Н. Кодзиас и Н. Димитров в присутствии глав обоих государств и высокопоставленных представителей ЕС и ООН около озера Преспа на границе двух стран подписали историческое соглашение о новом государственном названии, согласно которому соседнее с Грецией государство получило название «Республика Северная Македония» или сокращенно «Северная Македония» [11]. Новое название – «Северная Македония», ставшее результатом достигнутого компромисса в 27-летнем споре между Афинами и Скопье о названии бывшей республики, открыло Македонии путь в НАТО.

В сентябре состоялся референдум об одобрении Преспанского соглашения с Грецией, по результатам которого 91,5% участвовавших в нем македонцев высказались за переименование своего государства как условие его принятия в НАТО и Евросоюз [9, с. 201]. В январе 2019 г. македонский парламент принял поправку к Конституции, узаконившую новое название государства «Республика Северная Македония» (это удалось сделать со второго раза, поскольку на первую ратификацию президент страны Г. Иванов наложил вето) [8, с. 73]. Тем самым был разблокирован процесс приема страны в НАТО и Европейский Союз. В феврале 2019 г. ООН официально изменила принятое ей название с «Бывшая югославская Республика Македония» на «Республика Северная Македония».

Еврокомиссия уже на протяжении многих лет давала положительную оценку ходу выполнения в Македонии соответствующих европейских стандартов. Многочисленные эксперты в Скопье указывали на один единственный барьер, тормозящий процесс вынесения окончательного решения о будущем Македонии в Европе и НАТО. По их мнению, это – наличие разногласий с Грецией по поводу госнаименования РМ. Однако не все страны-члены ЕС поддерживали такой вариант. Поэтому Северной Македонии в октябре 2019 г. отказали о начале переговоров о приеме в ЕС. Против начала переговоров высказались три страны: Франция, Нидерланды и Дания. Провал начала переговоров стал неожиданностью для Скопье, поскольку рекомендацию к началу переговоров дала Еврокомиссия, заверившая, что Северная Македония выполнила все необходимые требования,

и балканскому государству было обещано, что переговоры начнутся не позднее октября. Однако из-за позиции трех европейских стран вопрос завис и был переносен на 2020 год [15].

На саммите НАТО в июле 2018 г. Македония стала 30-м членом организации. На декабрьском саммите НАТО, который прошел в Лондоне, флаг Северной Македонии наравне с флагами действующих участников украсил улицу Мэлл на пути к Букингемскому дворцу. Встречу на высшем уровне посетил премьер-министр страны З. Заев. Из 29 действующих членов НАТО Испания оставалась единственным участником, который пока не ратифицировал протокол о присоединении Скопье, подписанный в Брюсселе в феврале 2019 г. В марте 2020 г. Северная Македония стала официально полноправным членом этой организации. Балканская страна сдала на хранение в Госдепартамент США свидетельство о приеме в альянс [4].

Таким образом, спор о наименовании Республики Македония, инициированный Грецией в 1991 г. и продолжавшийся более четверти века**,** стал беспрецедентным случаем отказа одной страны признать другую под ее конституционным названием. Это был уникальный случай и для международных отношений. Македонско-греческое противостояние показало, что он не является «досадным недоразумением», как казалось македонской стороне, поскольку использовался обеими сторонами для решения внутриполитических проблем. В рамках евро-интеграции отчетливо прослеживались проблемы использования «либерум вето» и принятия решений путем достижения консенсуса. Решение вопроса было достигнуто путем обоюдного стремления государств добиться компромисса, а не реализации своих требований.

Источники и литература:

1. Адоньев, В. Македония-Греция: замкнутый круг в споре о госнаименовании / В. Адоньев // Компас. Вестник международной аналитической информации / Информационное телеграфное агентство России. – 2014. – Вып. 36. – С. 24–25.

2. Гуськова, Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000) / Е.Ю. Гуськова. – М. : Русское право, 2001. – 720 с.

3. Довгялло, М.С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник / М.С. Довгялло. – Минск : Тетра-Системс, 2006. – 272 с.

4. Паўночная Македонія ўвайшла ў НАТА // Звязда. – 2020. – 31 сакавіка. – С. 2.

5. Зданович, О. На Балканах скучно не бывает / О. Зданович // Беларусь сегодня. – 2018. – 23 января. – С. 3.

6. История южных и западных славян: в 2 т. : учебник / под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. – 2 е изд. – М. : МГУ, 2001. – Т. 2. Новейшее время. – 272 с.

7. История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию К.В. Никифорова : сб. статей / редкол. : С.И. Данченко, К.А. Кочегаров, Б.С. Новосельцев (отв. секретарь), О.В. Хаванова (отв. редактор), Е.С. Узенева. – М. : Ин-т славяноведения, 2016. – 640 с.

8. Квашнин, Ю. Македонский вопрос в современной греческой политике / Ю. Квашнин // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – № 2. – С. 66–74.

9. Князев, Ю.К. Большой спрос на небольшую Македонию / Ю.К. Князев // Свободная Мысль. – 2019. – № 5. – С. 197–210.

10. Международные организации и кризис на Балканах. Документы. – М. : Индрик, 2000. – Т. 1, 2. – 496 с.

11. Постникова, Е. В шаге от мезАльянса / Е. Постникова, М. Васильева // Известия. – 2019. – 9 дек. – С. 3.

12. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / С.П. Глинкина [и др.] : в 3 т. – СПб. : Алетейя, 2018. – Т. 1. – 428 с.

13. Республика Македония: трудности в проведении реформ // ИТАР-ТАСС: АТЛАС. – М., 1994. – 11 марта. – № 11. – С. 33–35.

14. Системная история международных отношений : в 2 т / под ред. А.Д. Богатурова. – М. : Культурная революция, 2006. – Т. 2. – 720 с.

15. Шимов, В. Вместе, но порознь / В. Шимов // Рэспубліка. – 2019. – 22 кастрычніка. – С. 7.

16. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. – М. : Индрик, 2011. – 888 с.

ПОЛИТИКА Н. САРКОЗИ В КОНТЕКСТЕ РАЗРЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО КРИЗИСА ЕС

Е.Э. Рудковская (Витебск)

Известно, что европейское направление, связанное с углублением интеграционных процессов на континенте было приоритетным направлением внешней политики Франции, начиная с 1950-х годов. Европеизм как стратегия регионального сотрудничества стал основным направлением внешней политики и шестого президента – Николя Саркози, что обнаруживается даже в факте переименования МИДа в министерство иностранных и европейских дел.

Одним из наиболее важных этапов президентства Николя Саркози был период с 1 июня по 31 декабря 2008 года, когда Франция выполняла функции председателя ЕС. Президент рассматривал это время как реальный шанс возрождения роли Франции в качестве важного актора европейской и мировой политики. В числе приоритетов французского председательства были: актуальные вопросы конституирования европейской интеграции; решения проблем нелегальной иммиграции; создания автономной системы европейской безопасности; защиты окружающей среды; повышения конкурентоспособности европейской экономики на мировых рынках.

Существенное расширение Европейского союза за счет стран Центральной и Восточной Европы (Кипра, Мальты, Чехии, Словакии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Венгрии, Словении (2004), Румынии и Болгарии (2007)), которые в большинстве своем еще недавно принадлежали к противоположному лагерю ОВД и к тому же значительно уступали западноевропейским державам по социально-экономическим показателям развития; превращение Европы в мощный геополитический полюс силы – все перечисленные обстоятельства указывали на необходимость адаптации

союза к новым реалиям; пересмотра принципа принятия решений; структурного реформирования ЕС и четкого определения функциональной нагрузки центра и компетенций членов конфедерации.

Трехлетняя работа над проектом европейской Конституции была завершена конвентом под руководством бывшего президента Франции Валери Жискар д'Эстена в 2004 г. Чтобы Конституция вступила в силу, ее должны были ратифицировать (парламентским путем или на референдумах) все государства-члены ЕС. Две трети стран ЕС одобрили проект Конституции. На референдумах же во Франции и Нидерландах проект Конституции ЕС был отвергнут. Следует признать, это был чувствительный удар общества по политической элите Франции, инициировавшей конституционный документ.

Притязания Парижа на лидерство в евростроительстве пошатнулись. Естественно, что проведение запланированных конституционных референдумов в остальных странах (Ирландия, Великобритания, Дания, Португалия, Польша) стало бессмысленным. Швеция поставила условие: ратификация документа состоится только после повторных референдумов во Франции и Нидерландах.

Таким образом, уже в начале своего президентства Николя Саркози вынужден был констатировать, что европейская интеграция была застопорена из-за отрицательных результатов французского референдума 2005 г. Анализ ситуации позволил Саркози выделить основные причины провала референдума: недостаточно продуманное почти удвоение ЕС в 2004 г.; страх французов перед увеличением масштабов иммиграции и вызванной ею безработицей, ограничением суверенитета страны в связи с возможной федерализацией Европы, отменой социальных гарантий через внедрение англосаксонской модели, основанной на свободе рыночных отношений; боязнь консолидации власти в руках брюссельских чиновников и отдаления от населения, возможного членства в ЕС Турции; сложность и громоздкость текста Конституции [см.: 1, с. 35]. «В определенном смысле французское «нет» стало реакцией граждан на усиливающийся процесс глобализации и страх перед потерей своей национальной идентичности» [2].

Но поскольку реформы были необходимы для ЕС, Саркози предложил компромисс, предполагающий принятие упрощенного европейского договора, который не являясь Конституцией, содержал бы ее основные принципы и элементы. Отметим, что идея поправок к действующим договоренностям впервые официально была высказана Саркози в Брюсселе в октябре 2006 г., еще до президентской избирательной кампании. Он настаивал на проведении институциональной реформы, изменении системы принятия решений, чтобы придать расширенному ЕС управляемость и динамизм.

Саркози проделал значительную работу, приложил максимум ревностных стараний, чтобы концепт облегченного, компактного договора, включившего основные идеи отвергнутой Конституции, был одобрен сою-

зом как можно скорее. Переговоры по новому договору шли непросто: достаточно сказать, что предложения Франции и Германии первоначально наткнулись на непонимание и сопротивление Великобритании и Польши.

В итоге «Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества» был окончательно согласован и подписан на саммите ЕС в Лиссабоне 13 декабря 2007 года.

Договор дает четкий перечень компетенций институтов Евросоюза, определяет общие начала их построения и функционирования, отражает «линию Парижа, направленную на создание внутри ЕС твёрдого ядра первоначальных участников, которые могли бы продвигать интеграционный процесс дальше, не опасаясь торможения его периферийными государствами» [3, с. 263]. «Новая редакция полностью снимает вопрос о том, что ЕС – это некая сверхдержава, которая образуется на основе волеизъявления народов и, следовательно, обладает свойствами, присущими государству» [6, с. 106]

Успех европейской инициативы Николя Саркози подтвердил роль Франции как одного из основных акторов Евросоюза. «Н. Саркози извлек максимум дивидендов из сложившейся ситуации, подтвердив известную поговорку “Нет худа без добра”. Во-первых, президент французов в очередной раз доказал себе и соседям, что “нет Европы без Франции” и что Париж остается ключевым игроком Евросоюза. Это было важно психологически. Во-вторых, Саркози благодаря успешному продвижению идеи “мини-договора” удалось перехватить политическую инициативу в ЕС и стать практически его неформальным лидером» [5].

Однако для того, чтобы документ вступил в силу, он должен был снова пройти процедуру ратификации всеми 27 странами-членами ЕС. В этот раз ратификация во Франции прошла через парламент. Но развитие Евросоюза снова зашло в тупик, на этот раз из-за Ирландии, которая вынесла договор на референдум, где в июне 2008 года большинство голосовавших высказалось против принятия договора. Так же соглашение отказался подписывать президент Польши Лех Качиньский, пояснив, что после провального референдума в Ирландии подписание договора лишено смысла. Его поддержал и другой «евроскептик» – лидер Чехии Вацлав Клаус.

В июле 2008 года Николя Саркози как председатель ЕС категорически настаивал на необходимости повторного референдума под угрозой «заморозки» членства Ирландии в ЕС. Акции возмущения давлением на Ирландию заставили Саркози изменить риторику. Повторный референдум все же был проведен в октябре 2009 г., где большинство голосов было отдано за договор, после чего договор подписал также глава польского государства, а в ноябре 2009 г. – глава Чехии.

Париж рассчитывал, что запуск новых политических институтов произойдет с 1 января 2009 года, сразу по окончании периода французского председательства в ЕС. Но, как видим, надежды Саркози не оправдались. Лиссабонский договор вступил в силу с 1 декабря 2009 г. (во время председательства Швеции).

Подводя итоги, отметим, что в многополюсном, взаимозависимом мире стало сложнее проводить автономную внешнюю политику. «Только сильная единая Европа могла умножить возможности Франции играть в мире роль, соответствующую её амбициям» [4, с. 309]. Поэтому строительство сильной в политическом и военном отношении Европы являлось абсолютным приоритетом французской внешней политики, в т.ч. в период президентства Н. Саркози. Он сумел в первые же годы своих полномочий сформулировать новые идеи и подходы для Европы в условиях глобализирующегося мира, смог вернуть Франции роль «демиурга европейского проекта, страны, которая предлагает перемены» [5].

Тем самым Франция сыграла важную роль в реформировании и совершенствовании институциональной и нормативной базы ЕС, практики принятия решений, их адаптации к условиям расширяющегося состава. Саркози с полным на то правом «представлял Лиссабонский договор как персональную победу и как успех французской дипломатии» [5]. Этот документ позволил сохранить жизнеспособность институтов ЕС в расширенном составе. Саркози выступил главным автором политического компромисса, направил усилия на упрочение Евросоюза как серьезного субъекта мирового политического процесса и повышение значимости Франции в европейском сообществе.

Источники и литература:

1. Зверева, Т. Внешняя политика Франции после прихода к власти Николя Саркози / Т. Зверева // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 6. – С. 34–48.

2. Осипов, Е. Внешняя политика современной Франции [Электронный ресурс] / Е. Осипов // Международная жизнь. – 2014. – № 11. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1177. – Дата доступа: 17.12.2019.

3. Потемкина, О.Ю. Европейский Союз в борьбе с нелегальной иммиграцией: новые тенденции [Электронный ресурс] / О.Ю. Потемкина // Вся Европа.ru. – 2009. – № 5 (33). – Режим доступа: http://alleuropa.ru/?p=709. – Дата доступа: 27.09.2019.

4. Смирнова, О.А. Французская стратегия в контексте европейского строительства / О.А. Смирнова, Д. М. Золина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4 (1). – С. 309–312.

5. Фёдоров, С.М. Европейская политика Н. Саркози [Электронный ресурс] / С.М. Фёдоров // Международная жизнь. – 2008. – № 8. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1566. – Дата доступа: 17.12.2019.

6. Энтин, Л.М. Лиссабонский договор и реформа Европейского Союза / Л.М. Энтин // Журнал российского права. – 2010. – № 3 (159). – С. 104–115.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА Д. ТРАМПА В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМУЛИРУЕМОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Е.С. Шевченко (Москва)

Современная система международных отношений интериоризирует процессуальные и идеологические особенности происходящих в глобальной плоскости действий и коммуникаций, что обусловливает поступательное динамическое развитие и соответствующие структурно-институциональные и функциональные изменения. Доминирующие в мировом политическом пространстве тренды и тенденции обнаруживают и формализуют некоторые проблемные вопросы, требующие активного участия основных субъектов международных отношений и коалиционного принятия решений, при этом политическим руководством ряда государств формулируются специфические, зачастую не созвучные друг с другом программы реформирования универсальных политических структур и проектирования новых схем наднационального регулирования. К наиболее стержневым ориентирам обновления архитектурных особенностей существующей глобальной политической конъюнктуры можно отнести следующие:

– пересмотр критериев определения эффективности деятельности современных международных организаций;

– реконструирование системы глобальной коммуникации исходя из необходимости соблюдения требований конфиденциальности и кибербезопасности;

– рационализация управленческого процесса и реализации контрольных мероприятий в контексте проблем и противоречий современного мирового устройства;

– оптимизация зоны действия норм и принципов международного законодательства как на глобальном уровне, так и на уровне политико-правовой системы конкретного государства (в контексте соотношения особенностей международной и национальной правоприменительных практик);

– обновление спектра методов и инструментов реализации политических интересов и стратегий в ситуации конфликтогенности и рассогласования;

– перераспределение ресурсных и организационных возможностей в рамках идеи нивелирования негативного эффекта действия разбалансирующих индикаторов и достижения оптимального взаимообмена между имеющими различный уровень развития акторами и др.

Политическая роль Д. Трампа с учетом концептуального переформулирования перспектив и специфики выстраивания международных отношений и активизации новых форм и механизмов конструирования диалога заключается в определении и реализации собственной политической повестки, отображающей субъективные установки и подходы американского

президента. Внешнеполитическая практика Д. Трампа характеризуется преобладанием скептических взглядов относительно результативности действий большинства современных межгосударственных институтов, поскольку последние демонстрируют предельно абстрактное понимание целей и задач глобального управления, наличие сложной организационной структуры, использование неэффективных финансово-экономических инструментов, неспособность проявлять гибкость и реверсивность. Данный аспект внешнеполитической деятельности Д. Трампа выявляет имманентную подверженность существующей системы международных отношений масштабным изменениям и перекодировкам, о чем было сказано Генри Киссинджером в комментарии **The Financial Times** [1].

С точки зрения обеспечения безопасности использования и хранения данных и информации, к которым может быть получен несанкционированный доступ, действующий президент США склонен использовать различные защитные механизмы и осуществлять соответствующее нормативно-правовое реформирование с целью повышения устойчивости политической и экономической систем США к воздействию внешних факторов и сигналов – в части детализации обращения к правоприменительным процедурам, управления цифровыми технологиями, защиты персональных данных и использования информационных систем принят **H. R. 3151** (**Taxpayer First Act**); в рамках **S. 151** (**Pallone-Thune Telephone Robocall Abuse Criminal Enforcement And Deterrence Act**) конкретизируются меры пресечения использования несанкционированных роботизированных звонков и предусматривается разработка определенных технологий аутентификации. В контексте соответствия институциональных компонентов политической системы предъявляемым требованиям можно отметить такие изменения, как ребрендинг Министерства внутренней безопасности США (**Department Of Homeland Security**, **DHS**), а также активизация исследовательской работы ряда аналитических центров (**Center For Strategic And International Studies**, **American Foreign Policy Council** и др.). Действиям Д. Трампа в данном направлении свойственны рекуррентность, недискретность, комплексность и полиаспектность.

Использование представителями международного сообщества общеутвержденных схем и каналов формирования консенсусных решений и координации действий также вызывает критику со стороны американского президента в силу проявляющихся неэффективности и несоответствия существующим реалиям. Излишне сложная структура и рассогласованность некоторых элементов иерархии институтов глобального управления не позволяют применять дистанционные практики воздействия и эвентуальные инструменты решения предметных задач. В данных условиях существующая дисперсность взаимосвязей должна восприниматься как стимулирование выстраивания двусторонних отношений, характеризующихся возможностью более оперативного внесения корректировок и снижения

зависимости от действия ресурсных разбалансирующих факторов, что позволяет обеспечить сокращение по ряду расходных статей и избежать необоснованного дублирования исполнительских функций – о приверженности данной позиции Д. Трамп заявил еще в 2016 году в интервью **The New York Times** [2]. Вместе с тем формулируемую Д. Трампом в данном направлении политическую повестку следует воспринимать не как пренебрежение существующими международными нормами и регламентами, а как адекватное стремление прекратить экспорт финансово невыгодных проектов либерального интернационализма и руководствоваться принципами и аргументами неореализма.

В контексте имплементации норм международного права в национальном законодательстве США Д. Трамп тиражирует идею приоритетности нормативно-правового обеспечения реализации американских политических проектов на базе федеральных программ и стандартов, при этом формулируются некоторые правовые инициативы имплементирующего свойства, предполагающие соответствие положений международных нормативно-правовых актов перспективным направлениям внутренней политики США. Президентство Д. Трампа, с одной стороны, ассоциируется с принятием решений, противоречащих нормативным требованиям международного законодательства, – в частности, изданные Д. Трампом исполнительные распоряжения № 13769 и 13780 не соответствуют некоторым положениям Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (**The International Convention On The Elimination Of All Forms Of Racial Discrimination – ICERD**) и Конвенции о статусе беженцев (**The Convention Relating To The Status Of Refugees**), с другой стороны, проецирует целесообразность формулирования федеральных нормативно-правовых актов в рамках международных инициатив правового регулирования конкретных направлений (главным образом это имеет отношение к вопросам национальной безопасности, кибершпионажа, торговли и цифровизации).

Методологическое и инструменталистское сопровождение принимаемых американским руководством в транснациональной плоскости политических решений также не лишено некоторой однонаправленности и субъективизма определяемых Д. Трампом политических задач, проявляющихся в обращении к сформулированному еще в начале президентства инструментарию и игнорировании ограниченности его применения в конкретной ситуации. Лидирующие позиции в перечне используемых средств и техник занимают санкционные меры, действия в режиме бойкотирования и привнесения деструктива, расстановка акцентов исходя из идеи преуменьшения роли контекстуальности, использование манипулятивных практик посредством обращения к медиа и т.д.

В вопросах неравномерности распределяемых ресурсов и действия секвестрационных режимов, обусловленных установленным глобальным порядком и внутриполитическими тенденциями отдельных государств,

Д. Трамп склонен придерживаться идеи **America First** и действовать в рамках сугубо меритократических установок, что предопределяет уход от демократической атрибутики и пренебрежение некоторыми ценностями и интересами государств-партнеров в рамках реализации внешнеполитического курса США.

Обзор имеющих отношение к международной проблематике инициатив действующего президента США объективирует некоторые тренды относительно структурного реформирования современной системы международных отношений и категоризирует существующие в глобальной плоскости проблемы. При этом основным условием гармонизации интересов в рамках мирового политического процесса является формулирование обновленных ценностей и инструментария, приемлемых для большинства глобальных политических игроков.

Источники и литература:

1. Henry Kissinger: 'We Are In A Very, Very Grave Period' [Electronic resource] // The Financial Times. – 2018. – Mode of access: https://www.ft.com/content/926a66b0-8b49-11e8-bf9e-8771d5404543. – Date of access: 16.02.2020.

2. Transcript: Donald Trump Expounds On His Foreign Policy Views [Electronic resource] // The New York Times. – 2016. – 27 March. – Mode of access: https://www.nytimes.com/2016/03/27/us/politics/donald-trump-transcript.html. – Date of access: 16.02.2020.

СТРАТЕГИИ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ФРГ: ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ НАЧАЛА XXI в.

Т.Г. Хришкевич (Псков)

Информационные технологии (ИТ) являются двигателем современного глобального информационного общества. Одновременно с ростом значения интернета растёт осознание недостаточной надежности ИТ-систем, серверов и сетевых компонентов. Рост угроз гражданам, организациям, государствам, международному сообществу становится постоянным явлением. Экономический, социальный ущерб всё больше соседствуют с проблемой международной безопасности и угрозой терроризма, создавая дисбаланс между нападением и защитой.

В настоящее время, проблемы кибербезопасности весьма разносторонни и нельзя недооценивать каждую из них. Одна из основных заключается в том, что в используемом программном обеспечении (ПО) слишком много уязвимостей. По данным немецкого Института информационных технологий и факультета Потсдамского университета (Институт Хассо Платтнера, Hasso-Plattner-Institut für Digital Engineering), за период с 2011 по 2018 гг. количество уязвимостей в ПО выросло с 4383 до 11003 в год [12, s. 3]. Атаки

на информационную инфраструктуру становятся все более сложными, наблюдается растущая профессионализация хакеров. Масштабы киберпространства позволяют проводить завуалированные атаки, злоупотребляя уязвимыми системами жертв в качестве инструмента. Преступники, террористы используют киберпространство в качестве поля для своих действий. Опасность представляют не только мошеннические схемы, но и угрозы энергетике, военной сфере. От целенаправленных или даже случайных сбоев в равной степени страдают государство, экономика и общество. Таким образом, информационная безопасность становится всё более важной повесткой для правительств и разработчиков антивирусного ПО.

В Федеративной Республике Германия в 2010-е гг. подобные атаки стали повседневным явлением. Например, в мае 2015 г. взломщики проникли во внутреннюю компьютерную сеть бундестага, летом 2018 г. немецкие спецслужбы пресекли широкую атаку на энергосети. Рост атак и их интернационализация привели 29 августа 2018 г. к решению о создании в ФРГ Агентства по инновациям в области кибербезопасности. Оно приступило к работе в начале 2019 г. На финансирование проекта было выделено 200 млн. евро до 2022 г. Приоритетными проектами агентства, по словам министра обороны У. фон дер Ляйен, должны были стать поддержка собственных технологий шифрования и развитие ПО [2].

За обеспечением кибербезопасности в стране наблюдает ряд структур, например, ведомство по охране конституции, созданное в 1990 г. Так, например, отчет ведомства за 2018 г. особое внимание уделяет опасности, исходящей от многочисленных разведывательных служб: «Шпионаж через кибератаки стал стандартным инструментом с высоким потенциалом для их возможных и фактических жертв. Кибератаки открывают эффективные возможности для получения ценной информации в цифровом виде со сравнительно низким риском». Причем, акценты, расставляемые ведомством, нельзя назвать лишенными политической конъюнктуры, особенно в отношении России: «С охлаждением политических отношений России со многими западными государствами разведывательный сбор информации приобрел важное значение. В центре внимания России – политика, экономика, наука и техника, а также военные. Информационная потребность при этом широка и ориентирована на текущие события и события в зависимости от политической ситуации, но прежде всего на такие цели, которые касаются российских интересов. В Германии также активно работают российские разведывательные службы с высокими организационными, кадровыми и финансовыми затратами. Особый интерес представляют возможные переговорные позиции Германии и Запада или вопрос о том, какие контрмеры следует ожидать в политическом или экономическом отношении. Основными направлениями являются российско-германские отношения, а также политика союзников Германии в НАТО и ЕС, не в последнюю

очередь из-за событий на Украине и в сирийском конфликте. В частности, вопрос об отмене санкций, введенных ЕС в 2014 году» [13, s. 286].

В отношении Китая также сделаны обширные допущения: «В июле 2017 г. Китайский народный конгресс принял закон «О национальной разведке», благодаря этому органы безопасности теперь имеют многочисленные формально кодифицированные специальные права на разведывательную деятельность в стране и за рубежом практически без ограничений» [13, s. 296]. Кроме политических выводов, ведомство по охране конституции публикует регулярные многостраничные «Cyber-Brief». Это рекомендации по кибербезопасности, а также сводные данные ip-адресов и вредоносных сайтов, откуда были совершены кибер-атаки [7].

Вся совокупность федеральных структур, сосредоточенных на цифровой защите, базируется на Стратегии кибербезопасности (Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland), которая была принята федеральным правительством в феврале 2011 г. [9]. В ней ставилась цель укрепить международное сотрудничество по созданию глобальной кибербезопасности. В рамках этой стратегии федеральное правительство усилило разработку соответствующих практических мер доверия и безопасности. Обеспечение кибербезопасности называлось центральной проблемой для государства, экономики и общества в национальном и международном контексте, что требовало соблюдения международных правил поведения и стандартов: «Только сочетание внутриполитических и внешнеполитических мер может позволить решить проблему». Стратегия подчеркивала необходимость сотрудничества в рамках Организации Объединенных Наций, ЕС, Совета Европы, НАТО, G8, ОБСЕ и других транснациональных организаций.

Стратегия 2011 г. состояла из 10 разделов, большая часть из которых была посвящена внутренней безопасности: защите важнейших информационных инфраструктур, укреплению ИТ-безопасности в государственном управлении, создание национального Центра кибер-обороны, расширению кадрового потенциала и борьбе с преступлениями в кибер-пространстве. В тоже время раздел 7 был посвящен взаимодействию в целях обеспечения кибербезопасности в Европе и мире. Стратегия декларировала поддержку расширения мандата Европейского агентства по сетевой и информационной безопасности (ENISA) в отношении угроз в области информационных технологий, а также объединение ИТ-юрисдикций в учреждениях ЕС. Особое внимание было уделено целенаправленной координации действий ООН, ОБСЕ, Совета Европы, ОЭСР и НАТО. Северо-Атлантический альянс стратегия называла основой трансатлантической безопасности: «Мы выступаем за приверженность альянсу, единым стандартам безопасности, которые государства-члены могут добровольно взять на себя, как это предусмотрено в новой стратегической концепции НАТО» [9, s. 11].

В 2016 г. Стратегия безопасности была модернизирована в соответствии с изменившимися условиями. Она называла четыре основных

«поля действия» руководящих принципов, три из которых в основном затрагивали внутреннюю безопасность: цифровая среда, государство и экономика, архитектура кибербезопасности. Четвертое поле было посвящено необходимости более активного позиционирования Германии на европейском и международном уровнях [10]. Стратегия делала упор на стремлении к укреплению двусторонней и региональной поддержки в области развития и расширения кибер-возможностей международных правоохранительных органов. Инструментами такой политики должны оставаться: Северо-Атлантический альянс, как «краеугольный камень безопасности Германии, а также евроатлантической безопасности», международные стабилизационные операции, сдерживание и оборона в контексте гибридных угроз, разработка собственных стратегий кибербезопасности, принятие новых законодательных актов, создание учреждений, научные исследования, мероприятия по обучению и повышению квалификации персонала, а также региональные инициативы.

В целях более эффективной кибер-защиты в государстве появился ряд дополнительных федеральных структур, в частности, в рамках Министерства внутренних дел было создано Федеральное ведомство по информационной безопасности, в котором появился специальный Центр кибербезопасности (Кибер-Абверцентр, Cyber-AZ). Он был призван оптимизировать оперативное сотрудничество и координировать меры защиты. Его целью стало противодействие таким угрозам как кибер-шпионаж, кибертерроризм и киберпреступность, а методами оптимизация оперативного сотрудничества государственных органов, обмен информацией, быстрые оценки и полученные из них конкретные рекомендации действия [8].

Особый интерес в изучении теории и практики обеспечения кибербезопасности в ФРГ представляют ежегодные отчеты федерального правительства о состоянии усилий по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению, а также развитию потенциала вооруженных сил. С 2012 г., в соответствии с целями, поставленными в стратегии кибербезопасности 2011 г., отчеты фиксируют мероприятия, направленные на обеспечение кибербезопасности внутри страны и за ее пределами. Среди них участие в работе правительственной экспертной группы ООН по кибербезопасности и рабочей группы ОБСЕ по разработке мер в целях обеспечения доверия и безопасности в киберпространстве, а также саммитах G8; мероприятия по защите прав человека в киберпространстве в постоянном представительстве Германии при ООН; проведение конференций и симпозиумов в Берлине на тему «Сохранение свободы и стабильности кибер-пространства»; проведение межведомственных двусторонних кибер-консультаций с Китаем, Индией, Южной Кореей и Израилем; обмен информацией с США и партнерами по ЕС (Францией и Великобританией) и многое другое [3–6].

Особое место информационная безопасность заняла в борьбе терроризмом. Её совершенствование привело к созданию базы данных по борьбе с терроризмом (Anti-Terror-Datei, ATD). Предполагалось, что целый ряд ведомств

сможет получить доступ к конфиденциальной информации. В их ряду стояли Федеральная криминальная полиция, Федеральное ведомство по охране конституции, Федеральная разведывательная служба, таможня. В то же время информационная прозрачность вызвала неоднозначную реакцию. База данных была воспринята как способ тотального контроля над гражданами. В защиту ATD перед Федеральным конституционным судом выступил министр внутренних дел Германии Ханс-Петер Фридрих: «ATD это инструмент, который имеет большое значение в борьбе с международным терроризмом» [11].

Подводя итог, следует сказать, что обеспечение кибербезопасности в настоящее время является одним из самых актуальных и востребованных направлений деятельности служб безопасности не только в ФРГ, но и в других странах, являющихся ключевыми игроками мировой политики. Многочисленные атаки на демократические институты, международные организации, инфраструктуру и жизненно важные промышленные объекты приводят как к техническому ущербу, так и репутационному. Они подрывают доверие общества, доверие между странами, политическими и экономическими системами. Таким образом, учитывая высочайшую степень взаимозависимости государств в глобальном пространстве, важнейшей политической задачей, к которой стремится современная Германия в обеспечении кибербезопасности становятся: внутренняя устойчивость; устойчивость отношений между странами-партнерами; сдерживание угроз; правовое регулирование, включая международный уровень; обмен передовым опытом.

Источники и литература:

1. Anti-Terror-Datei (ATD) [Elektronische Ressource]. – Zugriffsart: https://www.verfassungsschutz.de/de/service/glossar/anti-terror-datei-atd. – Behandlungsdatum: 31.03.2020.

2. Ausländische Hacker dringen in deutsches Regierungsnetzein. 28.02.2018 [Elektronische Ressource]. – Zugriffsart: https://www.welt.de/wirtschaft/article174062118/Datensicherheit-Auslaendische-Hacker-dringen-in-deutsches-Regierungsnetz-ein.html. – Behandlungsdatum: 31.03.2020.

3. Bericht der Bundesregierungzum Stand der Bemühungen um Rüstungskontrolle, Abrüstung und Nichtverbreitungsowieüber die Entwicklung der Streitkräftepotenziale. Jahresabrüstungsbericht 2012. –Berlin : H. Heenemann GmbH & Co., Buch- und Offsetdruckerei, 2012. – 237 s.

4. Bericht der Bundesregierungzum Stand der Bemühungen um Rüstungskontrolle, Abrüstung und Nichtverbreitungsowieüber die Entwicklung der Streitkräftepotenziale. Jahresabrüstungsbericht 2013. – Berlin : H. Heenemann GmbH & Co., Buch- und Offsetdruckerei, 2013.– 264 s.

5. Bericht der Bundesregierungzum Stand der Bemühungen um Rüstungskontrolle, Abrüstung und Nichtverbreitungsowieüber die Entwicklung der Streitkräftepotenziale 2014. – Berlin : H. Heenemann GmbH & Co., Buch- und Offsetdruckerei, 2014.– 154 s.

6. Bericht der Bundesregierungzum Stand der Bemühungen um Rüstungskontrolle, Abrüstung und Nichtverbreitungsowieüber die Entwicklung der Streitkräftepotenziale 2014. – Berlin : H. Heenemann GmbH & Co., Buch- und Offsetdruckerei, 2015. – 159 s.

7. BfV Cyber-Brief. Nr. 02/2017. Hinweis auf aktuelleAngriffskampagne. – Köln : Bundesamt für Verfassungsschutz, 2017.– 15 s.
8. Cyber-Abwehrzentrum [Elektronische Ressource]. – Zugriffsart: https://www.bsi.bund.de/DE/Themen/Cyber-Sicherheit/Aktivitaeten/Cyber-Abwehrzentrum/cyberabwehrzentrum_node.html. – Behandlungsdatum: 31.03.2020.
9. Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland 2011. – Berlin : Silber DruckoHG, Niestetal, 2011. – 20 s.
10. Cyber-Sicherheitsstrategiefür Deutschland 2016. – Berlin : Bonifatius GmbH, Druck – Buch – Verlag, 2016. – 25 s.
11. Karlsruhe sieht «rechtliche Probleme» [Elektronische Ressource]. – Zugriffsart: http://www.focus.de/politik/deutschland/tid-28016/anti-terror-datei-vor-dem-bundesverfassungsgericht-karlsruhe-sieht-rechtliche-probleme_aid_854472.html. – Behandlungsdatum: 30.03.2020.
12. Pohlmann, N. Cyber-Sicherheit. Das Lehrbuch für Konzepte, Prinzipien, Mechanismen, Architekturen und Eigenschaften von Cyber-Sicherheitssystemen in der Digitalisierung. – Wiesbaden : Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, einTeil von Springer Nature, 2019. – 611 s.
13. Verfassungsschutzbericht 2018. – Berlin : Kern GmbH, Bexbach, 2018. –388 s.

ГЕРМАНИЯ НА 40-Й СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЮНЕСКО

С.Ф. Свилас, Ю.В. Станкевич (Минск)

Глобализации с ее трансграничными вызовами делает международное сотрудничество в духовной сфере особенно актуальным. Результаты 40-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, проходившей в Париже с 12 по 27 ноября 2019 года, свидетельствуют о том, что Организации предстоит стать лидером в мобилизации международных усилий в области образования, науки, культуры, инноваций и новых технологий. Помимо делегаций государств-членов Организации и ассоциированных членов (193), в работу сессии были активно вовлечены межправительственные и неправительственные организации [2].

Одним из приоритетных вопросов, обсуждавшихся на 40-й сессии, по-прежнему оставалось образование. На ЮНЕСКО как специализированное учреждение системы ООН возложена ответственность за координацию действий международного сообщества для достижения Цели 4 в области устойчивого развития (ЦУР 4) – качественное образование для всех, важнейшим аспектом которого является поддерживаемая Германией стратегия по распространению грамотности среди молодежи и взрослых. Сессия утвердила Рекомендацию по созданию открытых лицензионных образовательных ресурсов. Лицензия обеспечит свободный доступ, а также бесплатное пользование, редактирование и распространение материалов без каких-либо ограничений. Авторы материалов будут сами определять, какие права пользования они предоставят, а какие оставят за собой.

Конвенция о признании квалификации высшего образования, принятая сессией, стала кульминацией многолетних усилий мирового сообщества по достижению более справедливого и прозрачного высшего образования. Этот документ поддерживает признание исследований, проведенных за рубежом, а также способствует академической мобильности преподавателей и студентов. Он обеспечивает признание компетенций мигрантов и беженцев, что позволит им получить доступ к высшему образованию посредством устранения серьезных правовых препятствий [3].

В рамках 40-й сессии Генеральной конференции более 100 министров образования и 100 представителей университетов, участвующих в программе кафедр ЮНЕСКО, встретились для обсуждений путей создания «глобального кампуса», который призван способствовать мобильности студентов и их последующему трудоустройству [2].

Генеральная конференция приняла решение о разработке закона об «открытой науке» с целью сделать ее и научные результаты более доступными для общества, экономики и слаборазвитых стран. Генеральная конференция инициировала также разработку первого нормативного документа, регулирующего этические аспекты искусственного интеллекта, что позволит достичь консенсуса в этой области [3].

Следует отметить также решения форума в сфере культуры. Для празднования в мировом масштабе были дополнительно учреждены восемь Памятных дней: искусства (15 апреля), исламского искусства (18 ноября), африканской культуры (24 января), техники для устойчивого развития (4 марта), логики (14 января), математики (14 марта), оливковых деревьев (26 ноября), португальского языка (5 мая). Делегаты постановили, что первый четверг ноября станет Международным днем борьбы с насилием и издевательствами в школе, включая киберзапугивание. 2022 год сессия объявила Международным годом фундаментальных наук на службе развития [1].

Генеральная конференция стала площадкой для дискуссий между молодежью и политическими лидерами на тему «Переосмысление мультилатерализма молодыми людьми, готовыми к переменам». В результате двухнедельных дебатов Секретариату были предложены формы и методы, посредством которых ЮНЕСКО следует реагировать на климатические вызовы и потребности молодого поколения [9].

На 40-й сессии был установлен двухлетний бюджет Организации в размере 1,3 миллиарда долларов. Источниками финансирования являются регулярные взносы государств-членов в размере 534 млн долларов США (или около 485 млн евро), а также добровольные взносы государств, банков развития и частных партнеров [10].

Отметим, что на 39-й сессии ГК ЮНЕСКО Германия (с четырехлетним сроком полномочий) была избрана членом Межправительственного комитета по физическому воспитанию и спорту (СИГЕПС), Международного координационного совета программы «Человек и биосфера» (МАБ),

Межправительственного комитета по биоэтике (МПКБ). На 40-й сессии Генеральной конференции с таким же сроком полномочий ФРГ стала членом Межправительственного совета Межправительственной гидрологической программы (МГП) [1].

20 ноября 2019 года на выборной основе Германия стала членом Исполнительного совета ЮНЕСКО на период 2019–2023 гг. Последний раз ФРГ являлась членом этой структуры в 2013–2017 гг. и с тех пор имела статус наблюдателя. Подчеркнем, что ФРГ занимает третье место по величине взносов в бюджет Организации [6].

Исполнительный совет, состоящий из 58 государств-членов, является одним из трех руководящих органов ЮНЕСКО наряду с Генеральной конференцией и Секретариатом. В качестве надзорного органа он занимается подготовкой сессий Генеральной конференции, рассматривает рабочие программы и бюджет. Исполнительный совет собирается на три недели каждые шесть месяцев. В его полномочия входит выдвижение кандидатуры Генерального директора, который избирается Конференцией на четырехлетний срок. С целью устранения дисбаланса в распределении мест в этом органе все члены ЮНЕСКО группируются в региональные избирательные группы [7].

18 декабря 2019 года Федеративная Республика Германия приняла председательство в Избирательной группе I на 2020 год. Группа состоит из стран Западной Европы, Турции и Канады. Кроме того, в соответствии с ротацией Совета Европейского Союза, во второй половине 2020 года Германия возглавит Европейскую группу ЮНЕСКО, являющуюся координатором деятельности в Организации государств-членов Европейского Союза [1].

После того, как стали известны результаты выборов, Государственный министр ФРГ Мишель Мюнтеферинг, курирующая образование и научные исследования, отметила, что Германия берет на себя ответственность в еще одном важном учреждении ООН и будет прилагать усилия для создания прочной системы мультилатерализма. Министр подчеркнула «решающий» вклад Организации в защиту культурного разнообразия и расширение доступа к культуре и образованию во всем мире [6].

15 ноября 2019 года в рамках 40-й Генеральной конференции ЮНЕСКО состоялась церемония награждения премией ЮНЕСКО «За образование в интересах устойчивого развития», одним из лауреатов которой стал Гамбург. Реализуя проект гражданского общества «Гамбург учится устойчивому развитию», этот ганзейский город продвигает проекты по борьбе с изменением климата и содействует образованию в интересах устойчивого развития. Местная повестка дня тесно связана с глобальными Целями устойчивого развития Организации Объединенных Наций [8].

Власти и общественность Германии рассматривают ЮНЕСКО как «организацию, на которую возлагаются надежды и направляются усилия», что отметил постоянный представитель ФРГ Питер Ройс, выступая

14 ноября 2019 года на политических дебатах в рамках 40-й сессии [4]. Берлин уверен, что решение глобальных проблем возможно лишь при условии кооперации государств в рамках международных институтов, а ЮНЕСКО является важной составляющей системы мультилатерализма, Цели устойчивого развития ООН так или иначе реализуются и посредством ЮНЕСКО. Питер Ройс не без гордости подчеркнул размер членского взноса ФРГ в бюджет Организации (534,6 млн долларов на два года) и заверил, что для Германии программы, конвенции и другие инструменты деятельности ЮНЕСКО являются «способом сделать кооперацию на уровне гражданского общества интенсивнее и методом выработки надежных ответов на политические вызовы настоящего и будущего» [5].

Таким образом, важным результатом 40-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО для Германии стало избрание членом Исполнительного совета, что еще раз подтвердило ее международный авторитет и стало предпосылкой повышения эффективности деятельности Организации. Германия признает ключевую роль ЮНЕСКО в духовной сфере и стремится содействовать активной реализации основных идей Организации. Свидетельством этого является проведение таких мероприятий, как международный Форум по управлению интернетом с участием Ангелы Меркель (ноябрь 2019 года), конференция, посвященная новой системе образования в интересах устойчивого развития на 2030 год (июнь 2020 года) и многие другие.

Источники и литература:

1. Акты Генеральной конференции. Том 1 Резолюции 40-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/in/documentViewer.xhtml?v=2.1.196&id=p::usmarcdef_0000372579_rus&file=/in/rest/annotationSVC/DownloadWatermarkedAttachment/attach_import_e0ed24d4-4952-4a44-b6ec-4b8715d0a69b%3F_%3D372579rus.pdf&updateUrl=updateUrl7896&ark=/ark:/48223/pf0000372579_rus/PDF/372579rus.pdf.multi&fullScreen=true&locale=ru#%5B%7B%22num%22%3A455%2C%22gen%22%3A0%7D%2C%7B%22name%22%3A%22XYZ%22%7D%2C54%2C771%2C0%5D. – Дата доступа: 11.03.2020.

2. 40-я сессия Генеральной конференции [Электронный ресурс] // UNESCO. – Режим доступа: https://ru.unesco.org/events/40-ya-sessiya-generalnoy-konferencii. – Дата доступа: 13.03.2020

3. Global Convention on the Recognition of Higher Education Qualifications [Electronic resource] // UNESCO. – Mode of access: https://en.unesco.org/themes/higher-education/recognition-qualifications/global-convention. – Date of access: 13.03.2020.

4. Permanent Delegate of Germany (September 2019) [Electronic resource] // UNESCO. – Mode of access: http://www.unesco.org/new/en/member-states/single-view/news/permanent_delegate_of_germany_september_2019/. – Date of access: 11.03.2020.

5. Plenary. Speeches. Germany [Electronic resource] // UNESCO. – Mode of access: https://en.unesco.org/generalconference/40/plenary/speeches. – Date of access: 11.03.2020.

6. Staatsministerin Müntefering zur Wahl Deutschlands in den UNESCO-Exekutivrat [Elektronische Quelle] // Auswärtiges Amt. – Zugriffsart: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/muentefering-wahl-deutschland-unesco-exekutivrat/2279492. – Zugriffsdatum: 11.03.2020.

7. Stabwechsel in der Wahlgruppe I [Elektronische Quelle] // UNESCO. – Zugriffsart: https://unesco.diplo.de/unesco-de/aktuelles/stabswechsel-in-der-wahlgruppe1/2290900. – Zugriffsdatum: 11.03.2020.
8. UNESCO-Bildungspreis für Hamburg [Elektronische Quelle] // UNESCO. – Zugriffsart: https://unesco.diplo.de/unesco-de/aktuelles/unesco-bildungspreis-fuer-hamburg// 2257648. – Zugriffsdatum: 11.03.2020.
9. UNESCO's 40th General Conference confirms the Organization's historic turnaround and its repositioning on contemporary issues [Electronic resource] // UNESCO. – Mode of access: https://en.unesco.org/generalconference/40/results. – Date of access: 11.03.2020.
10. 40. UNESCO-Generalkonferenz beschließt Programm und Budget für die nächsten Jahre. Pressemitteilung, 28. November 2019 [Elektronische Quelle] // UNESCO. – Zugriffsart: https://www.unesco.de/mediathek/dokumente/unesco/40-unesco-generalkonferenz-2019-beschluss-programm-budget. – Zugriffsdatum: 11.03.2020.

РЕФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ВЕКТОРЕ РОССИИ

С.Ф. Свилас, Д.В. Лузан (Минск)

Созданная почти 75 лет назад, Организация Объединенных Наций явилась результатом плодотворных усилий стран-победительниц во Второй Мировой войне. Структура Совета Безопасности ООН объективно отражала облик мира и соотношение сил, противостояние капитализма (в лице США, Великобритании, Франции) и социализма (в лице СССР).

После 1945 г. мир перетерпел значительные изменения. В качестве активных акторов международных отношений выступают не только государства, но и международные организации, однако Генеральная Ассамблея ООН до сих пор пытается представлять мир в виде всеобщей «конфедерации», играть роль глобального парламента. В XXI веке эта модель устарела и демонстрирует свою неэффективность.

Такая же тенденция наблюдается и в Совете Безопасности. За весь период существования Организации структура СБ менялась лишь однажды, в 1963 г., когда его состав расширился с 11 до 15 стран. Если в 1945 г. число членов СБ составляло 21,6% от всех государств-членов ООН, то в настоящее время – менее 8%. Иначе говоря, число членов Совета Безопасности увеличилось на 36%, в то время как число государств-членов ООН возросло в 3,8 раза. В подобной ситуации многие государства подвергают сомнению принцип действия СБ от лица всех членов Организации [11], а, следовательно, и легитимность принимаемых решений.

Для России результаты реформы ООН и, в частности, Совета Безопасности, особенно важны. Экс-представитель Сингапура в ООН господин Каусикан, выступая перед Генеральной Ассамблеей в 2005 г., не без иронии отметил: «Геополитическая реальность состоит в том, что несколько нынешних постоянных членов сохраняют этот статус не потому,

что они являются великими державами или глобальными державами в традиционном смысле этих слов. Если идти от обратного, то можно сказать, что они имеют статус великих или глобальных держав в первую очередь потому, что они уже являются постоянными членами» [3].

Позицию России по рассматриваемой проблеме можно охарактеризовать как умеренно-консервативную [3; 4]. Это государство выступает категорически против ревизии Устава ООН, так как данная процедура может привести к разрушению основ существования Организации как таковой. Россия придерживается позиции, что данный международный документ остается единственным общеобязательным актом международной безопасности, полностью отвечающим потребностям современных международных отношений благодаря заложенным в нем прогрессивным нормам и механизму самосовершенствования [12]. Москва опасается, что в случае, если будет проведена ревизия Устава, ООН может преобразоваться в совершенно новую организацию, неспособную выполнять возложенные на неё обязательства на должном уровне, или вовсе исчезнет, оставив мир без какой-либо системы коллективной безопасности [4].

Некоторые эксперты высказывают мнение о том, что Россия тяготеет к «ревитализации» Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, в которой она (в лице СССР) могла эффективно противостоять вызовам капиталистического блока и её международный авторитет не вызывал сомнений [2]. Данная позиция подтверждается Министерством иностранных дел РФ: «На регулярной основе отстаиваем принцип *недопустимости искажения истории и пересмотра итогов Второй Мировой войны*» [10].

Западные эксперты обвиняют Россию в безынициативности, отсутствии собственного мнения в отношении будущего ООН и намеренном сдерживании реформ СБ и Организации в целом. Официальное же руководство страны настаивает на отказе от навязывания искусственных сроков в вопросе реформирования для поиска наиболее оптимального сценария будущих реформ [10]. Отметим, что «неторопливость» характерна для всех постоянных членов СовБеза и продиктована необходимостью тщательной проработки реформенных процессов с целью недопущения ущемления интересов ни одной из пяти «великих держав».

Российская дипломатия выступает против радикальных преобразований структуры Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности, отстаивая тезис о том, что построение качественно новой глобальной системы безопасности потребует от международного сообщества намного больших усилий и финансовых затрат, нежели своевременное и планомерное реформирование уже существующих структур [7].

Говоря о перспективах преобразований в Совете Безопасности, Россия, выступает за неизменность принципа единогласия его постоянных членов. Речь идет о сохранении права вето в его неизменном виде. При этом российская дипломатия настаивает на том, что при расширении Совета в категории

постоянных членов все привилегии действующих постоянных в обязательном порядке распространялись и на новых [5]. Наделение новых постоянных членов равным юридическим статусом является принципиально важным условием сохранения действующего Устава ООН как фундаментальной основы функционирования Совета. Руководствуясь данным тезисом, Москва не поддерживает создание новой категории полупостоянных членов.

Позиция Российской Федерации по вопросу расширения Совета Безопасности основана на трех принципах. Суть первого состоит в сохранении компактности в качестве залога эффективного функционирования и оперативного реагирования Совета [3]. Именно поэтому Россия изначально выступала против расширения представительства в категории постоянных членов [9], а позже рассматривала увеличение состава лишь в пределах 20 членов [3].

На современном этапе позиция по этому вопросу стала менее категоричной, Россия оптимистично смотрит на расширение СБ вплоть до 20+ членов («low twenties») [9]. Москва готова поддержать расширение Совета Безопасности, в том числе за счет категории постоянных членов, и желает видеть среди них прежде всего Бразилию и Индию [8; 9], а также представителя Африканского континента [8]. Заметим, что Россия избегает упоминания конкретного страны-кандидата от Африки, так как по уровню экономического развития, а подчас и политической самостоятельности, африканские государства демонстрируют сильное отставание от нынешних членов СБ [6]. За счет большего представительства незападных или же западных, но поддерживающих ее государств, Москва надеется укрепить свои позиции в Совете Безопасности [9].

Ранее позиция России характеризовалась активной поддержкой кандидатур Японии и Германии на роль постоянных членов Совета при лишь возможном рассмотрении Индии [3]. Однако из-за охлаждения отношений с Европейским Союзом в связи с украинским кризисом, а также «некоторой неопределенности» во взаимоотношениях с Японией, вызванной спором о принадлежности Курильских островов, приоритеты России сместились в пользу новых кандидатов, которыми и стали Индия и Бразилия.

Следующий основополагающий принцип также связан с расширением состава Совета Безопасности ООН. Россия готова поддержать только одновременное увеличение его состава в категории как постоянных, так и непостоянных членов [3]. При этом первостепенную важность имеет сохранение мандатов действующих постоянных членов СБ, а также полное соблюдение всех уставных требований [6].

Третьим принципом, положенным в основу позиции России по реформированию Совета Безопасности, является придание ему более представительного характера [6; 10], включении на постоянной основе государств-представителей регионов мира, играющих значительную роль в мировой политике. К таким регионам российская дипломатия относит

Латинскую Америку и Карибский Бассейн, Африку, а также недостаточно представленную Азию (предлагаются кандидатуры Бразилии и Индии). Следование данному принципу позволит СБ избежать обвинений в предвзятости принимаемых решений и обеспечит их признание со стороны других государств-членов ООН.

В вопросе реформирования Совбеза Россия исходит из необходимости руководствоваться «интенсивными» методами. Москва полагает, что целесообразно действовать не только путем количественного увеличения членского состава Совета, но и в направлении установления более тесных связей между Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей, в частности, с позиций усиления транспарентности Совета в отношении членов ООН, не входящих в него [3]. При этом российская сторона считает неприемлемым изменение соотношения функций СБ и ГА, заложенных в Уставе ООН [10].

Российская сторона, не отрицая необходимость реформирования ООН вообще и СБ в частности, считает, что Организация достойно выполняет свои функции. Это недвусмысленно подчеркнул министр иностранных дел Сергей Лавров (2012), процитировав второго в истории ООН генерального секретаря Дага Хаммаршельда: «ООН была создана не для того, чтобы создать на Земле рай, а для того, чтобы человечество не оказалось в аду» [1] (ориг. «ООН была создана не для того, чтобы привести человечество в рай, а для того, чтобы спасти человечество от ада»). При этом первопричиной недостаточной эффективности международной организации Россия видит игнорирование некоторыми государствами и отдельными политическими лидерами принятых Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей решений [5].

Позицию Российской Федерации в отношении оптимизации деятельности ООН и Совета Безопасности следует охарактеризовать как умеренно-консервативную: она готова к обсуждению и принятию решений по этой проблеме, если будут удовлетворены ее требования (прежде всего, сохранение права вето при трехпроцентном вкладе в бюджет Организации) и достигнут максимально широкий консенсус как между членами Совбеза, так и среди стран, не являющихся членами этой структуры. Москва исходит из того, что модернизация ООН – длительный процесс, который должен сопровождаться прежде всего сопоставлением экспертных оценок, а СБ ООН – компактный и вполне дееспособный орган.

Источники и литература:

1. Без ООН в мире было бы больше хаоса, считает Лавров [Электронный ресурс]// РИА Новости. – 24.10.2012. – Режим доступа: https://ria.ru/20121024/906554734.html. – Дата доступа: 20.03.2020.

2. Братерский, М.В. Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики [Электронный ресурс] / М.В. Братерский // Вестник международных организаций. – 2018. – № 1. – С. 157–170. – Режим доступа: https://iorj.hse.ru/data/2018/03/30/1164743619/М.В.%20Братерский.pdf. – Дата доступа: 18.03.2020.

3. Гришаева, Л. Россия и ООН XXI века: новые приоритеты [Электронный ресурс] / Л. Гришаева // Обозреватель – Observer. – 2006. – № 5. – Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N5_2006/index.htm. – Дата доступа: 18.03.2020.

4. Гришаева, Л.Е. Реформа ООН – выход из кризиса [Электронный ресурс] / Л.Е. Гришаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». – 2007. – № 4. – С. 47–59. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-oon-vyhod-iz-krizisa. – Дата доступа: 18.03.2020.

5. Зверев, П.Г. Позиция Российской Федерации по вопросу реформирования Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] / П.Г. Зверев // Актуальные вопросы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 7. – С. 73–76. – Режим доступа: https://www.academia.edu/12440956/Позиция_Российской_Федерации_по_вопросу_реформирования_Совета_Безопасности_ООН. – Дата доступа: 18.03.2020.

6. Злоказова, Н.Е. Реформа Совета Безопасности ООН: основные сценарии и проблемы [Электронный ресурс] / Н. Е. Злоказова // Вестник Всероссийской государственной налоговой академии. – 2008. – № 2. – С. 1–13. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/318/443/1241/Вестник_ВГНА_№2_2008.pdf. – Дата доступа: 18.03.2020.

7. Кортунов, С. Реформа ООН и национальные интересы России [Электронный ресурс] / С. Кортунов // СМИ «ИНТЕЛЛИГЕНТ». – 2005. – Режим доступа: http://viperson.ru/articles/sergey-kortunov-reforma-oon-i-natsionalnye-interesy-rossii. – Дата доступа: 18.03.2020.

8. Лавров: Индия и Бразилия должны быть представлены в СБ ООН в результате его реформы [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/7521785. – Дата доступа: 18.03.2020.

9. Логинова, К. Мир больше пяти: возможна ли реформа ООН [Электронный ресурс] / К. Логинова // Известия. – 30.09.2019. – Режим доступа: https://iz.ru/926323/kseniia-loginova/mir-bolshe-piati-vozmozhna-li-reforma-oon. – Дата доступа: 18.03.2020.

10. Основные российские подходы к актуальным вопросам текущей повестки дня ООН [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/rossia-i-oon. – Дата доступа: 18.03.2020.

11. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html. – Дата доступа: 18.03.2020.

12. Федоров, В.Н. Реформирование ООН / В.Н. Федоров // Дипломатический ежегодник-2005. Сборник статей / Министерство иностранных дел Российской Федерации, Дипломатическая Академия МИД России ; редкол.: Ю.Е. Фокин [и др.]. – М. : Научная книга, 2006. – С. 102–122.

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ О. УИВЕРА И Б. БУЗАНА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А.А. Володькин (Минск)

Говоря о месте Беларуси в меняющемся мире нельзя обойти стороной вопросы развития внешней политики ее ближайших соседей. Обретя, как и Беларусь, реальную независимость в 1991 г., три государства Балтии

(Литва, Латвия и Эстония) столкнулись с теми же проблемами формирования основ своего национального суверенитета и включения в международную политику в условиях быстрого нарастания процессов глобализации и региональной интеграции.

Вопросы международной безопасности всегда занимали центральное место во всех школах теории международных отношений с момента возникновения данного научного направления. Однако подходы к изучению проблем международной безопасности и их влияния на формирование внешней политики государств претерпели в ходе длительной эволюции теории международных отношений существенную трансформацию. После завершения периода холодной войны и распада характерной для него биполярной системы международных отношений, традиционные реалистские и либеральные концепции международной безопасности дополняются целым рядом новых подходов, появление которых было связано с влиянием на изучение международных отношений конструктивизма и различных постмодернистских теорий. Эти новые подходы зачастую объединяют под общим наименованием «критического направления» в изучении международной безопасности, поскольку они поставили под сомнение многие идеи, на которых базировались традиционные концепции – существенно расширили само понятие безопасности и включили в сферу своего изучения не только сами угрозы безопасности и способы реагирования на них, но и процесс конструирования этих угроз в массовом сознании.

К этим новым критическим направлениям обычно относят Уэльскую (К. Бут, Р. У. Джонс) и Парижскую (Д. Биго, Дж. Агамбен) школы изучения международной безопасности. Но особое место среди новых подходов заняла Копенгагенская школа. Ее возникновение связывают с работами таких исследователей, как Б. Бузан и О. Уивер, которые значительно расширили традиционные рамки понятия международной безопасности. Представители этой школы ввели такие понятия, как «секторы безопасности» и «региональные комплексы безопасности». Но, пожалуй, наиболее известным достижением Копенгагенской школы стала «теория секьюритизации». Ее основы были изложены в двух совместных работах Б. Бузана и О. Уивера – «Безопасность: новая структура для анализа» [3] и «Регионы и силы: понятие международной безопасности» [2]. Эта теория раскрывает механизм целенаправленного конструирования образа угрозы в массовом сознании и его использование в государственной политике. Согласно ей, чтобы отнести ту или иную проблему к сфере безопасности, ее сначала нужно «политизировать», т.е. сделать широко обсуждаемой, а затем «секьюритизировать» – т.е. объявить «экзистенциальной угрозой» выживанию государства, нации, общества. Когда представитель государственной власти подчеркивает актуальность и значимость той или иной проблемы, он тем самым переводит ее в ранг угроз безопасности. И из этого вытекает правомерность использования любых мер для противодействия ей.

Т.е. с помощью секьюритизации можно легко мобилизовать ресурсы для достижения своих целей и нейтрализовать рациональные контраргументы оппонентов. Правда, чтобы секьюритизация состоялась, ее актор должен обладать в обществе достаточным авторитетом – быть видным политиком, общественным лидером или признанным экспертом по вопросам безопасности. Кроме того, общество легче убедить в необходимости чрезвычайных мер, когда проблема ассоциируется с прошлыми бедами (например, в случае давней вражды с соседним государством).

Однако, ценность любой теории определяется теми возможностями, которые она предоставляет для анализа и объяснения реальных ситуаций и кейсов международной политики. Поэтому в данном тексте предлагается протестировать теорию секьюритизации на примере анализа развития внешней политики трех государств Балтии – Литвы, Латвии и Эстонии после восстановления их государственной независимости (т.е. в постсоветский период). Насколько известно автору, в русскоязычной историографии таких попыток пока не предпринималось. Что касается англоязычных работ, теория секьюритизации упоминается в качестве одного из четырех подходов к анализу развития внешней политики государств Балтии в статье Дж. Ламоро и Д. Гэлбрита [4].

Прежде всего, обозначим основные принципы, цели и этапы развития внешней политики трех балтийских государств в рассматриваемый период. Еще в период борьбы за восстановление независимости в 1989–1991 гг. национальные политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии сформулировали лозунг «возвращения в Европу». Он был тесно связан с их концепцией «восстановленной государственности» (или, как ее обычно называют российские авторы «оккупационной доктриной» [1]). Согласно этой концепции, независимое развитие государств Балтии было насильственно прервано в 1940 г. их включением в состав СССР, которое нарушало нормы международного права и не было признано целым рядом зарубежных стран. На основании этого они объявили сам факт инкорпорации и последовавший за ним многолетний период советского правления незаконным. Логичным следствием такой аргументации становилось стремление к восстановлению независимости, полному выходу из сферы российского контроля и созданию надежных гарантий от возможных попыток Москвы восстановить свой контроль над странами Балтии в будущем.

И единственной такой надежной гарантией политическим элитам Литвы, Латвии и Эстонии представлялась полная интеграция своих стран в системы коллективной безопасности западного сообщества и получение от него, таким образом, обязательств защиты этих стран от возможных недружественных действий со стороны России. Поэтому, как только в 1994 г. завершился вывод с территории государств Балтии российских войск, их лидеры объявили о твердом намерении добиваться полноправного членства своих стран в ЕС и НАТО. При этом, как отмечает директор Института политиче-

ских наук и международных отношений Вильнюсского университета Р. Вильпишаускас, не только стремление к вступлению в НАТО, но и в ЕС аргументировалось, прежде всего, соображениями безопасности, а не рациональной выгоды [5]. Особую непреклонность балтийские политические элиты демонстрировали в вопросе о членстве в НАТО. Резкие возражения против их вступления в этот альянс со стороны России рассматривались, как лишнее доказательство наличия у нее агрессивных намерений в отношении государств Балтии. Поэтому их не устраивали никакие иные варианты, кроме полноправного членства в НАТО – ни проведение политики нейтралитета, ни предлагавшиеся проекты формирования региональной балтийской системы коллективной безопасности вне рамок НАТО. Как указывали балтийские политики, эти варианты уже были испробованы и не помогли Литве, Латвии и Эстонии сохранить независимость в 1940 г.

Уже к середине 1990-х гг. среди системных политических партий Литвы, Латвии и Эстонии, которые могли достаточно жестко полемизировать друг с другом по вопросам внутренней политики, сложился устойчивый долгосрочный консенсус по поводу того, что именно вступление в эти два ведущих объединения западного сообщества должно быть стратегическим приоритетом и главной целью их внешней политики (в случае Литвы этот консенсус даже регулярно фиксировался специальными межпартийными соглашениями). Лишь отдельные мелкие и внесистемные партии (как правило, представлявшие национальные меньшинства) позволяли себе возражать против этого. При этом, как свидетельствуют данные многочисленных опросов населения, общественное мнение Литвы, Латвии и Эстонии демонстрировало куда меньшее единодушие по вопросам вступления в ЕС и НАТО, чем их политические элиты. Оно отличалось большими колебаниями и неустойчивостью, а также довольно высоким процентом неопределившихся респондентов. Ситуация стала меняться лишь в начале 2000-х гг., когда в преддверии референдумов о вступлении в ЕС правительства развернули широкие информационно-пропагандистские компании в поддержку данного решения [5].

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. на достижение этих стратегических целей внешней политики были мобилизованы значительные ресурсы. Большие суммы (как из государственных бюджетов, так и из внешних источников финансирования) тратились на формирование национальных систем обороны в соответствии со стандартами НАТО и на глубокие структурные реформы в экономике, которые требовались для приема в ЕС. Примечательно и то, что в ходе переговоров о вступлении в эти объединения политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии проявили готовность существенно пересмотреть свое законодательство (например, в вопросах гражданства и размещения на их территории иностранных военных объектов) и пожертвовать значительными национальными интересами

(например, согласиться на закрытие Игналинской АЭС) ради скорейшего принятия положительных решений об их приеме.

Кроме того, все отношения с партнерами на международной арене в этот период оценивались, прежде всего, с точки зрения того, способствовали ли они вступлению стран Балтии в ЕС и НАТО. Именно поэтому до середины 2000-х гг. практически не развивались контакты со странами СНГ, а в повестке регионального сотрудничества с соседними странами Северной Европы и взаимодействия с переходными государствами Центральной и Восточной Европы ключевое место занимали вопросы содействия подготовке Литвы, Латвии и Эстонии к вступлению в ЕС и НАТО.

Теперь посмотрим, насколько приведенные характеристики развития внешней политики государств Балтии укладываются в схему, описанную Б. Бузаном и О. Уивером. Очевидно, что политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии были единодушны в своем стремлении объявить вступление этих стран в НАТО и ЕС важнейшими вопросами обеспечения их национальной безопасности. Большую роль здесь сыграла также постоянная актуализация возможных угроз со стороны России и подчеркивание крайней уязвимости стран Балтии, если они останутся с этой угрозой один на один. Образы этих угроз активно использовались для оправдания максимальной мобилизации внутренних и внешних ресурсов ради достижения полноправного членства в НАТО и ЕС, и получения, таким образом, гарантии собственной безопасности со стороны Запада. Правда, процесс политизации этого вопроса имел свои особенности, так как вплоть до конца 1990-х гг. достигшие внутреннего консенсуса политические элиты не проявляли особого внимания к формированию должной общественной поддержки своего курса. Однако в целом данный пример достаточно убедительно подтверждает правильность теории Б. Бузана и О. Уивера.

Источники и литература:

1. Воротников, В.В. Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг. : дисс. на соискание уч. степени кандидата ист. наук по специальности: 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая) / В.В. Воротников. – М., 2014. – 381 л.

2. Buzan, B. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Waever. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 570 p.

3. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis. / B. Buzan, O. Waever, J. de. Wilde. – Boulder, CO : Lynne Rienner, 1998. – 239 p.

4. Lamoreaux, J.W. The Baltic States As ‘Small States’: Negotiating The ‘East’ By Engaging The ‘West’ / J.W. Lamoreaux, D.J. Galbreath // Journal of Baltic Studies. – Vol. 39, № 1. – March 2008. – P. 1–14.

5. Vilpišauskas, R. The Final Stage of the EU Accession Game: The Baltic States, Likely Victims of their own Success? / R. Vilpišauskas // A draft paper for the Eighth Biennial International Conference of the European Union studies Association, Nashville, Tennessee, March 27–29, 2003. – Vilnius : Institute of International Relations and Political Science, 2003. – 22 p.

ИНТЕГРАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В.И. Сальников (Воронеж)

Одной из особенностей современного мира, по мнению Самуэля Хантингтона, является то, что на смену «столкновению идеологий» пришло «столкновение цивилизаций» [7] – исторически сложившихся общностей довольно обширных размеров, объединенных историко-культурными традициями, религией, языком, материальной и духовной культурой; наличием соответствующей самоидентификации, территории, государственно-правовых институтов, экономического пространства, сети коммуникаций и социальной инфраструктуры. Хантингтон таких цивилизаций применительно к современному миру насчитывал восемь (западная, исламская, синская, индуистская, православная, японская, буддистская, латино-американская, африканская) [7, с. 22–23]. Но, в силу особой роли, которою играл Запад в мировой экономике и политике в канун окончания Холодной войны, и его стремления навязать остальному миру свои цивилизационные принципы, ученый видел самое серьезное грядущее столкновение в столкновении между Западом и остальным миром [7, с. 281], ставшее одним из базовых противоречий глобализации.

Однако глобализация не означала только вестернизацию. Ряд цивилизаций (исламская, синская, японская, индуистская и др.) сумели воспользоваться ее инфраструктурой и открытостью и расширить свое влияние, несмотря на экономическое, политическое и технологическое доминирование Запада [3], что позволило даже заговорить не только о конфликте, но и о «диалоге цивилизаций» [5].

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., угроза «горячей войны» на Ближнем Востоке и на востоке Украины, ухудшение отношений коллективного Запада с Россией и Китаем и разного рода угрозы (международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, противоречия между Центром и Периферией, экологические угрозы, эпидемии и особенно коронавирусная пандемия) заставили заговорить о кризисе глобализации и даже о постглобальном мире [2]… Но означает ли это, что мы живем в «постцивилизационном» мире?

Если взять постсоветское пространство, то на нем православная, исламская, буддийская цивилизации сталкиваются/контактируют с западной и не только.

Что касается православной цивилизации, земное бытие, которое было тесно связано с исповедующими православие народами Южной и Восточной Европы и государственностью, восходящей к Византийской империи, то на постсоветском пространстве ее позиции относительно сильны в России, Беларуси, Украине, Молдавии, Грузии, Армении, а также на русскоговорящих территориях Прибалтики и Казахстана. И хотя право-

славию оказывается существенная государственная поддержка – говорить о полноценной субъектности этой цивилизации нельзя. Сказываются последствия гонений на Православие в XX веке и разногласия между поместными Церквями, еще более обострившиеся после признания Константинопольским Патриархатом и рядом других православных Церквей Православной Церкви Украины.

Исламская цивилизация на постсоветском пространстве активизирует свое влияние не только на территориях, чье население традиционно исповедует ислам (государства Центральной Азии, Азербайджан, национальные республики Северного Кавказа и Поволжья в РФ), но и там, где существует значительная исламская диаспора, например в России, где насчитывается 20 миллионов мусульман [6]. Но говорить об ее полноценной субъектности мы тоже не можем в силу отсутствия единства мусульманской уммы, разделенной по направлениям, мазхабам и юрисдикциям. И даже в государствах, где население традиционно исповедовало ислам, на настоящий момент конфессиональное уступает этническому и секулярному.

Что касается буддийской цивилизации, то на постсоветском пространстве ее анклавы существуют в Бурятии, Забайкальском крае, Калмыкии, Туве, Алтае – там, где коренное население традиционно исповедовало буддизм. Эта религия распространена также в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных городах – главным образом среди интеллигенции. Поэтому влияние ее локально.

Западная цивилизация до недавнего времени очень активно распространяла там свое влияние через НАТО, ЕС, Совет Европы, Восточное партнерство, Болонский процесс, фонды и НПО и не только. В евроатлантическую «Большую Европу» втянуты страны Балтии, Украина и Грузия; втягиваются Молдова, Беларусь, Армения, Азербайджан и даже Казахстан. В самой России немало сторонников европейского выбора. В последнее время до президентства Трампа, Брекзита и пандемии коронавируса западная цивилизация была довольно консолидирована и обладала значительными экономическими, технологическими и интеллектуальными ресурсами «жесткой», «мягкой» и «умной» силы, создавая на постсоветском пространстве, также как и по всему миру сети своих «симпатизантов» и «агентов влияния». Однако с ослабеванием Запада его экспансия уменьшается. Чем и пытаются воспользоваться, как сторонники самобытности, так и незападные цивилизации.

Так синская (китайская) цивилизация распространяет свое влияние на постсоветское пространство через проект «Новый шелковый путь», который является серьезным конкурентом ЕАЭС [1].

По мнению автора, слабость ЕАЭС во многом обусловлена отсутствием цивилизационных скреп для этой международной организации, осуществляющей региональную экономическую интеграцию. При отсутствии общего цивилизационного единства государствам с разными уровнями развития весьма трудно преодолеть технологическое отставание, вызванное разрывом экономических связей после распада СССР. Первые трудности на этом

пути могут пустить ко дну этот «интеграционный корабль». Что наглядно демонстрирует опыт трудно идущей интеграции постсоветского пространства на основе евразийского проекта, в котором отсутствует панидея, необходимая для проектов такого масштаба.

На взгляд автора, несмотря на многовековую общую историю и тесно связанные экономики, Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизия имеют серьезные цивилизационные различия. Россию, Беларусь и Армению объединяет принадлежность к православной цивилизации, а казахов и киргизов – ислам и общие этнические корни. Общие этноконфессиональные и культурно-цивилизационные корни русских и белорусов и кириллический алфавит Казахстана и Киргизии могли бы способствовать более тесной интеграции, но влияние западной цивилизации мешает этому. Так в Беларуси при государственной поддержке активно внедряются идея литвинства и восприятие истории Речи Посполитой чуть ли не как «золотого века». Разумеется, вхождение в состав Российской империи, как и идея общерусского единства, не говоря уже о принадлежности к Русскому миру, благодаря такой исторической политике, воспринимается негативно.

То же самое и с Казахстаном, чьи власти объявили о переходе на латинницу, где выдавливаются русские и русскоязычные и негативно оценивается период нахождения казахов в составе Российской империи и СССР. Проводя политику многовекторности, Казахстан активно включен и в интеграционные проекты, связанные с «Новым шелковым путем», с тюркским миром и готов к интеграции с ЕС.

Армения под влиянием американской и французской диаспор, несмотря на завязанность своей экономики на Россию и ЕАЭС, также не прочь интегрироваться в евроатлантические структуры. Особенно, после победы Н.В. Пашиняна.

На Киргизию, тесно связанную с Россией, Казахстаном, Китаем и Турцией, западное влияние из пятерки стран-членов ЕАЭС самое меньшее. Но, как и Казахстан, Киргизия также активно интегрируется с Китаем и тюркским миром.

Выгодна ли России, как «стержневому государству» Евразии, такая интеграция? На этот счет есть разные точки зрения. На одном полюсе находятся те, кто считает, что Россия вообще не нуждается ни в каких интеграционных проектах. На другом – те, кто стремятся восстановить единую государственность, объединяющую максимум территорий постсоветского пространства, – причем, любой ценой. Между ними – множество частных мнений о пропорциях и направленности такой интеграции. Что касается позиции автора, то он, будучи сторонником более тесной интеграции постсоветского пространства, придерживается той точки зрения, что Россия, как наиболее мощное государство постсоветского пространства, не должна оплачивать лояльность соседей. Совместными усилиями мы должны делать лучше жизнь наших граждан, а, если потребуется, нести необходимые издержки.

Для успешной конкуренции с другими цивилизациями, народы государств постсоветского пространства должны осуществить *интеграцию на основе собственного цивилизационного проекта*, синтезирующего западный динамизм и восточную созерцательность, традиции и новации, духовную высоту идей «Москвы – III Рима» и «III Интернационала», «цветущие сложности» Древней Руси, Орды, Великого Княжества Литовского, Российской Империи – выработав трезвое отношение ко всякого рода иноцивилизационным заимствованиям и перестать поддерживать разного рода химеры, мешающие нашему единству, особенно, русофобские. Ибо без синтеза евразийства и Русского мира такого проекта не создать!

И совсем не обязательно включать все эти территории в состав единого государства – достаточно создать союз государств, спаянных культурно-цивилизационным единством, в который могут войти и непризнанные государства (ПМР, ДНР, ЛНР, Абхазия, Арцах, Южная Осетия), возникновение которых вызвано распадом союзного государства. Особенно, если учесть желание последних, в отличие от их «материнских государств», вступить в ЕАЭС [4, с. 205–206].

И было бы прекрасно, если эта интеграция будет идти не только на уровне элит, но и на уровне простых людей. Через массовое движение с международным статусом, имеющее целью более тесную интеграцию народов и государств постсоветского пространства. Что сделало бы эту интеграцию необратимой…

Источники и литература:

1. Глинкина, С.П. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза / С.П. Глинкина, М.О. Тураева, А.А. Яковлев. – М. : Институт экономики РАН, 2016. – 59 с.

2. Дугин, А. Постглобальный порядок. Неизбежность [Электронный ресурс] / А. Дугин // Geополитика.ru. – 2020. – 19 марта. – Режим доступа: https://www.geopolitica.ru/article/postglobalnyy-poryadok-neizbezhnost. – Дата доступа: 16.04.2020.https://www.geopolitica.ru/article/postglobalnyy-poryadok-neizbezhnost

3. Многоликая глобализация = Many Globalizations: cultural diversity in the contemporary wold: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П.Л. Бергера, С.П. Хантингтона. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 378 с.

4. Сальников, В.И. Непризнанные государства как фактор интеграции/дезинтеграции постсоветского пространства / В.И. Сальников // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.) : материалы IV Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 мая 2019 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 203–206.

5. Следзевский, И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики / И.В. Следзевский // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 141–156.

6. Сухая статистика – в России сегодня мусульман больше чем православных [Электронный ресурс] // Голос Ислама.RU. – 2015. – 30 мая. – Режим доступа: https://golosislama.com/news.php?id=26836. – Дата доступа: 16.04.2020.

7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2005. – 603 с.

ПОДХОДЫ США К БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНУ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ВАШИНГТОНА В ОТНОШЕНИИ ЕАЭС[1]

Е.В. Мацулевич, А.П. Косов (Витебск)

1 января 2020 г. Беларусь приняла председательство в органах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На фоне стремления республики активизировать интеграционные процессы на постсоветском пространстве интерес Вашингтона к ней, и региону в целом, усилился, что выразилось в визитах госсекретаря США М. Помпео с 29 января по 4 февраля 2020 г. в такие страны-участницы ЕАЭС, как Беларусь и Казахстан, которые рассматриваются в качестве ключевых стран постсоветской интеграции в рамках российских инициатив. Среди целей визита в каждое из указанных государств было заявлено стремление поддержать их суверенитет и независимость. В то же время американский подход к европейской Беларуси и центральноазиатскому Казахстану отличается, что наиболее ярко нашло отражение в Страновых Стратегиях США от 2018 г. (Integrated Country Strategy) и в Стратегии по Центральной Азии (Strategy for Central Asia). Выражая общемировые интересы и цели Вашингтона (либерализация и демократизация стран, обеспечение международной безопасности) приоритетность тех или иных задач варьируется в зависимости от региональной обстановки.

Альтернатива участию Беларуси в региональных интеграционных процессах в виде сотрудничества с США сводится к принятию республикой американских условий по созданию в ближайшей перспективе демократического и свободного рыночного общества [1, p. 6]. Такой вектор предполагает проведение политики «открытых дверей» для американских интересов [1, p. 6]. Менее явно это же положение выражено в Стратегии по Казахстану, согласно которой он должен «функционировать без иностранной помощи» [2, с. 11]. Формулировка является спорной в контексте всего документа, который американскую «помощь» в виде прямых инвестиций и прибыли по сделкам от продажи казахстанских энергоресурсов не отрицает.

Таким образом, принятие белорусско-американского и казахстано-американского сценария активизации сотрудничества исключает интеграцию в рамках ЕАЭС. Для Российской Федерации как лидера Союза это несет перспективу потери региональных покупателей своих энергоресурсов и угрозу возможного продвижения НАТО на белорусском направлении. Возможность военного присутствия американского контингента войск у границ

[1]Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А.А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В.В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А.П. Косов).

на казахстанском направлении просматривается в сотрудничестве США и центральноазиатских республик в рамках платформы «С5+1» [3, p. 3].

Формат «С5+1» несет в себе угрозу не только для России, но и для Беларуси, т. к. он постепенно принимает вид регионального союза ЦА как альтернативы ЕАЭС. Утвержденный в год создания Союза с участием Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и США, он был изначально продиктован стремлением к обеспечению региональной безопасности и афганской угрозой. Однако в дальнейшем вопрос безопасности стал рассматриваться лишь как базис для развития сотрудничества по различным вопросам, «независимо от уровня активности США в Афганистане» [2, p. 3]. С 2016 г. наблюдается тенденция по разработке совместных экономических проектов [5]. За годы действия «С5+1» американские инвестиции в торгово-экономическую сферу заняли третье место по объему финансирования, составив сумму больше направляемой на стимулирование демократии в странах, что всегда официально являлось для США первостепенным вопросом [3, p. 4]. Таким образом, «С5+1» принимает форму экономически близкую платформе ЕАЭС.

Отвечая не только идеологическим, но и экономическим интересам Вашингтона, для него в большей степени привлекательно развитие сотрудничества в рамках «С5+1», нежели двустороннее сотрудничество с Беларусью. Для республики это несет угрозу разрыва налаженных в рамках ЕАЭС экономических связей с ЦА, и в первую очередь с Казахстаном, который в 2019 г. занял 3 место по стоимости белорусского экспорта и импорта в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) [6; 4].

Рассматриваемая платформа активизируется на фоне внутренних барьеров ЕАЭС, что вызывает особую обеспокоенность Москвы и Минска. Переманивание центральноазиатских участников ЕАЭС на американскую сторону грозит развалом союза. Привлекательным выглядит то, что в отношении Беларуси и Казахстана общим стало обещание Вашингтона обеспечить им статус гаранта региональной безопасности [1, p. 6; 2, p. 3]. В то же время это отражает двойственность взгляда США на участников ЕАЭС. Относя Беларусь к геополитическому Западу и постсоветскому миру в культурно-идеологическом плане, Казахстан воспринимается американцами больше как часть Центральной Азии, что и обусловило его включение в региональный проект, альтернативный ЕАЭС наряду с соседними странами. В связи с таким американским подходом платформы, которую Вашингтон мог бы предложить Минску как альтернативу, подобную «С5+1», в настоящий момент нет. В свою очередь сценарий поворота Беларуси от ЕАЭС в сторону двустороннего сотрудничества с США представляется маловероятным, т. к. он несет угрозу притеснения суверенитета и независимости Беларуси, что ставит под сомнение актуальность данного вектора. Для Республики Беларусь регион ЦА является по-прежнему приоритетным направлением внешней торговли и политики.

Источники и литература:

1. Integrated Country Strategy. Belarus [Electronic resource] // U. S. Department of State. – 2018. – Mode of access: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/01/ICS-Belarus_UNCLASS-508.pdf. – Date of access: 04.04.2020.
2. Integrated Country Strategy. Kazakhstan [Electronic resource] // U. S. Department of State. – 2018. – Mode of access: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/01/ICS-Kazakhstan_UNCLASS_508.pdf. – Date of access: 20.04.2020.
3. United States Strategy for Central Asia 2019–2025 [Electronic resource] / Bureau of South and Central Asian Affairs // U. S. Department of State. – 2020. – 5 February. – Mode of access: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf. – Date of access: 20.04.2020.
4. Импорт товаров в Республику Беларусь по странам СНГ [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-excel/Oficial_statistika/Godovwe/Import_po_SNG19.xlsx. – Дата доступа: 20.04.2020.
5. Совместные проекты США и Центральной АЗИИ (С5+1) [Электронный ресурс] // Посольство США в Узбекистане. – 2016. – 4 августа. – Режим доступа: https://uz.usembassy.gov/ru/joint-statement-c51-ministerial-august-3-2016-ru/. – Дата доступа: 23.04.2020.
6. Экспорт товаров из Республики Беларусь по странам СНГ [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-excel/Oficial_statistika/Godovwe/Export_po_SNG19.xlsx. – Дата доступа: 20.04.2020.

CONTEMPORARY TRENDS IN THE CIS STATES' MILITARY COOPERATION

N. Shalenna, O. Hohosha (Lviv)

Delineation of the post-Soviet states' military policy happened in conditions of the rapid Union's centralized political system collapse and simultaneous new power centres emergence. The state elites focused on the need for military-political self-determination of their republics, though they vaguely realized the sequence of necessary actions and their possible results. Meanwhile, the Russian Federation had been reassuming its leadership position – as a result the Commonwealth of Independent States was established.

Over the last two decades, Russia has intensified its aggressive military policy and became a truly belligerent party. After 2008 deployment of its military forces in Georgia, Russia occupied a part of Ukraine's territory – Crimea in 2014, having launched direct aggression against its neighbour and strategic partner. In 2015, the list of Russian hostilities was supplemented by its direct military engagement in Syria. Hence, a research of the CIS states' military cooperation with the Russia's particular role in it is of a special scientific interest, concerning contemporary Russian-Ukrainian confrontation and the developments worldwide.

Although from the very beginning of the CIS existence it turned out to be a politically, militarily and economically inefficient and unstable formation, the so called "Belovezha consensus" or relative balance of powers had remained until the early 2000s. The 2004 enlargement of the EU and NATO became a landmark event for the Russian Federation and the foreign policy orientations of the CIS members. Taking into consideration the fact that the Kremlin has been constantly trying to form a new military-political bloc or a collective security system within the Commonwealth as opposed to the North Atlantic Alliance, the acquisition of NATO membership status by virtually all former Warsaw Pact member countries has greatly enhanced Kremlin's policy toward the former USSR republics. Concerns and pessimism of the Russian leadership over the future of the CIS particularly increased in early 2005 after the Colour revolutions took place in several former republics, revealing the fact that a number of countries were willing to distance from Russia and Kremlin's ability to influence those processes was gradually becoming more and more limited.

A new feature of Russia's CIS-oriented policy after 2004 was an evident expression of its willingness to confront the leading Western powers in the post-Soviet territories through various forms and means, avoiding direct confrontation. The Kremlin again started to enlist the European Union, the United States and NATO into a single hostile group of actors. According to Russia's top political establishment, all of them aim at undermining Russian sovereignty, and their political approaches, norms, and values directly contradict the Russian ones. In his statements V. Putin repeatedly emphasized the injustice of the international system formed in the aftermath of the Cold War, where Russia was left on the "sidelines" of world politics. The 2008 Foreign Policy Concept of the Russian Federation stated: "Russia retains its negative attitude to the NATO enlargement, particularly, to Ukraine's and Georgia's aspirations to join the NATO, and also to bringing the NATO's military infrastructure closer to Russian borders, as those violate the principle of equal security, lead to new dividing lines in Europe and contradict the objective of collaboration increasing efforts in searching responses to real challenges of the present" [4]. At the same time, the importance of deepening the CIS cooperation was emphasized, in particular further built-up of the Collective Security Treaty Organization (CSTO), a military alliance established in 2002 and comprising six former Soviet republics: Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, the Russian Federation and Tajikistan.

However, the heterogeneity of the CIS participants' interests only led to the deepening of contradictions between them, to formation of different blocs of countries, and, accordingly, to significant differences in levels of their involvement in various initiatives within the organization. The CIS member-states official stands are especially different regarding the issues of military and military-technical cooperation on the multilateral level. It should be acknowledged that the legal regulation of military cooperation in the CIS format did not establish sufficient preconditions for the complete transformation of its declarative and advisory character into

a concrete one; no common military strategic space was formed within the Commonwealth; there were no effective mechanisms for working out, implementing and controlling the execution of contract documents and collective decisions. Though the elements of a joint military command and military infrastructure of strategic forces were still preserved at the initial stage of the Commonwealth functioning, those aspects of cooperation gradually lost their importance as the national armed forces were developed. Attempts to restore the significance of converging in the format of the CSTO were not so effective (as Azerbaijan, Georgia and later on Uzbekistan withdrew from it). In fact, military cooperation shifted to bilateral level. Originally, the Russian Federation took on the national borders security functions in the outer perimeters of the CIS member-states (with the exception of Ukraine). Yet, with the national frontier troops strengthening this function gradually lost its relevance. Actually, only the Joint CIS Air Defence System (JADS) remains effective nowadays. Even Ukraine had closely coordinated its air defence with Russia within JADS until 2014 [1, p. 70].

Considering the ineffectiveness of the CIS, Russia couldn't stand aside the developments directly relating to its strategic interests. In early 2008, a new round of complications between Russia, the U.S. and NATO was prompted by the NATO's leadership consideration of applications from Ukraine and Georgia on joining the NATO's Membership Action Plan (MAP). At the Bucharest Summit in April 2008, the U.S. officials made significant efforts to convince their NATO allies of Georgia's and Ukraine's liability to join the MAP. Although both states were not formally invited to join the MAP, they were actually made aware that the NATO membership could be a real perspective for them [5]. Accordingly, Russian authorities acknowledged that they would have to resort to "military and other measures" to secure Russia's interests near its national borders" [10].

The Kremlin resorted to open support for puppet separatist regimes in Abkhazia and South Ossetia in 2008, having used the Kosovo precedent for the similar resolving of frozen conflicts in the CIS member-states. In response to Georgia's military operation to "restore constitutional order" in the rebellious Tskhinvali region, the Russian party launched a counter-operation to "force Georgia into peace" under the pretext of protecting compatriots. Subsequently, having recognized the independence of South Ossetia and Abkhazia, Russia violated Georgia's territorial integrity.

On September 5, 2008, the CSTO leaders met at the summit in Moscow, where they adopted a declaration that can be considered as a policy document. The CSTO representatives expressed their deep concern about "Georgia's attempt to resolve the conflict in South Ossetia by force" [8]. It is indicative that six CSTO member countries (Belarus, Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan) without any objections approved "Russia's active role in promoting peace and cooperation in the region" [8]. The central part of the declaration was devoted to the vision of the world and the role of the CSTO in it. The parties stressed that they "are determined to adhere to close coordination of foreign

policy interaction, aimed at the progressive development of military and military-technical cooperation, improving their common activities on all issues". At the same time, the CSTO area of interest was clearly defined and it was emphasized that the Western states should adhere to the status quo, as "the major conflict potential has been accumulating in the direct vicinity of the CSTO area of responsibility" [8]. Thus, the Russia fully assumed the role of a leader in the CSTO and launched the process of its structure transformation within the CIS into a military bloc, ensuring the collective defence for its members.

On February 4, 2009, at the CSTO Summit in Moscow, the Collective Security Council decided to create the Collective Rapid Reaction Forces (CRRF) aimed at protecting the territorial integrity and sovereignty of the CSTO countries, and dealing with the large-scale crisis situations. In June 2009, the Presidents of Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia and Tajikistan signed an agreement on the establishment of CRRF. Uzbekistan expressed its special position on a number of provisions, and official Minsk joined the agreement on October 20, 2009. The final phase of the CSTO CRRF military training took place on October 16, 2009 at the Matybulak firing range in southern Kazakhstan. The process of reforming the Central Asian Collective Rapid Deployment Forces (CRDF), set up in 2001, began.

Having realized the degree of threat from the CIS leader, the Georgian government made a decision that further participation in this international structure would be inappropriate. On August 18, 2009, Georgia officially withdrew from the CIS. On January 22, 2010, by leaving the CIS Inter-Parliamentary Assembly, the state irrevocably broke off relations with the organization [3]. In its foreign policy Georgia almost completely reoriented to the Western powers.

The CSTO nowadays can be regarded as the most significant multilateral defence organization in the former Soviet Union area. The organization supports arms sales and manufacturing as well as military training and exercises between its members. It also coordinates efforts in fighting the illegal circulation of weapons and has developed law enforcement training for its members in this respect. The organization platform is used to counter cyber warfare, drugs trafficking, transnational crime and terrorism.

Similar to NATO, formally the CSTO ensures the collective defence for all its member-states. However, the organization is still overwhelmingly dominated by Russia as it is strongly reliant on Moscow's military power. Notwithstanding the fact that CSTO nominally provides equal standing to all member states, it is clearly conceived by Russia as a tool for projecting its power regionally.

Moreover, the bloc is considerably wrought with tensions. The relations between the CSTO members are still very much complicated. Thus, probably due to the fear, that the organization forces could be used for resolving internal conflicts [6], Uzbekistan again withdrew from the organization in 2012. The position of Belarus on the CSTO activities remains rather ambiguous. A. Lukashenko in his public addresses has frequently stressed that Minsk

considers the CSTO not as a military bloc, but as "an international regional organization dealing with a wide range of security issues". Already in 2016, the Belarusian new Military Doctrine envisaged the use of its armed forces exceptionally within its territories [2]. Therefore, the CRRF Agreement fulfilment was called into question. However, in 2017, the Belarusian President stated that his country is interested in further CSTO strengthening and attaches special importance to the organization's work effectiveness [7], especially in the context of security threats in the region, related to the conflict in Ukraine.

Russia's illegal occupation and further annexation of Crimea in 2014 and the war provoked by Russia in eastern Ukraine, significantly increased the activities of the CSTO. In particular, it was due to a considerable deterioration of relations between the Western powers and the Kremlin.

Since 2014, the official Kyiv has not participated in the CIS activities. On March 19 2014, Ukraine, which had a status of a founding-country and the CIS participant, ceased its presidency in the organization, withdrew from a number of agreements and continued to cooperate with all the member states, except Russia. On May 19, 2018, P. Poroshenko implemented a decree of the National Security and Defense Council of Ukraine to terminate the country's participation in the work of the statutory bodies of the CIS [9]. Along with the national armed forces strengthening, a significant activation of the state's activities became obvious in direction of a military cooperation with the NATO member states.

The current confrontation between NATO and CSTO took the form of numerous joint military trainings and instruction carried out by both blocs. The NATO military activities in Eastern Europe notably increased. According to the Defence Minister of Russia Sergei Shoigu, the number of NATO military contingents in Romania, Poland and the Baltic States increased by 13 times in 2015 [7]. The CSTO nowadays encloses four types of collective forces: two regional groups ("Russia-Belarus" and "Russia-Armenia"; CRDF for Central Asia; CRRF and a collective peacekeeping force. Joint military exercises are regularly conducted in different CSTO member-states.

Russia's military cooperation with the CIS member states is aimed at securing its long-term interests in the region and is regarded as one of the main areas of foreign-policy activities. A number of subjective and objective factors, which occur both inside and outside the CIS, have largely affected and continue to affect the scale, substance, nature and content of Russia's military and military-political cooperation with the CIS countries. Russian dominance of the CSTO not only weakens the organization's legitimacy globally, it also presents a foreign policy challenge as Russian aims do not always align with other CSTO members' interests.

References:

1. Бугрій, М. Україна – СНД / М. Бугрій // Українська призма: співпраця України з міжнародними організаціями. – Київ : Friedrich Ebert Stiftung, 2014. – 210 с.

2. Военная доктрина Республики Беларусь 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belvpo.com/72713.html/. – Дата доступа: 09.01.2020.

3. Грузія остаточно розірвала відносини з СНД виходом з Міжпарламентської асамблеї Співдружності [Електронний ресурс]. – 22.10.2010. – Режим доступу: https://tsn.ua/svit/gruziya-ostatochno-viishla-z-snd.html. – Дата доступу: 11.01.2019.

4. Концепция внешней политики Российской Федерации, 15 июля 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/news/785. – Дата доступа: 21.02.2012.

5. Ляшук, Ю. Бухарестский саммит НАТО и трансформация альянса [Электронный ресурс] / Ю. Ляшук // Журнал международного права и международных отношений. – 2008. – № 2. – Режим доступа: http://www.evolutio.info/content/view/1404/232/. – Дата доступа: 01.02.2019.

6. О мотивах выхода Узбекистана из ОДКБ рассказал эксперт [Электронный ресурс]. – 05.11.2013. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/sng/o-motivah-vyihoda-uzbekistana-iz-odkb-rasskazal-ekspert-244927/. – Дата доступа: 01.03.2020.

7. Озимко, К. Беларусь заинтересована в сильной ОДКБ [Электронный ресурс] / К. Озимко // Евразия Эксперт. – 27.06.2017. – Режим доступа: http://eurasia.expert/belarus-zainteresovana-v-silnoy-odkb/. – Дата доступа: 12.04.2020.

8. Соловьев, В. Организация антинатовского договора: Москва готовит ОДКБ к противостоянию с Западом [Электронный ресурс] / В. Соловьев // Коммерсантъ. – 06.09.2008. – № 160. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/1022544. – Дата доступа: 07.03.2019.

9. Україна фактично вийшла з СНД – МЗС [Електронний ресурс]. – 13.02.2019. – Режим доступу: https://zik.ua/news/2019/02/12/ukraina_vyyshla_z_snd_1508641. – Дата доступу: 13.04.2020.

10. Shchedrov, O. Russia Army Vows Steps if Georgia and Ukraine Join NATO [Electronic resource] / O. Shchedrov, C. Lowe // Reuters. – Mode of access: https://www.reuters.com/article/us-russia-nato-steps/russia-army-vows-steps-if-georgia-and-ukraine-join-nato-idUSL1143027920080411. – Date of access: 05.03.2020.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Д.А. Белащенко, Ю.С. Сюзева (Нижний Новгород)

Вопрос статуса Донецкой (ДНР) и Луганской (ЛНР) народных республик является одной из наиболее актуальных тем в повестке дня международного сообщества с момента эскалации украинского кризиса в 2014 году. Стоит отметить, что данные территории так и не были признаны ни одним государством-членом ООН. По состоянию на 2020 год, только Южная Осетия выступила с признанием независимости ДНР и ЛНР, сама находящаяся в статусе частично признанного государства.

Украина не признает независимость республик и рассматривает данные территории как сепаратистские, находящиеся под управлением марионеточных правительств. Конечно, стоит подчеркнуть, что украинские власти

считают главным организатором происходящего Российскую Федерацию, расценивая действия властей России по отношению к ДНР и ЛНР как часть гибридной войны, направленной против территориальной целостности Украины. Следовательно, согласно законодательству Украины, территории республик считаются временно оккупированными Российской Федерацией.

Тем не менее существует международный правовой базис, опираясь на который мы имеем возможность разобраться в сути вопроса и вывести основополагающие факторы легитимности процессов, происходящих в ДНР и ЛНР. Минские договоренности 2014–2015 годов являются одним из таких факторов, позволяющих нам продвигать идею правомочности претензий ДНР и ЛНР на обретение международно-правового статуса. Кроме того, согласно Минским договоренностям, Украина должна признать особый статус ДНР и ЛНР посредством создания отдельной правосубъектности данных территорий в своей законодательной базе.

Говоря о международном праве в контексте признания ДНР и ЛНР, стоит, в первую очередь, обратиться к основополагающему международному документу, а именно к Уставу Организации Объединенных Наций. В тексте Устава указываются принципы и нормы, регулирующие такие вопросы, как принцип самоопределения народов и принцип территориальной целостности государства [8]. В случае ДНР и ЛНР принципы, указанные в Уставе ООН, играют решающую роль в признании правомочности республик как субъектов международного права.

Как отмечает российский дипломат и правовед В.С. Котляр, вопросы международно-правовой коллизии между правом на самоопределение народов и принципом территориальной целостности были решены в рамках международных правовых конференций. Согласно выводам, принятым на данных конференциях, выход ДНР и ЛНР является легитимным ввиду того, что на момент государственного переворота и установления нового правительства права и интересы народов, проживающих на данной территории, по сути, оказались неучтенными материнским государством, что законодательно «развязало» руки властям ДНР и ЛНР [3].

Помимо этого, стоит дополнительно отразить ряд международно-правовых документов, регулирующих вопросы самоопределения народов. К ним мы можем отнести «Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 года» [4], «Венскую декларацию и Программу действий Всемирной конференции ООН по правам человека от 25 июня 1993 года» [1] и др. Особую роль в вопросе реализации прав жителей ДНР и ЛНР играет Декларация ООН о правах коренных народов, утвержденная Генеральной Ассамблеей ООН в 2007 году [2], так как она защищает права русскоязычного населения данных территорий.

Говоря о международной правосубъектности народов ДНР и ЛНР, необходимо понять, что подразумевает под собой принцип самоопределения народов. Прежде всего, он зиждется на основополагающей установке

свободного выбора пути развития своего народа в политическом, экономическом и социокультурном плане. Правомочность также является одним из столпов права на самоопределение народа, что подразумевает обеспечение конституционного правопорядка и защиту прав населения, проживающего на данной территории.

Несмотря на то, что многие аспекты проблемы самоопределения нуждаются в детальной проработке и дополнении, в целом, мы можем заявить, что с точки зрения международного права вопрос о самоопределении Донецкой и Луганской республик является законным. Что касается доработки международно-правовых положений, регулирующих проблематику самоопределения народов, стоит определить четкие институциональные и теоретические границы между понятием «самоопределение» и «сепаратизм». В случае с ДНР и ЛНР, ввиду большого количества международных акторов, продвигающих противоположные взгляды на ситуацию в рамках украинского кризиса, корректность и точность формулировок в международном законодательстве сыграли бы одну из решающих ролей в разрешении конфликта.

В то же время можно обосновать легитимность проводимого властями ДНР и ЛНР курса, тем, что, как говорилось ранее, все притязания Украины на данные территории являются по своей сути незаконными, так как в период образования республик власть в Киеве не являлась законной, а была провозглашена путем государственного переворота [6, с. 22]. Фактически можно говорить о том, что образование ДНР и ЛНР в какой-то степени является попыткой создания своего рода «фронта национального освобождения», борющегося за сохранение конституционного строя в стране.

Кроме того, с учетом объективных факторов политической среды, образовавшейся в Украине после переворота 2014 года, можно также говорить и о нарушении суверенитета страны третьими странами и международными организациями. В данном случае внимание акцентируется на методах внешнего (преимущественно западного) воздействия на внутреннюю политику и политические элиты страны, поэтому возникают сомнения относительно легитимности украинской власти периода президентства П.А. Порошенко по отношению к ДНР и ЛНР ввиду невозможности проведения самостоятельной внутренней политики.

Не секретом является тот факт, что США и страны ЕС, во многом, определяют векторы внутренней и внешней политики Украины. В первую очередь, руководство страны попало в ситуацию экономической зависимости [6, с. 21]. Кредиты МВФ, необходимость обеспечения за счет зарубежных поставок, финансирование неэффективных секторов экономики – вот факторы, свидетельствующие о том, что современная Украина испытывает существенные трудности в проведении самостоятельной политику.

Кроме того, не стоит забывать о подписании Соглашения об ассоциации Украины и Европейского союза в 2014 году. С одной стороны, данный документ можно рассматривать как шаг к вступлению в состав ЕС,

а с другой, ассоциация подразумевает, что государство добровольно принимает ряд односторонних условий и ограничений для собственной экономики и внутренней политики [8].

Говоря об оправданности претензий ДНР и ЛНР на суверенитет и опираясь на международное право, мы можем утверждать, что статус республик определен, так как формально соблюдены все правила и фактические признаки обладания суверенитетом, такие как: самостоятельность власти, независимый бюджет, государственная атрибутика (флаг, гимн и т.д.), наличие государственного языка и т.д. [5].

В то же время в международной практике признания существует так называемая «доктрина международного признания Тобара» [6, с. 23], основанная на том, что государство может считаться признанным только в том случае, если его признают другие субъекты международного права. Данная доктрина является ведущей во внешнеполитической практике США. Но в противовес ей стоит отметить, что в тот момент, когда ДНР и ЛНР признали независимость друг друга в мае 2015 года и стали соучредителями конфедеративного межгосударственного союза «Новороссия», они тем самым создали новый субъект международного права. И в то же время, признавая независимость друг друга и подписывая соглашение о создании конфедерации, ДНР и ЛНР выступили в роли волеизъявителей народов, населяющих данные территории, тем самым только укрепив свое положение на международной арене. Создание конфедерации двумя суверенными государствами переносит их в область международного права, создавая тем самым прецедент, в котором происходит «признание» всех элементов и факторов, участвующих в данном процессе.

Несмотря на то, что вопрос о признании конфедерации, созданной двумя формально непризнанными государствами, но обладающими суверенитетом, остается открытым в рамках мирового юридического сообщества, отсутствие в международной практике ограничивающих данные действия мер дает возможность обоснования правосубъектности ДНР и ЛНР. Следовательно, мы можем заключить, что на современном историческом этапе, в условиях манипулирования нормами международного права, вопрос о признании остается одним из наиболее острых. Но в то же время в случае с ДНР и ЛНР данная международно-правовая неопределенность играет роль гаранта суверенитета республик в нынешних обстоятельствах.

Источники и литература:

1. Венская декларация и Программа действий [Электронный ресурс] : [принята в г. Вене, 25.06.1993 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.html. – Дата доступа: 13.04.2020.

2. Декларация ООН о правах коренных народов [Электронный ресурс] : [принята в г. Нью-Йорке, 13.09.2007 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим

доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml. – Дата доступа: 13.04.2020.

3. Котляр, В.С. К вопросу о «гибридной войне» и о том, кто же ее ведет на Украине [Электронный ресурс] / В.С. Котляр // Международная жизнь. – 2015. – № 8. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1350. – Дата доступа: 13.04.2020.

4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] : [принят резолюцией 2200 (XXI) Генер. Ассамблеи ООН, 16.12.1966] // КонсультантПлюс. Россия. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/. – Дата доступа: 13.04.2020.

5. Михалева, Г.М. Государства «де-факто». Как сложилась судьба непризнанных республик на постссср? [Электронный ресурс] // Экспертная группа «Европейский диалог». – Режим доступа: http://www.eedialog.org/ru/2018/01/15/de-fakto-gosudarstva-na-territorii-sssr-tranzit-bez-mezhdunarodnogo-priznaniya/. – Дата доступа: 13.04.2020.

6. Ступаков, Н.В. Применение современных доктрин признания международной правосубъектности государств в согласительных (мирных) процедурах урегулирования конфликта Украины с ДНР и ЛНР [Электронный ресурс] / Н.В. Ступаков // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2015. – № 3(4). – С. 17–27. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sovremennyh-doktrin-priznaniya-mezhdunarodnoy-pravosubektnosti-gosudarstv-v-soglasitelnyh-mirnyh-protsedurah. – Дата доступа: 13.04.2020.

7. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда [Электронный ресурс] : [подписан в г. Сан-Франциско, 26.06.1945 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html. – Дата доступа: 13.04.2020.

8. Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони [Електронний ресурс] // Верховная Рада Украины. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/984_a11. – Дата доступу: 13.04.2020.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А.И. Ладыга (Луганск), В.С. Севрюк (Москва)

Информационное изобилие, появившееся в результате процесса глобальной информатизации, показало необходимость контролировать информационные потоки внутри государства. В условиях конфликтов, которые ведутся на данный момент, информационное противостояние заняло особое место. Этот процесс вынуждает страны мира с каждым годом совершенствовать политику касательно информационной безопасности. Поэтому контроль государства в сфере информации – одна из важнейших задач.

Вследствие кризиса российско-украинские отношения претерпели крайне негативные изменения. На данный момент за РФ закреплён один из главных антагонистических образов для Украины, что наложило отпечаток в процессе трансформации информационной безопасности.

Для того чтобы увидеть как накал отношений между странами повлиял на эволюцию политики информационной безопасности Украины, необходимо проследить, какие трансформации произошли в сфере законодательства Украины на примере Доктрины информационной безопасности и какие реформы произошли в области исполнительной власти.

В российской историографии исследования затрагивали данную тему достаточно поверхностно, поэтому в рамках данной проблемы необходимо обратиться к работам украинских авторов: Д. Безуглого [9], У. Ильницкой [10], Е. Мануйлова и Е. Прудниковой [11].

Также в ходе исследования было необходимо использовать ряд документов, опубликованных на сайтах Верховной Рады Украины и СНБО: Доктрина информационной безопасности Украины за 2009 г. [7] и 2017 г. [8], Решения СНБО Украины о применения специальных экономических и прочих ограничительных мер (санкций) [5; 6] и приложения к ним [1; 2].

После накала российско-украинских отношений информационная политика Украины изменилась в сторону обеспечения информационной безопасности и информационного суверенитета, что с точки зрения украинского научного сообщества и политической элиты стало фактором сохранения национальной идентичности Украины и функционирования ее как суверенного и независимого государства [10, с. 28].

Основополагающим документом в вопросе регламентации информационной безопасности является Доктрина информационной безопасности Украины (далее – Доктрина). Первый вариант Доктрины был утверждён 8.07.2009. указом президента В.А. Ющенко [7]. В нём содержались достаточно обобщённые принципы: защита государства в информационном пространстве, противодействие дезинформации и т.д. В Доктрине 2009 года отсутствовала конкретизация каких-либо угроз или вызовов для Украины, угрозы не персонализировались и несли синтетический характер. Доктрина, принятая 13 октября 2017 г. имеет большие отличия от предшествующей редакции [8]. Стоит учитывать, что её разработка велась после прихода к власти П.А. Порошенко, начала войны на Донбассе и в условиях крайней нестабильности в украино-российских отношениях. Эти реалии были ключевым звеном в формировании информационной повестки, что спровоцировало появление государства-антагониста в лице РФ. Как следствие эти условия установили определённую тенденцию в системе законодательства Украины, которая в том числе затронула информационную безопасность страны.

В первом параграфе «Общие положения» определяется общий характер документа: «Применение Российской Федерацией технологий гибридной войны против Украины превратило информационную сферу в ключевую арену противостояния…» [8]. Данный пункт утверждает линию сопротивления российскому антагонизму в качестве базиса для Доктрины, что видно и в параграфе «Цель и принципы Доктрины». В данном пункте указывается, что конфронтация между странами вышла на новый качественный уровень,

и несёт гибридный характер «…в первую очередь касательно противодействия разрушительному информационному влиянию Российской Федерации в условиях развязанной ей гибридной войны» [8].

Вопрос национальных интересов в информационной сфере также подвергся влиянию данной тенденции: «Жизненно важные интересы общества и государства: защита украинского общества от агрессивного влияния деструктивной пропаганды, прежде всего Российской Федерации» [8]. Это показывает, что общественный и государственный уровни в данном случае также направлены на противодействие главному антагонисту.

Отдельным параграфом в Доктрине выделены «Актуальные угрозы национальным интересам и национальной безопасности Украины в информационной сфере», подчёркнута проблема «доминирования страны-агрессора на временно оккупированных территориях» [8]. В данном случае выражена актуальная для Украины проблема выпавших из зоны влияния украинского информполя ОРДЛО и Республики Крым, на территории которых свободно действуют российские СМИ. Таким образом, мы видим, что кризис отношений между Украиной и РФ стал основополагающим звеном при создании новой Доктрины. Это фактически ангажирует законодательный документ, концентрируя его в поле единственной угрозы.

В период 2017–2018 гг. одним из шагов со стороны украинского правительства было введение санкций против ряда российских IT-компаний [5; 6]. В санкционный список попали: ООО «Доктор Вэб», Акционерное общество «Лаборатория Касперского», ООО «Яндекс» и Акционерное общество Mail.ru group, были заблокированы сервисы Вконтакте, Одноклассники, WebMoney и т.д. Компаниям, попавшим под действие санкций, запретили вести любую деятельность на территории Украины, их счета были заблокированы, а украинским провайдерам запрещалось предоставлять доступ к их сайтам [7].

Помимо IT-компаний решением СНБО Украины от 2 мая 2018 года под санкции попали российские теле- и радиоканалы с «ограничением или прекращением предоставления телекоммуникационных услуг…» [8].

Фактически данный процесс является радикальным информационным протекционизмом. Данная мера решила вопрос деятельности российских СМИ в граничащих с РФ областях Украины, практически создав монополию украинскому сегменту СМИ. С помощью этого шага была создана площадка для комплексной работы с личностным и общественным уровнями информационной безопасности. Стоит отметить, что дискуссии о проблеме доминирования иностранных СМИ в Украине велись ещё при президенте В.А. Ющенко, что стало одной из причин создания Доктрины в 2009 году.

В Украине действует ряд органов исполнительной власти, задействованных в сфере информационной безопасности. В целом созданные структуры комплексно или фрагментарно охватывают разные уровни информационной безопасности. В 2014 году было принято решение о создании

специального исполнительного органа, который занимался бы вопросами информационной политики и безопасности Украины. Таким образом, 14.01.2015 г. утвердили создание Министерства информационной политики Украины [4]. В задачи министерства входили: 1) Обеспечение формирования и реализация государственной политики в сферах информационного суверенитета Украины и информационной безопасности; 2) защита информационного пространства Украины от внешнего информационного влияния; 3) нормативно-правовое регулирование в сфере обеспечения информационного суверенитета Украины; 4) обеспечение информационной реинтеграции временно оккупированной территории АР Крым, ОРДЛО и т.д. [3].

Таким образом, фактор напряженности в украино-российских отношениях и внутренняя нестабильность в Украине стали толчком для реформирования законодательной базы в данной сфере и укреплению национального сегмента в информационном поле, информационного протекционизма и развития законодательства в данной сфере. Однако данное развитие было скорректировано общим внешнеполитическим курсом Украины, что можно увидеть в основных положениях Доктрины. Это делает информационную безопасность Украины далекой от совершенства в виду ангажированности её правовой базы с прицелом на единого «противника».

Источники и литература:

1. Додаток 2 до рішення Ради національної безпеки і оборони України від «28» квітня 2017 року «Про застосування персональних спеціальних економічних та інших обмежувальних заходів (санкцій)» [Електронний ресурс] // Сайт Ради національної безпеки і оборони України. – Режим доступу: https://www.rnbo.gov.ua/files/2017/Yur_osob.pdf. – Дата доступу: 05.04.2020.

2. Додаток 2 до рішення Ради національної безпеки і оборони України від 2 травня 2018 року «Про застосування та скасування персональних спеціальних економічних та інших обмежувальних заходів (санкцій)» [Електронний ресурс] // Сайт Ради національної безпеки і оборони України. – Режим доступу: https://www.rnbo.gov.ua/files/2018/dodatok_2_126.pdf. – Дата доступу: 05.04.2020.

3. Загальна інформація [Електронний ресурс] // Сайт Міністерства інформаційної політики України. – Режим доступу: https://mip.gov.ua/content/pro-ministerstvo.html. – Дата доступу: 30.03.2020.

4. Постанова Кабінету Міністрів України від 14 січня 2015 року № 2 «Питання діяльності Міністерства інформаційної політики України» [Електронний ресурс] // Сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2-2015-%D0%BF. – Дата доступу: 30.03.2020.

5. Рішення РНБО Про застосування та скасування персональних спеціальних економічних та інших обмежувальних заходів (санкцій) від 2 квітня 2017 року [Електронний ресурс] // Сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/n0004525-17. – Дата доступу: 05.04.2020.

6. Рішення РНБО Про застосування та скасування персональних спеціальних економічних та інших обмежувальних заходів (санкцій) від 2 травня 2018 року [Електронний ресурс] // Сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/n0006525-18. – Дата доступу: 05.04.2020.

7. Указ Президента України № 514/2009 «Про Доктрину інформаційної безпеки України» [Електронний ресурс] // Сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/514/2009. – Дата доступу: 05.04.2020.

8. Указ Президента України №47/2017 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 29 грудня 2016 року «Про Доктрину інформаційної безпеки України» [Електронний ресурс] // Сайт Верховной Рады Украины. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/47/2017. – Дата доступу: 05.04.2020.

9. Безуглий, Д.С. Інформаційна безпека України: огляд останніх тенденцій / Д.С. Безуглый // ФМО. – 2018. – № 2 (16). – С. 13–16.

10. Ільницька, У. Інформаційна безпека України: сучасні виклики, загрози та механізми протидії негативним інформаційно-психологічним впливам / У. Ільницька // Humanitarian vision. – 2016. – Vol. 2, №. 1. – С. 27–32.

11. Мануйлов, Є.М. Інформаційно-культурна безпека України в умовах «Гібридної війни» / Є.М. Мануйлов, О.В. Прудникова // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2017. – № 32. – С. 26–34.

ПОЗИЦИИ РФ НА ЮЖНОКАВКАЗСКОМ ТРЕКЕ В XXI ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ)

А.И. Ладыга (Луганск), А.А. Шутова (Москва)

Южный Кавказ является зоной повышенной конфликтогенности, обусловленной рядом причин, возникших на почве разнообразных региональных проблем. На данный момент, Южный Кавказ является одним из приоритетных направлений во внешней политике Российской Федерации. Прежде всего, это обуславливается географическим положением Южного Кавказа, ментальной близостью, общей историей, богатыми энергоресурсами, этнонациональным и конфессиональным многообразием среди населения региона.

Цель работы – анализ политики РФ на Южном Кавказе. Внимание уделяется роли НАТО в регионе, что дает основу для понимания сложившейся осложненной геополитической ситуации на Южном Кавказе.

Данная тема представлена в научных исследованиях А. Иванова [1], К. Марабяна [2], М. Шабанова [4] и других.

Исторически сложилось, что территория Закавказья была межрегиональным перекрестком и важным стратегическим пунктом, являясь связующим звеном между Европой и Азией. Кавказ стал ареной острых геополитических столкновений по причине стремления геополитических игроков контролировать маршруты транспортировки каспийской нефти. Заменить транспортные коммуникации России через северокавказские республики крайне сложно. Желание вытеснить Россию из региона стало причиной активности конкурентов РФ на данной территории – создать более дешевые транзитные проекты, чем российские магистрали для транспортировки сырья из Азии в Европу и Америку [2].

Особенность региона заключается в национальном и этноконфессиональном многообразии населения, что стало важнейшей предпосылкой для ряда конфликтов – абхазский, осетинский, нагорно-карабахский конфликты привели к территориальным спорам и продемонстрировали крайнюю нестабильность региона. В силу данных неурегулированных политических вопросов в регионе сложилась неблагоприятная экономическая обстановка**,** имеется высокий уровень безработицы, наблюдается отток коренного населения из региона и сохраняется потенциальная угроза начала открытого противостояния.

Для России Закавказье играет важную роль в рамках обеспечения национальной безопасности в виду географической близости региона с Северным Кавказом. В связи с этноконфессиональным и национальным многообразием населения северокавказского региона, данные территории являются дестабилизирующими и взрывоопасными на юге РФ. Стабильность на Северном Кавказе зависит от ситуации на Южном Кавказе, что объясняет важность контроля над Закавказьем для России. Помимо этого, еще одной проблемой региона является мусульманский радикализм, представители которого рассматривают территорию России как плацдарм для распространения своей деятельности.

Также южнокавказский регион важен для России ввиду транзитного коридора «Север-Юг», связывающего Индию, ИРИ, РФ через Южный Кавказ. В 2015 году товарный рынок транспортного коридора оценивался примерно в 25 млн тонн с увеличением на будущее, что позитивно сказывается на экономике России [7].

Южнокавказский регион очень богат на энергетические ресурсы, что делает его выгодным вариантом для добычи сырья и организации международных транзитных путей транспортировки энергоресурсов в Европу. Реализацией таких планов стал проект «TRACECA», транспортный коридор «Европа-Кавказ-Азия», по которому транспортировка сырья является более выгодной и менее затратной в сравнении с российскими транзитными путями [13]. В связи с этим, укрепление позиций в регионе, а, следовательно, и контроль над энергетическими ресурсами региона и несколькими международными транзитными путями увеличит энергетическую зависимость стран Европы от России.

Однако позиции России в регионе ухудшаются в связи с неурегулированными отношениями с Грузией. Российско-армянские отношения отличаются стабильностью и носят статус стратегического партнерства, поскольку с Арменией у РФ наиболее развито сотрудничество по все направлениям. Азербайджан имеет тесные связи с Турцией, являясь стратегически важной территорией для Анкары по причине коммуникации с государствами Центральной Азии, все же сохраняет стабильные отношения с РФ в рамках торговой и энергетической политики [3]. Если диалог этих двух

государств Южного Кавказа с Россией налажен, то отношения России и Грузии характеризуются как нестабильные и хрупкие.

Обострение отношений наметилось в 2004 году с начала правления М. Саакашвили, когда лидер Грузии взял курс на интеграцию государства с НАТО, поддержав операцию Северно-Атлантического Альянса в Афганистане и выслав от лица Грузии пехотный батальон [11]. Прозападная позиция М. Саакашвили отрицательно влияла на отношения с Москвой, однако крайней точкой стал судебный процесс 2006 года в Тбилиси по делу российских военнослужащих, обвиненных в шпионаже [12]. После этого, Москва ввела эмбарго на грузинские товары, закрыла транспортное сообщение, что отрицательно сказалось на экономике Грузии.

Итогом грузино-южноосетинского конфликта стала война 2008 года, где Россия выступила на стороне Осетии, обосновав свои действия как защиту русскоязычного населения Южной Осетии от вооруженной агрессии Грузии. Итогом военных действий стало признание независимости Москвой Абхазии и Южной Осетии [6] и разрыв дипломатических отношений с Тбилиси [8].

В 2012 году партия Саакашвили «Единое национальное движение» проиграла на выборах партии «Грузинская мечта – Демократическая Грузия», после чего диалог с Москвой перешел в новую фазу. В 2014 году было разрешено авиасообщение и отменено эмбарго со стороны России, однако на фоне антироссийских выступлений в Грузии летом 2019 года, отношения государств вновь обострились. Протестные выступления были направлены против участия российских представителей в сессии Межпарламентской ассамблеи православия [10]. В результате, авиасообщение между странами было закрыто по инициативе российской стороны, а также были ограничены поставки продовольствия.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, ухудшение торговли отрицательно сказывается на экономиках обеих государств, ввиду чего было принято решение о сохранении прежних торгово-экономических связей. Показатели с каждым годом увеличиваются: торговый оборот между Грузией и РФ увеличился на 25% и составил 1,355 миллиард долларов в 2018 году по сравнению с 2017 [9]. Основными товарами на российско-грузинском рынке являются транспортные средства, сельскохозяйственные и продовольственные товары, химическая продукция. Также, РФ является крупным поставщиком энергетического сырья – за первую половину 2019 года в Грузию поставили около 130 тыс. тонн нефтепродуктов [9].

Основной угрозой для стабильного присутствия России на Кавказе является расширение НАТО на восток. Расширение Альянса на территории Закавказья означает создание системы коллективной безопасности без участия РФ. Грузия открыто заявляет о намерении вступить в НАТО, что отрицательно характеризуется Москвой. В ноябре 2018 года в Брюсселе был заключен договор между Грузией и США на совместное строительство логистического

центра НАТО [5]. Появление члена НАТО во взрывоопасном регионе может фатально сказаться на территориальных конфликтах в Грузии, что может привести к военным действиям, где Россия примет сторону непризнанных территорий и перейдет в военный конфликт с НАТО. Американская политика в Грузии, проводимая через структуры НАТО, направлена на укрепление своих позиций и вытеснение РФ из региона. На данный момент, РФ не сдерживает в должной мере расширение Альянса на кавказских территориях, реагируя лишь на последствия уже совершенных действий.

Таким образом, для стабильного существования в регионе и противодействия политике НАТО России необходимо перейти к превентивной дипломатии по отношению к НАТО и США, разработать систему упреждающих действий и выстроить грамотную политику с Вашингтоном. Только в случае активных политических шагов России, направленных на укрепление своих позиций в регионе и создание прочной системы региональной безопасности, расширение НАТО на территории Кавказа будет остановлено, а ситуация на Южном Кавказе стабилизирована.

Источники и литература:

1. Иванов, А.Г. Политика России на Южном Кавказе в контексте проблем международной безопасности / А.Г. Иванов // ИСОМ. – 2012. – № 6. – С. 35–39.

2. Марабян, К.П. Современная политика России на Южном Кавказе / К.П. Марабян // Вестник МГИМО. – 2014. – № 4 (37). – С. 92–97.

3. Пестрецов, А.Р. Азербайджано-турецкие отношения: достижения и проблемы / А.Р. Пестрецов, И.М. Бабиров // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2017. – № 1 (41). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/azerbaydzhano-turetskie otnosheniya-dostizheniya-i-problemy. – Дата доступа: 10.04.2020.

4. Шабанов, М. Южный Кавказ во внешней политике России. Коммуникативный анализ / М. Шабанов // Коммуникология. – 2016. – № 2. – С. 80–84.

5. Бывшая военная база России превратится в логистический центр НАТО [Электронный ресурс] // КОММЕРСАНТЪ. – 13.11.2018. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3798832?from=doc_vrez. – Дата доступа: 10.04.2020.

6. Куда идут Абхазия и Южная Осетия: 10 лет свободы [Электронный ресурс] // ГАЗЕТА.RU. – 26.08.2018. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2018/08/26_a_11925157.shtml. – Дата доступа: 11.04.2020.

7. Международный транспортный коридор «Север – Юг» [Электронный ресурс] // Сайт Министерства Иностранных Дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/economic_diplomacy/ism_communication/-/asset_publisher/fajfwCb4PqDA/content/id/2510952. – Дата доступа: 11.04.2020.

8. МИД Грузии официально уведомил Россию о прекращении дипотношений [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. – 02.09.2008. – Режим доступа: https://ria.ru/20080902/150901308.html. – Дата доступа: 10.04.2020.

9. Отношения России и Грузии [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. – 08.07.2019. – Режим доступа: https://ria.ru/20190708/1556327121.html. – Дата доступа: 11.04.2020.

10. Протесты в Тбилиси: горячее лето 2019 [Электронный ресурс] // СПУТНИК. – 2019. – 18 сентября. – Режим доступа: https://sputnik-georgia.ru/trend/protest-tbilisi/. – Дата доступа: 11.04.2020.
11. Саакашвили о миссии грузинских военных в Афганистане [Электронный ресурс] // civil.ge. – 27.09.2007. – Режим доступа: https://civil.ge/ru/archives/170264. – Дата доступа: 10.04.2020.
12. Суд Тбилиси приговорил четверых россиян к 2 месяцам заключения [Электронный ресурс] // РБК. – 2006. – 29 сентября. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/29/09/2006/5703bcbf9a7947afa08cac38. – Дата доступа: 10.04.2020.
13. TRACECA [Электронный ресурс] // Сайт межправительственной комиссии TRACECA. – Режим доступа: http://www.traceca-org.org/ru/traseka/. – Дата доступа: 11.04.2020.

ПОЗИЦИЯ И РОЛЬ ИЗРАИЛЯ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ

В.С. Христофоров, В.С. Севрюк (Москва)

С 2011 г. в Сирии не прекращается внутриполитический кризис, переросший в военный конфликт, в который со временем втягивалось все больше посторонних акторов. Среди участников боевых действий есть стороны, крайне агрессивно настроенные по отношению к Израилю. Учитывая колоссальную концентрацию антиизраильски настроенных игроков, правительство Израиля просто не могло оставить в стороне вопрос о позиции своей страны в конфронтации.

С целью большего понимания ситуации на сирийском треке необходимо провести анализ того, какую роль и позицию занимает Израиль в конфликте. Для этого также нужно выделить основные исторические особенности отношений Израиля и Сирии и роль внешних игроков в конфликте как одного из основных факторов в формировании позиции Израиля на сирийском треке.

В ходе работы были проанализированы результаты исследований следующих авторов: Е. С. Васецовой [1], С. М. Иванова [2], Е. В. Мартыненко [3]. Также были использованы записи выступлений Президента Израиля [10], новостные материалы BBC [7; 8; 9], The Jerusalem Post [11], Reuters [12] и т.д.

В первую очередь стоит учитывать историю взаимоотношений Израиля и САР. С момента своего создания Израиль играет важную роль на ближневосточном треке. За семьдесят лет своего существования государство прошло через ряд полномасштабных войн и множество военных операций против арабских радикалов, обещавших «скинуть евреев в море». Среди стран, которые вели боевые действия под таким лозунгом, была и Сирия. Кроме того, в ходе Шестидневной войны 1967 г. Израиль занял Голанские высоты, ранее принадлежавшие Сирии. С тех пор этот

территориальный вопрос стал главным между странами. Также САР находится в зоне интересов Ирана – одного из ключевых игроков, ведущего активную антиизраильскую политику.

Фактически Израиль не является стороной конфликта, избегая прямого втягивания государства в сирийскую конфронтацию. Но полное отчуждение от событий внутри страны-соседа невозможно. Несмотря на неопределенность сирийско-израильских границ и отсутствие прямых военных столкновений с правительственными силами на территории Голан, ситуация в САР много раз вызывала опасение у израильского политического истеблишмента [1, с. 8].

В 2015 г. израильский премьер-министр Б. Нетаньяху принял участие в международном форуме Сабана, где затронул тему роли Израиля в Сирийском конфликте, а также позиции своего государства относительно стран-участниц конфликта. По его словам, основным принципом, которым руководствуется правительство Израиля, является невмешательство, но с учетом ряда оговорок: «Израильская, и моя собственная позиция всегда была ясна – невмешательство <…> Тем не менее, моя политика невмешательства предусматривает два исключения. Первое из них – гуманитарное. Мы были в числе первых стран, предложивших Сирии гуманитарную помощь» [10]. По факту это заявление служит отражением основных вех для внешнеполитических действий касательно дел в Сирии.

С самого начала военных действий в Сирии на территории Голанских высот и Хайфы были развернуты специальные полевые госпитали, а все близлежащие больницы принимали каждого сирийца, обратившегося за помощью [9]. На момент 2017 г. более 3 тыс. сирийцев получили доступ к медицинской помощи, что, по словам министра обороны Израиля А. Либермана, создает позитивный образ Израиля среди местного населения и подчеркивает его позицию как добрососедской страны: «Они понимают, что лучшим соседом для них является Израиль. Я не скрываю это; мы помогали в прошлом и продолжаем помогать» [11].

При этом в адрес Израиля поступали множественные обвинения в отношении поставок оружия террористам и оппозиционным силам в САР [4]. Однако А. Либерман подчеркивал, что «повстанцы не наши друзья, они все версия Аль-Каеды» [11], обозначив тем самым антагонистический образ ССА.

Особо остро стоит вопрос участия Ирана в сирийском кризисе. Давний соперник Израиля является одним из главных претендентов на региональное доминирование, что тем самым представляет прямую угрозу для Государства Израиль. В качестве примера стоит выделить заявление Нетаньяху на форуме Сабана: «Разница между ИГИЛ и Ираном лишь в том, что ИГИЛ не стесняется своих слов и дел, а Иран скрывает свои не менее агрессивные амбиции» [10]. В связи с данным фактом Израиль не может позволить укрепиться Ирану на территории, входящей в зоны его интереса. Регулярно Израильские ВВС наносили удары по военным объектам КСИР [5; 7].

Помимо ИРИ в конфликте участвует ряд радикальных группировок (Хезболла, НФОП и др.), которые считаются террористическими в Израиле. Данную проблему подчеркнул Нетаньяху в выступлении, указав, что: «Второе исключение связано с моим решением дать четко понять, что Израиль не потерпит использования территории Сирии для контрабанды смертоносного оружие Хизбалле, чтобы та открыла новый фронт против нас в Ливане, или использовала сирийскую территорию как плацдарм для нападения на нас, и мы не позволим, чтобы Иран создал базу для террора против нас на Голанах или где-нибудь еще в Сирии» [10]. Как и в ситуации с Ираном, Израиль действует в рамках стратегии превентивной обороны, нанося авиаудары по военным объектам Хезболлы. В результате авианалетов израильских ВВС были убиты полевые командиры боевого крыла Хезболлы и уничтожены военные объекты [8]. Всего в период с 2011 по 2017 гг. израильские ВВС нанесли более 100 авиаударов по объектам Хезболлы [12].

С появлением РФ на сирийском треке в качестве полноценного участника конфликта, ситуация претерпела качественное изменение. Россия стала одной из доминант, имея при этом проправительственную позицию, что правительство Израиля не могло отрицать. Таким образом, в начале осени 2015 г. высокопоставленная делегация во главе с Нетаньяху посетила Москву с целью диалога о позициях Израиля и РФ в САР. Результатом встречи стала договоренность сторон о совместной координации действий с целью «предотвратить случаи непонимания между армией обороны Израиля и российскими войсками». Согласно заявлению Б. Нетаньяху, ему и В. Путину удалось договориться о механизме упреждения нежелательных инцидентов, что максимально минимизирует возможность стычек между вооруженными силами Израиля и РФ [6]. Несмотря на разногласия, в том числе, возникшие вокруг поставок комплексов С-300 для Ирана и Сирии, координация сторон в целом считается успешной.

Однако в сентябре 2018 г. произошел инцидент, в ходе которого в результате авианалета ВВС Израиля по ошибке был сбит ИЛ-20 ВВС России. Несмотря на трагедию, этот случай не вызвал конфронтации между странами. В свою очередь президент России подтвердил версию о несчастном случае.

Отсутствие негативной риторики между Россией и Израилем, несмотря на принципиально противоположную позицию стран, объясняется рядом причин: 1) в Израиле проживает большое количество выходцев из бывшего СССР, что создает благоприятный климат для диалога; 2) РФ зарекомендовала себя как активный участник театра военных действий в САР; 3) возможность повлиять на правительства Ирана и Сирии через Москву.

Также одним из ключевых игроков в сирийском конфликте является США. Необходимо выделить факт исторически сложившегося партнерства Израиля и США. Являясь основой демократии в регионе, Израиль давно стал главным союзником Америки на Ближнем Востоке. Существует ряд

вопросов, в которых позиции США и Израиля сходятся: сдерживание ИРИ, противодействие исламским радикалам и Б. Асаду, поддержка курдов в САР.

В 2015 г. был образован альянс Сирийских демократических сил, костяк которого составляют курды Сирии. США во многом покровительствуют СДС, поставляя им оружие и обеспечивая протекцию на международном арене. Данной позиции придерживается и правительство Израиля, поддерживая идею создания курдского государства. В данном случае речь идет сугубо о противовесе правительственным войскам в САР, что позволяет держать Б. Асада «на расстоянии» от вопроса о Голанах.

Израиль всегда оставался государством, твердо отстаивающим свои интересы. Так сложилось исторически, что окружение врагами вынудило небольшое государство использовать самые различные методы в борьбе за собственное выживание. С 1950-х гг. в Израиле действовала концепция превентивной безопасности, предотвращающей потенциальную угрозу. Конфликт в Сирии показал, что дестабилизация обстановки в САР и концентрация старых врагов в качестве участников конфронтации создали необходимость упреждающих действий, направленных на оборону Израиля. Фактически вопрос участия Хезболлы, Ирана и палестинских вооруженных группировок стал одним из решающих в процессе формирования позиции Израиля. Очевидно, что, несмотря на косвенное дистанцирование и отказ от проведения наземной операции, правительство Израиля выбрало тактику точечных ударов по объектам радикалов. Выделяя фактор РФ и США, следует отметить, что две страны, отношение с которыми несет стратегический характер для Израиля, придерживаются диаметрально противоположных позиций в конфликте. Но в этом случае правительство Израиля смогло найти баланс между двух полюсов.

Источники и литература:

1. Васецова, Е.С. Россия и Израиль в сирийском кризисе / Е.С. Васецова // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2016. – № 2. – С. 7–13.

2. Иванов, С.М. Вооруженные конфликты в Сирии и Ираке. Перспективы их разрешения / С.М. Иванов // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 9 (303). – С. 41–53.

3. Мартыненко, Е.В. Взаимодействие и конфликт внешних акторов войны в Сирии / Е.В. Мартыненко // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 10. – С. 9–15.

4. В подземном схроне террористов нашли оружие из США, Израиля и России [Электронный ресурс] / Lenta.ru. – 28.03.2019. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2019/03/28/buried/. – Дата доступа: 11.04.2020.

5. ВВС Израиля нанес тайные авиаудары по целям, связанным с Корпусом стражей исламской революции в Сирии [Электронный ресурс] // Уніан. – 2019. – 16 октября. – Режим доступа: https://www.unian.net/world/10721085-izrail-udaril-po-sirii-vospolzovavshis-napadeniem-turcii.html. – Дата доступа: 11.04.2020.

6. Израиль и Россия договорились о военной координации в Сирии [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 21.09.2015. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2015/09/21/netanyahu_coop. – Дата доступа: 13.04.2020.

7. Израиль нанес авиаудары по пригороду Дамаска [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. – 2019. – 25 августа. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/news-49461415. – Дата доступа: 11.04.2020.

8. Как «Хезболла» ответит на гибель одного из своих лидеров? [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. – 2016. – 13 мая. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2016/05/160513_hizballah_badreddin_lebanon_syria_death. – Дата доступа: 13.04.2020.

9. Раненые беженцы из Сирии находят заботу в Израиле [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. – 2013. – 22 августа. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2013/08/130822_israel_syrian_wounded.shtml. – Дата доступа: 05.04.2020.

10. Речь премьер-министра Израиля на Форуме Сабана 2015 [Электронный ресурс] // Сайт МИД Израиля. Режим доступа: https://mfa.gov.il/MFARUS/PressRoom/2015/Pages/PM-Netanyahu-video-address-to-Saban-Forum-2015.aspx. – Дата доступа: 05.04.2020.

11. Israeli Defense Minister to Syria: 'Don't test us' [Electronic resource] // The Jerusalem Post. – 2017. – 2 July. – Mode of access: https://www.jpost.com/Arab-Israeli-Conflict/Israeli-Defense-Minister-to-Syria-Dont-test-us-498554. – Date of access: 11.04.2020.

12. Israeli missiles hit military post near Damascus: Syrian state TV [Electronic resource] // Reuters. – 2017. – 2 December. – Mode of access: https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-attack/israeli-missiles-hit-military-post-near-damascus-syrian-state-tv-idUSKBN1DW081. – Date of access: 14.04.2020.

РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ И УПРАВЛЕНИЕ ВООРУЖЕННЫМИ КОНФЛИКТАМИ: РАЗНИЦА В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ

А.Н. Зинченко (Минск)

Управление конфликтами и разрешение вооруженных конфликтов могут восприниматься как стадии одного процесса становления мира между воюющими сторонами с точки зрения практиков. С точки зрения изучения конфликтов исследователи рассматривают управление конфликтами и их разрешение в качестве двух точек зрения на данный процесс. Для лучшего понимания необходимо выделить различия между двумя направлениями, иначе под разрешение конфликтов могут подпадать все усилия по прекращению или снижению уровня насилия [10, p. 50].

Различия между этими подходами касаются вопроса рассмотрения основополагающих причин конфликтов. Любая деятельность по управлению или разрешению конфликтов всегда сталкивается с проблемой ограниченности ресурсов и эффективности их распределения. Необходимо понимать также, какие цели являются первостепенными и на что необходимо тратить ресурсы в первую очередь.

Сторонники управления конфликтами считают, что сам по себе конфликт не может быть решен, и, причины конфликтов носят лишь роль поводов. Это значит, что вместо того, чтобы рассматривать основные причины конфликтов, лучше сосредоточиться на снижении влияния конфликтов, а также смягчении страданий жертв конфликтов [10, p. 102]. Сторонники же разрешения конфликтов считают, что только устранение основополагающих причин может помочь разрешить существующий и предотвратить будущие конфликты [9, p. 9]. А исходя из этого, можно сосредоточить больше ресурсов на разрешении первопричин конфликтов для того, чтобы добиться долгосрочных результатов.

Сторонники разрешения конфликтов также не рассматривают вооруженное противостояние в качестве конфликтов с нулевой суммой. Основным мотивом таких конфликтов зачастую выступают невозможности реализовать человеческие права и базовые потребности одной группой населения [6, p. 2]. Исходя из этого, решение проблемы доступа к ресурсам и возможности реализовывать свои права приведет к разрешению конфликта с равным выигрышем для обеих сторон [2, p. 51]. Такой подход вполне возможен для освободительных конфликтов, или тех конфликтов, в которых одна из сторон добивается своих прав.

Еще одним различием между подходами является точка зрения на конфликт самих участников. Так, например, приверженцы разрешения конфликта утверждают, что в его разрешении заинтересованы обе стороны, следовательно, необходимо создать возможности для обсуждения путей разрешения конфликта [8, p. 151]. Однако, сторонники управления конфликтами считают, что общество, в котором протекает конфликт и стороны конфликта не столько заинтересованы в непосредственном разрешении конфликта и нахождении консенсуса, сколько в снижении уровня насилия и минимизации потерь от конфликта. Следовательно, миротворцам необходимо сосредоточиться именно на минимизации потерь и на решении последствий конфликтов [1, p. 26].

Третье основное отличие касается роли третьей стороны в конфликте. Многие сторонники подхода к разрешению конфликтов склонны не верить в принудительное урегулирование, т.е. процесс, поддерживаемый сторонниками управления конфликтами. Они видят методы разрешения конфликтов скорее в развитии общества, которое постепенно приходит к достаточному количеству ресурсов для всех, а также достигает той степени политического развития, при котором устанавливается равенство различных групп населения. Следовательно, в центре внимания должно быть согласие сторон на примирение и на роль посредника третьей стороны, которая после погашения активной фазы конфликта предоставляет помощь в развитии [3, p. 76]. Таким образом, третья сторона служит лишь инструментом взаимодействия между участниками конфликта, в то время, как самим участникам следует выстраивать собственную модель взаимоотношений [7, p. 86].

В то же время сторонники управления конфликтами считают, что роль третьей стороны состоит в установлении правил ведения конфликта, а также в необходимости принуждения к миру, если таковые правила нарушаются [10, p. 105]. Данные исследователи исходят из предпосылки о том, что конфликт является нормальным методом ведения политики между различными сторонами, которые пытаются отстоять собственные интересы. Раз конфликт неизбежен, то задача более развитых акторов в международных отношениях состоит в том, чтобы применять различные методы принуждения к миру, будь то военные или экономические инструменты [13, p. 2].

С точки зрения сторонников управления конфликтами выглядит логичными действия ООН, Европейского союза и отдельных стран Европы, касающиеся принуждения к миру, например, в странах Африки. Основные такие операции носили военный или полицейский характер. Причин для проведения таких операций именно странами Европы множество. Среди них можно отметить крепкую связь между Европой и Африкой, которая является наследием колониального прошлого. Также стоит отметить, что зачастую ни вооруженные силы страны или стран конфликта, ни региональные силы (ЭКОВАС), ни даже континентальные силы (Африканский союз), на данный момент не способны используя исключительно собственные ресурсы принудить стороны к миру и затем обеспечить долгосрочное поддержание мира.

Долгосрочное поддержание мира в данном аспекте не менее важно, нежели принуждение к миру в активной фазе конфликта. Многочисленные публикации отмечают, что после фазы принуждения к миру, участников конфликта сотрясают волны насилия, роста преступности и числа менее крупных конфликтов, которые со временем могут опять перерасти в крупное столкновение [11; 12]. Значит и роль третьих сторон, заинтересованных в разрешении конфликта, не сводиться лишь к силовому принуждению. Важным также является размещение военного контингента на длительный срок либо подготовка местных военных и полицейских сил до уровня, когда те смогут своими силами предотвратить масштабный конфликт.

Исходя из этого, можно сказать, что еще один аргумент в пользу той или иной теории можно будет получить в течение ближайших лет, так как и ООН и ЕС с 2018 года начали придерживаться политики «нексус» в миротворчестве [4; 5]. Такая политика объединяет три стороны в разрешении конфликтов: гуманитарную помощь, помощь в развитии и миротворчество. При этом предполагается использовать смешанные военно-гражданские контингенты, которые бы выполняли комплексные задачи не только по принуждению к миру и устранению угрозы, но и развивали диалог между сторонами конфликта. С помощью такого подхода можно также выстроить долгосрочную перспективу в развитии обществ, в которых происходят конфликты. Таким образом, можно увидеть, повлияет ли развитие общества и политическая и экономическая интеграция в регионах Африки на предотвращение будущих конфликтов и разрешении существующих.

Источники и литература:

1. Achankeng, F. Conflict and conflict resolution in Africa: Engaging the colonial factor / F. Achankeng // African journal on conflict resolution. – 2013. – Vol. 13, №. 2. – P. 11–38.
2. Burton, J. W. Deviance, terrorism & war: The process of solving unsolved social and political problems / J. W. Burton., et al. – Canberra : Australian National University Press, 1979. – 240 p.
3. de Bono, E. Conflicts: A better way to resolve them / E. de Bono – London : Harrap, 1985. – 207 p.
4. Enhancing the humanitarian-development-peace nexus [Electronic resource] // United Nations Economic and Social Council. – Mode of access: https://www.un.org/ecosoc/en/node/14973644. – Date of access: 03.03.2020.
5. EU Humanitarian and Development Nexus Action Plan [Electronic resource] // Delegation of the European Union to Colombia. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/delegations/colombia/58485/eu-humanitarian-and-development-nexus-action-plan_bs. – Date of access: 05.03.2020.
6. Galtung, J. Human needs, humanitarian intervention, human security and the war in Iraq [Electronic resource] / J. Galtung // Keynote address. – Tokyo : Regional Studies Association, 2004. – Mode of access: http://www.transnational.org/forum/meet/2004/Galtung_HumanNeeds.html. – Date of access: 28.03.2020.
7. Groom, A.J.R. Problem solving and international relations / A.J.R. Groom, E.Azar, J.W. Burton // International conflict resolution. – Brighton : Wheatsheaf, 1986. – 159 p.
8. Light, M. Problem-Solving Workshops: The Role of Scholarship in Conflict Resolution / M. Light // Conflict in World Society: A new perspective on international relations / Edited by M. Banks. – New York : St. Martin's Press, 1984. – 234 p.
9. Mitchell, C.R. The structure of international conflict / C.R. Mitchell. – New York : Springer, 1989. – 355 p.
10. Ryan, S. Ethnic conflict and international relations / S. Ryan. – Dartmouth : Pub Co, 1990. – 286 p.
11. TST Issues Brief: Conflict Prevention, Post-conflict Peacebuilding and the Promotion of Durable Peace, Rule of Law and Governance [Electronic resource] // Sustainable Development Goals Knowledge Platform. – Mode of access: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/2639Issues%20Brief%20on%20Peace%20etc_FINAL_21_Nov.pdf. – Date of access: 03.03.2020.
12. United Nations Policy for Post-Conflict Employment Creation, Income Generation and Reintegration [Electronic Resource] // United Nations High Commissioner for Refugees. – Mode of access: https://www.refworld.org/pdfid/5227107a4.pdf. – Date of access: 28.03.2020.
13. Zartman, I. W. Traditional cures for modern conflicts: African conflict «medicine" / I. W. Zartman. – Boulder : Lynne Rienner Publishers, 2000. – 261 p.

ДУХОВНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Э.И. Рудковский (Витебск)

Национальная безопасность обеспечивается не только экономическими, военно-техническими и политическими факторами. Ее важнейшей составной частью и предпосылкой являются духовная безопасность обще-

ства, его менталитет, традиции образа жизни, состояние национального самосознания, уровень морально-политического единства.

Национальная безопасность – это способность общественной системы эффективно развиваться в условиях сложного и противоречивого мира путем сохранения ее внутренней целостности и стабильности, устойчивости всего комплекса социальных, политических и духовных ценностей этноса.

«Духовная безопасность – состояние и условия жизнедеятельности социума, которые обеспечивают сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны, а вместе с тем способность государства решать назревшие задачи экономического, социального и политического развития» [1, с. 252].

Проблема духовной безопасности стала чрезвычайно актуальной в условиях информационного общества. Реальностью современного мира стала информационная война. Опасность представляет стремление некоторых стран Запада к доминированию в мировом информационном пространстве, созданию средств агрессивного воздействия на информационные сферы других стран мира. Многие СМИ, включая интернет, – это зона риска. Большая часть того, что преподносится аудитории – это информационный «мусор» или умышленная манипуляция сознанием. Часто человек не знает о тех «фактах», которые безапелляционно преподносятся в качестве реально свершившихся. Цель – посеять панику, дезинформировать население. Предпринимаются попытки сыграть на приверженности части людей негативной информации. Человек начинает жить в выдуманном, иллюзорном мире.

Духовная безопасность подвергается угрозам не только под воздействием внешних факторов глобального мира, но и факторов внутренних. Под внутренними факторами мы имеем в виду и российские СМИ, которые, как известно, имеют широкое распространение и значительную аудиторию в Республике Беларусь. Весомый контент российских СМИ направлен на продуцирование не лучших образцов массовой культуры. Наступила эра «культурной вседозволенности» и стандартизации духовной жизни, потребностей людей. СМИ перестают быть гуманными, они работают часто на потребу обывателей, формируют пошлость, потребительское отношение к жизни во всех ее проявлениях. Везде господствует калька. Многие создатели «шедевров» массовой культуры не любят людей, которые страдают, радуются, переживают и т.д. Вместо людей приходят зомби. Человек не интересен, интересна цена «шедевра». Происходит разрыв корневой системы этноса – его культурного кода. Вот почему возрождение и сохранение тех ценностей, которые составляют ядро национальной культуры, ее уникальность и идентичность является основой духовной безопасности.

Против агрессивной бездуховности «рыночной культуры» следует искать прививку. Первичные, субстанциальные, вечные общечеловеческие и национальные ценности должны формироваться в процессе социализа-

ции и стать приоритетной задачей общества. Данная задача более сложна, чем задача обеспечения экономической безопасности, т.к. ее нельзя решить экономической интеграцией, привлечением инвесторов, внедрением новейших технологий, достижений научно-технического прогресса.

В этой связи нельзя не сказать о роли идейно-нравственных факторов в обеспечении духовной безопасности. Общество не может развиваться без осознания своих стратегических целей, знания того, к каким берегам плыть. После распада СССР была разрушена прежняя коммунистическая идеология. Но на ее обломках не был создан тот идеал равных прав, свобод и возможностей, о котором говорили либералы. Ключевой идеей стало потребительство. К примеру, в Российской Федерации формально идеологии нет, а по Конституции и быть не может. Однако фактически без нее обойтись невозможно. Другое дело, что до сих пор эта идеология не приобрела оформленного вида, можно лишь говорить о некоторых основных ее контурах и принципах.

Актуальность и необходимость идеологических приоритетов подтверждается развернувшейся в последнее время информационной войной по поводу начала и хода II Мировой войны. В этой информационной войне сражаются «государственные правды» больших держав. И ждать некой чистой правды, независимой от идеологических пристрастий, не приходится. Что бы кто не говорил, но победа в ВОВ была достигнута благодаря, как тогда говорили, «морально-политическому единству» общества. Кто-то из либералов язвительно об этом отзывается. Конечно, не все в той идеологии может быть принято сегодня. Очень многие ее посылы остались в прошлом. Но она была и сыграла определенную роль, т.к. были великие задачи, серьезные напряжения, адекватные вызовы. Сейчас другие времена. Надо искать другие ориентиры, не отрекаясь от накопленного духовного потенциала, и идти вперед. В противном случае общество так и будет замкнуто на решении лишь текущих, тактических задач. Однако должен быть горизонт, и не все в жизни людей определяют законы рынка.

Мир стремительно меняется. Это касается не только бурного, взрывного характера промышленных технологий, но и духовной сферы жизни общества. Уходят естественным путем некоторые традиции, обычаи, ритуалы. Другие ценности, представляющие константу человеческого бытия, подвергаются массированной атаке со стороны стратегов либертарианства и информационных войн. Риск стал частью социального и культурного пространства, бытия человека. Защита культурного достояния и самобытности, цивилизационной самоидентификации – это первейшая задача общества. При этом, конечно, нельзя впадать в протекционизм и абсолютизацию культурной уникальности. Если общество хочет существовать, оно должно держать вопросы культурной политики, духовной жизни в центре своего внимания. Культура – это оружие, духовно-стратегическое оружие государства, которое необходимо постоянно совершенствовать и умело

использовать в качестве так называемой «мягкой силы». Без осознания каждым отдельно взятым человеком и народом в целом своей идентичности, своего духовного стержня, без осознания причастности к национальным духовным ценностям проблематично говорить об успешной реализации проектов во всех областях общественной жизни.

Источники и литература:

1. Духовная безопасность // Кузнецов, В.Н. Геокультурная энциклопедия – 2009: Культура развития через культуру безопасности. – М. : Книга и бизнес, 2009. – С. 252.

ТЕНДЕНЦИИ УРОВНЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

О.Ю. Кравчук (Николаев)

В XXI в. диапазон угроз глобальной, региональной, в том числе и европейской безопасности, полностью изменился. Появление новых угроз и вызовов заставило правительства многих стран пересмотреть традиционные подходы к решению проблем безопасности. Глобализация заставляет государства изменить не только свои подходы к определению сущности новых угроз, но и разрабатывать новые инструменты их нейтрализации.

На сегодняшний день на смену доминанте глобальной угрозы пришла масса потенциальных угроз меньшего масштаба, но при этом достаточно серьезных по своим последствиям для международного мира и стабильности, таких, которые затрагивают интересы многих государств. На основании изложенного следует констатировать, что за последние годы, как мир в целом, так и национальные государства, столкнулись с рядом новых вызовов, которые создают угрозу безопасности, развитию и благополучию граждан. В то же время не каждая система национальной безопасности государства может продемонстрировать свою стойкость перед лицом этих вызовов.

Трансформация в конце XX века понятий национальной безопасности и международной безопасности – это общепризнанный и принятый факт как для наук, изучающих международные отношения и право, так и для самой международной практики. Независимо от теоретических и идеологических оснований, эксперты и политики говорят об изменении вектора угроз международной безопасности, появлении принципиально новых угроз, которые не подпадают ни под одно из ранее принятых определений. Появились новые аспекты межгосударственной безопасности: информационная агрессия, а также информационная война, гибридная война, финансовая интервенция и многие другие, признанные и непризнанные на международном уровне угрозы, которые могут фундаментально нарушить

внутреннее устройство государства, вплоть до лишения суверенитета. Итак, одной из важнейших проблем современности для государств является обеспечение политической безопасности.

Также, сегодня к внешним факторам, которые потенциально являются источниками угроз политической безопасности, что непосредственно влияет на уровень ее обеспечения, следует отнести прежде всего глобальные тенденции. К ним относятся, например, обострение конкуренции между мировыми центрами силы, попытки государств решать свои проблемы за счет других, неспособных эффективно защищать собственные национальные интересы; кризис международной системы безопасности, основанной на ялтинско-хельсинских принципах, размывание системы международных соглашений в области стратегической стабильности, ослабление роли международных институтов безопасности; неопределенность принципов новой международной системы безопасности, что в комплексе с несовершенной системой международного права делает возможным безнаказанное применение силы на международной арене для реализации собственных интересов; наличие самопровозглашенных квазигосударственных образований на территориях суверенных государств, появление опасных прецедентов признания некоторых из них другими государствами, что стало стимулом для процессов регионального сепаратизма; распространение терроризма, пиратства, наркобизнеса, незаконной торговли оружием и ядерными материалами, трансграничной организованной преступности, отмывание «грязных» денег, незаконной миграции, торговли людьми, киберугроз и др. [3, s. 201].

К внутренним факторам угроз политической безопасности можно отнести следующие: коррумпированность государственных институтов, их неспособность оказывать адекватные ответы на вызовы современности, кризис общественного доверия к ним; низкая действенность существующих механизмов подготовки, принятия и выполнения государственных решений; несовершенство правового регулирования общественных отношений; системные недостатки в функционировании судебной системы, которые подрывают доверие населения к государству, неадекватность реагирования государственных органов на конфликтные обострения в сфере политических, экономических, социальных, межэтнических, межконфессиональных отношений, радикализации общественных настроений и распространения проявлений экстремизма, в том числе инспирированных извне; ощутимое ухудшение состояния экономической безопасности, критический рост уровня угроз энергетической безопасности и др. [2, s. 135].

Говоря про тенденции обеспечения политической безопасности в современном мире, нужно отметить, что, достигшие невероятного развития информационно-коммуникативные технологии и современная информационная деятельность, могут сломать любую внутреннюю систему стабильного государства, даже без внешней агрессии.

Но, с другой стороны, международная сфера может стать надежным фактором внутренней безопасности государства. Компьютеризация и информационная революция открыли путь для научно-технической революции в военном деле. Внедрение новых технологий существенно изменило характер и возможности обычного оружия, системы разведки и управления военными действиями, привело к созданию высокоточного оружия, расширило возможности военных действий на расстоянии и др. Все больше становится разрыв между передовыми в технологическом плане странами и остальным миром. Такое положение дел объективно стимулирует отсталые в научно-технологическом отношении страны присоединяться к коалициям высокоразвитых стран [1, с. 162–163].

Таким образом, можно делать вывод, беря во внимание все выше перечисленные тенденции современного политического пространства, от которых непосредственно зависит уровень обеспечения политической безопасности государства, что главными из них являются внешние и внутренние факторы угроз политической безопасности, развитие информационно-коммуникативных технологий, а также гибридные войны и финансовые интервенции.

Источники и литература:

1. Артюшин, Л.М. Теоретичні аспекти стратегій воєнної безпеки суспільства і держави : монографія / Л.М. Артюшин, Г.Ф. Костенко. – Х. : Нац. ун-т внутр. справ, 2003. – 176 с.

2. Zieba, R. Instytucjonalizacja bezpieczenstwa europejskiego / R. Zieba. – Warszawa : SCHOLAR, 2004. – 461 s.

3. Fehler, W. O pojeciu bezpieczenstwa panstwa / W. Fehler // Bezpieczenstwo panstw i narodyw w procesie integracji europejskiej / pod red. W. Smialka, J. Tyma nowskiego. – Torun : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2002. – S. 160–219.

ОЦЕНКА ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОНЦЕПТА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЖОЗЕФА НАЯ

Е.А. Игонина, И.А. Коробкина (Ставрополь)

Впервые научное обоснование концепции «мягкой силы» дал американский политолог Дж. Най. В 1990 г. в журнале «Foreign Policy» он опубликовал статью под названием «Soft power» [10], в которой рассуждал об изменившимся миропорядке после окончания «холодной войны». Он писал, что воздействовать силой можно через привлекательность между рассматриваемыми субъектом и объектом применения «мягкой силы».

Традиционно в основе «мягкой силы» лежат, в первую очередь, культура, идеи, символы, мифы и ценности. Государство, использующее «мягкую силу», популяризирует (а порой и насаждает) определенные

стандарты, институты, правила поведения и нормы, которыми должны руководствоваться в своей внешней и внутренней политике иные акторы [1]. Таким образом, в отличие от «жесткой силы», которая предполагает использование механизмов принуждения, «мягкая сила» основывается на способности государства сформировать новые тенденции в международных отношениях, основанные на его идеях.

Дж. Най утверждает, что в качестве ресурсов «мягкой силы» в мировой политике выступает все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто его контролирует, добиваться желаемого результата. Он рассматривает «мягкую силу» в качестве косвенного способа осуществления власти [11, p. 74].

Годфри Ходжсон – известный британский политолог и журналист писал: «Идея о том, что любовь иностранцев к МакДональдсу или баскетболу выгодна США, нуждается в серьезной доработке» [7, p. 999–1000]. Другой известный автор – Найл Фергюсон полагал: «Проблема с «мягкой силой» заключается именно в том, что она «мягкая», и утверждал, что тот факт, что дети в исламских государствах любят Кока-Колу и БигМаки не влечет за собой автоматически любви к Соединенным Штатам» [5, p. 18–22, 24]. Близкой точки зрения придерживался и С. Хантингтон, который считал: «Существует мало свидетельств (или их не существует вовсе) того, что появление всеобъемлющей глобальной связи приводит к значительному сближению точек зрения и убеждений» [8, p. 368].

Среди западных исследователей представлены соотечественники Джозефа Ная, так как это концепция разрабатывалась под современную (на тот момент) ситуацию в мире, когда нужно было решать: какую внешнюю политику проводить США для смягчения международной напряженности, а в последствии и после распада биполярного мира.

Дэвид Болдуин отмечал, что способность влиять на предпочтения других людей, как правило, связана с нематериальными энергетическими ресурсами, такими как культура, идеология и институт. Этим и отличается мягкая сила от жесткой командной, обычно связанная с материальными ресурсами, такими как военная и экономическая сила [3, p. 44].

Позднее Дж. Най [12, p. 158] предложил более длинное, более формальное определение концепции «мягкая сила» – это способность воздействовать на других с помощью совместных средств разработки повестки дня, убеждения и выявление положительного влечения для получения предпочтительных результатов.

Д. Болдуин критикует Ная за то, что тот иногда называет себя «придумавшим термин «мягкая сила», а в других случаях вообще утверждает, что ввел эту концепцию». Хотя, понятное дело, что верен именно первый вариант. Есть разница между придумыванием фразы и придумыванием концепции. Концепция влияния на кого-либо путем формирования

предпочтений этого человека – получения от него желания хотеть того, что вы хотите – имеет намного более глубокие исторические корни [3, p. 48].

Так, американский политолог У. Мид считает, что предложенная концепция не совсем полная. По его мнению, вместе с мягкой силой (ценностями, идеями, привычками и политикой, присущей системе), существует острая и липкая сила, которая поддерживает гегемонию США [9, p. 28].

Другой автор критикует Дж. Ная из-за присущих ограничений в концепции. Да, мягкая сила – это форма власти, но не ее инструмент, который можно использовать в определенных ситуациях или даже тот, который может быть осмысленно сформирован правительством. Мягкая сила существует, и на нее может влиять выбор правительства, но это скорее экзистенциальный фактор в политической среде, чем то, что лица, определяющие политику, могут использовать ее в своих интересах. «Привлекательность» нации для других не является фактором, который можно использовать каким-либо образом [4, p. 156].

Мягкая сила вносит важный вклад в способность нации достигать своих целей в мире. Но нецелесообразно считать, что профессор Най не согласится с тем, что у мягкой силы есть свои ограничения. Привлекательность США для других никогда не будет в основном формироваться правительством, и при этом она не может быть использована так как необходимо в экстренной ситуации. Мягкая сила также не будет доминирующим фактором в ситуациях, когда существуют реальные различия интересов и перспектив. В этих случаях более жесткие формы национальной мощи будут по-прежнему доминировать в выборе политики.

Д. Галларотти является сторонником мягкой силы, стремящийся определить некую золотую середину между мягкой и жесткой силой и тогда страны смогут реализовать свой потенциал полностью. Чтобы достичь наибольшего возможного влияния, нужно использовать методы оптимальной диверсификации ресурсов мягкой и жесткой энергии. Эта диверсификация всегда подтверждалась превосходными результатами, поэтому она всегда будет актуальна в наше время и в будущем [6, p. 81].

Критически отнесся к концепции Александр Вувинг. Он пишет, что Най сначала говорил о мягкой силе, как силе способной формировать желания и устанавливать повестку дня, хотя, в последствии, вторая способность «отошла на второй план» в последующих работах Ная [13, p. 199]. Также, он указывает, что Най не смог «провести различие между способами, в которых мягкая сила может взаимодействовать – выбирать, привлекать и заманивать тех, кто подвергается ей, либо между способами, которыми она может вызвать их согласие» [13, p. 199]. Короче говоря, он не проводит различий между способами убеждения или способами «формирования предпочтений».

Но Най использовал понятие силовой валюты, которое провело границу между различными способами формирования предпочтений.

Как утверждал Най, мягкая сила отличается от жесткой силы тем, что она «использует другой тип валюты (не сила и не деньги) для развития сотрудничества». Он определяет силу и угрозы как две силовые валюты, которые вызывают военную мощь, а платежи и санкции – как две силовые валюты, которые вызывают экономическую мощь. Валюта мягкой силы – культура, ценности, политика и институты, ну и, конечно же, привлекательность.

Хотя сам создатель концепции подчеркивает, что в принципе возможно использование военных или экономических санкций для поднятия потенциала «мягкой силы», но это не подразумевает то, что под «мягкой силой» может подразумеваться все, что угодно, а лишь свидетельствует о разнообразии ресурсов, которые могут применяться для поднятия потенциала «мягкой силы», что еще больше утяжеляет осмысление предложенной им концепции и ее использования на практике. Мнение многих критиков концепции выразил своей статье посвященной «мягкой силе» профессор университета Вирджинии (США) Брентли Уомак: «Если она включает все, начиная от Бритни Спирс и до общественного мнения в мире касательно оккупации Ирака, является ли эта концепция значимой и последовательной?» [14, p. 3].

На данный момент в современной науке, введенное понятие «мягкой силы» Джозефа Ная, обрело формат концепта. Это говорит об актуальности исследования, его структурированности, смысловой наполненности во всевозможном многообразии и различными интерпретациями. Концепт – сложно структурированная смысловая система, которая является итогом коллективного творчества и коллективным достоянием интеллектуальной жизни [2, с. 173–192].

В настоящее время все больше возникает актуальность «мягкой силы» для успешной конкуренции в мировой политике. Политики ряда крупнейших государств мира включают «мягкие» ресурсы и инструменты в национальные стратегии развития.

Таким образом, сменился ракурс международной политики: от принуждения он перешел к задаче поиска эффективных скрытых, мягких, неявных стратегий влияния. Благодаря этому концепт «мягкой силы» получил сегодня широкую популярность в дискурсе различных областей отечественной науки (политологии, истории, философии, связях с общественностью и рекламе, филологии) и публицистике.

Источники и литература:

1. Наумов, А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века / А.О. Наумов. – М. : Аргамак-Медиа, 2016. – 274 с.

2. Русакова, О.Ф. Концепт «Мягкой» силы (soft power) в современной политической философии / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – Вып. 10. – С. 173–192.

3. Baldwin, D.A. Power and International Relations: A Conceptual Approach / D.A. Baldwin. – Princeton : Princeton University Press, 2016. – 240 p.

4. Blechman, B.M. Reviewed Work: Soft Power: The Means to Success in World Politics by Joseph S. Nye / M.B. Blechman // Political Science Quarterly. – 2004/2005. – Winter. – Vol. 119, No. 4. – P. 680–681.
5. Ferguson, N. Power / N. Ferguson // Foreign Policy. – 2003. – № 134. – P. 18–24.
6. Gallarotti, G.M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used. Division II Faculty Publications [Electronic resource] / G.M. Gallarotti. – 2011. – Mode of access: https://wesscholar.wesleyan.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1056&context=div2facpubs. – Date of access: 16.04.2020.
7. Hodgson, G. Politics, democracy and social affairs. Book review / G. Hodgson // International Affairs. – 2004. – Vol. 80, № 5. – P. 999–1000.
8. Huntington, S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S. Huntington. – New York : Simon and Schuster. 2007. – 368 p.
9. Mead, W.R. America's Sticky Power [Electronic resource] / W.R. Mead // Foreign Policy. – 2009. – October 29. – Mode of access: https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/. – Date of access: 16.04.2020.
10. Nye, J. Soft Power / J. Nye // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.
11. Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. – New York : Public Affairs, 2004. – 191 p
12. Nye, J. The Future of Power / J. Nye. – New York : Public Affairs, 2011. – 320 p.
13. Vuving, A.L. How soft power works / A.L. Vuving // American Political Science Association annual meeting. – Toronto, 2009. – September 3. – 20 p.
14. Womack, B. Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power / B. Womack // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus. – 2005. – Vol. 3, № 11. – Mode of access: https://apjjf.org/-Brantly-Womack/1975/article.pdf. – Date of access: 16.04.2020.

НЕЙТРАЛИТЕТ КАК ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

О.Д. Федяев, А.В. Урываев (Волгоград)

Война – господствующий способ разрешения существенных конфликтов, осуществляемыми крайними средствами – массовыми убийствами политических врагов.

История не один раз показывала нам, что для страны, ввязавшейся в войну, это оборачивается потерями как экономическими, так и наиболее ценными – людскими. На данный момент, назвать страну, которая не была задета какой-либо из мировых войн, по крайней мере, не просто. Одной из таких является Швейцария.

Для наилучшего понимания принципов и политики нейтралитета Швейцарии необходимо немного изучить историю этой страны. Несмотря на то, что сегодня слова «Швейцария» и «нейтралитет» почти синонимы, военная история этой страны богата на сражения. Швейцария была оплотом наемников, которых она поставляла странам Европы для решения конфликтов, как внутри государства, так и в крупных войнах.

Так как наемники – жители разных государств, сбегающих в страну с открытыми границами, то в дальнейшей перспективе получилось, что Швейцария негласно разделена на несколько зон с разной этикой, языком, национальностью. Так, можно побывать в Италии, Германии, Франции и ретороманских районах. Сам принцип организации общества в этой стране может служить примером мирного мирового сосуществования.

Для дальнейшего понимания развития политики нейтралитета важно понимать, что в Швейцарии установлена прямая демократия и все общегосударственные вопросы выносятся на референдум.

Возвращаясь к истории, стоит заметить, что швейцарцы воевать умели и приносило это им хороший доход, до тех пор, пока они не потерпели сокрушительное поражение в битве при Мариньяно в 1515 году. Несмотря на всю храбрость воинов и продуманность стратегов, швейцарцы с пиками и копьями проигрывают новым технологиям войны в виде пушек и мушкетов. Тогда они приняли судьбоносное для своей страны решение и решили больше не участвовать в политических войнах близлежащих стран. Они выбрали одну, на тот момент наиболее сильную страну – Францию и стали оказывать ей военные услуги в виде обучения, изготовления оружия, охраны караванов и т.д. Это позволило стране получать постоянный прирост бюджета, а также избежать ситуаций, когда швейцарские наемники встречались на поле боя в составе противоборствующих сторон [2, с. 136].

Швейцарская армия успела поучаствовать в Великой французской революции, а также в наполеоновских войнах. Однако в последних, после смены власти во Франции. Регулярные войска французов вторглись на территорию Швейцарии и разрушили старую конфедерацию. После таких событий Швейцария вышла на мировую арену с предложением, которое устроило всю Европу. Они объявили себя нейтральной страной [4, с. 100].

Как правильно отмечал профессор политологии Женевского университета Базель Лоран Гетшель: «Ваш нейтралитет только тогда имеет смысл, когда другие державы признают его». С чем нельзя не согласиться. В связи с этим, швейцарским дипломатом Шарлем де Рошманом была составлена декларация о нейтралитете, которая была ратифицирована на Венском конгрессе 1814–1815 года. И вот с этого момента Швейцария не занимает ни чьей стороны в международных конфликтах.

Нельзя также не сказать, что помимо нейтралитета, Швейцария является прародителем международных гуманитарных организаций. Так в 1860-х годах, женевский предприниматель Анри Дюнан увидел, как невыносимо обращаются с раненными солдатами, времен Наполеоновских войн и сосредоточился на создании международной гуманитарной организации – Красного Креста.

Это очень важный момент, так как он повысил степень доверия к Швейцарии, и «делом» закрепил за ней статус нейтрального государства.

Это также привело к разработке первой Женевской конвенции 1864 года и получении Нобелевской премии мира в 1901 [2, с. 56].

Несмотря на все достижения в области сохранении и поддержании мира Швейцария имеет собственную боеспособную армию. Служба проходит на обязательной основе. Она нужна для обороны границ от возможных посягательств. Для этих же целей еще в период Второй мировой войны была создана сеть подземных бункеров, больниц и укрытий.

Теперь переходим к современному внешнеполитическому курсу Швейцарии. Она является третьей стороной в отношениях, где двустороннее сотрудничество было прервано. Как, например, представление интересов Америки на Кубе или Российской Федерации в Грузии. Во время операции в Ираке, Швейцария сочла недопустимым наличие у Ирака оружия массового поражения, но также осудила действие властей США. Поэтому запретила дозаправку самолетов ВВС США на своих военных базах, а также ввела экономические санкции против Ирака [1, с. 112]. В 1996 г. Швейцария присоединилась к программе НАТО «Партнёрство во имя мира», согласно которойй отправила часть своих миротворческих сил на территорию Косово.

В 2001 году с небольшим перевесом граждане Швейцарии на референдуме поддержали предложение о вооружении швейцарских военных подразделений, выполняющих миротворческие миссии. А в 2002 году путем голосования Швейцария вступила в ООН и подписала ряд соглашений с ЕС.

На сайте правительства Швейцарии дается определение нейтралитета. «Постоянный нейтралитет – это принцип швейцарской внешней политики. Это является источником мира и стабильности в Европе и за ее пределами. Это обеспечивает независимость страны и неприкосновенность ее территории. Согласно закону о нейтралитете, Швейцария не должна участвовать в войне между государствами» [3, с. 1]. Из определения видны те ограничения, которые накладываются на страну, установившую политику нейтралитета.

Нейтралитет прописан в Конституции Швейцарии. Он указывается в полномочиях деятельности Союзного Собрания. Однако из текста конституции можно понять, что нейтралитет указан не как цель, а как средство для достижения цели. Целью же является сохранение границ страны и обеспечение благосостояния граждан [6, с. 1].

Закон о нейтралитете, кодифицированный в Гаагских конвенциях от 18 октября 1907 года определил права и обязанности нейтральных государств. Важнейшим правом является неприкосновенность территории государства, а обязанности представлены следующие:

Воздержание от участия в войнах.

Обеспечение собственной защиты.

Обеспечение равного отношения к сторонам конфликта в отношении экспорта военных материалов.

Отказ от предоставления наемных войск на места военных действий.

Не позволение воюющим государствам использовать свою территорию.

Закон о нейтралитете разрабатывался, чтобы оградить страны от международных конфликтов, но о внутренних конфликтах государства тогда не задумывались, в связи с этим можно считать, что у нейтральных государств «развязаны руки» в отношении участия в военных операциях, санкционированными Советом Безопасности ООН, так как эти операции имеют цель восстановление мира и безопасности [5, с. 54].

Как и у Австрии, политика нейтралитета Швейцарии не строго регламентирована и может быть изменена в соответствии с положением и международным контекстом времени. Так же позиция нейтралитета аргументируется сложившейся за долгое время традицией оказания добрых услуг и гуманитарной помощи. Основными своими направлениями в международной политике она ставит такое управление своим нейтралитетом, чтобы приносить исключительно мир и процветание.

Нейтралитет – принцип внешней политики государств, который за все время его существования зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. На территориях государств, установивших политику нейтралитета, проводятся мероприятия по укрепления мира и обеспечению безопасности своей страны, региона и мира в целом.

Швейцария – это не единичный примеры успешного развития политики нейтралитета и как следствие развития страны. Это наблюдается во всех странах с такой политикой. В большинстве государств, в которых к мнению народа прислушиваются напрямую, можно увидеть, что граждане поддерживают политику своего государства, а значит, этот курс меняться не будет еще долго. Для таких государств открыто гораздо больше возможностей, чем для других. Они могут и активно участвуют в решении проблем, как на региональном, так и на глобальном уровне. К тому же эти страны пользуются международным авторитетом, что открывает возможности для взаимодействия и сотрудничества во сферах деятельности и для решения всех видов проблем с которыми сталкивается современное человечество.

Возросшее количество государств, которые приняли политику нейтралитета позволяют внедрять в международные отношения новые способы решения конфликтов без военного вмешательства.

Мы видим, что нейтралитет является гибким, т.е. подстраивающимся под мировую обстановку, но не нарушающий основных догматов нейтралитета. Однако эти принципы каждое государство устанавливает для себя само. Это порождает ряд проблем и коллизий.

Для урегулирования этих проблем необходимо принять устав нейтральных государств. Подписавшие его страны обязуются на регулярных сессиях конгресса ООН обсуждать изменения в мировой

политике и принимать решения об изменении устава, путем дополнения новых статей или ликвидации старых. Эти страны также обязуются узаконить сферы влияния. Так, например, проблемы развития Афганистана решаются в близлежащем Туркменистане, а урегулированием конфликтов в странах Европы происходит в Швейцарии. На площадках, организованных в этих странах должны оказываться добрые услуги для враждующих сторон в целях разрешения конфликтов и скорейшего восстановления мира и безопасности.

Источники и литература:

1. Дурденевский, В.Н. Нейтралитет в системе коллективной безопасности [Электронный ресурс] / В.Н. Дурденевский // Юридическая Россия. – 2010. – № 8. – Режим доступа: http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=53339. – Дата обращения: 14.02.2020.

2. Лейбо, Ю.И. Внешнеполитический механизм буржуазных стран Центральной Европы: Австрия, ФРГ, Швейцария / Ю.И. Лейбо. – М. : Междунар. отношения, 1984. – 160 с.

3. Нейтралитет [Электронный ресурс] // Федеральный департамент Иностранных дел FDFA. – Режим доступа: https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/foreign-policy/international-law/neutrality.html. – Дата обращения: 05.01.2020.

4. Пономарева, Е.С. Мировая экономика и международные экономические отношения : учебное пособие / Е.С. Пономарева, Л.А. Кривенцова. – М. : ЮНИТИ, 2016. – 287 с.

5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/50/80A от 12 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/761/23/PDF/N9676123.pdf?OpenElement. – Дата обращения: 20.05.2019.

6. Союзная конституция Швейцарской конфедерации от 18 апреля 1999 года [Электронный ресурс] // concourt.am. – Режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm. – Дата обращения: 20.02.2020.

7. Швейцарский нейтралитет [Электронный ресурс] // swissinfo.chswissinfo.ch. – Режим доступа: https://www.swissinfo.ch/rus/%D1%88%D0%B2%D0%B5%D0%B9%D1%86%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BD%D0%B5%D0%B9%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82/34671208. – Дата обращения: 17.02.2020.

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ПОЗИЦИИ НЕЙТРАЛИТЕТА АВСТРИИ

А.Ю. Сень, И.Л. Морозов (Волгоград)

Война как историческое явление всегда характеризуется массовыми человеческими жертвами, имущественными потерями. А поэтому для страны, которая ввязывается в вооруженный конфликт, это оборачивается колоссальным ударом по политике, экономике и по внутренней стабильности в целом.

Для того чтобы избежать этой участи, в случае назревания очередного вооружённого столкновения некоторые страны объявляют и закрепляют за собой позицию нейтралитета. Так в свое время поступили Швейцария, Австрия, Швеция, Мальта, Туркменистан, Камбоджа. Несмотря на то, что все эти страны приняли резолюцию о нейтралитете в разное время и по разным причинам, пока не возникло ни одного прецедента нарушения резолюции ни одним из государств. На их территории проводятся круглые столы и саммиты по разрешению конфликтов и урегулированию политических кризисов, а также в некоторых странах находятся штаб-квартиры миротворческих организаций.

Актуальность темы международного нейтралитета высокая, свидетельством чему является обращение к ней целого ряда исследователей. Целью настоящей работы является анализ законодательного закрепления государственного нейтралитета, причин его объявления и последствий, отношений с мировым сообществом на примере Австрии. Указанный пример выбран в силу исторических особенностей и специфичной конструкции закрепления государственного нейтралитета.

Итак, после подписания договора о капитуляции и уничтожения последних очагов сопротивления войск вермахта Австрия попала в сферу влияния союзников. Оккупация длилась 10 лет, до 1955 года, потому как 26 октября 1955 года Австрийская республика на заседании Парламента приняла ФКЗ о нейтралитете. Этот закон вернул суверенитет стране. Но время оказалось не самым удачным, шла холодная война и все страны разделились на два лагеря. Австрия же не примкнула ни к одному из них и стала «буферной зоной» между враждующими блоками. Но потом австрийские политики больше начали склоняться к западной модели, так как менталитет и ценности, сформированные за века совместной истории нельзя игнорировать.

Последующее сотрудничество с международными организациями позволили пересмотреть смысл понятия «нейтралитет». Большее предпочтение в выборе определенных решений о поддержке того или иного проекта было мотивированно исключительно политической волей правительства, из-за чего стали происходить многочисленные нарушения юридически закрепленных положений.

Изначально планировалось, что политику нейтралитета Австрия позаимствует у Швейцарии, так как это было закреплено в Московском меморандуме, подписанном в апреле 1955 года. Отклонений не должно было быть, так как документ носил декларативный характер. Однако Австрия выбрала другой путь, что можно проследить в ФКЗ «О нейтралитете» от того же 1955 года. Австрия выбрала политику гибкого нейтралитета. Это давало ей возможность изменять вторичные правила, которые были неписанным правовым обычаем, но первые, закрепленные в меморандуме изменять было нельзя, иначе был бы поставлен

под сомнение статус нейтрального государства. В меморандуме были закреплены следующие признаки:

Неучастие в войнах (кроме оборонительных) и в военно-политических союзах.

Неучастие ни в каких союзах, касающихся начала Европейской интеграции (Совет Европы, ООН).

Австрия же в декабре 1955 года вступила в ООН. Статус нейтралитета остался, но продолжил меняться [3].

Вернемся немного назад. ФКЗ – внутренний государственный правовой документ, который был принят в одностороннем порядке, а следственно закрепленный там статус не имеет гарантий, несмотря на то, что он был принят международным сообществом.

ФКЗ содержит в себе 2 статьи:

Статья 1

1. В целях прочного утверждения своей внешней независимости и обеспечения неприкосновенности своей территории Австрия добровольно заявляет о своей постоянном нейтралитете. Австрия будет поддерживать и защищать его всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

2. Для обеспечения этой цели Австрия никогда в будущем не будет вступать ни в какие военные союзы и не будет создавать на своей территории военных опорных пунктов иностранных государств.

Статья 2

Осуществление этого федерального конституционного закона возлагается на Федеральное правительство [1].

В 1955 г. Австрия стала членом ООН, после этого она также вступила в подструктуру НАТО и ОБСЕ. И если целью ОБСЕ является сохранение мира, соблюдение за правилами ведения войны, то НАТО преследует цели, для осуществления которых необходимо присутствие ОБСЕ, т.е. военно-политическую экспансию на территорию иностранного государства. Партнерские отношения с НАТО начались с 1991 года, с договора по программе «Партнерство ради мира», подписанным 10 февраля 1995 года. Цель программы – взаимодействие стран участниц НАТО со странами за пределами Альянса [2].

Австрия не имела права находиться в подразделении НАТО, т.к. членство в этой организации противоречит статусу постоянного нейтралитета и собственно нарушает первую статью ФКЗ о нейтралитете. Тем не менее Австрия допускает своей участие в данных программах.

«Партнерство ради мира», как и любая программа имеет свои направления деятельности, наиболее важными являются:

– обеспечение демократического контроля над вооруженными силами;

– поддержание способности и готовности вносить вклад, в соответствии с конституционными соображениями, в операции под руководством ООН и / или под ответственностью СБСЕ;

– развитие военных отношений сотрудничества с подразделением НАТО в целях совместного планирования, обучения и подготовки учений, с тем чтобы укрепить способность проводить операции в области поддержания мира, поиска и спасения, гуманитарных и других операций, которые могут быть согласованы впоследствии.

Как мы видим, данная программа предлагает «партнерам» совместные мероприятия, такие как участие в операциях под руководством ООН и проведение совместных учений. Также стоит отметить, что данная программа предусматривала возможность разработки индивидуального плана для каждой страны – участницы для наиболее слаженного взаимодействия в условиях военной операции.

На данный момент у Австрии есть индивидуальный партнерский договор с подструктурой НАТО. Согласно договору, действия, реализованные в рамках программы сотрудничества, выбирает Австрия. Так в 1991 г. было открыто воздушное пространство для полётов самолетов стран Альянса, в 1996 г. австрийские войска принимали участие на театре военных действий в Боснии и Герцеговине, в 1997 г. в Австрии была открыта штаб-квартира НАТО, в 1999 г. Австрия участвовала в операции против Сербии, а в 2002 г. солдаты австрийских сухопутных войск обеспечивали безопасность выборов в Афганистане.

Официальный комментарий о взаимодействии с НАТО дал министр иностранных дел Австрии Михаэль Шпинделеггер, в котором произнес, что партнерство с НАТО – это логическое следствие членства страны в Европейском Союзе. Им же приводился аргумент: «участие Австрии в «Партнерстве ради мира» принципиально важно для того, чтобы страна была полностью вовлечена в военные аспекты Европейской политики безопасности и обороны, поскольку 21 страна участвует и в том, и в другом процессе» [3].

В 1996 г. в теле- и радиовещании, а также на открытых собраниях проводились дебаты и споры по поводу необходимости и нужности вступления Австрии в НАТО, неопределенность и неоднозначность в определении дальнейшего курса изменения политики нейтралитета привели к кризису системы в целом, что отразилось на участи подразделений Австрии в конфликтах 1990-х гг. Австрия могла стать полноправным членом НАТО, но в Национальном Совете Австрии было решено сохранить статус нейтралитета. Решение было принято путем голосования. Немаловажную роль сыграло и то, что ведущие политические партии страны объединились, составили большинство, выступившее против вступления страны в военно-политический блок.

Проявила себя Австрия как нейтральное государство не только отказом от вступления в НАТО, но и отказом пропустить через свою территорию американские подразделения для участия в гражданской войне в Югославии.

В 43 статье устава ООН сказано, что все члены ООН обязаны предоставить по требованию Совбеза ООН свои вооруженные силы в распоряжение организации, а также помощь или права прохода. Это противоречило положениям о постоянном нейтралитете, чем Австрия и воспользовалась. С другой стороны, надо заметить, что, например, войска Совету Безопасности предоставляются на основании соглашения между СБ и государством или группой государств по каждому конкретному случаю.

Данные соглашения подлежат ратификации подписавшими их государствами. Таким образом, предоставленные вооруженные силы участвуют в операциях ООН в качестве войск ООН – «голубых касок» – и подчиняются юрисдикции ООН, а не своего государства [4].

Сотрудничество с НАТО по вопросам экспансии и размещения иностранного военного контингента или оказания косвенной помощи этому блоку является своеобразной особенностью нейтралитета Австрии. Такое проведение внешней политики государства обусловлено экономическими и политическими факторами.

Австрия может менять свой статус нейтралитет в зависимости от произошедших изменений на мировой арене, так как меняет она не международно-закрепленные документы, а свои внутренние. Все проводимые страной изменения так или иначе не нарушали тех правил, которые были установлены в ФКЗ, в связи с чем в мировом сообществе сложилось устойчивое мнение, что понимание смысла своего нейтралитета – дело самой Австрии. Это доказывает, что принятие столь важных для мирового сообщества документов в одностороннем порядке невозможно и порождает множество коллизий.

Источники и литература:

1. Lahodynsky, O. The changing face of the Austrian neutrality [Electronic resource] / O. Lahodynsky // NATO. – Mode of access: https://www.nato.int/DOCU/REVIEW/1992/9206-5.htm. – Date of access: 19.05.2020.

2. NATO’s relations with Austria [Electronic resource] // NATO. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_48901. – Date of access: 19.03.2020.

3. The Military Balance [Electronic resource] // IISS. – Mode of access: https://www.iiss.org/publications/the-military-balance. – Date of access: 19.05.2020.

4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/50/80A от 12 декабря 1995 г. [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/ga/50/docs/50res.shtml. – Дата доступа: 19.05.2020.

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА[1]

А.А. Сурма (Минск)

XXI век характеризуется ускоренным процессом глобализации, ведущим к стиранию национальных границ. Выбор странами, где данный процесс наиболее выражен, эффективной модели интеграции иммигрантов, чья культура отличается от принимающей, является средством предотвращения рисков социальных конфликтов между коренным населением и переселенцами. В этом отношении важным, на наш взгляд, представляется изучение опыта реализации политики мультикультурализма в государствах-членах ЕС.

1990-е г. в истории интеграционной политики в отношении иммигрантов в государствах-членах Европейского союза прошли под знаком политики мультикультурализма. Однако начало XXI в. характеризовалось изменением отношения к данной политике в западноевропейских государствах вследствие нарастания угрозы исламского терроризма: теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, а также в марте 2004 г. в Мадриде и июле 2005 г. в Лондоне [9, p. 1]. Негативная риторика практически во всех сегментах политического спектра (особенно со стороны правых сил) в отношении мультикультурализма захлестнула Великобританию, Нидерланды, Швецию, Данию. Критика в отношении данной модели интеграции иммигрантов в принимающее общество присутствовала также в Австрии, Бельгии, Италии, Франции [2, p. 218–222].

В начале 2010-х гг. правящие круги ведущих стран ЕС (Великобритания, Франция, Германия) всерьез начали обсуждение возможность пересмотра – по существу, отхода – от политики мультикультурализма. В феврале 2010 г. это сделала канцлер ФРГ А. Меркель, а 5 февраля 2011 г. отказаться от политики мультикультурализма призвал премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон. Аналогичным образом 12 февраля 2011 г. высказался и президент Франции Н. Саркози [1, с. 247–249].

Можно согласиться с мнением британского исследователя Криса Аллена, который считает, что риторика о кризисе мультикультурализма в Европе была во многом лишь маскировкой для нападок на мусульман и исламскую религию. Истинной причиной отрицательного отношения европейцев к мусульманам и исламу Аллен считает исламофобию [2, p. 222, 226]. С данной точки зренияКризис мультикультурализма в государствах-членах ЕС – это конфликт взаимодействия между западноевропейским обществом и проживающими в нем мусульманскими общинами.

[1] В данной публикации, помимо стран, входящих в ЕС, мы рассматриваем Норвегию и Швейцарию.

Начавшийся после террористических атак, совершенных представителями отдельных экстремистских исламских группировок, кризис осложнил возможность признания права миллионов работающих в западноевропейских государствах мусульман вести отличный от европейского образ жизни и мультикультурные гражданские права [9, p. 3–4].

Кризис мультикультурализма в Европе оказал влияние на активизацию антииммиграционных и антимусульманскихпартий. Например, в Нидерландах праворадикальная политическая Партия свободы (*Partijvoorde Vrijheid)* выступала против иммигрантов из мусульманских стран [8, p. 54]. В Швеции кампанию против политики мультикультурализма проводила националистическая Партия шведских демократов *(Sverigedemokraterna)* [2, p. 220].

О положительном отношении общественности к политической риторике представленных партий в Нидерландах и Швеции свидетельствовал их успех на национальных парламентских выборах 2010 г.: Партия свободы заняла третье место, набрав 15,5% голосов (5 место и 5,9% в 2006 г.); Шведские демократы, набрав 5,7% голосов, смогли впервые войти в парламент [4]. Подобный рост популярности антииммиграционных и антимусульманских партий наблюдался и в других государствах-членах ЕС, особенно в небольших [5, p. 69].

Новой моделью интеграции иммигрантов в первом десятилетии XXI в., которая была призвана заменить «умирающий» мультикультурализм, стала политика *гражданской интеграции*. В обобщенном варианте гражданская интеграция предполагает более полную интеграцию иммигрантов в экономическую, социальную и политическую жизнь принимающего общества на основе соблюдения нескольких ключевых принципов: 1) включение иммигрантов в трудовую деятельность принимающего общества; 2) уважение основных либерально-демократических ценностей (свобода, демократия, права человека, равенство, включая гендерное равенство и верховенство закона); 3) базовые знания языка, истории, законов и институтов принимающего общества; 4) действие антидискриминационных законов [3, p. 11].

Об усилении политики гражданской интеграции в западноевропейских государствах свидетельствовали данные статистического индекса (CIVIX)[1]. Согласно шкале CIVIX, политические мероприятия, характерные для политики гражданской интеграции в практике 15 государств-членов ЕС в 1997 г. практически отсутствовали, но к 2009 г. данная модель интеграции иммигрантов в принимающее общество в этих странах стала более распространена [3, p. 11].

Несмотря на вышесказанное, мы полностью поддерживаем позицию канадских исследователей К. Бантинга и У. Кимлики, которые полагают, что отход от мультикультурализма в пользу политики гражданской интеграции

[1]CIVIX – это специальный статистический индекс, который позволяет определить степень применения политики гражданской интеграции в государстве.

в практике государств Западной Европы не был господствующей тенденцией и осуществлялся скорее на уровне политических дебатов, нежели практической деятельности [3, p. 4]. Свои выводыони делают на основе определения индекса мультикультурной политики *(Multicultural Policy Index)* в 21 стране ОЭСР[1] (Организация экономического сотрудничества и развития) в различные периоды времени: с 1970 по 1980 гг.; с 1990 по 2000 гг.; с 2000 по 2010 гг. [3, p. 4, 6]. Нас интересует период с 2000 по2010 гг.

Индекс мультикультурализма определяется на основании восьми специальных показателей. [10, p. 4]. Каждый показатель может иметь три качественных и количественных значения: «присутствует полностью» (1 балл), «присутствует частично» (0,5 балла), «отсутствует» (0 баллов). Сумма баллов всех показателей показывает насколько совокупность общественных норм, законов и деятельности правительства соответствует мультикультурной политике. Сумма в 8 баллов показывает, что в государстве в полной мере применяется мультикультурная политика; 6 баллов и выше свидетельствует о стабильной форме мультикультурализма; от 3 до 5,5 баллов свидетельствует об ограниченной мультикультурной политике в государстве; общий показатель ниже 3 баллов свидетельствует о слабопредставленном мультикультурализме в политике государства [6, p. 74; 7, p. 49]

Итак, согласно данным исследования[2], в 2000–2010 гг. стабильная форма мультикультурализма наблюдалась в таких странах, как Финляндия (6 баллов) и Швеция (7 баллов); в Бельгии (5,5 балла), Ирландии (4 балла), Испании (3,5 балла), Норвегии (3,5 балла), Португалии (3,5 балла) и Великобритании (5,5 баллов) имела место ограниченная форма мультикультурализма; в остальных странах (Австрия, Германия, Греция, Дания, Италия, Нидерланды, Франция, Швейцария) политика мультикультурализма была представлена слабо, но индекс этих государств (кроме Дании) был не равен нулю, что говорит о том, что различные элементы, характерные для мультикультурализма, присутствовали в политике этих стран. Более того, практически во всех рассматриваемых нами государствах (кроме Дании, Италии, Нидерландов, Франции, Швейцария) наблюдался устойчивый рост индекса мультикультурализма в 2010 г. [3, p. 24; 10, p. 3]. Таким образом, утверждение К. Бантинга и У. Кимлики о том, что на практике в политике большинства западноевропейских стран не было отхода от мультикультурализма, следует считать верным.

Важно отметить, что К. Бантинг и У. Кимлика не видели в сохранении использования политики мультикультурализма никакого противоречия с применением западноевропейскими государствами политики

[1] В данной работе мы показываем индекс только 14 западноевропейских государств-членов ЕС, а также Норвегию и Швейцарию, и опускаем данные индекса мультикультурализма для государств не из западноевропейского региона (Австралия, Канада, Новая Зеландия, США, Япония,).

[2] Некоторые оценки индекса мультикультурализма, определенные К. Бантингом и У. Кимликом в своём исследовании были исправлены в соответствии с более поздним повторным исследованием, данные из которого еще более упрочили выводы канадских экспертов.

гражданской интеграции, так как, по мнению ученых, эти две модели интеграции иммигрантов вполне совместимы и при определенных условиях не исключают, а дополняют друг друга. Основным условием их успешного сочетания является либеральный и добровольный подход при реализации политики гражданской интеграции [3, p. 4]. Мы полностью разделяем мнение канадских ученых.

Таким образом, проблема реализации политики мультикультурализма в государствах-членах ЕС была во многом обусловлена ухудшением отношения политических кругов и общественности в странах Сообщества к мусульманам и исламу, вследствие произошедших в начале XXI в. терактов, совершенных отдельными исламскими экстремистскими группировками. При этом следует отметить, что на практическом уровне в государствах-членах ЕС отхода от политики мультикультурализма в исследуемый нами период не наблюдалось. Кризис мультикультурализма и призывы отказаться от него присутствовали лишь на уровне политического и общественного дискурса большинства вышеназванных стран.

Источники и литература:

1. Громыко, Ал.А. Мусульманская диаспора: сложность интеграции / Ал.А. Громыко, Г.С. Остапенко // Дилеммы Британии. Поиск путей развития / под общ. ред. Ал.А. Громыко, Е.В. Ананьевой. – М. : Весь Мир, 2014. – С. 221–260.

2. Allen, C. Islamophobia and the Crises of Europe's Multiculturalism / C. Allen // New multicultural identities in Europe: religion and ethnicity in secular societies: Current issues in Islam / Eds. E. Toguslu, J. Leman, İ.M. Sezgin. – Leuven, 2014. – P. 213–228 p.

3. Banting, K. Is there really a backlash against multiculturalism policies? New evidence from the multiculturalism policy index / K. Banting, W. Kymlicka. – Stockholm : SULCIS, 2012 – 28 p.

4. European Election Database [Electronic resource]. – Mode of access: http://eed.nsd.uib.no/webview/index.jsp?study=http%3A%2F%2F129.177.90.166%3A80%2Fobj%2FfStudy%2FNLPA2010_Display&mode=cube&v=2&cube=http%3A%2F%2F129.177.90.166%3A80%2Fobj%2FfCube%2FNLPA2010_Display_C1&top=yes.– Date of access: 03.11.2019.

5. Jupp, J. Shifting dilemmas. Multiculturalism and integration policies in Europe / J. Jupp // Migration and integration in Europe, Southeast Asia, and Australia: a comparative perspective / Eds. J. Pietsch, M. Clark. – Amsterdam, 2015. – P. 57–74.

6. Kymlicka, W. Multicultural odysseys: navigating the new international politics of diversity / W. Kymlicka. – New York, 2007. – 374 p.

7. Mathieu, F. The failure of state multiculturalism in the UK? An analysis of the UK's multicultural policy for 2000–2015 / F. Mathieu // Ethnicities. – 2017. – Vol. 18, iss. 1. – P. 43–69.

8. Pietsch, J. Public opinion towards new migration flows in Europe and the increasing role of the EU / J. Pietsch// Migration and integration in Europe, Southeast Asia, and Australia: a comparative perspective / Eds. J. Pietsch, M. Clark. – Amsterdam, 2015. – P. 45–56.

9. Triandafyllidou, A.European challenge to multicultural citizenship / A. Triandafyllidou, T. Modood, R. Zapata-Barrero // Multiculturalism, Muslims and Citizenship. A European Approach / Eds. T. Modood, A. Triandafyllidou, R. Zapata-Barrero. – London, 2006. – P. 1–22 p.

10. Tolley, E. Multiculturalism Policy Index: Immigrant Minority Policies. Revised edition / E. Tolley; ed.: M. Vonk. – 2nd ed. – Kingston, 2016. – 145 p.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В ЛИВИИ

Ферас Саллум (Минск)

Конфликт в Ливии является частью волны арабских революций, которые охватили страны Ближнего Востока и Северной Африки в 2011 году. Существовал ряд причин, которые предшествовали этому кризису – социально-экономические, политические и другие. Тезисы будут посвящены рассмотрению политической ситуации в Ливии как фактора напряжённости кризиса, приведшего к ливийской гражданской войне.

Ливия занимает среднюю позицию в Северной Африке, граничащую с Тунисом, Алжиром, Нигером, Чадом, Суданом и Египтом, имеет площадь около 1 760 000 квадратных километров и население около 6 миллионов человек [3, с. 105].

Ливийская Джамахирия имеет экономику рантье, которая зависит главным образом от доходов нефти и преимущества ливийской нефти. Она считается одним из лучших видов мировой нефти и большинство нефтяных скважин находятся в районах, расположенных вблизи экспортных портов на побережье, что снижает транспортные расходы. Российский исследователь А.Б. Подцероб подчеркивает, что самые большие нефтяные месторождения Африки находятся в Ливии. Нужно отметить, что ливийская нефть легко добывается и её залежи располагаются близко к Западной Европе. Тогда нефтяные доходы составляли приблизительно 35% ВНП. Запасы этого сырья исчисляются в 46,4 млрд баррелей, что составляет 3% мировых запасов нефти; резервные запасы газа составляют 1,5 трлн. В период правления М. Каддафи нефти добывалось 1,6 млн баррелей в день, и она, принося стране 93% доходов, составляла 95% экспорта Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (ВСНЛАД) [1, с. 394].

Ливийское общество характеризуется племенным разнообразием, где племя представляет собой основу политической системы, основанной на племенных союзах. На этой основе Муаммар Каддафи после прихода к власти стремился создать альянсы со своим небольшим племенем Кадзафа, к которому он принадлежал, и с другими более многочисленными племенами, такими как Хасуна и аль-Магар. Следовательно, можно сказать, что племя является основным национальным механизмом, через которое гражданин может осуществлять свои политические права, учитывая большой политический вакуум, определяемый отсутствием конституции, верховенства закона и неспособностью создавать партии и профсоюзы. Как утверждает российский специалист Г.В. Лукьянов, в условиях примата традиционных отношений и отсутствия государственной системы военной подготовки высокий уровень племенной разобщенности не лучшим образом

сказывался на порядке ее функционирования. Преданность интересам племени превалировала над идеей лояльности государству [2, с. 330].

В сентябре 1969 года Муаммар Каддафи пришел к власти в результате военного переворота и свергнул короля Объединенного Королевства Ливии (ОКЛ) Идриса аль-Сенусси в рамках организации группы свободных унитарных офицеров.

В начале 1971 года новые руководители Египта, Ливии и Сирии пришли к соглашению об объединении их стран в Федерацию Арабских Республик, при этом предполагая превращение правившего в Египте Арабского социалистического союза в общеарабскую партию [3]. Так летом 1971 г. под эгидой и покровительством СРК (Совет революционного командования) была создана первая в истории страны массовая политическая организация – Арабский Социалистический Союз (АСС), призванная консолидировать общество, мобилизовать общественную поддержку и легитимизировать политику правительства. АСС последовательно вытеснял либо поглощал альтернативные политические силы, действовавшие в стране, а после принятия в 1972 г. закона о запрете партийно-политической деятельности вне его структуры стал единственной общественной организацией [2, с. 332].

В феврале 1977 года в городе Себха открылась внеочередная сессия Всеобщего народного конгресса, которая утвердила Декларацию и коренным образом реорганизовала государственное устройство Ливии. Была провозглашена Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия. Совет революционного командования и Совет министров Ливийской Арабской Республики были распущены. Всеобщий народный конгресс своим решением от 3 марта 1977 года прекратил деятельность Арабского социалистического союза Ливии. Это было сделано в соответствии с положениями «Зелёной книги» Муамара Каддафи, в которой утверждалось, что партийная система в Ливии себя изжила, и «власть народа может осуществляться непосредственно через народные собрания и комитеты» [3, с. 104].

В 1977 году Каддафи сменил имя Ливии на ВСНЛАД, начав создавать уникальную политическую систему, основанную на его идеях, которые вытекали из следующего:

- ✓ Зеленая книга – в 1975 была написана Каддафи как конституция для Ливийской Джамахирии, в которой он представляет свои идеи о системах правления и свои взгляды на социализм, свободу и демократию;
- ✓ Теория третьего мира – политическая теория управления, основанная на правлении народных масс и власти народа посредством прямой демократии, посредством всенародных конференций как инструмента для законодательства и народных комитетов как инструмента исполнения;
- ✓ Документ о революционной легитимности – был выпущен 11 марта 1990 года, который подтверждает ограничение законности в лице Каддафи [3, с. 106, 107].

Разумеется, что Ливийская Джамахирия представляла собой уникальную политическую систему такого рода, в которой отсутствовало большинство аспектов политической организации, на которой строится национальное государство, к примеру: конституция, регулирующая отношения между правителем и управляемыми, трех институтов – исполнительной, законодательной и судебной, институты гражданского общества. В этой связи В.А. Кузнецов делает вывод о том, что за последние двадцать лет две из четырех стран Магриба оказывались на грани гражданской войны и коллапса государственности – Алжир в 1990-е гг. и Тунис в 2013 г., а Ливия эту грань перешагнула в 2011 г., что стало следствием именно ригидности их политических систем, не всегда готовых к испытанию демократией [1, с. 103].

Итак, в течение 42 лет, полковник Каддафи обладал абсолютной властью, установив авторитарный режим для правления с делегированными полномочиями организациям, возглавляемым членами его семьи или приближенными к нему людьми. Подобная политическая система правления содействовала росту недовольства ливийского народа и послужила одним из факторов напряжённости в Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии.

Источники и литература:

1. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Институт востоковедения РАН. – М. : ИВ РАН, 2015. – 504 с

2. Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2015. – 488 с.

3. Тарамбет, И. Татаххул аль-нато в аль-низаат аль-дахилия (Вмешательство НАТО во внутренние конфликты) / И. Тарамбет. – Марказ аль-китаб аль-акадими, 2017. – 200 с. (на араб. яз.)

СТАНОВЛЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ КНР В СТРАНАХ АФРИКИ И ЗАПАДНОЙ АЗИИ В ТЕЧЕНИЕ 2000–2015 гг.

Ю.В. Подрез (Сумы)

На сегодняшний день Китай, являясь второй экономикой мира, ввозит из заграницы около 70% употребляемой им нефти, при том, что 47% нефтяного импорта (133 млн тонн) – это Африка и Западная Азия. С 2004 года количество импорта нефти с этих регионов увеличилось в среднем на 12% в год. Главным поставщиком такого ценного сырья для Китая здесь является Саудовская Аравия и Иран. Именно на эти страны приходится половина ближневосточного нефтяного импорта. По прогнозам Международного энергетического агентства (англ. International Energy Agency, IEA), к 2030 г. Китай будет ежедневно употреблять 16,6 млн баррелей нефти (в 2010 г. – 9,2 млн баррелей), из которых импорт составляет 12,5 млн баррелей в день [1].

Значительный подъем ощутим и в китайско-арабской торговле. За последние десять лет она увеличилась почти в 10 раз – с 25 млрд долларов до 239 млрд долларов США при ежегодном увеличении в среднем на 25%. Стоимость контрактов строительных компаний, подписанных китайским бизнесом на Ближнем Востоке, также увеличилась почти в 10 раз – с 2,6 до 29 млрд долларов США (ежегодное увеличение составляло в среднем 27%). На сегодняшний день достаточно большое количество китайских компаний довольно успешно работают в Западной Азии. Только в Объединённых Арабских Эмиратах их количество достигает более 100, порядка 80 предприятий работают в Саудовской Аравии, на которых задействовано около 40 тысяч работников.

Следует отметить, что с момента реализации Пекином планов касательно создания «экономического пояса нового Шелкового пути» и «морского Шелкового пути XXI века» страны Африки и Западной Азии находятся под пристальным вниманием со стороны КНР. Именно этот фактор является, по нашему мнению, основополагающим элементом стратегии реализации «китайской мечты» о создании общества «сяокан» [4].

Главная задача таких мегапроектов – вовлечь экономику и рынки центральноазиатских, а также ближневосточных стран в орбиту китайских торгово-экономических и геополитических интересов, обеспечивая их успешное продвижение вглубь европейского континента [7]. Из этого следует, что Китай, как никто другой, заинтересован в стабильности на Ближнем Востоке и очень много для этого сделал.

С 2004 года действует Форум Китайско-арабского сотрудничества, ориентированный на длительные партнерские отношения между Китаем и арабскими странами; принята Тяньцзинская декларация «Китайско-арабские стратегические отношения в интересах всеобщего сотрудничества и общего развития» (2010); с рядом арабских стран установлены стратегические отношения (Египет, Турция, Алжир, Саудовская Аравия, ОАЭ); выработан механизм стратегического диалога с Советом сотрудничества арабских стран Персидского залива, Китаем и арабскими государствами; приняты «План действий на 2014–2016 годы» и «План развития на 2014–2024 годы» и т.д. [5].

Используя экономические рычаги, экономическую дипломатию, а также межгосударственные противоречия, имеющие место в странах Африки и Западной Азии, КНР постепенно занимает позиции одной из доминирующих внешних сил, влияющей на экономику и безопасность огромнейшего региона.

Последние 10–15 лет для многих африканских стран прошли под эгидой укрепления торговых связей с Китаем, который на сегодняшний день превратился в большого инвестора. Непосредственные инвестиции КНР в африканские страны увеличились с 500 млн долларов США в 2003 г.

до почти 15 млрд в 2012 г., а уже в 2013 г. заем для развития инфраструктуры стран Африки к югу от Сахары достиг 20 млрд долларов США. Еще в 2009 году Китай обогнал США, превратившись в самого крупного торгового партнера Африки. А в 2013 году объемы африканско-китайской торговли превысили 210 млрд долларов. Китай, таким образом, оставил позади США, увеличивши разрыв у 2,5 раза [5].

Значительный интерес КНР к африканским странам, активно проявляющийся в 2000-х годах, абсолютно очевиден. В регионе сосредоточены огромнейшие запасы природных ресурсов, около 60% необработанных земель сельскохозяйственного назначения, огромнейший внутренний рынок с возрастающей способностью покупать различные товары, а также целая армия потенциальных низкооплачиваемых рабочих [8].

Согласно данным Управления энергетической информации США (англ. U.S. Energy Information Administration, EIA), за последние 30 лет запасы нефти в Африке увеличились на 120%: с 57 млрд баррелей в 1980 г. до 124 млрд баррелей в 2012 г. По оценкам международной консалтинговой кампании KPMG, возле берегов африканского континента есть огромные шельфовые залежи (100 млрд баррелей) нефти. Значительно также возросли запасы природного газа – с 210 триллионов кубических футов в 1980 г. до 509 триллионов в 2012 г., т.е. фактически более, чем на 140%. Благодаря постоянным разведывательным работам эти показатели постоянно увеличиваются. В одном только Мозамбике совсем не так давно было обнаружено 127 триллионов кубических футов газа, а неразведанные запасы оцениваются еще в 152 триллиона [8].

В мае 2014 г. премьер-министр КНР Ли Кецян озвучил, что в африканско-китайских отношениях возрастает напряжение. И, скорее всего, с целью снижения градуса напряжения, Пекин 10 июля 2014 г. объявил о новой стратегии помощи зарубежным странам. Главное внимание акцентируется именно на странах Африки к югу от Сахары. Даная стратегия содержит в себе набор конкретных медицинских, сельскохозяйственных и инфраструктурных проектов, развитие которых на протяжении 2015–2020 гг. будет реализовано с помощью китайского капитала. Следует отметить, что количество африканских стран, в общем количестве получаемых китайскую помощь, увеличено по сравнению с практикой предыдущих лет [2; 3; 6].

В результате, в 2012 г. поддержка Африки увеличилась до 51,8% общего объема помощи Китая, по сравнению с 45,7% в 2009 г. Данная тенденция выгодно отличается от политики стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЕСР) (англ. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)), которая постепенно снижает аналогичные программы [9].

Новые веяния начали активно обсуждаться сразу же после визита в Африку главы КНР Си Цзиньпина в 2013 г. и премьера Ли Кецяна.

На официальном уровне было сделано заявление о стремлении Пекина уменьшить роль природных ресурсов в китайско-африканских отношениях. Вместо этого китайский лидер предложил укрепить сотрудничество в направлении развития инфраструктуры данных стран, медицины, транспортных соединений и т.д. [10].

Таким образом, КНР проводит достаточно гибкую внешнеполитическую линию по отношению к странам Африки и Западной Азии, направленную на бесперебойное длительное обеспечение Китая местными энергоресурсами, хлопком, рудами, а также иным сырьем за сравнительно небольшие деньги.

Для достижения этой цели Китай довольно успешно использует методы экономической дипломатии – инвестиции, кредиты, программы партнерства в обмен на долгосрочные контракты, льготы в налогообложении и режим работы китайских компаний в условиях преференций.

Источники и литература:

1. BP: прогноз развития мировой энергетики до 2030 года [Электронный ресурс] // BP. – Режим доступа: http://www.bp.com/content/dam/bp-country/ru_ru/folder/2030_Booklet_rus.pdf. – Дата доступа: 11.02.2019.

2. Ирисова, О. Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку [Электронный ресурс] / О. Ирисова // Forbes. – 27.03.2015. – Режим доступа: http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyi-imperializm-kak-kitai-zavoevyvaet-afriku. – Дата доступа: 07.08.2018.

3. Breslin, Sh. Access: China's Resource Foreign Policy [Electronic resource] / Sh. Breslin // LSE. – Mode of access: http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR012/breslin.pdf. – Date of access: 12.09.2018.

4. China country profile [Electronic resource] // BBC News. – 2018. – 4 April. – Mode of access: https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-13017877. – Date of access: 15.02.2019.

5. China's Energy Strategy and the Role of Gov't Oil in Africa [Electronic resource] // Energy China Forum. – 2011. – 4 May. – Mode of access: http://www.energychinaforum.com/news/50189.shtml. – Date of access: 02.11.2018.

6. Martina, M. China seeks investment for disputed islands, to launch flights [Electronic resource] / M. Martina, D. Brunnstrom // Reuters. – 2016. – 15 January. – Mode of access: http://www.reuters.com/article/us-southchinasea-china-idUSKCN0UT0QR. – Date of access: 06.03.2018.

7. Ni, W. Integrated energy strategy for the sustainable development of China [Electronic resource] / W. Ni, L. Ma, P. Liu, F. Fu, Zh. Li // Energy. – Vol. 36, № 2. – February 2011. – Mode of access: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360544210006808. –Date of access: 08.11.2017.

8. Pilling, D. China's economic facts and fakes can be hard to tell apart [Electronic resource] / D. Pilling // The Financial Times. – 2015. – 16 September. – Mode of access: https://www.ft.com/content/fa48bdc2-5b8b-11e5-9846-de406ccb37f2#axzz41IaPf4JJ. – Date of access: 12.08.2018.

9. Zhang, J. China's Energy Security: Prospects, Challenges, and Opportunities [Electronic resource] / J. Zhang // Brookings. – 2011. – 14 July. – Mode of access: https://www.brookings.edu/research/chinas-energy-security-prospects-challenges-and-opportunities/. – Date of access: 02.12.2018.

10. Zhang Pengfei. Outcome list of President Xi Jinping's state visit to the United States [Electronic resource] / P. Zhang // Xinhua. – 2015. – 26 September. – Mode of access: http://english.cntv.cn/2015/09/26/ARTI1443227957974115.shtml. – Date of access: 14.06.2018.

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Лю Сянцянь (Минск)

КНР является мировой туристической державой, активно сотрудничающей в этой сфере с различными регионами и странами мира. Туристическая дипломатия стала неотъемлемой частью национальной дипломатии, важным способом формирования и распространения положительного имиджа страны и содействия международному признанию Китая, а также важным аспектом реализации концепции взаимовыгодного сотрудничества.

Китай и Япония являются соседями с давней историей и глубокими отношениями. С конца XX и до начала XXI в. китайско-японские отношения претерпели важные позитивные изменения, но вместе с тем столкнулись с конфликтами и конфронтациями. Туризм играет активную роль в улучшении связей между двумя странами и поддержании региональной стабильности, причем туристическая дипломатия выступает в роли своеобразной «смазки».

Туристический обмен между Китаем и Японией пережил процесс развития с нуля [1]. В период образования «нового Китая» Пекин был изолирован от западных стран. Правительства Китая и Японии достигли нормализации отношений в 1972 г., а спустя шесть лет подписали Договор о мире и дружбе. В 1984 г. 3000 молодых людей, представители всех слоев японского общества, были приглашены посетить Китай, что автор оценивает как первое масштабное мероприятие по взаимодействию после нормализации китайско-японских дипломатических отношений. В 1985 г. 500 китайских юношей посетили Японию по линии обществ дружбы [2]. Таким образом, туристическая дипломатия осуществлялась в форме взаимных визитов молодежи, которые способствовали активизации взаимопонимания и дружбы.

Японская экономика периода с 1991 по 2001 г. называлась «потерянным десятилетием». В 1998 г. темпы роста числа японских туристов в Китае резко снизились из-за финансового кризиса в Азии. В то же время выездной туризм Китая находился на ранних стадиях развития и не подвергался значительному влиянию финансового кризиса, как показано на рисунке 1.

Рис. 1. Источник данных: Японская национальная туристическая организация (JNTO) [3].

Рис. 2. Источник данных: Ежегодник по статистике в сфере туризма в Китае [4].

После вступления в XXI век туристические обмены между Китаем и Японией стали более интенсивными. С одной стороны, из-за медленного внутреннего экономического развития и высокой стоимости выездного туризма на большие расстояния все больше японских туристов едут в КНР, Южную Корею и страны Юго-Восточной Азии. В то же время Япония активно развивает въездной туризм и сокращает ограничения для получения туристических виз. С другой стороны, благодаря изменениям в китайской политике выездного туризма, увеличению платежеспособности и интереса к зарубежным поездкам, улучшению транспортной инфрастуктуры и сервиса число выезжающих китайских туристов постепенно растет.

В связи с конъюнктурным характером туристической индустрии, ухудшением китайско-японских отношений в 2005 г., международным финансовым кризисом в 2008 г. и гриппом типа А (H1N1) в 2009 г. популярность китайско-японских туристических обменов снизилась. Однако после 2010 г. они вступили в новый этап. Правительство Японии смягчило индивидуальную туристическую визовую политику, что стимулировало число индивидуальных туристических поездок граждан Китая в Японию, которое в 2010 г. выросло по сравнению с предыдущим годом на 40%, составив 1,41 млн визитов. Число японских туристов в Китай превысило 3,73 млн (+12%). Число двусторонних туристических обменов между Китаем и Японией превысило 5 млн визитов, однако вопрос о суверенитете над островами Дяоюйдао/Сенкаку вновь вызвал «холодные» отношения между двумя странами. К этому обстоятельству добавилось и стихийное бедствие в Японии [5].

Чтобы улучшить отношения с Пекином и оживить свою экономику, Токио еще более облегчил визовый режим для китайских туристов. Согласно статистике, китайцы совершили 1,43 миллионов поездок в Японию, что на 37% больше, чем в 2011 г., однако из-за территориального конфликта многие потенциальные китайские туристы отказались ехать в Японию в 2014 г. В мае следующего года более 3000 японцев, представителей различных кругов, побывали в Китае, и это масштабное событие является ярким подтверждением, что основа китайско-японской дружбы заложена в отношениях между народами. Руководитель Китая Си Цзиньпин приветствовал и высоко оценил это событие [6].

2015–2019 гг. стали периодом непрерывного развития китайско-японских отношений, когда официальная и туристическая дипломатии развивались синхронно. По случаю празднования 45-й годовщины нормализации дипломатических отношений между обеими странами, а также 40-летия со дня заключения японо-китайского Договора о мире и дружбе Пекин и Токио осуществляли обмены посредством различных механизмов, углубляя тем самым сотрудничество во всех сферах общественной жизни. В 2018 г. число китайских туристов, выезжавших в Японию, достигло 8,38 млн (+14%), и КНР стала крупнейшим источником въездного туризма. В 2019 г. КНР и Япония поддерживали частые контакты на высоком уровне, а также неправительственные обмены (например, Год поощрения молодежного обмена). Правительство Японии еще более облегчило визовый режим для китайских туристов, число индивидуальных туристических поездок граждан Китая в Японию в 2019 г. выросло по сравнению с предыдущим годом на 14%, составив 9,6 млн визитов.

Анализируя историю китайско-японских отношений после войны, мы видим, что они пережили различные этапы: изоляция друг от друга, быстрое развитие, частые конфликты, стратегические прорывы. Туристические обмены напрямую зависят от состояния политических связей, однако основа китайско-японской дружбы заложена в послевоенных отноше-

ниях между народами, где было больше хорошего, нежели плохого. Являясь составной частью культурной дипломатии, туристическая дипломатия способствует поддержанию благоприятной тенденции к количественному и качественному развитию китайско-японских отношений во всех сферах.

Источники и литература:

1. Джин Юши. Пространственная структура туристических действий материковых китайских туристов в Японию / Юши Джин // Мировая география исследований. – 2017. – Т. 26, № 2. – С. 110–118. (на кит. яз.)

2. Некоторые члены китайской молодежной делегации на вечеринке с японскими друзьями в Токио [Электронный ресурс] // Портал китайского правительства. – Режим доступа: http://www.gov.cn/jrzg/2008-05/08/content_964285.htm. – Дата доступа: 30.03.2020. (на кит. яз.)

3. Японская национальная туристическая организация (JNTO) [Электронный ресурс] // Национальный туристский интернет-портал Япония. – Режим доступа: https://www.jnto.go.jp/jpn/index.html. – Дата доступа: 20.03.2020. (на япон. яз.).

4. Ежегодник по статистике в сфере туризма в Китае / Министерство культуры и туризма КНР, 1992–2019. – Пекин : Туристическое издательство КНР, 1992–2019. (на кит. яз.)

5. Кан Чэнвэнь. Анализ влияния вопроса о острове Дяоюйоо на китайско-японские экономические отношения / Чэнвэнь Кан // Изучай Японию. – 2014. – № 2. – С. 1–5. (на кит. яз.)

6. Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с важной речью на конгрессе по дружбе и обмену между Китаем и Японией [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. – Режим доступа: http://cpc.people.com.cn/n/2015/0524/c64094-27046720.html. – Дата доступа: 18.03.2020. (на кит. яз.)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

А.П. Шмелев, В.В. Сикираж (Н. Новгород)

Глобализация в рамках современных международных отношений носит всеобъемлющий характер, таким образом эффект взаимозависимости затрагивает все сферы государственной жизни от политики и экономики до культуры и быта населения. В свою очередь, для такого актора на международной арене, как Китай, с учетом общей секуляризации общества, как одного из трендов глобализации, религиозный фактор является одним из ключевых и в национальной политике КНР, и во внешнеполитической деятельности.

Основными религиозно-философскими течениями в Китае являются буддизм, конфуцианство и даосизм, однако не сами они, а положения этих учений, собранные в своеобразной синкретической манере, диктуют поведение людей, их отношение к обществу, природе и, самое главное, к государству. На протяжении всей истории сложилось так, что религиозная идеология, заложенная в эти постулаты, управляет общественной жизнью китайцев таким образом: конфуцианство – основа общественных отношений, буддизм – мистических верований, даосизм – объясняет положение

человека в природе. Религия исторически является неотъемлемой частью человеческого социума, зачастую объединяя людей вне зависимости от их этноса или положения в обществе и предотвращая распри с помощью заложенных в нее моральных установок. Обеспечение свободы вероисповедания, пресечения религиозного и этнического экстремизма, а также содействие религиозному диалогу во благо всему мировому сообществу являются общей повесткой для стран всех мира. Китайское правительство, проанализировав тенденции развития религий и их адаптацию к новому мировому порядку, учитывая, как положительный, так и отрицательный опыт внутри и вне государства, для содействия развитию стабильных и гармоничных религиозных отношений, официально закрепило права на свободу вероисповедания в законодательной базе. В докладе, с которым выступил генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин на XIX съезде КПК, говорилось о том, что, проводя в жизнь основной курс Партии в области религиозной работы, необходимо придерживаться курса китаизации религий и активно содействовать адаптации религий к нуждам социалистического общества [2, p. IV, п.6].

Несмотря на действующее законодательство в стране разрешено функционирование лишь определенных религиозных организаций, чья деятельность строго контролируется свыше. Религии кроме официально разрешенных (буддизм, даосизм, католицизм, некоторые протестантские деноминации, ислам) вне закона и не могут быть зарегистрированы [1, p. 2]. Таким образом, КПК сама формирует религиозный мир внутри государства, смягчая ограничения лишь для лояльных режиму конфессий и их представителей. Хотя различные учения не запрещены, а даже поддерживаются, идеологической основой правящей партии служат постулаты марксизма, под которые интегрируют остальные идеи. Так, еще во времена Дэн Сяопина были провозглашены «четыре основных принципа»: «отстаивать социалистический путь, отстаивать диктатуру пролетариата, руководство со стороны партии, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна» [3]. Принцип «единения без унификации» способствует идее уникальности и превосходства китайских идеологических и культурных ценностей. На XIX съезде КПК Си Цзиньпин в своем выступлении, развивая идею Мао Цзэдуна, выразил необходимость объединения всех учений и традиций в стране для преодоления существующих политических проблем: «Необходимо стоять на позиции служения народу и делу социализма, неуклонно придерживаться курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», стимулировать творческое внедрение плодов культуры и ее инновационное развитие для того, чтобы китайская культура непрерывно сияла блеском новых достижений» [2, p.VII].

Многие идеи, высказываемые китайским правительством сопряжены с так называемой «Китайской мечтой», что требует превращение в действительность Столетних целей [7]:

– «Завершение всестороннего строительств общества малого благосостояния (сяокан)» к 2021 г.;

– «Создание сильного богатого демократического цивилизованного гармоничного социалистического модернизированного государства» к 2049 г.

Хотя может показаться, что «китайская мечта» охватывает аспекты лишь внутренней политики, она в большой степени влияет и на принятие внешнеполитических решений. Так, по заявлению Си Цзиньпиня, «Китайская мечта» – это «мечта о мире, развитии, сотрудничестве и взаимной выгоде, она взаимно соприкасается с лучшими мечтами всех народов мира, включая американскую мечту» [7]. Также он дополнил эту идею понятием «общности судеб» всех народов мира. Именно благодаря «китайской мечте» идея общенародной консолидации закрепилась в китайской идеологии, что не смогли полностью привнести иные учения.

Но, даже подобные идеологические установки не могут полностью предотвратить межэтнические и межконфессиональные конфликты, что отображается в критике политики КНР со стороны США и стран Запада. С 1990-х гг. СУАР (Синьцзян-Уйгурский Автономный Район) является одним из проблемных в стране регионов, что связано с распространением радикального ислама [6]. В связи с этим власти Китая предпринимали попытки мирного противодействия нежелательным идея. Однако после событий 2009 и 2013–2014 годов стало понятно, что необходимо ужесточение режима по отношению к радикально настроенным группам и индивидам. Исходя из идеи консолидации народов и курса на «китаизацию», были созданы специальные учреждения по переобучению, которые по уверению правительства Китая направлены отнюдь не на ущемление гражданских прав и свобод, закрепленных законом, а на искоренение терроризма и религиозного экстремизма. При этом, в лагерях, заключенным, проходящим переобучение, гарантируются все базовые права, прописанные в Конституции КНР [8].

Естественно, что, при такой ситуации внутри государства, этим не могли не воспользоваться заграничные конкуренты. В связи с чем обострились и без того натянутые отношения с США, обвинившими Китай в ущемлении свободы вероисповедания путем уничтожения культурно-религиозных мест и заключение под стражу жителей, исповедующих ислам. Однако на момент 2019 года в Китае насчитывалось примерно 24800 мечетей, что равно одной на 530 прихожан [4]. В случае же с профессиональными учебно-тренировочными центрами китайская сторона приводит как аргумент отсутствие терактов за три года существования лагерей, их соответствие законам Китая и поддержку ООН [5]. В данном случае можно воспринимать высказывания западных держав как политические попытки подрыва авторитета и государственности КНР.

В свою очередь, Пекин пытается выстроить диалог с мировым сообществом посредством обмена в религиозной сфере и мирного взаимодействия на различных международных религиозных площадках. Китай поддерживает отношения с религиозными организациями 80-ти стран мира и активно участвует на конференциях, организованных Всемирной конференцией религий за мир, Всемирным братством буддистов, Всемир-

ным советом церквей, Всемирной исламской лигой и другими международными организациями, способствующими общечеловеческому пониманию и веротерпимости. Присутствие его представителей на сессиях Совета ООН по правам человека и многих диалогах, посвященных правам человека, вызывают уверенность в гуманных целях КНР. Более того, китайские религиозные круги, активно откликнувшись на инициативу «Пояс и путь», продвигают сближение народов и взаимопроникновение культур. Буддийские круги Китая четыре раза проводили международный буддийский форум, а даосские круги – международный даосский форум. Теперь эти два форума стали важными платформами обмена между китайскими и зарубежными буддийскими и даосскими кругами. Исламская ассоциация Китая в 2012 и 2014 годах проводила исламские культурные мероприятия в Турции и Малайзии. Китайские и американские христианские церкви в 2013 году провели 2-й форум китайских и американских христианских лидеров в Шанхае, а в 2017 году – семинар «Сотрудники китайских церквей» в США. В 2016 году Исламская ассоциация Китая, Китайское христианское общество, Католическая патриотическая ассоциация Китая и Китайский католический епископский колледж совместно с Немецким протестантским союзом провели в Германии «Религиозный диалог между Китаем и Германией – мир и совместное пользование». После начала проведения политики реформ и открытости китайские религиозные организации направили больше 1000 человек на учебу за границу [1, p. 5].

Таким образом, можно констатировать факт того, что религиозная составляющая с учетом курса на «китаизацию» религий и культур является одной из ключевых при реализации КНР и внутренней политики, и международных отношений с различными государствами мира.

Источники и литература:

1. Белая книга «Политика и практика обеспечения свободы вероисповедания в Китае» [Электронный ресурс] // СИНЬХУА Новости. – 25.05.2018. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2018-05/25/c_137206040.htm. – Дата доступа: 05.04.2020.

2. Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] // СИНЬХУА Новости. – 2017. – 03 ноября. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm. – Дата доступа: 10.02.2020.

3. Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя на XV Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс] // China Internet Information Center. – 1997. – 12 сентября. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-06/17/content_8950978.htm. – Дата доступа: 30.03.2020.

4. Необходимо уважать факты и отказываться от предубеждений [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. – 2019. – 23 июля. – Режим доступа: http://russian.people.com.cn/n3/2019/0723/c31521-9599633.html. – Дата доступа: 13.03.2020.

5. Коростиков, М. Уйгурам не хватило подписей [Электронный ресурс] / М. Коростиков // Коммерсантъ. – 2019. – 15 июля. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4031915. – Дата доступа: 19.03.2020.

6. Бибикова, О.П. Уйгурский джихад в Китае и Сирии [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/uygurskiy-dzhihad-v-kitae-i-sirii/viewer. – Дата доступа: 16.03.2020.

7. 中国梦. (Китайская мечта) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://baike.baidu.com. 百度. – Дата доступа: 30.03.2020.

8. 新疆的职业技能教育培训工作 (Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне) [Электронный ресурс]. – 2019. – 16 августа. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-08/16/c_1124883270.htm. – Дата доступа: 27.03.2020.

ЭКОНОМИКА И ТОРГОВЛЯ МЕЖДУ МОНГОЛИЕЙ И КИТАЕМ В 2007–2017 гг.

Тунлага (Минск)

Экономика и торговля между Монголией и Китаем связаны во многом с географическим положением. Монголия и Китай имеют более 4710 км общей границы. С быстрым развитием индустриализации и урбанизации Китая спрос в КНР на ресурсы продолжает расти для обеспечения экономической безопасности страны и поддержки национальной экономики. Для поддержания хорошего развития крайне важно создать базу резервных ресурсов и долгосрочного стратегического партнера в области энергетики. Богатые ресурсы Монголии и отсталая индустриализация образуют хорошую взаимодополняемость с Китаем.

Взаимодополняемость в экономическом развитии и уникальное географическое преимущество заложили прочную основу для экономического и торгового сотрудничества между двумя странами, что также дает возможность установления широкой перспективы сотрудничества. Китай стал крупнейшим торговым партнером Монголии уже более десяти лет назад и играет важную роль в содействии её экономическому развитию.

Объем взаимной торговли. Импорт. Экспорт данных Монголии из Китая (2007–2017 гг.), млн долл. США.

Год	Объем взаимной торговли	Экспорт	Импорт
2007	40	21	19
2008	61	36	25
2009	40	21	19
2010	62	33	29
2011	114	66	48
2012	111	67	44
2013	107	64	43
2014	112	52	58
2015	85	38	47
2016	83	34	49
2017	105	43	62

Источник: Монгол Улсын статистикий эмхтгэл 2007–2017. [Статистический сборник Монголии [2007–2017]. улаанбаатар, 2007–2017 гг.; Mongolian statistical information service [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.1212.mn/. – Date of access: 05.01.2020.

Анализируя график с 2007 по 2008 г., можно сказать, что экономика Монголии поддерживала устойчивый рост. Под влиянием мирового финансового кризиса и резкого падения цен на минеральные продукты экономика Монголии в 2009 г. продемонстрировала отрицательный рост. В 2010 г. под влиянием роста цен на минеральные продукты на международном рынке экономика быстро восстановилась и достигла роста ВВП на душу населения 6,1% [1].

С постепенным ослаблением мирового финансового кризиса мировая горнодобывающая отрасль вышла из кризиса, цены на минеральные продукты на международном рынке находятся на высоком уровне, а монгольская стратегия «минерального омоложения» постепенно достигла результатов. В то же время, стимулируя развитие смежных отраслей и строительство инфраструктуры, в 2011 г. ВВП на душу населения Монголии вырос на 17,3% в годовом исчислении, а монгольская экономика получила беспрецедентный быстрый темп развития. В 2011 г. общий объем внешней торговли Монголии впервые превысил 10 млн. долл. США, достигнув 11,42 млн долл. США [1, с. 80].

Инициатива «Один пояс – один путь», предложенная руководителем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., является основной стратегией открытия Китая перед внешним миром [1, с. 73]. Монголия является важным узлом для Северного пути «Один пояс – один путь».

«Один пояс – один путь» способствовал углублению китайско-монгольского торгового сотрудничества. Китай является крупнейшим торговым партнером Монголии. Согласно статистике Монголии, в 2013–2017 гг. внешняя торговля Монголии составила 48,88 млн долл. США, а торговля между Китаем и Монголией – 29 млн долл. США, что составляет 59,3% [1, с. 82].

Однако, не смотря на определённые достижения, обе страны должны искать новые возможности и преимущества в использовании инициативы «Один пояс – один путь», а также углублять тесные связи между проектами «Один пояс – один путь» и «Степной путь», что будет способствовать укреплению политического взаимного доверия и в полной мере даст возможность реализовать основные проекты, направленные на содействие прагматичному сотрудничеству в строительстве, в переговорах о свободной торговле и создании оперативных институтов в Китае, монгольских финансовых учреждений, а также постоянно продвигать торгово-экономическое сотрудничество Китая и Монголии.

Источники и литература:

1. Би Аонан. «Чжун хуа рэн мин гун нэ го нэ Мэи гу го го цзя гуан си ли ши биан ниан (1949–2014)» = Историческая хроника государственных отношений Китайской Народной Республики с Монголией (1949–2014) / Аонан Би, Ганбатэ Н. – Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2014. – 371 с. (на монг. яз.).

КИТАЙСКИЕ ЦЕНТРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КУЛЬТУРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КНР

Ши Даньдань (Минск)

Внешняя культурная политика КНР основывается на многообразных ресурсах и реализуется в различных сферах, куда входят и общественные науки.

В апреле 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин впервые предложил создание «мозговых центров» с китайской спецификой, определив их роль в качестве важной составляющей мягкой силы страны [1, с. 121]. Задача активнее создавать «мозговые центры» с китайской спецификой была поставлена на третьем пленуме ЦК КПК в 2013 году. Исходя из решений 18 съезда КПК (2012 г.), пленум обсудил вопросы формирования системы политических консультативных услуг на государственном уровне и укрепления влияния Китая на глобальном уровне [2].

За период с 2013 по 2019 г. в Китае было открыто два центра в рамках указанной стратегии: Центр исследования «мягкой силы» культуры при Пекинском университете (сентябрь 2014 г.) [3] и Государственный инновационный центр совместных исследований «мягкой силы культуры» на базе Уханьского университета (май 2015 г.) [4]. Эти учреждения принимают заметное участие в реализации внешней культурной политики страны, особенно в области сотрудничества с иностранными коллегами с целью разъяснения позиций Китая по основным глобальным проблемам и распространения китайских культурных ценностей в мире. С 2013 года начинается выпуск ежегодника «Доклады о развитии мягкой силы культуры Китая». Помимо этого, с 2016 г. под эгидой Министерства образования КНР: издаются журналы «Мягкая сила культуры» [5] и «Исследование мягкой силы культуры» [6].

В фокусе китайских или привлекаемых иностранных исследователей находится прежде всего проблема повышения значимости роли «мягкой силы» культуры Китая посредством инициативы «Один пояс, один путь», выдвинутой руководством Китая в 2014 году. Например, в статье южнокорейской исследовательницы Ан Юйхуа подробно рассмотрено действие китайской «мягкой силы» культуры в Южной Корее [7].

В декабре 2017 г. Центр исследования «мягкой силы» культуры совместно с университетом г. Реджайна (Канада) организовали международную конференцию в г. Чанше (провинция Хунань), в которой принимали участие более 200 представителей из разных стран. В их числе – научный сотрудник Института экономики Национальной академии наук Беларусь С.Г. Голубев, который подчеркнул, что Беларусь и Китай имеют сходство в выборе пути экономического и социального развития, в связи с чем взаимодействие в области экономики и культуры приносит взаимную выгоду [8].

По оценке директора Центра исследования «мягкой силы» культуры Чан Гоцзо, достижение цели укрепления «мягкой силы» культуры страны тесно связано с повышением глобального влияния и авторитета китайских исследовательских организаций, создание «мозговых центров» с китайской спецификой становится неотложной задачей научного сообщества страны [9].

Таким образом, руководством Китая возлагаются большие надежды на национальные «мозговые центры» в решении задачи повышения международного влияния китайской культуры. Они рассматриваются как эффективный инструмент для осуществления внешней культурной политики и компонент совокупной мощи Китая.

Источники и литература:

1. Чжан Гоцзо. Чжунго вэньхуа жуаньшили фачжань баогао 2017 = Доклад о развитии мягкой силы культуры Китая 2017 г. / Чжан Гоцзо – Пекин : Издательство Пекинского университетеа, 2018. – 199 с. (на кит. яз.)
2. Тарабарко, К.А. «Мозговые центры» как форма институционализации исследований «мягкой силы» культуры Китая / К.А. Тарабарко // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 6. – С. 194–198.
3. Бэйцзин дасюэ чэнли гоцзя вэнхуа жуаньшили яньцзо чжунси = В Пекинском университете открыли центр исследования «мягкой силы» культуры Китая [Электронный ресурс] // Жэньминь чжэнсеван = сайт Народного политического консультативного совета Китая – Режим доступа: http://www.rmzxb.com.cn/c/2014-09-30/386820.shtml/. – Дата доступа: 10.04.2020. (на кит. яз.)
4. Гоцзя вэнхуа жуаньшили яньцзо сетун чуансинь чжунси цзиньжи цзайцзин чэнли = Сегодня в Пекине был создан «Государственный инновационный центр совместных исследований мягкой силы культуры» [Электронный ресурс] // Чжунго гунчаньдан синьвэньван = Сайт новостей Коммунистической партии – Режим доступа: http://theory.people.com.cn/n/2015/0506/c40534-26957522.html/. – Дата доступа: 10.04.2020. (на кит. яз.)
5. Чжан Гоцзо. Вэнхуа жуаньшили чуанканьцы = Обращение к читателям от редакции Журнала «Мягкая сила культуры» / Чжан Гоцзо // Мягкая сила культуры. – 2016. – № 1. – С. 2–3. (на кит. яз.)
6. Ло Юйтин. Чуанканьцы = Обращение к читателям от редакции / Лю Юйтин // Исследование мягкой силы культуры. – 2016. – № 1. – С. 1–2. (на кит. яз.)
7. Ан Юйхуа. Идайилу шиюйся чжунго вэньхуа жуаньшили инсян юй ханьго цзюэсе = Влияние «мягкой силы» культуры Китая и роль Южной Корея в контексте инициативы «Один пояс, один путь» / Ан Юйхуа // Мягкая сила культуры. – 2018. – № 1. – С. 77–81. (на кит. яз.)
8. Голубев, С.Г. Чжунвай чжэнчжи цзинцзи юй сысян вэнхуа хэцяо цзаофу лянго жэньминь = Сотрудничество Беларуси и Китая в политическом, экономическом и культурном области принесло пользу народам двух сторон / С.Г. Голубев // Актуальные проблемы в новой эпохе: материалы междунар. науч.-практ. конф, Чанша, 15–16 декабря 2017 г. / Хунанский университете ; редкол.: Чжао Шицзюй. – Чанша, 2017. – С. 32–33. (на кит. яз.)
9. Чжань Жань. Фажэуй синьсин чжику цзоюн дишэн чжунго вэньхуа жуаньшили = Ввести в действие роль «мозговых центров» с китайской спецификой для повышения «мягкой силы» культуры Китая / Чжань Жань // Характерные и национальные особенности и совокупная мощь Китая. – 2014. – № 7. – С. 80–81. (на кит. яз.)

НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАЙВАНЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

С.Ф. Свилас, А.А. Филимонова (Минск)

Тайваньский вопрос остается нерешенным и таит в себе потенциальную угрозу возникновения горячей точки на Дальнем Востоке. Избавившись от оков советской идеологии, Россия активно сотрудничает с островом Тайвань в области укрепления не только экономических, но и культурных, а также политических отношений.

В 1949 г. в результате гражданской войны в континентальном Китае к власти пришло коммунистическое правительство во главе с Мао Цзэдуном, тогда как правительство Гоминьдан было изгнано на остров Тайвань. С этих событий и берет свое начало тайваньская проблема. Каждое из правительств настаивало на своей легитимности, не признавая возможности создания двух отдельных суверенных государств [1]. Справедливо будет заметить, что тайваньское правительство постепенно отходит от этой позиции и настаивает на признании равных суверенных прав как за КНР, так и за КР [8].

Возобновление отношений РФ с Тайванем после распада СССР в 1991 г. стимулировало российских ученых к более детальному изучению острова. Учитывая остроту и важность для мирового сообщества проблемы «двух Китаев», было изучено, написано и опубликовано большое количество материалов, касающихся этого вопроса. С появлением интереса к данной теме необходимо было организовать центры изучения КНР и Тайваня. Одним из таких центров стал Институт востоковедения Российской академии наук.

История института насчитывает более 200 лет, в настоящее время ИВ РАН обладает огромным интеллектуальным потенциалом и является одним из ведущих центров востоковедения в мире. Сотрудники института занимаются изучением Востока в различных направлениях: регион исследований охватывает не только Дальний Восток, но также Северную Африку, острова Тихого океана, Юго-Восточную Азию, Океанию, Кавказ, Ближний и Средний Восток и т.д. [6].

Институт насчитывает 17 подразделений, однако затрагивающих в своих исследованиях тайваньскую проблему всего два: Центр исследования общих проблем современного Востока и Отдел Китая. Также необходимо выделить Центр Тайваньских исследований, находящийся под юрисдикцией ИВ РАН, чья деятельность полностью посвящена изучению различных аспектов истории Тайваня [5].

Центр исследований общих проблем современного Востока был создан в октябре 2009 года. Он ведет исследовательскую деятельность по различным направлениям, в том числе по региональной безопасности и международным отношениям. Сотрудники занимается изучением трансформации геополитической карты региона в XXI веке, различных проблем

безопасности отдельных стран и регионов, вызовов национальной безопасности и суверенитету государств [11].

Центр ежегодно выпускает огромное количество книг с научными работами сотрудников ИВ РАН, посвященных этноконфессиональным, геополитическим, экономическим проблемам Азиатского и Африканского регионов. Большое внимание уделяется тайваньско-японским отношениям. Следует отметить и книгу «История Востока» в шести томах [2].

Еще одним не менее значимым центром по изучению КНР и КР является Отдел Китая. Его сотрудники занимаются изучением различных аспектов истории и культуры Китая с древнейших времен. Немаловажным направлением работы Отдела является перевод и комментирование как исторических, так и философских памятников этой страны. Научный состав включает В.Ц. Головачева, Э.А. Синецкую, А.И. Кобзева, С.Р. Кучеру, Ю.В. Чудодеева. Нередко востоковеды Отдела Китая публикуются в Большой российской энциклопедии и Новой российской энциклопедии. Сотрудники Отдела изучают внешнюю политику КНР и КР по отношению к России, анализируя при этом многочисленные архивные материалы [7].

На базе Отдела Китая периодически проходят семинары и конференции, посвященные различным проблемам региона. Тем самым расширяются связи сотрудников с исследователями других центров, институтов и даже вузов. Многие студенты и аспиранты, а также иностранные китаеведы принимают участие в старейшей и авторитетнейшей в России конференции «Общество и государство в Китае», где нередко поднимается вопрос о «двух Китаях». Так, к примеру, на 47-й конференции Д. А. Смирнов представил статью «Особенности эволюции института главы государства в материковом Китае и на Тайване», где коснулся истории революции 1949 года и описал ее последствия в сфере эволюции политических институтов [10].

Представляется, что наиболее полезными для изучения молодыми китаеведами являются статьи Ю.В. Чудодеева и Ю.Г. Литвиновой, представленные на 37-й и 39-й конференциях. Ю.В. Чудодеев раскрывает положение дел в политической сфере взаимоотношений двух китайских государств, отмечает изменение отношения Тайваня к политике «одна страна – две системы», подчеркивает напряженность ситуации в регионе [13]. Статья Ю.Г. Литвиновой посвящена экономическим отношениям КНР и КР. В исследовании представлены обширные аналитические данные, а также анализ экономического взаимодействия двух стран. Ю.Г. Литвинова подчеркивает, что расширение экономических связей Тайваня с КНР может помешать обретению Китайской Республикой полной независимости [3].

Отметим еще две статьи, представленные в разное время на конференции «Общество и государство в Китае» – «Интеллектуалы критикуют Гоминьдан: Ху Ши, Лян Шицю, Ло Лунцзи» А.Г. Ломанова [4] и «Китайский фактор в современных международных отношениях» Е.О. Подолько [9] Данные ис-

следования не полностью посвящены проблеме отношений между Тайванем и КНР, но в них затрагиваются определенные аспекты китайского вопроса.

Центр тайваньских исследований начал свою деятельность в 2012 году, что еще раз подтверждает актуальность изучения проблемы «двух Китаев» для России. Руководителем центра стал кандидат исторических наук В.Ц. Головачев. Эксперты Центра всесторонне исследуют остров, сам регион, китайско-тайваньские и российско-тайваньские отношения. К его достижениям можно отнести публикации десятков статей, монографий, сборников, организацию совместной деятельности российских и японских ученых по международному проекту изучения Тайваня в эпоху японского колониального правления, реализацию проекта «Китаеведение – устная история» и т.д. [12].

Важным аспектом деятельности указанных научных центров является приобщение российских востоковедов к мировым исследованиям Тайваня и, как следствие этого, признание их вклада в анализ и изучение двусторонних отношений в регионе; усиление международных связей Института востоковедения и самой Российской академии наук, повышение их научного авторитета за рубежом; содействие развитию и укреплению научных, культурных, политических связей между Российской Федерацией, КНР и Тайванем [12].

Учитывая развитие отношений между Тайбэем и Москвой, закономерным будет и усиление интереса российских ученых по отношению к тайваньскому вопросу. После распада СССР появилось большое число научных центров по изучению Китая и Тайваня, аккумулирующих усилия авторитетных китаеведов, востоковедов и других деятелей науки. Среди публикаций ИВ РАН и других центров высок удельный вес работ, посвященных тайваньской проблеме. Вместе с тем, по нашей оценке, российские востоковеды уделяют недостаточно внимания изучению вопроса об отношениях двух Китаев. Интерес исследователей в первую очередь направлен на изучение российско-китайского взаимодействия, поэтому такие аспекты, как влияние тайванской проблемы на отношения Китая с другими, в частности, африканскими странами, а также государствами Азии, Латинской Америки, Океании, до сих пор остаются малоизученными.

Источники и литература:

1. Иванова, Л.С. Тайваньская проблема [Электронный ресурс] / Л.С. Иванова // Научный электронный архив академии естествознания. – Режим доступа: http://www.econf.rae.ru/fpdf/article194.pdf. – Дата доступа: 13.03.2020.

2. История Востока : в 6 т. / Р.Б. Рыбаков [и др.]; Ин-т востоковедения РАН. – М. : Вост. лит., 1995. – Т. 6 Восток в новейший период (1945–2000). – 1095 с.

3. Литвинова, Ю.Г. Новое в экономических отношениях между КНР и Тайванем / Ю.Г. Литвинова // 37-я конференция «Общество и государство в Китае» / Институт Востоковедения РАН. – Москва, 2007. – С. 300–306.

4. Ломанов, А.В. Интеллектуалы критикуют Гоминьдан: Ху Ши, Лян Шицю, Ло Лунцзи / А.В. Ломанов // 42-я конференция «Общество и государство в Китае» / Институт Востоковедения РАН. – М., 2012. – С. 226–234.

5. Научная жизнь [Электронный ресурс] // Институт востоковедения Российской Академии Наук. – Режим доступа: https://ivran.ru/konferencii. – Дата доступа: 13.03.2020.

6. Об институте [Электронный ресурс] // Институт востоковедения Российской академии наук. – Режим доступа: https://www.ivran.ru/about-institute. – Дата доступа: 13.03.2020.

7. Отдел Китая ИВ РАН [Электронный ресурс] // Институт востоковедения Российской академии наук. – Режим доступа: https://china.ivran.ru/ob-otdele. – Дата доступа: 13.03.2020.

8. Откуда возникла тайваньская проблема [Электронный ресурс] // Генеральное Консульство Китайской Народной Республики в г. Хабаровске. – Режим доступа: http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/twwt/t118056.htm. – Дата доступа: 13.03.2020.

9. Подолько, Е.О. Китайский фактор в современных международных отношениях / Е.О. Подолько // 37-я конференция «Общество и государство в Китае» / Институт Востоковедения РАН. – М., 2007. – С. 312–334.

10. Смирнов, Д.А. Особенности эволюции института главы государства в материковом Китае и на Тайване / Д.А. Смирнов // 47-я конференция «Общество и государство в Китае» / Институт Востоковедения РАН. – М., 2017. – С. 490–497.

11. Центр исследований общих проблем современного Востока [Электронный ресурс] // Институт востоковедения Российской Академии Наук. – Режим доступа: https://common.ivran.ru/o-centre. – Дата доступа: 13.03.2020.

12. Центр тайваньских исследований [Электронный ресурс] // Институт востоковедения Российской академии наук. – Режим доступа: https://www.ivran.ru/centr-tajvanskih-issledovanij. – Дата доступа: 13.03.2020.

13. Чудодеев, Ю.В. КНР – Тайвань: политическая конфронтация или стабильное сосуществование? / Ю.В. Чудодеев // 39-я конференция «Общество и государство в Китае» / Институт Востоковедения РАН. – М., 2009. – С. 171–180.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.А. Хлопов (Москва)

Коронавирусная инфекция COVID-19 уже доступна почти в 200 странах. Треть населения планеты каким-то образом попала под действие карантинных мер [1]. Триллионы долларов вложены различными правительствами и общественными объединениями в экономику, чтобы остановить негативные последствия пандемии. Быстрое распространение вируса, даже без учета глобальных показателей медицинского характера, нанесло болезненный удар по многим уязвимым странам. Если сама инфекция в опасной для жизни форме способна поразить сравнительно небольшое количество жителей Земли, в группу риска может в конечном итоге попасть практически большая часть человечества. Другими словами, немедицинское воздействие пандемии грозит стать для многих людей большим убийцей, чем сам вирус.

Некоторые экономисты прогнозируют другие волны «экономической боли», по сравнению с которыми международный экономический кризис 2008 года покажется сущим пустяком. Степень депрессии по сценариям пандемии варьируется только в зависимости от ожидаемой продолжитель-

ности массового карантина [2]. В любом случае глубокого спада не удастся избежать даже при самых благоприятных событиях.

Эпидемия коронавируса привела к эскалации кризиса, оказывает все большее влияние как на мировую политику, так и экономику. Ситуация осложнилась начавшейся войной нефтяных цен и общим кризисом современной системы международных отношений. Попытки США пересмотреть многие аспекты американской внутриполитической системы и принципы, на основе которых формировалась система международных экономических и политических отношений в последние годы, также оказывают влияние на мировую политику и экономику.

Разрушительный эффект глобальной эпидемии мог быть уменьшен совместными усилиями мирового сообщества. Комплекс профилактических мер, своевременно принятых странами и международными организациями, как минимум, замедлил бы распространение инфекции. Но эпидемия показала, что здесь нет никакого сплоченного мирового сообщества. Практически все страны планеты в чрезвычайной ситуации решили остаться «на грани», чтобы не быть в авангарде борьбы с COVID-19. Соединенные Штаты не только не снимают удушающие экономические и торговые ограничения с зараженного вирусом Ирана, но в разгар пандемии наложили на Исламскую Республику новые санкции. Чешские власти бесцеремонно конфисковали китайские маски и респираторы, которые направлялись в Италию в качестве гуманитарной помощи [3].

Уже ясно, что мир выйдет из пандемического кризиса, не объединенным в борьбе с общей угрозой, но еще более разделенным. Глобализация, по-видимому, будет обращена вспять, усилив нездоровый эгоизм государств. Деглобализация создает очевидные трудности в настоящем, но открывает уникальные перспективы на будущее. Страны, которые смогут обеспечить автономную работу своих социально-экономических систем на фоне сбоев в мировых торговых и производственных цепочках, смогут чувствовать себя более уверенно в чрезвычайных ситуациях XXI века.

Современный мир не может эффективно реагировать на риски не только оперативно на уровне отдельных решений, но и концептуально. В условиях современной глобализации многие страны в принципе не готовы к масштабным кризисам, требующим изменения поведения. В этом смысле «коллективный Запад» и другие социально-экономические спутники в развивающемся мире действительно верят в концепцию «конца истории» как конца качественного преобразования человеческого общества и контроля над ним.

Неудивительно, что концепция глобализации, которая в американской версии, в европейской интерпретации американской версии не включает никакой реальной геоэкономической многополярности. Глобализация не обеспечила никакого качества, сосредоточившись на количественной стороне проблемы [4]. И это, вероятно, было главной ошибкой идеологов глобального мира, полагавших, что социальное «качество», измеряемое

как этно-религиозная и социокультурная база, приспосабливается к новым количественным уровням самого потребления, размывая различия идентичностей. Отсюда неспособность США сформировать систему под названием Chimerica. Китай не стал младшим партнером США и ЕС, а пошел на долгосрочное стратегическое партнерство с Россией.

Мы видим противоречие между «системными» игроками глобализации и «ревизионистскими силами». Важно, что «ревизионистские» державы даже в рамках создания союзников среди стран «оси зла» никогда не считались реальной угрозой глобализации, а лишь усиливали ее положительную сторону.

Теперь вспышка и реакция на нее приводят к росту панических настроений среди населения, что, в свою очередь, сказывается на поведении всех остальных и действиях властей. Карантинные и ограничительные меры, в свою очередь, усугубляют спад в мировой экономике, который уже начался, но еще не стал необратимым. В любом случае, через некоторое время кризис закончится, возможно, к лету пандемия стихнет, и страны начнут делать выводы из уроков, полученных в ходе борьбы с COVID-19.

Понятно, что глобализация может угрожать человечеству. Но главное преимущество глобализации, по словам ее приверженцев, заключается в том, что она позволяет людям объединить силы всего человечества в борьбе с угрозами и вызовами – голодом, болезнями, войнами. Авангард глобализации – атлантический Запад не просто раскололся внутри, но и поставил под сомнение собственную интеграцию: Европейский Союз не объединен в борьбе против пандемии, а заменен национальными правительствами.

С точки зрения сторонников глобализации, это произошло не потому, что она плохая или слабая, а потому, что она мала и все еще не совершенна. Но для Запада вывод будет таким же: только национальное государство может что-то сделать, чтобы защитить граждан от вреда, когда все наднациональные структуры не являются эффективными. В результате пандемия усилит влияние сторонников национальных государств и в Европе вопрос европейской интеграции может быть снят с повестки дня. Остальной мир будет также задавать примерно такой же вопрос – зачем нам нужны эти наднациональные институты и организации, если они не способны ничего сделать во время кризиса?

Но растущая популярность националистов по всей Европе была бы вполне предсказуемой. Учитывая, что в последние годы, на фоне кризисов беженцев, недовольства европейской интеграцией и размывания национальной идентичности, нынешний приток симпатий может ускорить их приход к власти, что будет способствовать кризису правящих популистстких партий.

Второй вывод кризиса также лежит на поверхности: так называемая авторитарная система оказалась более эффективной, чем так называемая либеральная демократия. Ясно, что Китай был источником коронавируса, но его правительство и социальная структура, на самом деле гораздо менее коммунистическая, чем кажется, и гораздо более национальная, что позво-

лило достаточно быстро блокировать распространение вируса благодаря социально-экономической системе и структуре его общества.

Государственный контроль, государственная собственность, государственная медицина – все это привлечет внимание тех, у кого достаточно сказок о «невидимой руке рынка». Это может привести к росту популярности социалистов как сторонников общественного контроля и общественной собственности.

Еще одна проблема – огромный всплеск паники и заговор «информации». Все получили наглядный урок информационной войны: как можно обвинить другую страну или скрытые силы в распространении или даже изобретении «биологического оружия».

Сейчас можно услышать голоса о том, что этот вирус был искусственно создан для причинения вреда Китаю, и теории заговора будут только усиливаться. Например, российский политик В. Жириновский заявил, что вирус «наверняка» создан американцами для борьбы с Китаем. Такие теории не новы. В 2013 г. полковник ВВС Китая Дай Сюй обвинил правительство США в распространении вируса птичьего гриппа H7N9 в Китае как акт биологической войны. Противоположная версия этой теории – то, что коронавирус возник из «секретной программы биологического оружия» Китая и Института вирусологии Ухани – также широко распространена в социальных сетях. Такое заговорщическое мышление может показаться нелепым, но если вирус наносит вред только, или в основном Китаю, как человеческим, так и экономическим издержкам, Пекин, возможно, не захочет признать, что это было естественным явлением. Сейчас мы наблюдаем рождение новой великой державы. Если Китай и его народ преодолеют этот вызов, мы увидим, что более сильный Китай будет еще более консолидированным, чем раньше [5].

Хотя естественное происхождение коронавируса еще не ясно, оказывается, что большинство граждан во всех странах мира верят в искусственную природу вируса. Это показывает не только мифологическое человеческое сознание, но и дает представление о душевном состоянии людей, хорошо подготовленных к тому, с чем им предстоит столкнуться – страшным трудностям и опасности. Это дает огромные возможности для контроля и манипулирования мировым общественным мнением посредством реальных или предполагаемых угроз и любой новой пандемии.

Короче говоря, национальные границы могут стать менее прозрачными с точки зрения промышленности и перемещения людей по сравнению с 30-летней глобализацией, наблюдавшейся после окончания «холодной войны», с более четкими линиями, проводимыми между внутренними и иностранными, и отходом от зависимости от международных отношений.

Тенденция к укреплению национальных границ уже проявилась в ряде стран. Brexit, рост популизма, сопровождаемый настроениями против иностранцев во многих европейских странах, и политика США, проводимая администрацией Д. Трампа, были вызваны ощущением растущего не-

равенства и растущего бремени для определенных слоев населения в связи с достижениями глобализации.

Либеральный международный порядок уже нанес несколько ударов, а физические и психологические национальные границы стали более жесткими, чем раньше. Даже в Азии усиливается внутреннее давление в связи с ростом национализма, который подчеркивает превосходство этнического и религиозного большинства в той или иной стране.

Эти тенденции – менее открытые границы и растущий национализм и, в ряде случае, закрытие границ из-за распространения коронавируса – могут стать движущей силой к более замкнутому миру, в котором национальные границы ограничивают сферу социальной активности.

Задача состоит в том, чтобы привести международный порядок в здоровое русло, регулируя и смягчая бремя глобализации, а это на самом деле потребует укрепления международного сотрудничества. Угроза коронавируса создала необычайную ситуацию, но как только мы выздоровеем, очень важно, чтобы были создали механизмы реагирования на болезни посредством эффективного международного сотрудничества, не становясь жертвой близорукого этноцентризма в процессе повторного возвращения к нормальной жизни. Перед лицом общей угрозы, которая не признает национальных границ, крайне важно, чтобы все страны работали вместе, а не конкурировали с целью набрать политические очки у себя дома и за рубежом. Ни одно государство не может позволить себе справиться с глобальной пандемией и ее разрушительными последствиями без широкого сотрудничества друг с другом.

Источники и литература:

1. Coronavirus Update (Live): Outbreak [Electronic resource] // Worldometer. – Mode of access: https://www.worldometers.info/coronavirus. – Date of access: 09.04.2020.

2. Condon, Chr. Morgan Stanley and Goldman Sachs Declare Global Recession Underway [Electronic resource] / Chr. Condon, M. Bloomberg // Fortune. – 2020. – March 17. – Mode of access: https://fortune.com/2020/03/17/morgan-stanley-and-goldman-sachs-declare-global-recession/. – Date of access: 06.04 2020.

3. Czech Republic to Send “Misunderstandingly Confiscated” Masks of Chinese Donation back to Italy: Report [Electronic resource] // Xinhua. – 2020. – March 23. – Mode of access: http://www.china.org.cn/world/Off_the_Wire/2020-03/23/content_75846465.htm. – Date of access: 05.04.2020.

4. “Globalization: Threat or Opportunity?” [Electronic resource] // International Monetary Fund. – 2002. – January. – Mode of access: https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/041200to.htm. – Date of access: 05.04.2020.

5. Bari Urcosta, R. The Geopolitical Consequences of the Coronavirus Outbreak [Electronic resource] / R. Bari Urcosta // The Diplomat. – 2020. – January 31. – Mode of access: https://thediplomat.com/2020/01/the-geopolitical-consequences-of-the-coronavirus-outbreak/. – Date of access: 05.04.2020.

Р А З Д Е Л 5
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ БЕЛАРУСИ (1918–2020 гг.)

ПРАБЛЕМА БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ УЗАЕМААДНОСІН 1915–1924 гг. У АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ 2000-х гг.

С.В. Багалейша (Мінск)

Беларуска-літоўскія ўзаемаадносіны ў 1915–1924 гг. недастаткова і фрагментарна адлюстраваны ў айчыннай гістарыяграфіі 1990–2000-х гг. Ёсць кнігі і артыкулы, у якіх ў той ці іншай ступені асвятляюцца асобныя аспекты абазначанай праблемы. Шмат якія пытанні гэтай тэмы ўвогуле выпалі з поля зроку гісторыкаў. Сітуацыя з вывучэннем беларуска-літоўскіх узаемаадносін ўскладнялася яшчэ і тым, што многія матэрыялы маладаступныя для беларускіх даследчыкаў, бо знаходзяцца ў архівах Польшчы і Літвы. Аўтар у гэтым артыкуле паставіў перад сабой задачу зрабіць кароткі агляд айчыннай гістарыяграфіі па праблеме беларуска-літоўскіх узаемаадносін у 1915–1924 гг. перыяду 2000-х гг.

На мяжы 1990-х – 2000-х гг. пытаннямі нацыянальнага руху, дзейнасцю беларускіх нацыянальных партый і арганізацый, узаемаадносінамі з іншымі краінамі займаліся прафесійныя гісторыкі-даследчыкі. Яны зыходзілі з новых пазіцый, уводзілі ў навуковы зварот раней невядомыя факты і матэрыялы, многія з якіх былі надрукаваны на старонках перыядычнага друку Перш за ўсё, трэба назваць навуковыя публікацыі П. Брыгадзіна і У. Ладысева [4; 12], В. Мазеца [13], Р. Платонава і М. Сташкевіча [18], В. Круталевіча [11]. У іх артыкулах ёсць некаторыя звесткі пра дзейнасць Міністэрства беларускіх спраў пры літоўскім урадзе; аналізіруецца дзейнасць Рады БНР на міжнароднай арэне па ўсталяванні знешнепалітычных адносін з іншымі краінамі, у тым ліку і з Літвой.

У даследчыкаў вялікую цікавасць выклікалі праблемы пошуку форм адраджэння беларускай дзяржаўнасці, канцэпцыі і праекты, якія існавалі ў пачатку XX ст. на гэты конт. У даследаваннях А. Багдановіч [2], А. Ціхамірава [25] і інш. ёсць асобныя ўпамінанні пра ідэі стварэння беларуска-літоўскай дзяржавы ў форме Канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага і Злучаных Штатаў ад Балтыйскага да Чорнага мора. Цікавым з'яўляецца артыкул С. Марозава "Правал Канфедэрацыі ВКЛ 1915 г. – лёс або заканамернасць?" [15], у якім аўтар прапануе свой пункт гледжання на дадзенае пытанне.

Некаторыя аспекты развіцця беларускага нацыянальнага руху на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны, дзейнасць беларускіх партый і арганізацый і іх ролю ў пашырэнні ідэі беларус-

кай дзяржаўнасці даследавалі В. Пятроў [17], А. Цобкала [26], М. Шчаўлінскі [30], М. Цуба [27], А. Райчонак [19], С. Сільвановіч [21], С. Рудовіч [20] і інш. У сваіх працах яны разгледзелі асобныя аспекты распрацоўкі першых планаў утварэння беларускай дзяржаўнасці ў форме Канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага і Злучаных Штатаў ад Балтыйскага да Чорнага мора; прывялі факты, якія сведчаць аб выхадзе беларускіх нацыянальных дзеячаў на міжнародную арэну; прааналізавалі асноўныя напрамкі развіцця беларускага руху пад час Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый. У публікацыях А. Грыцкевіча [7], А. Ціхамірава [25], С. Хоміча [28]. даюцца звесткі, якія раскрываюць палітычную дзейнасць паміж урадам БНР і Літоўскай Тарыбай; аналізуюцца дагаворы аб супрацоўніцтве ад 27 лістапада 1918 г. і 11 лістапада 1920 г.

Вельмі слаба даследаванымі з'яўляюцца савецка-літоўскі мірны дагавор ад 12 ліпеня 1920 г, дзейнасць Міністэрства беларускіх спраў пры літоўскім урадзе, дзейнасць беларуска-літоўскіх ваенных фарміраванняў. Невялікія звесткі па гэтых пытаннях утрымліваюцца ў артыкулах У. Міхнюка [16], У. Ладысева [12], П. Брыгадзіна [4], манаграфіях А. Ціхамірава [25] і В. Круталевіча [11].

Вывучэннем праблем польска-літоўскага канфлікту, сюжэтаў, звязаных з гісторыяй Сярэдняй Літвы, адносін Рады БНР да віленскага канфлікту займаліся І. Коўкель [10], М. Іваноў [9], А. Чарнякевіч [299] і інш. У сярэдзіне 2000-х гг. з'явіліся артыкулы маладых навукоўцаў, якіх зацікавілі праблемы польска-літоўскага канфлікту і роля ў ім буйных заходнееўрапейскіх краін – Францыі і Англіі, гісторыя Сярэдняй Літвы. Фрагментарна ў артыкулах разглядаецца і пазіцыя беларускіх нацыянальных дзеячаў падчас канфлікту. Гэта артыкулы А. Дуброўкі [8], В. Ашарчука [1], М. Стральца [23], А. Горнага [6]. Праблему краёвасці ў нацыянальнай ідэі польскага руху на беларускіх і літоўскіх землях на старонках сваіх артыкулаў уздымае А. Смалянчук [22].

Цікавасць гісторыкаў прыцягвае і Літоўска-Беларуская ССР – адна са старонак у гісторыі беларускай дзяржаўнасці. Гісторыя ЛітБел ССР і месца гэтага дзяржаўнага ўтварэння ў айчыннай гісторыі да сённяшнягя часу выклікае дыскусіі сярод гісторыкаў. Да важных пытанняў гісторыі Літоўска-Беларускай ССР, якія працяглы час заставаліся спрэчнымі ў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі, адносяцца такія аспекты, як перыяд існавання ЛітБел і час яе ўтварэння, прычыны ліквідацыі аб'яднанай рэспублікі, блытаніна ў пытаннях аб складзе тэрыторыі, памерах плошчы і колькасці насельніцтва. Дадзеныя, якія ўзгадваюцца ў навуковай літаратуры, вельмі розняцца паміж сабою, а ў асобных выпадках з'яўляюцца ўзаемавыключнымі. Калі ў савецкай гістарыяграфіі утварэнне ЛітБел трактавалася як рэалізацыя на практыцы бальшавіцкай нацыянальнай палітыкі, то сучасныя гісторыкі па іншаму разглядаюць і прычыны ўтварэння, і характар гэтага дзяржаўнага ўтварэння, засяроджваюць сваю ўвагу на знешнепалітычных і ўнутрыпалітычных фактарах.

Гэтыя пытанні ў сваіх манаграфіях, навуковых артыкулах уздымаюць такія даследчыкія як В. Круталевіч [11], Л. Малыхіна і У. Міхнюк [14], С. Хоміч [28], А. Ціхаміраў [25], В. Талкачоў [24] і інш.

Падыходы да асвятлення характару Літоўска-Беларускай рэспублікі таксама розняцца. Частка даследчыкаў разглядаюць ЛітБел як штучнае ўтварэнне, называюць яго надуманым і нежыццяздольным [16]. У некаторых публікацыях выказваецца думка аб тым, што Літоўска-Беларуская ССР не была створана як дзяржава, не быў створаны дзяржаўны апарат і мясцовыя органы ўлады [14]. Але і сёння не ўсе пытанні даследаваны ў дастатковай ступені, ў першую чаргу ўнутраная палітыка, сацыяльна-энамамічныя і нацыянальна-культурныя пераўтварэнні, арганізацыя беларуска-літоўскай арміі.

У 2011 г. Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі выдаў кнігу першую фундаментальнага даследавання "Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст." [5], у якім значнае месца адведзена асвятленню беларускага нацыянальнага руху падчас Першай сусветнай вайны, разглядаецца праект адраджэння беларуска-літоўскай дзяржаўнасці ў форме Канфедэрацыі ВКЛ, адносіны да яго розных палітычных колаў. Шмат ўвагі таксама надаецца аналізу праблем утварэння і развіцця Літоўска-Беларускай ССР.

У 2014 г выйшла манаграфія С. Багалейша "Белаларуска-літоўскія ўзаемаадносін у 1915–1924 гг.", у якой аўтар на падставе шырокага кола гістарычных крыніц, у тым ліку і архіўных, зрабіла спробу ўсебакова разгледзець розныя аспекты дадзенай праблемы. Аўтарам выяўлены важнейшыя асаблівасці гэтага працэсу, формы і шляхі беларуска-літоўскага супрацоўніцтва ў акрэслены перыяд ад першых праектаў стварэння беларуска-літоўскай дзяржавы да згортвання супрацоўніцтва ў 1924 г., з улікам вырашэння на карысць Польшчы польска-літоўскага канфлікту 1920–1922 гг. Важнае месца ў даследванні займае аналіз прычын утварэння, дзейнасць Літоўска-Беларускай ССР і роля гэтага дзяржаўнага ўтварэння ў агульнай беларуска-літоўскай гісторыі. Зыходзячы з усяго раней сказанага, аўтар даследавання зрабіла спробу грунтоўнага і ўсебаковага аналізу гэтых праблем, што дазволіць стварыць аб'ектыўную карціну развіцця беларуска-літоўскіх узаемаадносін [3].

Такім чынам, аналіз гістарыяграфіі праблемы беларуска-літоўскіх узаемаадносін у 2000-х гг. паказвае, што розныя аспекты дадзенай праблемы ў перыяд станаўлення нацыянальнай дзяржаўнасці ў Беларусі і ў Літве вывучаліся беларускімі гісторыкамі, але адзіных поглядаў на дадзеную праблему не склалася. Усё вышэй прыведзенае дазваляе гаварыць, што гэтыя сюжэты патрабуюць больш глыбокай навуковай характарыстыкі, у тым ліку з выяўленнем і прыцягненнем новых гістарычных крыніц, якія знаходзяцца ў рэспубліканскіх і замежных архівах, а таксама тых, якія ўжо надрукаваны.

Крыніцы і літаратура:

1. Ашарчук, В.А. Віленскае пытанне: праблема дзяржаўнай прыналежнасці Віленскага краю ў міжнародных адносінах (1918–1921 гг.) / В.А. Ашарчук // Беларуская Думка. – 2009. – № 12. – С. 154–159; Ашарчук, В. А. Белорусский фактор политической борьбы вокруг Срединной Литвы в октябре 1920 г. – январе 1922 г. / В.А. Ашарчук // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зборнік навуковых артыкулаў / Установа адукацыі "Гомельскі дзяржаўны універсітэт імя Ф. Скарыны". – Гомель, 2012. – Вып. 1. – С. 310–315.

2. Багдановіч, А.Г. Праблема нацыянальнай дзяржаўнсці ў грамадска-палітычным руху Беларусі (сакавік 1917 – студзень 1919 гг.): аўтарэф. дыс. на атрым. вучон. ступ. канд. гіст. навук: 07.00.01 / А.Г. Багдановіч. – Мн., 1995. – 19 с.

3. Багалейша, С.В. Беларуска-літоўскія ўзаемаадносіны ў 1915–1924 гг. / С.В. Багалейша. – Мінск : БДАТУ, 2014. – 232 с.

4. Брыгадзін, П.І. "Іменем беларускага народу…" / П.І. Брыгадзін, У. Ф. Ладысеў // Беларуская мінуўшчына. – 1997. – № 2. – С. 25–31.

5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пач. XXI ст. / А.А. Каваленя [і інш.]; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мн, 2011. – Кн.1. – 583 с.

6. Горны, А.С. Беларуская паланафільская арганізацыя "Краёвая сувязь" у грамадска-палітычным жыцці Сярэдняй Літвы (1921–1922 гг.) / А.С. Горны// Гуманітарна-эканамічны веснік : навукова-тэарэтычны часопіс. – 2014. – № 2. – С. 36–42.

7. Грыцкевіч, А. Беларуска-літоўскія дачыненні / А. Грыцкевіч // Спадчына. – 1994. – № 5. – С. 58–63.

8. Дубровко, Е.Н. Великобритания и проблема польско-литовского размежевания в декабре 1919 г. – октябре 1920 г. / Е.Н. Дубровко // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальных і міждзяржаўных адносін: зборнік навуковых артыкулаў / ГДУ імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2012. – Вып. 1. – С. 305–310.

9. Іваноў, М. Сярэдняя Літва / М. Іваноў // Літаратура і мастацтва. – 1995. – 1, 8, 15 верасня.

10. Коўкель, І. Польска-літоўскі канфлікт і роля ў ім беларускіх партый і арганізацый (1920–1923 гг.) / І. Коўкель // Беларусіка-Albarutenika. – Мн, 1994. – Кн. 3. – С. 261–269.; Коўкель, І.І. "Беларускае пытанне " ў палітыцы Польшчы (1918–1920) / І.І. Коўкель // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Новыя канцэпцыі і падыходы : Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мінск, 3–5 лютага 1993 г.: у 2-х ч. – Мн., 1994. – Ч. 1. – С. 150–161.

11. Круталевич, В.А. История Беларуси: Становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В.А. Круталевич. – 2-е изд., доп. – Мн. : Право и экономика, / 2003. – 592 с.; Круталевич, В.А. На путях самоопределения: БНР-БССР-РБ / В.А. Круталевич. – Мн.: Право и экономика, 1995. – 138 с.

12. Ладысеў, У.Ф. Міністэрства Беларускіх Спраў. Праблема беларуска-літоўскага супрацоўніцтва ў 20-х гадах / У.Ф. Ладысеў // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў РБ: і перспектывы развіцця. Матэрыялы 2-й Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў. Мінск, 10–11 красавіка 1997 г. – Мн, 1999. – С. 134–136.; Ладысеў, У.Ф. Міністэрства Беларускіх Спраў / У.Ф. Ладысеў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 5. – С. 145.; Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У.Ф. Ладысёў, П.І. Брыгадзін – Мн. : БДУ 2003. – 307 с.

13. Мазец, В.Г. Межы БНР / В.Г. Мазец // Спадчына. – 1993. – № 2. – С. 106–111.; Мазец, В.Г. Беларускі нацыянальны рух ад снежня 1917 да лютага 1918 г. / В.Г. Мазец // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX ст. (Зб. навук. арт.) – Мн., 1998. – С. 344–345.

14. Малыхіна, Л.Ю. Гістарыяграфія Літоўска-Беларускай ССР / Л.Ю. Малыхіна, У.М. Міхнюк. – Брэст : Выдавецтва БДТУ, 2005 – 119 с.; Малыхіна, Л.Ю. Прычыны абвяшчэння Літоўска-Беларускай ССР (гістарыяграфія праблемы) / Л.Ю. Малыхіна // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 4. – С. 64–68.

15. Марозаў, С. Правал канфедэрацыі ВКЛ – лёс або заканамернасць / С. Марозаў // Шляхі да ўзаемнасці / рэдкалегія: І. Крэнь (адказны рэдактар) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009 – С. 265–269.

16. Міхнюк, У. Расійска-літоўскі дагавор 12 ліпеня 1920 г.: гістарыяграфія праблемы / У. Міхнюк // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 8. – С. 3–11.

17. Петров, В.Н. Деятельность белорусских общественно-политических организаций во время немецкой оккупации (1915–1917) / В.Н. Петров // Пытанні гісторыі і методыкі выкладання. Зборнік навуковых артыкулаў. – Мн., 1998. – Вып. 1. – С. 47–50.

18. Платонаў, Р. Так вырашаўся лёс Беларусі. З гісторыі барацьбы палітычных партый за беларускую дзяржаўнасць у 20-я гг. / Р. Платонаў, М. Сташкевіч // Маладосць. – 1993. – №. 4. – С. 194–205. – 1993. – №.5. – С. 199–214.; Платонов, Р. Тернистый путь к свободе: К вопросу о становлении белорусской национальной государственности / Р. Платонов, Н. Сташкевич // Нёман. – 1992. – № 10. – С. 129–155.

19. Райчонак, А.А. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі напярэдадні і ў час Першай расійскай рэвалюцыі / А.А. Райчонак // Труды БГТУ : научный журнал – 2012. – № 5. – С. 35–37; Райчонак, А.А. Уплыў Першай сусветнай вайны на беларускі нацыянальны рух і працэс станаўлення беларускай дзяржаўнасці / А.А. Райчонак // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальных і міждзяржаўных адносін: зборнік навуковых артыкулаў / Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2012. – Вып. 1. – С. 268–273.

20. Рудовіч, С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. / С. Рудовіч. Ін-т гісторыі Нац. Акад. навук Беларусі – Мн. : НВК "Тэхналогія", 2001. – 200 с.

21. Сильванович, С.А. Польское национальное движение на белорусско-литоских землях в 1918–1919 гг. / С.А. Сильванович // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальных і міждзяржаўных адносін: зборнік навуковых артыкулаў / Гомельскі дзяржаўны універсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2012. – Вып. 1. – С. 282–288.

22. Смалянчук, А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй: Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях, 1864–1917 / А.Ф. Смалянчук. – Гродна, 2001. – 320 с.; Смалянчук, А. Новыя ацэнкі польска-літоўскіх адносінаў у літоўскай гістарыяграфіі 90-х гг. 20 ст. / А. Смалянчук // Гіст. Альманах. – Т. 4. – 2001. – С. 64–69.

23. Стрелец, М.В. Средняя Литва как проблемный комплекс в международных отношениях 1920–1939 гг. / М.В. Стрелец // Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа / редакторы: Н.Н. Ковалёва [и др.]. – Брест : БрГТУ, 2009. – С. 185–191.

24. Талкачоў, В. Цяжкі студзень 1919. Да пытання аб стварэнні Літоўска-Беларускай ССР / В. Талкачоў / Беларуская думка. – 1994. – № 1. – С. 67–69; Талкачоў, В.І. Стварэнне Літоўска-Беларускай ССР: новыя падыходы і асэнсаванне / В.І. Талкачоў // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага універсітэта імя М. Танка. – 2003. – № 1. – С. 210–218.

25. Ціхаміраў, А. Беларуска-літоўскія дачыненні ў 1914–1920 гг. / А. Ціхаміраў // Спадчына. – 2000. – № 5–6. – С. 3–27; Ціхаміраў, А. Мірны дагавор паміж Літвой і РСФСР 1920 г. / А. Ціхаміраў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : БелЭн, 1999. – Т. 5. – С. 206–207; Ціхаміраў, А. "Віленскае пытанне" ў міжнародных адносінах 1918–1920 гг. / А. Ціхаміраў // Белорусский журнал международного права и международных от-

ношений. – 2002. – № 3. – С. 37–45; Ціхаміраў, А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) / А.В. Ціхаміраў. – Мн. : Экаперспектыва, 2003. – 399 с.

26. Цобкала, А. Нацыянальны рух у гады Першай сусветнай вайны (1915 – пачатак 1917) / А. Цобкала // Пытанні гісторыі і методыкі выкладання. Зб. навуковых арт. – Мн., 1998. – Вып. 1. – С. 98–104.

27. Цуба, М.В. Нацыянальна-культурная і дабрачынная дзейнасць Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны (1915–1917 гг.) / М.В. Цуба // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2012. – № 2. – С. 21–30; Цуба, М.В. Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей (грамадскі і ваенны бакі) 1914–1918 гг. / М.В. Цуба. – Пінск : ПалесДУ, 2010. – 303 с.

28. Хомич, С.Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершённой этнической самоиндентификации и внешнеполитическогопроизвола к современному status quo / С.Н. Хомич. – Мн. : Экономпресс, 2011. – 415 с.

29. Чарнякевіч, А. Сярэдняя Літва / А. Чарнякевіч // Беларуская энцыклапедыя. – Мн., 2002. – Т. 15. – С. 362–363.

30. Щавлинский, Н.Б. Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны / Н.Б. Щавлинский. – Мн. : РИВШ, 2001. – 136 с.; Щавлинский, Н.Б. Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Б. Щавлинский. – Мн, 2000. – 21 с.

ЗАХАВАННЕ ТРОХ ПАЎНОЧНЫХ ПАВЕТАЎ ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІ Ў СКЛАДЗЕ РСФСР У 1924 г.

А.В. Бараноўскі (Мінск)

Віцебкая губерня з’яўлялася месцам кампактнага пражывання беларускага насельніцтва. У студзені 1919 г. Віцебшчына ўваходзіла ў склад ССРБ. Аднак неспрыяльныя знешнепалітычныя абставіны і прычыны эканамічнага характару прывялі да перадачы губерні ў склад РСФСР. Пасля перадачы і да прыняцця рашэння аб ўз’яднанні тэрыторыі Віцебскай губерні з БССР, кіраўніцтва Беларускай рэспублікі і мясцовая грамадскасць ставіла перад партыйнымі і савецкімі органамі СССР і РСФСР пытанне аб вяртанні ўсходнебеларускіх тэрыторый. Напрыканцы 1923 г. быў прыняты шэраг рашэнняў аб перадачы тэрыторыі Віцебскай губерні ў склад БССР.

Палітбюро ЦК РКП(б) 29 лістапада 1923 г. на сваім пасяджэнні зацвердзіла прапанову камісіі Аргбюро ЦК РКП(б) аб змене межаў Беларускай рэспублікі. Згодна з ёй, тэрыторыя Віцебскай губерні цалкам вярталася ў склад БССР. Прэзідыуму ЦВК СССР было прапанавана ў месячны тэрмін адпаведна аформіць пастанову Палітбюро ЦК РКП(б), удакладніўшы межы БССР [1].

На пасяджэнні Прэзідыума ЦВК СССР 7 снежня 1923 г была створана камісія па змене межаў паміж РСФСР і БССР. У яе склад увайшлі: ад РСФСР – Ц. Сапронаў і А. Смірноў, ад БССР – В. Багуцкі і М. Мароз, ад УССР – Ф. Кон. Старшынёй камісіі быў прызначаны А. Енукідзэ [2].

18 снежня камісія, нягледзячы на пратэст прадстаўнікоў Беларускай рэспублікі, на сваім пасяджэнні пераглядзела рашэнне Палітбюро ЦК РКП(б) ад 29 лістапада 1923 г. і вырашыла пакінуць у складзе РСФСР Веліжскі, Невельскі і Себежскі паветы [3, арк. 96–98]. Гэта аргументавалася тым, што, згодна даным Усерасійскага дэмаграфічнага перапіса насельніцтва 1920 г., беларусы ў трох паўночных паветах Віцебскай губерні складалі меншасць (не больш за 35%). Даныя ўсеагульнага перапісу насельніцтва Расійскай імперыі 1897 г., на выкарыстанні якіх настойваў беларускі бок, не былі прынятыя да ўвагі.

Перапіс 1920 г. праходзіў у складаных знешнепалітычных абставінах. Падчас яго правядзення РСФСР і Польская Рэспубліка вялі перамовы аб міры. Сярод насельніцтва распаўсюджваліся чуткі аб плебісцыце і магчымым далучэнні тэрыторый з пераважна беларускім насельніцтвам да Польшчы. У гэтай сувязі шмат хто з беларусаў наўмысна адносіў сябе да рускай нацыі. Параўнанне даных перапіса 1897 г. і 1920 г. па Віцебскай губерні паказала змяншэнне колькасці беларускага насельніцтва цалкам па ўсёй губерні (з 75% да 56%), пры гэтым колькасць беларусаў у Веліжскім павеце скарацілася на 53% (з 87% да 34%), у Невельскім павеце на 53% (з 84% да 31%), у Себежскім павеце на 16 % (з 47% да 31%). Прымаючы рашэнні аб захаванні паўночных паветаў Віцебскай губерні ў складзе РСФСР толькі на падставе даных перапісу 1920 г., камісія ЦВК СССР ігнаравала дадзеныя этнаграфічных і лінгвістычных даследаванняў аб перавазе беларускага насельніцтва ў гэтых паветах.

Старшыня ЦВК і СНК БССР А. Чарвякоў выступіў супраць рашэння камісіі ЦВК СССР. 18 снежня 1924 г. ім была накіравана дакладная запіска ў ЦК РКП(б), у якой ён звяртаў увагу ЦК на тое, што дадзеная камісія мусіла заняцца ўсталяваннем дакладных межаў паміж РСФСР і тымі паветамі, што адыходзялі да Беларускай рэспублікі. Аднак замест гэтага камісія, нягледзячы на пратэст прадстаўнікоў Беларусі, падвергла другаснаму абмеркаванню пытанне аб паветах і прыняла шэраг рашэнняў, якія супярэчаць пастанове Палітбюро ЦК РКП(б) [3, арк. 99–101]. Так, па рашэнні большасці камісіі (3 супраць 2) тры паўночыя паветы Віцебскай губерні не перадаваліся БССР.

Старшыня камісіі ЦВК СССР па змене межаў паміж РСФСР і БССР А. Енукідзэ 19 снежня 1923 г. накіраваў ліст у Палітбюро ЦК РКП(б), у якім паведаміў пра пратэст прадстаўнікоў БССР супраць пакідання ў складзе РСФСР Веліжскага, Невельскага і Себежскага паветаў Віцебскай губерні. Прыняцце дадзенага рашэння ён тлумачыў дзвюма падставамі: па-першае, беларускае насельніцтва ў гэтых паветах у сярэднім не перавышае 33%, па-другое эканамічна гэтыя паветы імкнуцца да Пскоўскай губерні [4]. Для больш падрабязных тлумачэнняў па гэтым пытанні А. Енукідзэ прасіў выклікаць яго ў Палітбюро ЦК РКП(б).

На пасяджэнні Палітбюро ЦК РКП(б) 29 снежня 1923 г. былі разгледжаны вынікі работы камісіі ЦВК СССР па змене межаў паміж РСФСР і БССР, а таксама пратэст кіраўніцтва апошняй, на падставе чаго была прынята пастанова: «Кіруючыся этнаграфічным прынцыпам, далучыцца да меркавання большасці камісіі па пытанні аб далучэнні да Беларусі <…> 3-х паветаў Віцебскай губерні» [5]. Такім чынам, Віцебская губерня за выключэннем Веліжскага, Невельскага і Себежскага паветаў вярталася ў склад БССР.

Рашэнне аб уз'яднанні часткі тэрыторыі Віцебскай губерні з БССР было зацверджана 4 лютага 1924 г. на пасяджэнні Прэзідыума УЦВК [6, арк. 106]. У гэты ж дзень адбылося пасяджэнне Палітбюро ЦК РКП(б), на якім была прынята пастанова: «Перадаць на разгляд камісіі ЦВК СССР па вызначэнні межаў Беларусі пытанне аб далучэнні да ўзбуйненай Беларусі трох паўночных паветаў Віцебскай губерні» [6].

Прэзідыум УЦВК 13 лютага 1924 г. разглядзеў пытанне аб перадачы БССР часткі тэрыторыі РСФСР. У выніку, хадайніцтва ЦВК БССР аб перадачы Беларускай рэспублікі Веліжскага, Невельскага і Себежскага паветаў Віцебскай губерні было адхілена [7].

Прэзідыум ЦВК СССР на сваім пасяджэнні 22 лютага 1924 г. разглядзеў пытанне аб перадачы часткі тэрыторыі РСФСР у склад БССР. У выніку была прынята пастанова: «Прапанаваць Прэзідыуму УЦВК у 2-тыднёвы тэрмін другасна разглядзець пытанне аб перадачы 3-х паветаў Віцебскай губерні ў склад Беларускай ССР з выклікам зацікаўленых бакоў» [8, арк. 156].

Прэзідыум УЦВК 3 сакавіка 1924 г. у чарговы раз разглядзеў пытанне аб далейшым лёсе Веліжскага, Невельскага і Себежскага паветаў Віцебскай губерні і ўсё роўна пастанавіў пакінуць у сіле пастанову Прэзідыума УЦВК ад 13 лютага аб захаванні трох паўночных паветаў Віцебскай губерні у складзе РСФСР. У гэты ж дзень была апублікавана пастанова Прэзідыума УЦВК «Аб перадачы Беларусі раёнаў з пераважна беларускім насельніцтвам». Згодна з ёй Аршанскі, Віцебскі, Гарадоцкі, Дрысенскі, Лепельскі, Полацкі, Сенненскі і Суражскі паветы Віцебскай губерні (па старым адміністрацыйным дзяленні) вярталіся ў склад Беларускай рэспублікі [9].

Прэзідыум ЦВК СССР 7 сакавіка 1924 г. прыняў пастанову «Аб аб'яднанні ў складзе Беларускай ССР усіх тэрыторый Савецкага Саюза з большасцю беларускага насельніцтва» [10, с. 271–272]. Уз'яднанне ўсходнебеларускіх тэрыторыў з Беларускай рэспублікай лічылася Прэзідыумам ЦВК СССР «…найвялікшым актам узаемнага даверу народаў, якія насяляюць Саюз» [11]. Пастанова Прэзідыума ЦВК СССР была замацаваная VI Надзвычайным Усебеларускім з'ездам Саветаў, які праходзіў у Мінску з 13 па 16 сакавіка 1924 г. [10, с. 271–272].

Прэзідыум УЦВК 24 сакавіка 1924 г. вызначыў адміністрацыйна-тэрытарыяльную прыналежнасць Веліжскага, Невельскага і Себежскага паветаў у складзе РСФСР, пастанавіўшы іх далучыць да Пскоўскай губерні

[12]. Гэта пастанова была прадбачнай, паколькі тры паўночныя паветы Віцебскай губерні межавалі з Апочацкім, Вялікалуцкім і Таропецкім паветамі Пскоўскай губерні.

Прыняцце канчатковага рашэння аб захаванні Веліжскага, Невельскага і Себежскага паветаў у складзе РСФСР тлумачыцца збегам рознага роду абставінаў. Кіраўніцтва Віцебскага губкама РКП(б) і губвыканкама паслядоўна і мэтанакіравана выступала супраць уз'яднання з Беларуссю на працягу 1919–1923 гг. У ЦК РКП(б) з губернскага цэнтру накіроўваліся шматлікія дакладныя запіскі, у якіх адзначалася, што беларусы ў Віцебскай губерні складаюць меншасць, імкненне да Беларусі не назіраецца, а таму няма ніякіх падстаў для ўз'яднання з БССР [13].

Менавіта адмоўным стаўленнем губернскіх уладаў да вяртання ў склад Беларускай рэспублікі скарысталіся ў сваіх мэтах члены камісіі ЦВК СССР па змене межаў паміж РСФСР і БССР з расійскага боку. Так, наркам земляробства РСФСР А. Смірноў выступаў супраць выдзялення са складу РСФСР любых тэрыторый, незалежна ад таго, куды яны будуць перададзеныя [10, с. 233]. Сакратар УЦВК, старшыня камісіі па раянаванню РСФСР Ц. Сапронаў наогул з'яўляўся адным з лідэраў апазіцыі да ЦК РКП(б). Ён заяўляў, што ігнараванне пазіцыі губернскіх улад Віцебшчыны па дадзеным пытанні падрывае існаванне дэмакратызму ва ўсёй РКП(б) [10, с. 233].

Такім чынам, Веліжскі, Невельскі і Себежскі паветы не мелі ніякага стратэгічнага значэння для РСФСР. Адмова ў іх вяртанні ў склад БССР тлумачылася збегам абставін. Дзеля пазбягання складанай палітычнай сітуацыі і абвінавачванняў партыі ў манапалізацыі ўлады, а таксама для спынення ўнутрыпартыйнай дыскусіі, ЦК РКП(б) пагадзіўся пераглядзець свае ранейшыя рашэнні адносна перадачы ўсёй тэрыторыі Віцебскай губерні ў склад Беларускай рэспублікі.

Крыніцы і літаратура:

1. РДАСПГ. – Ф. 17. Воп. 3. Спр. 397. Арк. 10.
2. ДАРФ. – Ф. 3316. Воп. 16. Спр. 186. Арк. 4.
3. НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 478.
4. ДАРФ. – Ф. 3316. Воп. 64. Спр. 2. Арк. 2.
5. РДАСПГ. – Ф. 17. Воп. 3. Спр. 406. Арк. 2.
6. РДАСПГ. – Ф. 17. Воп. 3. Спр. 414. Арк. 6.
7. ДАРФ. – Ф. 3316. Воп. 16. Спр. 206. Арк. 117.
8. НАРБ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 346.
9. О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением: Декрет ВЦИК, 3 марта 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1924. – № 24. – Ст. 237.
10. Государственные границы Беларуси : сб. документов и материалов : в 2 т. / сост. : В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск : БГУ, 2012–2013. – Т. 1 : (март 1917 – ноябрь 1926), 2012. – 495 с.
11. Обращение президиума ЦИК СССР // Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов – 1924. – 9 мар. – С. 3.

12. О дополнении к постановлению о передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением: Декрет ВЦИК, 24 марта 1924 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1924. – № 39. – Ст. 357.

13. Бараноўскі, А. Пазіцыя губернскіх улад адносна змянення адміністрацыйна-тэрытарыяльнай прыналежнасці Віцебскай губерні ў 1919–1924 гадах / А. Бараноўскі // Беларуская думка. – 2019. – № 7. – С. 57–63.

КУЛЬТУРНАЕ СУПРАЦОЎНІЦТВА РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ З САВЕТАМ ЕЎРОПЫ

Дз.А. Крывашэй (Мінск)

Адным з напрамкаў міжнароднага супрацоўніцтва Рэспублікі беларусь з'яўляецца ўдзел у міжнародных арганізацыях. Адной з іх з'яўляецца Савет Еўропы. Пачынаючы з 16 верасня 1992 г. Рэспубліка Беларусь мела статус «спецыяльна запрошанай» дзяржавы ў рамках дзейнасці Парламенцкай Асамблеі Савета Еўропы (ПАСЕ), а 12 сакавіка 1993 г. падала заяўку на ўступленне Савет Еўропы.

У кастрычніку 1993 г. Беларусь далучылася да Еўрапейскай культурнай канвенцыі, што дазволіла атрымаць доступ да праграм еўрапейскага супрацоўніцтва ў галіне культуры, адукацыі, спорту, СМІ і інш. [6, с. 48] А ў 1996 г. наша краіна стала ўдзельніцай Еўрапейскай Канвенцыі па ахове археалагічнай спадчыны [1].

Пачатак супрацоўніцтва з Саветам Еўропы вызначаўся значнай актыўнасцю. У першую чаргу спецыялісты з Беларусі атрымалі магчымасць азнаёміцца з вопытам сваіх еўрапейскіх калег шляхам стажыровак, кансультацый, удзелу ў міжнародных семінараў, канферэнцыях і г.д. За няпоўныя 5 гадоў (верасень 1992 г. – снежань 1996 г.) гэтай магчымасцю скарысталася больш за 300 прадстаўнікоў разнастайных галін улады Беларусі (сярод іх і прадстаўнікі ўстаноў культуры) [5, с. 167–168].

Пры падтрымцы Савета Еўропы быў праведзены шэраг мерапрыемстваў у Бларусі. Найбольшую цікаўнасць выклікаў міжнародны семінар-прадстаўленне праграмы «Культурныя шляхі праз Беларусь» з удзелам кіраўніка праграмы Савета Еўропы Д. Ранконі (верасень 1995 г., г. Полацк), арганізаваны Міністэрствам культуры і друку Рэспублікі Беларусь, Саветам культурных ініцыятыў і Полацкім гарвыканкамам [5, с. 168].

У наступныя гады адбылося згортванне палітычных кантактаў. У студзені 1997 г. Бюро ПАСЕ прыняло рашэнне аб прыпыненні статусу «спецыяльна запрошанага» ў адносінах да парламента Беларусі. У выніку быў таксама спынены разгляд заяўкі Рэспублікі Беларусь на ўступленне ў Савет Еўропы і замарожана двухбаковая праграма супрацоўніцтва. У такой сітуацыі ўзаемадзеянне з Саветам Еўропы працягвала развівацца ў рамках

шэрагу канвенцый, да якіх далучылася наша краіна. У першую чаргу – Еўрапейскай культурнай канвенцыі.

З Саветам Еўропы ў справе ўдасканалення заканадаўчай базы Беларусі ў сферы аховы гісторыка-культурнай спадчыны плённа супрацоўнічаў Камітэт па ахове гісторыка-культурнай спадчыны (існаваў да 2001 г., у 1993–1998 гг. – Дзяржаўная інспекцыя Рэспублікі Беларусь па ахове гісторыка-культурнай спадчыны). Створаная ў 1997 г. пры Камітэце па культурнай спадчыне Савета Еўропы група заканадаўчай падтрымкі прааналізавала Закон Рэспублікі Беларусь «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны». У 1998 г. яна падрыхтавала заключэнне па праекту Палажэння аб парадку перамяшчэння культурных каштоўнасцей праз мытную мяжу Рэспублікі Беларусь [7, л. 17].

У 1999 г. пад старшынствам міністра культуры быў створаны Кіруючы камітэт па супрацоўніцтве паміж Рэспублікай Беларусь і Саветам Еўропы ў галіне культурнай спадчыны. Было прынята рашэнне далучыцца да праектаў «Асноўныя рэлігійныя месцы», «Еўрапейская асацыяцыя гістарычных гарадоў», «Панарама еўрапейскай музычнай спадчыны», «Кіно і еўрапейская спадчына», «Сталіцы, што чакаюць свайго адкрыцця» [8, л. 194–195].

Па запрашэнні кіраўніцтва Дэпартамента культуры і культурнай спадчыны Савета Еўропы прадстаўнікі Міністэрства культуры ў 2002 г. удзельнічалі ў цырымоніі адкрыцця Еўрапейскіх дзён спадчыны ў г. Боне і г. Эсэне (Германія), у сустрэчы груп каардынатараў Еўрапейскіх дзён спадчыны ў г. Страсбургу (Францыя) [2, с. 35].

Вынікам удзелу Беларусі ў праграме Савета Еўропы «Культурныя шляхі» стала далучэнне ў 2004 г. да сертыфікаванага культурнага маршруту «Еўрапейскі шлях яўрэйскай спадчыны», а ў 2005 г. – да самага доўгага маршрута VIA REGIA («Каралеўскі шлях») [12].

У 2007 г. у рамках праекта «Вызначэнне культурных актораў зменаў у Беларусі, Украіне і Малдове», які фінансаваўся Еўрапейскім культурным фондам і Нямецкім офісам Фонда Маршала (ЗША), палітолагам Яэль Оана была падрыхтавана справаздача «Культура і змены ў Беларусі» [13].

У 2009 г. пасля працяглага перапынку аднавіліся мерапрыемствы ў рамках праграмы Савета Еўропы «Беларусь самабытная. Традыцыі. Мова. Рамествы».

У 2010 і 2011 гг. прадстаўнікі нашай краіны ўдзельнічалі ў пленарных пасяджэннях Кіруючага камітэта па культуры і Кіруючага камітэта па пытаннях культурнай спадчыны і ландшафту. 14–16 мая 2012 г. Беларусь прыняла ўдзел у першым пасяджэнні новага Кіруючага камітэта па культуры, спадчыне і ландшафту [10, p. 13]. У тым жа годзе было падпісана пагадненне паміж Міністэрствам культуры Рэспублікі Беларусь і Саветам Еўропы па ўключэнні профілю краіны ў Кампендыум культурнай палітыкі [14, p. 15]. Яно прадугледжвала падрыхтоўку нацыянальнага даклада па

культурнай палітыцы і яго наступны аналіз еўрапейскімі экспертамі. Аднак па розным прычынам пагадненне не было рэалізавана.

Падзеяй стала выданне ў 2013 г. на беларускай мове «Белай кнігі па міжкультурнаму дыялогу» – галоўнага дакумента, які вызначае стратэгію дзяржавы ў сферы культуры і культурнай спадчыны. Яна была зацверджана міністрамі замежных спраў краін-членаў Савета Еўропы на 118-й сесіі Камітэта міністраў у Страсбургу ў маі 2008 г. Беларуская мова стала 25-й мовай свету, на якую перакладзены дакумент.

Па словах тагачаснага міністра культуры Беларусі Барыса Святлова, гэта падзея азначае далучэнне рэспублікі да еўрапейскіх каштоўнасцей і прынцыпаў, якія з'яўляюцца асновай для стабільнага існавання і развіцця грамадства [3].

З 2015 па 2017 г. Рэспубліка Беларусь ўдзельнічала ў праекце COMUS (Урбаністычныя стратэгіі гістарычных гарадоў, арыентаваныя на супольнасці), які ініцыявалі Еўрапейскі Саюз і Савет Еўропы ў рамках Праграмы па развіцці культуры Ўсходняга партнёрства. Дзейнасць па праекце ажыццяўлялася ў партнёрстве з Арганізацыяй гарадоў Сусветнай спадчыны ў Арменіі, Беларусі, Грузіі, Рэспубліцы Малдова і Украіне. Ад Беларусі ў праекце ўдзельнічаў г. Мсціслаў.

1 сакавіка 2020 г. Беларусь на адзін год атрымала статус назіральніка ў Пашыраным частковым пагадненні аб культурных маршрутах Савета Еўропы, заключаным у 2010 г.

Савет Еўропы прапанаваў Беларусі далучыцца да Рамачнай канвенцыі аб каштоўнасцях культурнай спадчыны для грамадства (Канвенцыя Фару) і Канвенцыі аб правапарушэннях, якія тычацца культурных каштоўнасцей. Пасля падпісання Канвенцыі Фару Беларусь атрымае магчымасць удзельнічаць ў Плане дзеянняў Фару. Горад Мсціслаў, які прымаў удзел у праеце COMUS, можа стаць членам супольнасці Фару і падзяліцца сваім вопытам з іншымі гарадамі краіны [11, p. 25].

Неабходна адзначыць, што малая колькасць рэалізаваных культурных праектаў тлумачыцца, сярод іншага, тым фактам, што культура не з'яўлялася прыярытэтным напрамкам супрацоўніцтва Савета Еўропы з Беларусью.

У той жа час больш актыўны ўдзел нашай краіны ў разнастайных праектах гэтай арганізацыі дазволіў бы атрымаць не толькі кансультатыўную, але і тэхнічную дапамогу па розным напрамкам культурнай дзейнасці, у першую чаргу, у сферы захавання культурнай спадчыны, садзейнічаў бы папулярызацыі шматнацыянальнай самабытнай культуры Беларусі ў Еўропе, прыцягненню ў нашу краіну турыстаў.

Вялікі патэнцыял супрацоўніцтва з саветам Еўропы бачыцца ў сферы кінавытворчасці. Удзел нашай краіны ў фондзе падтрымкі кіно Eurimages мог бы садзейнічаць разнастайнай падтрымцы кінавытворчасці, наступнай

папулярызацыі і дыстрыбуцыі беларускага кіно ў Еўропе. На думку спецыялістаў, далучэнне да Еўрапейскай канвенцыі аб сумеснай кінавытворчасці дазволіла б прыцягнуць еўрапейскія кампаніі да здымкаў фільмаў у нашай краіне, гарантавала абарону аўтарскіх правоў і атрыманне даходаў ад выкарыстання кінапрадукцыі [9].

Крыніцы і літаратура:

1. Аб падпісанні Еўрапейскай канвенцыі па ахове археалагічнай спадчыны : Указ Прэзідэнта Рэсп. Беларусь, 7 жн. 1996 г., № 286 // Збор указаў Прэзідэнта і пастаноў Кабінета Міністраў Рэсп. Беларусь. – 1996. – № 22. – Арт. 542.
2. Беларуская культура сёння. Гадавы агляд (2001) / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ін-т праблем культуры; рэд. У.П. Скараходаў. – Мінск : БелДІПК, 2002. – 72 с.
3. Беларусь афіцыйна далучылася да культурнай палітыкі Еўропы [Электронны рэсурс] // БелТА. – 28.06.2013. – Рэжым доступа: https://m.blr.belta.by/culture/view/belarus-afitsyjna-daluchylasja-da-kulturnaj-palityki-europy-16671-2013.
4. Беларусь получила статус наблюдателя в Расширенном частичном соглашении о культурных маршрутах Совета Европы [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://coe.bsu.by/index.php/ru/33-news-ru/309-01-03-2020ru. – Дата доступа: 14.04.2020.
5. Дрозд, Н. Совет Европы и Беларусь: проблемы и перспективы / Н. Дрозд // Беларуская думка. –1996. – № 10. – С. 167–176.
6. Крывашэй, Д.А. Міжнароднае супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь у галіне аховы гісторыка-культурнай спадчыны / Д.А. Крывашэй // Аператыўная інфармацыя па праблемах культуры і мастацтва : Інфарм.-аналіт. зб. / Нац. б-ка Беларусі. – Мінск, 2000. – Вып. 4. – С. 37–49.
7. О проведении Министерством культуры Республики Беларусь внешнеполитической пропаганды посредством международных культурных связей (1997–1998 гг.) : информация М-ва культуры Респ. Беларусь для Администрации Президента Респ. Беларусь, 8 мая 1998 г. // НАРБ. – Ф. 974. Оп. 4. Д. 410. Л. 15–36.
8. Пратакол пасяджэння Кіруючага камітэта па супрацоўніцтву паміж Рэспублікай Беларусь і Саветам Еўропы ў галіне культурнай спадчыны, 14 ліп. 1999 г., № 1 // НАРБ. – Ф. 974. Воп. 4. Спр. 293. Л. 193–197.
9. Супрунюк, А. Кино в погоне за инвестициями [Электронный ресурс] / А. Супрунюк // Белорусы и рынок. – 21.11.2019. – Режим доступа: http://www.belmarket.by/kino-v-pogone-za-investiciyami. – Дата доступа: 15.04.2020.
10. Council of Europe activities for Belarus in 2012–2013 [Electronic resource] / prepared by the Council of Europe Secretariat // Council of Europe. – Mode of access: https://rm.coe.int/16802ed089. – Date of access: 04.12.2019.
11. Council of Europe. Action Plan for Belarus. 2019–2021 [Electronic resource] / prepared by the Council of Europe Secretariat // Council of Europe. – Mode of access: https://rm.coe.int/ap-belarus-2019-2021-web-en/168098f1bd. – Date of access: 04.04.2020.
12. Cultural Routes of the Council of Europe with network members in the Country / Belarus [Electronic resource] // Council of Europe. – Mode of access: https://www.coe.int/en/web/cultural-routes/belarus. – Date of access: 14.04.2020.
13. Ohana, Yl. Culture and Change in Belarus / Y. Ohana; East European Reflection Grop. – Bratislava : European Cultural Foundation, 2007. – 28 p.
14. Report on Council of Europe activities for Belarus in 2012–2013 [Electronic resource] / prepared by the Office of the Directorate General of Progr. // Council of Europe. – Mode of access: https://rm.coe.int/16802ed0b3. – Date of access: 04.12.2019.

ИНИЦИАТИВЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РАМКАХ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА» В 2013–2019 гг.

О.П. Рубо (Минск)

В рамках программы «Восточное партнерство» (ВП) Республика Беларусь проявляет заинтересованность в развитии сотрудничества на прагматической основе в целях достижения конкретных результатов. Инициативы страны направлены в первую очередь на расширение практического взаимодействия между ЕС и странами-партнерами.

В октябре 2011 г. в интервью газете «Известия» президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко определил «Евразийский союз как неотъемлемую часть общеевропейской интеграции». Он подчеркнул значимость выстраивания диалога между евразийской «тройкой» и Европейским союзом. Данная инициатива была обозначена как «интеграция интеграций» [5].

На саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе в ноябре 2013 г. глава белорусского делегации В. Макей отметил, что Беларусь выступает против геополитического соперничества в регионе и определяет евразийский и европейский интеграционные процессы как взаимодополняющие и, в долгосрочной перспективе, конвергентные. Министр иностранных дел подчеркнул: «Мы выдвинули и продолжаем отстаивать идею «интеграции интеграций» с целью создания общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока» [3].

В 2014 г. Беларусь инициировала гармонизацию цифровых рынков стран «Восточного партнерства» и ЕС. Такая инициатива была поддержана со стороны ЕС и других стран-партнеров, и, соответственно, была запущена работа в этом направлении. Это подтверждало тот факт, что Беларусь выступает за практическую ориентированность взаимодействия в рамках «Восточного партнерства».

Однако на реализацию белорусской инициативы «интеграция интеграций» отрицательно повлияло усиление конфронтации в российско-украинских отношениях. ЕС осудил действия России и поддержал Украину.

В 2015 г. на саммите «Восточного партнерства» в Риге министр иностранных дел Беларуси В. Макей призывал к поиску способов и средств для предотвращения дальнейшей конфронтации, спровоцированной событиями в Украине. Министр призывал усилить доверие и понимание в более широком контексте, что предполагало укрепление безопасности в рамках ОБСЕ и выстраивание диалога между ЕС и Евразийским экономическим союзом [4].

Глава белорусской делегации также отметил, что в рамках реализации программы «Восточное партнерство» необходимо обеспечить «большую позитивную дифференциацию при полном соблюдении принципов равенства и инклюзивности». Белорусская сторона призывала уделять больше внимания таким ключевым направлениям сотрудничества,

как торговля, экономическое развитие, строительство коммуникаций, в том числе в транспортной и энергетической сферах [4].

24 ноября 2017 г. белорусская делегация во главе с министром иностранных дел В. Макеем приняла участии в саммите «Восточного партнерства» на высшем уровне. Глава делегации призвал страны-члены ЕС и страны-партнеры ориентироваться на содействии, а не размежевании на группы стран с различным уровнем амбиций. Глава белорусской делегации выступил с предложением активно искать пути преодоления антагонизма между Востоком и Западом в регионе. В. Макей последовательно апеллировал к установлению прагматичного взаимодействия между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом. Что касается прикладного сотрудничества в рамках «Восточного партнерства», то белорусской стороной было отмечена важность выстраивания региональных синергий в сферах транспорта, энергетики и соединяемости через финансирование инфраструктурных проектов. В частности, акцентировалось внимание на сопряжении Трансъевропейской транспортной сети и инициативы Китая «Один пояс – один путь», развитии транзитного потенциала региона и обеспечении устойчивого экономического роста [6].

На встрече глав внешнеполитических ведомств стран-участниц инициативы «Восточное партнерство» и стран-членов ЕС, которая состоялась 13 мая 2019 г. в Брюсселе, принял участие и министр иностранных дел Беларуси В. Макей. Там глава белорусской делегации предложил сформулировать «амбициозные, но реалистические приоритеты» взаимодействия в рамках инициативы «Восточное партнерство» после 2020 г. «Почему бы, например, к 2030 году не увеличить экспорт стран ВП в ЕС и объем инвестиций ЕС в страны ВП втрое, количество создаваемых ЕС рабочих мест в странах ВП вдвое, реализовать в каждом городе как минимум один проект по энергоэффективности?» – заявил В. Макей. Он также выступил с инициативой создания в Европейском инвестиционном банке специального «окна» для проектов «Восточного партнерства» или специализированного банка программы [7]. В декабре 2019 г. в Швеции В. Макей призвал приступить к работе над новым базовым соглашением Беларусь – ЕС.

В интервью экономическому изданию Восточного комитета германской экономики «Osteuropa Informationen» в конце 2019 г. В. Макей заявил, что Беларусь подготовила свое видение улучшений, которые необходимо привнести в деятельность «Восточного партнерства». Министр призвал к дальнейшей модернизации таможенных пунктов пропуска, обмену информацией между таможенными службами стран «Восточного партнерства» и ЕС. Глава МИД Беларуси отметил, что предлагает сделать технологические инновации «сквозным» приоритетом взаимодействия. Минск демонстрирует готовность стать площадкой для IT-школы «Восточного партнерства», которая бы готовила специалистов цифровой отрасли. В. Макей также отметил важность транспортной и энергетической инфраструктуры

как для ЕС, так и для стран-партнеров. В этой связи он акцентировал внимание на значимости развития международных цифровых транспортных коридоров. Глава МИД подчеркнул, что проекты «Восточного партнерства» должны быть направлены в первую очередь на поддержку усилий стран-соседей ЕС по укреплению общественного благосостояния, а также модернизацию и повышение конкурентоспособности, что представляет собой залог региональной устойчивости и развития [1].

Беларусь продолжает выступать за создание постоянного формата для диалога между ЕС и ЕАЭС. По словам В. Макея, идея «интеграции интеграций», или кооперации интеграций, состоит в том, чтобы придать сближению ЕС и ЕАЭС комплексный и упорядоченный характер с прицелом на конкретные материальные преимущества для обоих интеграционных объединений. Сближение, по мнению белорусской стороны, способствовало бы укреплению доверия и помогло бы развенчать миф о несовместимости и соперничестве восточной и западной систем [2].

Формат такого диалога позволил бы определить сферы первоочередного интереса сторон, среди которых, например, обеспечение совместимости технических нормативов и стандартов производства промышленной продукции, санитарных и фитосанитарных нормативов производства сельскохозяйственных товаров в интересах расширения взаимной торговли [2].

Таким образом, Беларусь в рамках программы «Восточное партнерство» призывает сконцентрировать внимание на практическом взаимодействии в таможенной сфере, цифровой отрасли и на реализации конкретных проектов транспортной и энергетической инфраструктуры. Беларусь последовательно подчеркивает важность сближения ЕС и ЕАЭС и выступает за создание постоянного формата диалога между двумя интеграционными объединениями в интересах расширения взаимной торговли.

Источники и литература:

1. Беларусь подготовила свое видение необходимых улучшений в деятельности «Восточного партнерства» [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: https://www.belta.by/politics/view/belarus-podgotovila-svoe-videnie-neobhodimyh-uluchshenij-v-dejatelnosti-vostochnogo-partnerstva-373835-2019/. – Дата доступа: 11.04.2020.

2. Беларусь выступает за создание постоянного формата для диалога между ЕС и ЕАЭС – Макей [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: https://www.belta.by/politics/view/belarus-vystupaet-za-sozdanie-postojannogo-formata-dlja-dialoga-mezhdu-es-i-eaes-makej-373838-2019/?utm_source=belta&utm_medium=news&utm_campaign=accent. – Дата доступа: 11.04.2020.

3. Выступление Министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея на пленарном заседании саммита «Восточного партнерства», 29 ноября 2013 г., г. Вильнюс (перевод с английского языка) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/statements/c679f839ec987f67.html. – Дата доступа: 11.04.2020.

4. Выступление Министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея на пленарной сессии саммита инициативы «Восточное партнерство» (22 мая 2015 г., г. Рига) [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/statements/a901f7d53305c181.htmlhttps://iz.ru/news/504081. – Дата доступа: 15.04.2020.

5. Лукашенко, А.Г. О судьбах нашей интеграции [Электронный ресурс] / А.Г. Лукашенко // Известия. – 2011. – 17 октября. – Режим доступа: https://iz.ru/news/504081. – Дата доступа: 11.04.2020.

6. Об участии Министра иностранных дел Беларуси В. Макея в саммите инициативы ЕС «Восточное партнерство» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/b61a62062454b00e.html. – Дата доступа: 11.04.2020.

7. Об участии Министра иностранных дел Беларуси В. Макея во встрече министров иностранных дел «Восточного партнерства» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f14791cdb54b78c4.html. − Дата доступа: 15.04.2020.

ВИДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СРАВНЕНИИ С МОДЕЛЬНЫМИ ЗАКОНАМИ СНГ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМИ РФ И УКРАИНЫ[1]

Д.В. Юрчак (Витебск)

Беларусь, Россия и Украина в последнее время много сделали для развития собственного законодательства об охране археологического наследия. Это особенно актуально с учётом стремительного роста числа чёрных копателей, активного использования новых технологий при проведении незаконного поиска археологических предметов. В целях создания целостной системы охраны и выработки эффективных мер защиты археологического наследия особенно важно определиться с базовыми понятиями, которые должны быть закреплены на уровне закона и использоваться в правоприменительной деятельности. Касается это и видов археологического наследия, часто по-разному определяемых в законах разных стран, на что также нужно обратить особое внимание.

В СССР долгое время основным понятием, характеризующим материальные объекты, связанные с археологией, являлась категория «*памятники археологии»*. Именно это понятие нашло отражение в Законе Советского Союза от 29 октября 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в котором приводилась следующая её дефиниция в форме перечисления: «*городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений,*

[1]Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А.А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В.В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А.П. Косов).

производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов» [8].

При этом обращает внимание на себя тот факт, что на законодательном уровне не было определено хронологических рамок «древности» и «старины», которые часто встречались в тексте закона. Поэтому они во многом определялись на практике специалистами археологами. Кроме того, в советском законодательстве памятниками археологии признавались движимые и недвижимые материальные объекты.

Некоторый интерес вызывает ст. 12 Закона, регулирующая вопросы сохранения предметов в частных коллекциях. В ней говорилось следующее: «Предметы старины, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, строения, рукописи, коллекции, редкие печатные издания, другие предметы и документы, находящиеся в личной собственности граждан и представляющие значительную историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, признаются памятниками истории и культуры и подлежат государственному учету в целях наиболее полного выявления памятников и оказания содействия в обеспечении их сохранности» [8].

Тем самым, в отношении объектов археологического наследия могли использоваться понятия «*памятники археологии*» и «*предметы старины*». Такой подход был продублирован в законодательстве союзных республик и просуществовал до распада СССР, когда начался процесс формирования собственного археологического законодательства.

В Республике Беларусь с момента обретения независимости законодательство в данной сфере несколько раз менялось. 13 ноября 1992 г. был принят новый Закон Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия», который коренным образом изменил подход к объектам наследия. Основные категории советского права в данной сфере – памятники истории и культуры – заменялись понятием «историко-культурное наследие», что воплощалось в историко-культурных ценностях.

Несмотря на прогрессивный характер закона, он имел очень много недостатков. Объекты археологического наследия в тексте отдельно практически не встречались. Вместе с тем, именно в этом законе впервые появляется понятие «*археологический объект*», который, в соответствии со ст. 26 Закона, может быть лишён статуса историко-культурной ценности после полного исследования. Также в законе неоднократно использовалось понятие «*археологический предмет*», определение которому не давалось [9].

Из-за многочисленных противоречий и сложностей с правоприменением Закон 1992 года 9 января 2006 г. был заменён на новый, существенно переработанный по своей структуре и содержанию. В нём, в отличие от предыдущего, были подробно указаны виды материальных историко-культурных ценностей, среди которых назывались и *памятники археологии*, которым давалась подробная дефиниция также преимущественно в форме перечисления:

«*остатки укрепленных поселений (древние города, посёлки, замки), неукреплённые поселения (древние стоянки, поселения, отдельные жилища); здания, сооружения, другие объекты (святилища, места осуществления обрядов, монастырей, храмов); кресты, культовые камни, статуи, обелиски; курганные и грунтовые могильники, отдельные захоронения, некрополи, мавзолеи и другие захоронения; инфраструктура сухопутных, водных и водно-волоковых путей; монетные и вещевые клады, которые вместе с другими недвижимыми и/или движимыми артефактами сохранились в культурном слое, а также в естественных и искусственных водоемах*» [1]. Новеллой нового Закона стало также появление нормативно закрепленного определения такого понятия как «*культурный пласт*» («пласт земли, который содержит остатки деятельности человека») [1].

Первым важным шагом в направлении формирования отдельного законодательства в сфере охраны археологического наследия в Беларуси стало принятие Советом Министров Республики Беларусь постановления от 22 мая 2002 г. № 651, которым было утверждено «Палажэнне аб ахове археалагічных аб'ектаў пры правядзенні земляных і будаўнічых работ». Именно в этом документе впервые была предпринята попытка дать дефиницию понятию «*археологический объект*», который должен был дополнить категорию «памятник археологии», применимую к историко-культурным ценностям. Под первыми понимались «*материальные объекты или их комплексы, возникшие в результате жизнедеятельности человека от его возникновения до периода новой истории и обнаруженные на основе специальных археологических методов*». Далее подробно перечислялись археологические объекты, в которые, в частности, включались «*имущественные и монетные клады, отдельные древние вещи*» [2]. Последние из выделенных движимых материальных объектов в действующем законодательстве признаются археологическими артефактами.

Особо стоит обратить внимание на хронологические рамки археологических объектов. Особенно верхнюю границу «до периода новой истории». Во-первых, единообразия в подходах ко времени начала новой истории нет. В советской историографии этой границей был 1640 г. (начало Английской буржуазной революции). В настоящее время чаще называется 1492 г. (открытие Х. Колумбом Америки). Существуют и другие походы. Всё это делает подобные хронологические рамки весьма размытыми.

В 2012 г. данное положение было принято в новой редакции. Существенные изменения претерпело определение понятия «*археологический объект*» под которым стали понимать «*материальные объекты или их комплексы, возникшие в результате деятельности человека и сохранившиеся в культурном слое или на дне естественных и искусственных водоемов*», после чего в определении, как и прежде, давался перечень возможных археологических видов объектов [3]. Первое, что бросается в глаза в этом определении, это отказ от хронологических рамок. Их в данной редакции просто нет. Во-вторых, в дефиниции отказались от зафиксированного ранее способа обна-

ружения объектов «на основе специальных археологических методов». В-третьих, добавилась уточняющая локализация размещения археологических объектов, включая размещённые на дне водоёмов.

Новеллой отечественного законодательства в сфере сохранения археологического наследия в новой редакции Положения стало появление новой юридической категории «*археологический артефакт*», под которой понимался «*объект, который был подвергнут в прошлом воздействию человека или использовался им для жизненных потребностей, выявлен в результате целенаправленного археологического исследования или любого другого события, в том числе случайного*», при этом данному предмету «*может быть присвоен статус историко-культурной ценности*» [3]. Кроме того, в самом положении было дано определение *памятникам археологии*, под которыми изначально понимались только археологические объекты (в настоящий момент и артефакты), которым был придан статус историко-культурной ценности.

Ключевую роль в вопросе регулирования охраны археологического наследия стал Указ Президента Республики Беларусь № 485 от 14 декабря 2015 г. «Аб удасканаленні аховы археалагічных аб'ектаў і археалагічных артэфактаў», который привёл к созданию ныне существующей системы охраны археологического наследия. Определения, данные в Указе, впоследствии были включены в Кодекс Республики Беларусь о культуре.

Сразу бросается в глаза изменения в дефинициях ключевых понятий, которые произошли в сравнении с 2012 годом. В частности, для определения археологических артефактов и объектов были выбраны следующие ключевые критерии, общие для двух категорий:

1) *Возникновение их в результате жизни и деятельности человека свыше 120 лет назад.* В данном случае была уточнена и перефразирована прежняя формулировка понятия «археологический объект» за счёт добавления «жизни» человека, а также произошло возвращение к хронологическим границам археологии, которые стали плавающими (изменяются ежегодно).

2) *Расположение объектов в земле (культурном пласте) или на дне водоёмов*. Это ранее присутствовало в определении только археологических объектов.

3) *Историческое, художественное, научное или иное культурное значение*. Данная часть определения подчёркивает общее культурное значение археологического наследия и, явно, была заимствована из законодательства об охране историко-культурного наследия с некоторыми изменениями.

4) *Может быть присвоен статус историко-культурной ценности.* Эта норма ранее присутствовала в определении археологических артефактов, а теперь закономерно распространилась и на объекты.

Всё вышеперечисленное в сравнении с прежними определениями двух понятий свидетельствует о том, что они были существенно переработаны и унифицированы. Вместе с тем, каждое из них имеет свои особенности, что позволяет их легко различать. В частности, *археологическими ар-*

тефактами признаются *только «движимые материальные объекты»*. Кроме того, на момент выявления они «*не имеют собственника»*. В определении «*археологических объектов*» произошёл отказ от перечисления в дефиниции видов самих объектов. В то же время было обращено внимание на то, что это «*недвижимый материальный объект*», который содержит «*культурный слой и археологические артефакты*» [4]. *Памятниками археологии*, в соответствии с нормами Кодекса Республики Беларусь о культуре, признаются археологические объекты и артефакты, которым придан статус историко-культурных ценностей.

Все эти изменения происходили на фоне такой же существенной эволюции ключевых видов археологического наследия и у стран-соседок. Параллельно шёл процесс разработки и принятия модельных правовых актов в рамках СНГ, которые могли использоваться при создании национального законодательства. Так, 16 февраля 1996 г. на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ был принят рекомендательный законодательный акт «Об охране археологического наследия», в котором были закреплены следующие основные категории определяющие виды археологического наследия. *Археологический объект* – совокупность материальных остатков, сохраняющих следы человеческой деятельности и содержащих явную или латентную информацию о такой деятельности. *Археологический памятник* – объект, выявленный и исследованный археологическими методами и имеющий документальную фиксацию информации, полученной в процессе выявления и изучения. *Вещный остаток* – предмет, отражающий жизнедеятельность человека, связанный с археологическим объектом и выявленный в процессе изучения объекта, либо обнаруженный вне объекта и пригодный для получения информации о прошлом. *Археологический предмет* – вещный остаток, извлечённый при научных раскопках или в процессе хозяйственной и иной деятельности, а также найденный случайно и прошедший первичную атрибуцию и идентификацию относительно иных однородных предметов [7].

В модельном законе СНГ от 2013 г. были даны иные определения двух категорий. *Археологические предметы* – вещи, основными источниками информации о которых (независимо от обстоятельств их обнаружения) являются археологические раскопки или находки, имеющие археологическое значение. *Объект археологического наследия* – частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлые эпохи, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические полевые работы или случайные находки, прошедшие идентификацию [6].

Наиболее последовательно нормы модельного закона СНГ были заимствованы в законодательстве Российской Федерации. В частности, федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ

(после внесения дополнений законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ) содержит следующие определения. *Объект археологического наследия* – частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки. Объектами археологического наследия являются в том числе городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, отнесенные к объектам археологического наследия культурные слои. *Археологические предметы* – движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок [5].

В законе Украины «Про охорону археологічної спадщини» от 18 марта 2004 г. № 1626-IV были введены следующие понятия для определения археологического наследия, используемые до настоящего времени. *Объект археологического наследия* (археологический объект) – это место, сооружение (произведение), комплекс (ансамбль), их части, связанные с ними территории или водные объекты, созданные человеком независимо от степени сохранности, что сохранили до настоящего времени ценность с точки зрения археологии, антропологии и этнографии и полностью или частично сохранили свою аутентичность. *Археологический памятник* – археологический объект национального или местного значения, внесенный в Государственный реестр недвижимых памятников Украины. При этом в тексте закона в отношении материальных движимых объектов, именуемых в белорусском законодательстве «археологическими артефактами», широко используется категория «*находки*» [10].

Таким образом, сравнительное изучение эволюции ключевых определений видов археологического наследия в Республике Беларусь в сравнении с модельными законами СНГ, законодательством РФ и Украины позволяет говорить о том, что в подходах к определению ключевых понятий в сфере охраны археологического наследия в указанных странах единого подхода не существовало. Несмотря на общие истоки, находившиеся в советском законодательстве об охране памятников, и наличие подготовленных модельных законов на уровне СНГ, три страны пошли своим путём в определении ключевых понятий и создании системы охраны археологического наследия, какой из них наиболее эффективный и удачный покажет практика правоприменения.

Источники и литература:

1. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь : Закон Рэспублікі Беларусь ад 9 студзеня 2006 г. № 98-З // Информационно-поисковая система «Эталон» [Электронный ресурс]. – Минск, 2020.

2. Аб зацвярджэнні Палажэння аб ахове археалагічных аб'ектаў пры правядзенні земляных і будаўнічых работ : Пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 22 мая 2002 г. № 651 // Информационно-поисковая система «Эталон» [Электронный ресурс]. – Минск, 2020.

3. Аб зацвярджэнні Палажэння аб ахове археалагічных аб'ектаў пры правядзенні земляных і будаўнічых работ, ажыццяўленні іншай дзейнасці на тэрыторыі археалагічных аб'ектаў : Пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 20 ліпеня 2012 г. № 665 // Информационно-поисковая система «Эталон» [Электронный ресурс]. – Минск, 2020.

4. Аб удасканаленні аховы археалагічных аб'ектаў і археалагічных артэфактаў : Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 485 ад 14.12.2015 г. // Информационно-поисковая система «Эталон» [Электронный ресурс]. – Минск, 2020.

5. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Москва, 2020.

6. Об охране археологического наследия : модельный закон. Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2013 г. № 39-16 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2014 г., № 60.

7. Об охране археологического наследия: рекомендательный законодательный акт. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ: постановление № 7-16 от 17 февраля 1996 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901854817. – Дата доступа: 10.04.2020.

8. Об охране и использовании памятников истории и культуры : Закон СССР от 29 октября 1976 // Законодательная база Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakonbase.ru/content/base/26778. – Дата доступа: 10.04.2020.

9. Об охране историко-культурного наследия : Закон Республики Беларусь от 13 ноября 1992 г. № 1940-XII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – №30. – ст. 504.

10. Про охорону археологічної спадщини : Закон України від 18 березня 2004 року № 1626-IV // Законодавство України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1626-15. – Дата доступу: 11.04.2020.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Л.В. Вонсович (Минск)

Система международных отношений, существующая в современном мире, сталкивается с целым рядом глобальных вызовов и турбуленций. Это негативно сказывается на ее устойчивости и возможности решать проблемы политического, экономического, экологического и иного характера

в различных регионах планеты. Понимая это, многие государственные образования при реализации своих национальных интересов, ориентируются на интеграцию с иными государствами или блоками государств, имеющими схожие векторы развития.

Для Республики Беларусь интеграция и развитие сотрудничества со странами на постсоветском пространстве и, прежде всего, с Российской Федерацией стали приоритетными в реализации ее геополитической стратегии. Если говорить о причинах сближения Беларуси и России, то можно назвать следующие. Беларусь рассматривает Российскую Федерацию как один из важнейших рынков сбыта белорусских товаров и услуг, а также как главнейший источник сырья – нефти и газа, необходимых для эффективного функционирования белорусской экономики. Россия, в свою очередь, нуждается в Беларуси как в надежном и проверенном союзнике, гаранте реализации ее интересов в западном направлении. Кроме этого, не последнюю роль в развитии интеграционных процессов сыграли события политического, экономического и иного характера, а также ностальгические настроения граждан двух стран.

Договор о создании единого Союзного государства был подписан 8 декабря 1999 года лидерами Беларуси и Российской Федерации и вступил в силу в 2000 году. Он предусматривал создание общего двухпалатного парламента, конституции, суда, счетной палаты и валюты с единым эмиссионным центром. Это говорило о намерении двух стран активизировать совместные усилия по сближению и объединению правовых, экономических, финансовых, таможенных и других систем России и Беларуси, формированию межгосударственных властных структур. Однако многое из того, что было запланировано, так и не было достигнуто.

В 2019 году российская сторона неоднократно предпринимала попытки напомнить Беларуси о ее намерениях в отношении более глубокой интеграции, в частности, экономической, которые были озвучены руководством республики много лет назад. Речь шла, прежде всего, о программе переговоров двух сторон, которая включала в себя 31 «дорожную карту». Реализация подобной программы, по мнению российского правительства, должна была способствовать углублению интеграции в разных сферах экономики. Речь шла о принятии единого Налогового и Гражданского кодексов, разработке общей системы государственного регулирования экономики, проведении общей таможенной политики, создании единого регулятора в области энергетики, утверждении объединенного банковского надзора и единого регулятора нефтегазовой отрасли. Эти мероприятия должны были способствовать частичному объединению двух экономических систем, а в дальнейшем возможно и к «созданию конфедеративного государства» [3].

На протяжении всего 2019 года Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко неоднократно подчеркивал, что реализация программы дальнейшей интеграции с Российской Федерацией возможна при выполнении

союзником нескольких условий. Речь шла о цене на газ, которая для Беларуси должна была быть на уровне Смоленской области и о беспрепятственном доступе белорусских товаров на рынок российских регионов. Ответ на подобные заявления был сформулирован российской стороной еще в декабре 2018 года. Премьер-министр России Д. Медведев указал на то, что решение подобных вопросов в пользу Беларуси возможно только после повышения уровня интеграции в рамках реализации Договора о создании Союзного государства. В противном случае Республика Беларусь больше не будет получать новых преференций. А.Г. Лукашенко расценил данные заявления руководства России как шантаж, но при этом не отказался ни от союза с Российской Федерацией, ни от самой идеи углубленной интеграции.

В течение нескольких месяцев (сентябрь – декабрь 2020 года) правительствами двух стран было согласовано большинство «дорожных карт». Все те вопросы, по которым не удалось достичь договоренности, были рассмотрены А.Г. Лукашенко и В.В. Путиным 7 декабря 2019 года в Сочи. Однако лидеры государств к полному согласию так и не пришли. Было решено продолжить работу над «дорожными картами» в будущем. Одной из причин не подписания белорусской стороной всего пакета документов, касающихся дальнейшей интеграции, является угроза государственному суверенитету Беларуси. Об этом неоднократно говорил А.Г. Лукашенко, подчеркивая, что «Москва хочет инкорпорировать Беларусь в состав России» [2]. И делается это под видом более глубокой интеграции.

Белорусское общество отреагировало по данную проблему неоднозначно. Определенная его часть, обеспокоенная переговорами об углубленной интеграции, выступила против союза с Россией, приняв участие в протестных акциях. Другая часть белорусского общества высказала свою позицию относительно возможности продолжения интеграции, но только в русле ее экономической составляющей, поскольку Беларусь и Россия остаются принципиально важными экономическими партнерами в нынешних геополитических условиях. Единым для всех белорусов стало мнение относительно сохранения республикой своего государственного суверенитета, территориальной целостности и независимости, которые были признаны важнейшими стратегическими национальными интересами.

На сегодняшний день вопрос о дальнейшей интеграции двух стран остается открытым. Стороны высказывают в адрес друг друга определенные замечания критического содержания, что вносит еще больше неопределенности в развитие отношений России и Беларуси. Ситуация неопределенности моделируется также новой глобальной проблемой человечества – пандемией коронавируса. Кроме того, подписание всех «дорожных карт» не является гарантией полного их выполнения, поскольку и Россия, и Беларусь входят в период серьезной трансформации. Она связана в Беларуси с президентскими выборами (2020 г.), в России – с конституционной реформой, общественная дискуссия по которой активно идет в российском

обществе. Трансформационные процессы могут либо ускорить интеграцию через систему правовых изменений, либо, наоборот, затормозить**.**

Несмотря на ряд негативных тенденций в развитии двухсторонних отношений, следует отметить и их положительную динамику. За годы существования единого Союзного государства было достигнуто множество положительных результатов интеграции. Дальше всего государства продвинулись в социальной сфере. Для белорусов был открыт российский рынок труда, они получили равные с россиянами права в оплате и условиях труда. В России и Беларуси признается белорусский и российский трудовой стаж, а в случае переселения граждан из страны в страну осуществляется экспорт назначенной пенсии. Кроме этого, белорусы, которые временно работают в России, имеют право на получение всех видов пособий по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Белорусские и российские документы об образовании признаются и являются эквивалентными на территории обоих государств. Временно проживающие в России белорусы, а россияне в Беларуси имеют право на бесплатную медицинскую помощь. Одним из главных достижений интеграционных процессов является свободное передвижение граждан между странами.

В экономическом плане страны задекларировали положение о том, что товары и услуги будут свободно перемещаться в едином экономическом пространстве. Россия и Беларусь способствовали созданию зоны свободной торговли и унифицировали таможенные тарифы. Однако следует отметить, несмотря на договоры, нередко экспорт белорусской продукции в Россию встречает определенные барьеры, связанные, прежде всего, с политической составляющей взаимодействия двух стран.

Определенный прогресс в двухсторонних отношениях достигнут в военной сфере. Россия и Беларусь создали общую систему ПВО, совместную военную группировку. Они проводят единую оборонную политику, тем самым обеспечивая безопасность обоих государств. Беларусь активно принимает участие во всех интеграционных проектах на постсоветском пространстве под патронажем России – СНГ, ЕАЭС, ОДКБ. Сегодня это актуально, поскольку Запад не оставляет попытки «оторвать бывшие республики Советского Союза от России, помешать начавшимся на постсоветском пространстве процессам интеграции» [1, с. 94]. Западные политические структуры стараются внести семя раздора в отношения России и постсоветских государств обещаниями вступления в ЕС, НАТО, оказания финансовой помощи и т.д., пример Украины в этом плане очевиден.

Несмотря на развернувшуюся мощную информационную кампанию, которая направлена на критику отношений в Союзном государстве на сегодняшний день Беларусь ориентируется на давно обозначенную позицию. В условиях кризисного состояния человеческой цивилизации, вызванного глобальными угрозами, руководство Республики Беларусь нацелено на защиту границ государства, сохранение своего суверенитета, что

возможно в рамках крупных межгосударственных объединений. Среди проверенных партнеров Беларуси Россия на первом плане. Оба государства имеют свои собственные национальные интересы, которые они должны согласовать, найти точки соприкосновения. В этом по большому счету находится большой потенциал для развития плодотворных двухсторонних отношений, в этом обозначается вектор движения народов навстречу друг другу, в этом – основа разрешения всех разногласий и конфликтов.

Таким образом, можно утверждать, что сущность геополитической стратегии современной Республики Беларусь в отношениях с Российской Федерацией состоит в реализации целого ряда фундаментальных принципов. Во-первых, Беларусь будет ориентирована на сохранение государственного суверенитета и в силу этого предложения союзной стороны, касающиеся углубления интеграции в ущерб политической самостоятельности Беларуси, будут отклоняться. Во-вторых, Республика Беларусь будет и дальше выступать за экономическую открытость и равные партнерские отношения между странами в рамках интеграционного проекта.

Источники и литература:

1. Вонсович, Л.В. Участие Республики Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве / Л.В. Вонсович // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст. : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А.Д. Кароль (старшыня) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018.– С. 93–97.

2. Лукашенко: «Я понимаю эти намеки: получите нефть, но давайте разрушайте страну и вступайте в состав России» [Электронный ресурс] // Брестская газета. – 14.12.2018. – Режим доступа: https://www.b-g.by/news/lukashenko-ya-ponimayu-eti-nameki-poluchite-neft-no-davayte-razrushayte-stranu-i-vstupayte-v-sostav-rossii/. – Дата доступа: 12.04.2020.

3. Что такое углубленная интеграция России и Белоруссии – и почему сами белорусы ее опасаются? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://meduza.io/feature/2019/12/10/chto-takoe-uglublennaya-integratsiya-rossii-i-belorussii-i-pochemu-sami-belorusy-ee-opasayutsya. – Дата доступа: 12.04.2020.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПРОВАЛА ПЛАНА МОСКВЫ ПО «УГЛУБЛЕНИЮ ИНТЕГРАЦИИ»[1]

А.П. Косов (Витебск)

2019 год держал всех, кто следит за развитием белорусско-российских отношений, в напряжении относительно дальнейшей судьбы двусторонней интеграции. 8 декабря отмечался двадцатилетний юбилей

[1]Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А.А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В.В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А.П. Косов).

подписания Договора о создании Союзного государства. С этой датой многие под влиянием шедших на протяжении года переговоров и заявлений для СМИ белорусского и российского руководства связывали некие кардинальные шаги по углублению интеграции. Исходя из неравновесных потенциалов Беларуси и России, в нашей стране у части политического и экспертного сообщества, а также общественности наблюдались опасения относительно возможной утраты суверенитета. В декабре в Минске и Гродно прошли акции протеста против интеграции. Моральную поддержку отечественным противникам Союзного государства оказали и представители антипутинской прозападной оппозиции. Например, бывший активист СПС и член общественного совета Российского еврейского конгресса Л. Гозман порекомендовал белорусам сопротивляться планам Кремля вплоть до вооруженного противодействия. В этом случае, по мнению политика, «аншлюс» Беларуси сорвется [16]. Однако, как известно, стороны так и не смогли согласовать дорожные карты. С точки зрения российской стороны, в 2019 г. был уникальный шанс принять пакетное соглашение по 31 «дорожной карте» углубления экономической интеграции – и Москва готова была рассматривать вопрос о еще большей лояльности к Минску. Но белорусское руководство этого не захотело. В итоге белорусско-российские отношения так и не вышли из кризиса [2]. При этом публично стороны долгое время вводили общественность в заблуждение, говоря о наличии только 30 «дорожных карт», касающихся экономической интеграции, замалчивая наличие тридцать первой, в которой речь шла о создании наднациональных органов, единой валюты и единого эмиссионного центра, что указывает на возможность утраты части суверенитета. Учитывая геополитические потенциалы двух стран, понятно, чей суверенитет пострадает в первую очередь.

На протяжении прошедшего года многие представители политико-экспертного сообщества Беларуси и России не исключали возможность, что проявившийся с конца 2018 г. интерес российского руководства к «углублению интеграции» после достаточно длительного периода индифферентного отношения Кремля к Союзному государству стал стратегией, направленной на то, чтобы В. Путин смог остаться у власти после 2024 г. [1; 5; 7; 8; 10]. Разумеется, усиливающееся российское давление на Минск стало вызывать тревогу не только у отечественной прозападной оппозиции, но и у самого белорусского руководства, свидетельством чему стали публичные высказывания А. Лукашенко и других должностных лиц страны во второй половине 2019 г. Реагируя на это, тогдашний премьер-министр Д. Медведев призвал Минск не бояться «сокращения суверенитета». По его словам: «Любая интеграция частично сокращает суверенитет, этого не нужно бояться» [19]. При этом по итогам переговоров с белорусской стороной в декабре 2019 г. Д. Медведев заявил, что дальнейшая поддержка Беларуси будет оказываться только после выполнения Минском всех дорожных карт по интеграции [11]. Однако противостояние белорус-

ского руководства этим инициативам Москвы в конечном итоге вынудило Кремль отказаться от плана по фактическому созданию нового субъекта международного права и перейти к иному варианту «транзита власти».

В январе 2020 г. в РФ произошла смена правительства, а также была анонсирована крупномасштабная конституционная реформа. Это, по сути, положило конец разговорам о варианте с Союзным государством в качестве пути решения «проблемы 2024 года». Как отметил эксперт минского аналитического центра «Стратегия» В. Карбалевич: «Проект Союзного государства как фактор продления полномочий Путина после 2024 года уже неактуален». Между тем, по словам политолога, именно этот фактор был очень важным для Москвы в плане продвижения «углубленной интеграции» [9].

Начиная с конца декабря 2019 г. на первый план в двусторонних отношениях вышли проблемы цен на энергоносители для Беларуси. Камнем раздора стал так называемый налоговый маневр, начатый РФ, согласно принятому в июле 2018 г. российским руководством решению, который предполагает постепенное снижение экспортной пошлины на нефть и рост налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ). К 2024 г. экспортная пошлина должна полностью обнулиться, а стоимость нефти для всех нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) – и российских, и белорусских – сравняться с ценами на мировом рынке. Но российским заводам выплачивается так называемая «демпфирующая надбавка». О распространении аналогичных выплат из российского бюджета белорусским НПЗ стороны говорили весь 2018 г. и начало 2019 г., но договориться так и не могли. Обе стороны приводят разные аргументы, защищая свою позицию.

А. Лукашенко обвинил Россию в невыполнении договоренностей о ценах на газ для Беларуси, достигнутых при продаже «Газпрому» белорусской газотранспортной системы в 2007–2011 гг. По его словам, еще пять лет назад Москва пообещала Минску внутрироссийские цены на газ, однако с тех пор так ничего и не изменилось. Как заявил А. Лукашенко: «Сегодня 127 долларов за тысячу кубических метров газа предложили. Спотовые цены в Европе – до 100 долларов газ стоит. Мы же тоже видим, что в мире происходит, и считать умеем» [13]. Поэтому белорусское руководство заявило о намерении добиваться снижения стоимости газа для республики.

Высказал претензии к РФ белорусский лидер и по поводу цен на нефть. Он обвинил Россию в намерении поставлять в страну «черное золото» по цене выше мировой. Пока цена нефти для Беларуси ниже рыночной: около 80% мировых котировок. Но есть так называемая премия поставщику. Именно она в дальнейшем и сделает, по опасениям А. Лукашенко, российские углеводороды невыгодными для республики [13]. По его мнению, Москва специально начала налоговый маневр в нефтяной сфере, чтобы надавить на Минск.

В свою очередь, российская сторона опровергла связь налогового маневра с намерением повлиять на отношения с Беларусью. Согласно министру энергетики РФ А. Новаку, вопрос о цене поставляемой Беларуси

нефти должны решать коммерческие компании. Он заявил: «Между «Белнефтехимом» и нашими нефтяными компаниями ведутся коммерческие переговоры, это вопрос чисто коммерческий. Мы (Минэнерго) в этом не участвуем, потому что всегда и ранее это были коммерческие переговоры. Мы не можем указывать компаниям в рыночной ситуации, по каким ценам продавать» [15].

7 февраля 2020 г. замглавы администрации президента России Д. Козак после завершения переговоров в Сочи В. Путина и А. Лукашенко, по итогам которых цена на газ для Беларуси на весь 2020 год осталась на уровне 2019 года, т.е. 127 долл. за тысячу кубометров, подчеркнул, что скидку на нефть, о которой ранее просил Минск, Москва предоставлять не намерена. По его словам: «Если это делать, то нам необходимо было бы вводить государственное регулирование нефтяного рынка, что мы сделать не сможем. Мы не можем постоянно менять правила и ставить в непонятное положение наши нефтяные компании» [20]. При этом чиновник уточнил: «у нас общий рынок, у нас есть задача устранить противоречия. Российский нефтяной рынок и белорусский нефтяной рынок – он един. На тех же условиях, на которых продается нефть на российском рынке, на тех же она продается и на белорусском рынке, нет отличий» [14].

С точки зрения российской стороны, цена на углеводороды складывается из многих составляющих, в том числе затрат на разработку месторождений, на их поиск, на разведку и многое другое. Например, стоимость газа, слагается из многих составляющих. Поэтому желание А. Лукашенко получать газ по цене Смоленской области, будучи президентом другого государства, вызывает у россиян раздражение [17]. Исходя из сложившейся в двусторонних отношениях ситуации, эксперты советовали руководству РФ ждать и не уступать А. Лукашенко в его желаниях, ведь вся его политика сводится к тому, чтобы получать экономические дотации в обмен на формальное декларирование себя в качестве союзника Москвы [6]. Так, известный журналист и политолог, являющийся пресс-секретарем «Роснефти», М. Леонтьев прокомментировал введение в Беларуси экологического налога по причине развивающегося энергетического конфликта между Беларусью и Россией следующим образом: «Лукашенко зарабатывал на реэкспорте российской нефти и переработанных нефтепродуктов … Это существенная часть доходов белорусского бюджета. Он хочет сохранить эти деньги любым способом. Лукашенко хочет покупать нефть ниже рыночной. А потом перепродавать ее». Однако теперь Москва заняла жесткую позицию, и Минску это не нравится. По словам политолога: «От нас требуют постоянных преференций, дотаций за риторику. Мы платим им за демагогию». Российское руководство решило с этим покончить: «хотите преференций, выходящие за рамки сотрудничества двух независимых государств, хотите, чтобы мы вас содержали – идите на интеграцию» [18].

Накануне 2020 г. после телефонных разговоров с В. Путиным А. Лукашенко поручил срочно найти альтернативные варианты поставки нефти на отечественные нефтеперерабатывающие заводы. В Москве данный шаг Минска расценили как чисто политический, поскольку с экономической точки зрения Беларусь ничего не выиграет, потому что российская нефть в любом случае будет дешевле. По словам директора Международного института новейших государств А. Мартынова, цена российской нефти для Беларуси является льготной, хотя она и выше, чем для российских регионов. Однако, ни одна из названных Минском стран (Азербайджан, Казахстан, Польша, Украина, страны Балтии) не предложит цену ниже российской [4]. Например, одна только перевалка норвежской нефти, за счет того, что ее нужно грузить в Клайпеде, а потом везти по железной дороге в Новополоцк, увеличивает цену на 20 долл. Это делает нефть существенно более дорогой, но это нужно для того, чтобы временно показать РФ, что у Беларуси есть альтернативы. Ситуация чем-то напоминает историю 2011–2012 гг. с венесуэльской нефтью, которая по факту была азербайджанской. Российская нефть удобна по логистике. Если покупать нефть у другого поставщика, то придется за нее доплачивать [12]. Как отмечал И. Юшков: «Даже после 2024 г., когда цена российской нефти для Беларуси сравняется с мировой, закупать нефть в РФ будет выгодно, так как себестоимость доставки нефти по «Дружбе» будет ниже, чем стоимость поставок сырья на белорусские НПЗ через Одессу или порты Прибалтики» [23]. Член комитета Госдумы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству В. Гартунг прокомментировал заявление А. Лукашенко по ситуации с закупкой нефти из России следующим образом: если Лукашенко считает, что ему предлагают покупку по более высокой цене, то есть не только Восток, но и Запад. Цены везде одинаковые, они отличаются только транспортной составляющей [3]. Однако, по словам С. Митраховича из Финансового университета при Правительстве РФ: «никто в мире не может предлагать нефть Беларуси, кроме каких-то санкционированных внешнеполитических решений, дешевле, чем российскую. Она даже в теории не может стоить дороже, чем нефть из других источников, потому что налоговый маневр, который так не любит Лукашенко, только происходит. Он растянут на несколько лет». Своими действиями А. Лукашенко, по его словам: «просто хочет найти кого-то, чтобы доказать, что у него есть альтернативы, чтобы разогревать это в ключе «Россия потеряет последнего союзника». Но я не думаю, что Россия поддастся на шантаж Лукашенко. Впрочем, я полагаю, что Россия может пойти на уступки ограниченного характера». Однако прежнюю цену на энергоносители Минск не получит, несмотря на весь свой шантаж относительно ухода Беларуси на Запад. Эксперт уверен, что «Запад Лукашенко так просто не примет, а сценарий Украины не выглядит притягательным даже для радикальных противников российских властей. Вряд ли Лукашенко и

белорусское общество захотят его повторять» [12]. Поэтому в итоге А. Лукашенко пойдет на уступки и получит за это от Москвы традиционные небольшие «поблажки и компенсации» [4].

Однако именно РФ в конце марта согласилась увеличить скидку на поставляемую в Беларусь нефть. В частности, 21 марта А. Лукашенко заявил, что россияне «полностью пошли» на предложения Беларуси по поставкам нефти. Ранее Москва предложила Минску скидку в 7 долл. за тонну нефти, но Беларусь это предложение не устроило. Сделка стала возможна на фоне подготовки России к прекращению действия заключенного ранее в рамках ОПЕК+ соглашения об ограничении нефтедобычи [22]. По словам премьер-министра С. Румаса, Минск и Москва договорились о премии в цене 11,7 долл. на тонну нефти. Он уточнил, что «из этой премии 11,7 доллара 7 долларов снижают компании, то есть компании будут поставлять с премией 4,7 доллара», добавив, что эти 4,7 долл. будут урегулированы «межбюджетными расчетами – правительство Российской Федерации возьмет эти 4,7 доллара на себя» [21].

Казалось бы, на определенный период времени острая проблема поставок энергоносителей в республику была снята и в белорусско-российских отношениях должна наступить стадия затишья. Однако в дело вступил коронавирус, который совершенно очевидно приведет к чрезвычайно серьезным потерям для всей мировой экономики. Сегодня риторика белорусского руководства в адрес Кремля, который в условиях пандемии и экономического кризиса якобы ведет себя не по-союзнически, становится все более жесткой. Со своей стороны, россияне критикуют официальный Минск в несерьезном подходе к эпидемиологической ситуации в стране.

Таким образом, текущие белорусско-российские отношения по-прежнему находятся в стадии кризиса. Противоречия относительно реализации «дорожных карт» по «углублению интеграции» в 2019 г. перешли в фазу энергетических разногласий, к которым на фоне эпидемии COVID-19 добавились различные подходы сторон к борьбе с коронавирусом, повлекшие закрытие российско-белорусской границы, о которой долгое время говорили, что ее не существует, что привело к дальнейшим взаимным упрекам и обвинениям, характеризующим состояние взаимоотношений Минска и Москвы.

Источники и литература:

1. Аншлюс Беларуси позволит Путину «законно» остаться пожизненным президентом, – Павел Усов [Электронный ресурс] // ESPRESO.TV. – 2018. – 23 декабря. – Режим доступа: https://ru.espreso.tv/news/2018/12/23/anshlyus_belarusy_pozvolyt_/putynu_quotzakonnoquot_ostatsya_pozhyznennym_prezydentom_pavel_usov. – Дата доступа: 31.08.2019.

2. Артеменко, С. Сочинское фиаско Лукашенко: «кашка на воде» вместо дешёвой нефти [Электронный ресурс] / С. Артеменко // Regnum. – 2020. – 08 февраля. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2852675.html. – Дата доступа: 10.02.2020.

3. В Госдуме прокомментировали заявление Лукашенко по ситуации с закупкой нефти из России [Электронный ресурс] // RT. – 2020. – 24 января. – Режим доступа: https://russian.rt.com/business/news/711415-neft-rossiya-belorussiya. – Дата доступа: 25.01.2020.

4. В Москве назвали шантажом поведение Лукашенко [Электронный ресурс] // Naviny.By Белорусские новости. – 15.01.2020. – Режим доступа: https://naviny.by/new/20200115/1579064161-v-moskve-nazvali-shantazhom-povedenie-lukashenko. – Дата доступа: 15.01.2020.

5. Венедиктов: у белорусов могут спросить, хотят ли они жить счастливо с Россией [Электронный ресурс] // Euroradio.Fm. – 12.08.2019. – Режим доступа: https://euroradio.fm/ru/venediktov-u-belorusov-mogut-sprosit-hotyat-li-oni-zhit-schastlivo-s-rossiey. – Дата доступа: 26.08.2019.

6. «Ждать и не уступать». Безпалько о том, что России делать с Лукашенко [Электронный ресурс] // Украина.Ру. – 22.01.2020. – Режим доступа: https://ukraina.ru/news/20200122/1026400051.html. – Дата доступа: 25.01.2020.

7. Карбалевич, В. Журналист: Белорусский проект для Кремля – наиболее оптимальный вариант решения проблемы 2024 года [Электронный ресурс] / В. Карбалевич // UAInfo. – 15.08.2019. – Режим доступа: https://uainfo.org/blognews/1565879072-zhurnalist-belorusskiy-proekt-dlya-kremlya-naibolee-optimalnyy.html. – Дата доступа: 23.08.2019.

8. Касьянов: Путин меняет конституцию России из-за Лукашенко [Электронный ресурс] // Tekegraf.By. – 14.02.2020. – Режим доступа: https://telegraf.by/in-belarus/527538/. – Дата доступа: 14.02.2020.

9. Класковский, А. Российская кормушка для Минска закрывается. Что дальше? [Электронный ресурс] / А. Класковский // Naviny.By Белорусские новости. – 17.01.2020. – Режим доступа: https://naviny.by/article/20200117/1579239492-rossiyskaya-kormushka-dlya-minska-zakryvaetsya-chto-dalshe. – Дата доступа: 15.02.2020.

10. Лилия Шевцова: Путин знает, что его время уходит. И это его последний срок [Электронный ресурс] // Украинская правда. – 2018. – 26 ноября. – Режим доступа: https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2018/11/26/7199387/. – Дата доступа: 22.12.2018.

11. Медведев: дополнительная помощь Белоруссии возможна только после выполнения дорожных карт [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2019. – 23 декабря. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/7408129. – Дата доступа: 23.12.2019.

12. Митрахович, С. «Россия не поддастся на нефтяной шантаж Лукашенко» – эксперт [Электронный ресурс] / С. Митрахович // Евразия Эксперт. – 2020. – 22 января. – Режим доступа: https://eurasia.expert/rossiya-ne-poddastsya-na-neftyanoy-shantazh-lukashenko/. – Дата доступа: 22.01.2020.

13. Момент истины настал. Лукашенко летит к Путину обсуждать нефть [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 07.02.2020. – Режим доступа: https://ria.ru/20200207/1564363954.html. – Дата доступа: 07.02.2020.

14. Москва и Минск договорились о поставках нефти и газа на прежних условиях [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. – 2020. – 8 февраля. – Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2020/02/08/moskva-i-minsk-dogovorilis-o-postavkah-nefti-i-gaza-na-prezhnih-usloviyah. – Дата доступа: 10.02.2020.

15. Назарова, А. Лукашенко заявил о «невыполнении» Россией обязательств по поставкам нефти [Электронный ресурс] / А. Назарова // Взгляд. Деловая газета. – 2020. – 6 февраля. – Режим доступа: https://vz.ru/news/2020/2/6/1022338.html. – Дата доступа: 07.02.2020.

16. Павленко, С. Белоруссия и польский интерес [Электронный ресурс] / С. Павленко // Фонд Стратегической Культуры. – 16.12.2019. – Режим доступа: https://www.fondsk.ru/news/2019/12/16/belorussia-i-polskij-interes-49702.html. – Дата доступа: 16.12.2019.

17. Романова, Н. Безпалько отреагировал на жалобу Лукашенко о «неудобной позе» Белоруссии в нефтяном вопросе [Электронный ресурс] / Н. Романова // Федеральное Агентство Новостей. – 2020. – 24 января. – Режим доступа: https://riafan.ru/1244817-bezpalko-otreagiroval-na-zhalobu-lukashenko-o-neudobnoi-poze-belorussii-v-neftyanom-voprose. – Дата доступа: 25.01.2020.

18. «Роснефть»: Лукашенко просто прижали, чтобы прекратить халяву [Электронный ресурс] // Салідарнасць. – 13.01.2020. – Режим доступа: https://gazetaby.com/post/rosneft-lukashenko-prosto-prizhali-chtoby-prekrati/159792/. – Дата доступа: 25.01.2020.

19. Россия призвала Белоруссию не бояться «сокращения суверенитета» [Электронный ресурс] // Lenta.Ru. – 2019. – 5 декабря. – Режим доступа: https://m.lenta.ru/news/2019/12/05/integration/. – Дата доступа: 05.12.2019.

20. Россия продолжит поставки нефти в Белоруссию без скидок [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2020. – 7 февраля. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/business/694545. – Дата доступа: 09.02.2020.

21. Румас раскрыл детали поставок российской нефти в Беларусь [Электронный ресурс] // Sputnik. – 24.03.2020. – Режим доступа: https://sputnik.by/economy/20200324/1044257252/Rumas-raskryl-detali-postavok-rossiyskoy-nefti-v-Belarus.html?mobile_return=yes&_ga=2.12954871.1144160426.1588504576-830485491.1547147177. – Дата доступа: 23.03.2020.

22. СМИ: Москва согласилась увеличить скидку на нефть для Минска [Электронный ресурс] // Onliner. – 2020. – 23 марта. – Режим доступа: https://people.onliner.by/2020/03/23/nafta-12. – Дата доступа: 23.03.2020.

23. Юшков, И. Мечты о диверсификации: появится ли в Беларуси казахстанская нефть [Электронный ресурс] / И. Юшков // Евразия Эксперт. – 2019. – 19 июня. – Режим доступа: http://eurasia.expert/mechty-o-diversifikatsii-poyavitsya-li-v-belarusi-kazakhstanskaya-neft/. – Дата доступа: 22.01.2020.

АСНОЎНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСКА-КАЗАХСТАНСКІХ АДНОСІН

А.А. Александровіч (Мінск)

Важным напрамкам знешнепалітычнай і знешнеэканамічнай дзейнасці Рэспублікі Беларусь з’яўляецца ўмацаванне двухбаковага і шматбаковага супрацоўніцтва з краінамі СНД. У лік такіх дзяржаў уваходзіць Рэспубліка Казахстан.

Пабудова двухбаковых адносін з Рэспублікай Казахстан абумоўлена сукупнасцю гістарычных, эканамічных, палітычных і культурных фактараў. Так усім вядома, у гады Вялікай Айчыннай вайны воіны з Казахстана ўдзельнічалі ў баях на беларускай зямлі. У пасляваенныя гады казахстанскія будаўнікі бралі ўдзел у будаўніцтве Наваполацкага нафтаперапрацоўчага завода, салігорскіх калійных камбінатаў. Беларускае насельніцтва атрымлівала з Казахстана адзенне, абутак, збожжа. Беларусь, у сваю чаргу, дапамагла кадрамі і тэхнікай у перыяд асваення цалінных і абложных зямель.

Выбудоўваючы свае знешнепалітычныя адносіны з Рэспублікай Казахстан афіцыйны Мінск улічвае, што за апошнія дзесяцігоддзі ўмацаваўся міжнародны аўтарытэт гэтай дзяржавы. Шматвектарная знешняя палітыка Казахстана дапамагла стаць рэгіянальным лідарам у Цэнтральнай Азіі. Казахстан развівае цесныя сувязі з Расіяй, Кітаем, краінамі Цэнтральнай Азіі, мусульманскім светам. Важнымі стратэгічнымі партнёрамі сталі ЗША і Еўрасаюз. Немалаважным фактам стала фарміраванне рэпутацыі важнага ўдзельніка забеспячэння міру і стабільнасці. Міратворчая пазіцыя стала галоўнай у знешняй палітыцы Казахстана, у аснове якой ляжыць пошук мірных шляхоў вырашэння ўзброеных канфліктаў.

Дзякуючы выбранаму Казахстанам курсу палітычнага ўрэгулявання канфліктных сітуацый было дасягнута часовае спыненне ваенных дзеянняў у Нагорным Карабахе ў канцы 1980-х гг. Усталяванне міру у гады грамадзянскай вайны ў Таджыкістане, якая пачалася адразу пасля распаду СССР, таксама не абыйшлося без Казахстана. У 2010 г. была аказана дапамога ў стабілізацыі сітуацыі ў суседнім Кыргызстане. Акрамя гэтага Прэзідэнт Казахстана прысутнічаў у жніўні 2014 г. у Мінску на сустрэчы высокага ўзроўню фармату «Еўразійская тройка-Украіна-ЕС», арганізаванай з мэтай вырашэння расійска-ўкраінскага канфлікту. У 2015 г. у сталіцы Казахстана прайшлі два раўнды перамоваў паміж сірыйскімі апазіцыйнымі групамі. У 2017 г. там жа за адным сталом перамоваў сустрэліся дэлегацыі сірыйскіх афіцыйных уладаў і апазіцыі.

Рэспубліка Беларусь падтрымлівае абраны Казахстанам міралюбівы знешнепалітычны курс. З моманту ўстанаўлення дыпламатычных адносін паміж краінамі падпісана і дзейнічае больш за 60 дагавораў і пагадненняў. За гэты перыяд паміж дзяржавамі не ўзнікла ніводнага сур'ёзнага канфлікту. Дзяржавы ўсталявалі актыўны палітычны дыялог, які ажыццяўляецца на розных узроўнях. Асаблівыя дружалюбныя адносіны склаліся ў Прэзідэнта Беларусі з першым і з другім прэзідэнтам Казахстана. Двухбаковыя ўзаемаадносіны на вышэйшым узроўні падмацоўваліся супрацоўніцтвам на міжурадавым і міжпарламенцкім узроўнях. Парламентарыі дзвюх дзяржаў выступаюць у якасці міжнародных назіральнікаў на парламенцкіх і прэзідэнцкіх выбарах у Беларусі і Казахстане. Акрамя таго Беларусь цалкам падтрымала казахстанскую палітыку ў сферы міжэтнічных адносін, пабудаваную на прынцыпах міжнацыянальнай згоды і ўзаемапавагі паміж рознымі этнасамі і канфесіямі. Беларусь і Казахстан з’яўляюцца актыўнымі членамі многіх інтэграцыйных аб’яднанняў на постсавецкай прасторы, салідарна выступаюць і падтрымліваюць адзін аднаго.

Акрамя геапалітычнага фактару ўзаемавыгаднае супрацоўніцтва дзвюх краін было абумоўлена эканамічнымі меркаваннямі. За гады незалежнасці Казахстан дабіўся сур'ёзных поспехаў у эканоміцы, стаў уладальнікам найбольш ліберальнага рэжыму вядзення прадпрымальніцкай дзейнасці ў параўнанні з іншымі краінамі СНД. Палітычная стабільнасць,

багацце прыродных рэсурсаў, блізкасць да хутка развітых азіяцкіх рынкаў зрабілі дзяржаву прывабнай для замежных інвестыцый. Усе гэтыя паказчыкі дапаглі заняць у 2015 г. 42 месца ў рэйтынгу глабальнай канкурэнтаздольнасці, штогадовага даследавання 140 краін свету, якое праводзіцца Сусветным эканамічным форумам [4]. Дзяржава і прыватныя інвестары прыцягваюць велізарную колькасць праграмістаў, інжынераў, дызайнераў, аказваюць фінансавую падтрымку стартапам – новым арыгінальным бізнес праектам. Для высакокваліфікаваных ІТ-кадраў былі створаны інтэлектуальна-інавацыйны кластар Назарбаеў універсітэта і Парк інфармацыйных тэхналогій «Алатау» у Алматы [11].

Для Беларусі Казахстан – ключавы гандлёвы партнёр, які займае стабільнае трэцяе месца ў знешнім гандлі нашай краіны пасля Расіі і Украіны. Аб'ём тавараабароту паміж дзвюма краінамі ў 2018 г. павялічыўся і склаў 895,5 млн. дал. ЗША, пакуль не дасягнуў узроўню 2014 г. – 1 млрд. дал. ЗША [12]. Неабходна адзначыць, што на працягу ўсёй гісторыі беларуска-казахстанскіх гандлёва-эканамічных адносін павелічэнне агульнага аб’ёму знешняга гандлю чаргавалася яго зніжэннем. Узаемны гандаль развіваўся нераўнамерна. На дынаміку двухбаковага гандлю аказвалі негатыўны ўплыў, у першую чаргу, фінансава-эканамічныя і вуглевадародныя крызісы. Беларусь па-ранейшаму экспартуе ў Казахстан грузавыя і легкавыя аўтамабілі, трактары, сядзельныя цегачы і іншую сельскагаспадарчую тэхніку, мэблю, халадзільнікі, лекавыя сродкі, мяса, малако, масла сметанковае, цукар, гатовыя харчовыя прадукты з мукі, крупы і крухмалу. З Казахстана стабільна пастаўляюцца мінеральныя ўгнаенні, алюміній неапрацаваны, звадкаваны газ, чорныя металы, нафтапрадукты, баваўнянае валакно.

У 2016 г. новай пазіцыяй казахстанскага імпарту стала сырая нафта і склала 44 тыс. тон. У 2017 г. было пастаўлена 64,4 тыс. тон, у 2018 г. толькі 6,7 тыс. тон. Неабходна адзначыць, што яшчэ ў 2007 г. Прэзідэнт Беларусі ў Пасланні народу і парламенту краіны агучыў устаноўку на дыверсіфікацыю паставак вуглевадароднай сыравіны. Асноўнымі пастаўшчыкамі нафты ў Беларусь з’яўляліся кампаніі Расійскай Федэрацыі. Адначасова ішла глыбокая прапрацоўка пытанняў паставак нафты з ААЭ, Іранам, Венесуэлай, Азербайджанам і Казахстанам.

Асабліва актуальным гэта стала ва ўмовах штогадовага павелічэння аб'ёмаў здабываемай нафты ў Казахстане і пошуку новых схем яе транспарціроўкі. Так, калі ў 2006 г. у краіне выраблялася 65 млн. тон нафты, то ў 2018 г. гэты паказчык дасягнуў 90,3 млн. тон [3]. Экспарт сырой нафты таксама павялічыўся і склаў 69,8 млн. тон. Краінамі-імпарцёрамі казахстанскай нафты з'яўляюцца Італія, Францыя, Нідэрланды, Швейцарыя, Іспанія, Грэцыя, Румынія, Партугалія, Харватыя, Кітай, Паўднёвая Карэя, Японія, Індыя. Пры гэтым першыя тры дзяржавы (Італія, Францыя, Нідэрланды) купляюць звыш

50% ад агульнай колькасці здабываемай нафты. Сярод краін СНД пастаўкі ажыццяўляюцца ва Узбекістан, Беларусь, Украіну.

У маі 2005 г. Беларусь і Казахстан падпісалі міжурадавае пагадненне аб супрацоўніцтве ў галіне развіцця паліўна-энергетычных комплексаў, у якім выказалі зацікаўленасць у прыцягненні казахстанскай нафты ў Рэспубліку Беларусь і далейшай яе транспарціроўкі ў краіны Заходняй Еўропы. Пры гэтым казахстанскі бок неаднаразова адзначаў, што найбольш выгадным у плане памяншэння выдаткаў па транспарціроўцы нафты ў Заходнюю Еўропу з'яўляецца менавіта беларускі транзіт. Што тычыцца паставак казахстанскай нафты на беларускія НПЗ то асноўнай умовай тады быў удзел казахстанскіх кампаній у прыватызацыі «Нафтана». З гэтай мэтай у канцы таго ж 2005 г. у Беларусь з візітам прыехала казахстанская дэлегацыя. Але поспехам гэтыя перамовы не ўвянчаліся.

Пытанне аб магчымасці паставак казахстанскай нафты ў Беларусь паднімалася рэгулярна. Пад час апошняга афіцыйнага візіту А. Лукашэнкі ў Казахстан ў кастрычніку 2019 г. гэтай тэме была адведзена вялікая ўвага. Аднак ні вялікая зацікаўленасць абоіх бакоў, ні ўзаемадзеянні краін у рамках Еўразійскага союза па стварэнні адзінага рынку нафты і нафтапрадуктаў не здолелі вырашыць праблему. Справа ў прынцыповай пазіцыі Расійскай Федэрацыі, па трубаправоднай сістэме каторай магла б цячы казахстанская нафта ў Рэспубліку Беларусь. У цэлым, на сённяшні дзень вельмі складана адказаць ці змогуць знайсці дзяржавы залатую сярэдзіну ў вырашэнні гэтага пытання і наколькі еўразійскі рынак нафты і нафтапрадуктаў будзе адказваць інтарэсам краін-удзельніц.

Такім чынам, Казахстан – гэта дастаткова цікавая дзяржава, цесныя двухбаковыя адносіны з якой могуць спрыяць рэалізацыі беларускіх нацыянальных інтарэсаў палітычнага і эканамічнага характару. Сярод іх можна вылучыць магчымасць прымаць удзел у буйных міжрэгіянальных праектах і вырашаць у рамках гэтых праектаў пытанні рэгіянальнай і глабальнай бяспекі; умацоўваць узаемавыгадныя эканамічныя сувязі з краінамі-удзельніцамі міжнародных арганізацый; а таксама прасоўваць беларускія эканамічныя інтарэсы ў рэгіёне ў цэлым.

Крыніцы і літаратура:

1. Андреев, А.А. Россия и Казахстан в 1990-е гг.: опыт сотрудничества / А.А. Андреев. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. – 320 с.

2. Беларусь и Казахстан нуждаются в новых прорывных проектах [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство БЕЛТА. – Режим доступа: http://www.belta.by/interview/view/belarus-i-kazahstan-nuzhdajutsja-v-novyh-proryvnyh-proektah-5241/. – Дата доступа: 07.02.2017.

3. Бутырина, Е. Рекордная нефть Казахстана [Электронный ресурс] / Е. Бутырина // Официальный сайт аналитического журанала "Нефть и капитал". – Режим доступа: https://oilcapital.ru/article/general/11-02-2019/rekordnaya-neft-kazahstana. – Дата доступа: 07.09.2019.

4. Всемирный экономический форум: Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2015–2016 [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/news/2015/09/30/7246. – Дата доступа: 07.10.2019.

5. Двустороннее торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Республике Казахстан. – Режим доступа: http://kazakhstan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/. – Дата доступа: 17.11.2016.

6. Концепция внешней политики РК на 2014–2020 гг. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. – Режим http://www.mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/kontseptsiya-vneshnoj-politiki-rk-na-2014-2020-gg. – Дата доступа: 10.11.2016.

7. Обращение Президента Республики Казахстан к участникам Международной встречи по сирийскому урегулированию [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. – Режим доступа: http://mfa.gov.kz/index.php/ru/so-y-zha-aly-tar/129-novosti/8129-obrashchenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-k-uchastnikam-mezhdunarodnoj-vstrechi-posirijskomu-uregulirovaniyu. – Дата доступа: 30.01.2017.

8. Позволит ли Россия покупать Беларуси покупать сырую нефть в Казахстане? [Электронный ресурс] // Официальный сайт телеканала «Белсат». – Режим доступа: https://belsat.eu/ru/news/pozvolit-li-rossiya-belarusi-pokupat-neft-v-kazahstane/. – Дата доступа: 07.09.2019.

9. Телефонный разговор с Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/telefonnyj-razgovor-s-prezidentom-kazaxstana-nursultanom-nazarbaevym-15617/. – Дата доступа: 20.02.2017.

10. ТС – Украина – ЕС: в поисках компромисса [Электронный ресурс] // Сайт газеты Казахстанская правда. – Режим доступа: http://www.kazpravda.kz/news/politika/ts--ukraina--es-v-poiskah-kompromissa2/. – Дата доступа: 07.02.2017.

11. Чем Казахстан привлекает ИТ-предпринимателей и стартапы [Электронный ресурс] // Медиа IT-индустрии в Беларуси и мире. – Режим доступа: https://dev.by/lenta/main/chem-kazahstan-privlekaet-it-predprinimateley-i-startapy. – Дата доступа: 07.02.2017.

12. Экспорт и импорт товаров по государствам-членам Евразийского экономического союза в 2018 г. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/. – Дата доступа: 07.09.2017.

ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

М.А. Слемнёв (Витебск)

Центральным объектом диаспоральной (от греч. diaspora – рассеяние) политики любого государства, в том числе и белорусского, являются соотечественники, постоянно проживающие за его пределами. О целях, важнейших направлениях и международно-правовых основах политики Республики Беларусь в области отношений с белорусами зарубежья пойдет речь в представленном докладе.

Вначале отметим, что по приблизительным подсчетам в настоящее время в дальнем и ближнем зарубежье живут около 3 млн, как их уклончиво называют, «выходцев из Беларуси», которые являются, условно говоря, либо нашими «братьями по крови» (этнические белорусы), либо «по почве» (они сами или их предки в свое время «укоренились» в белорусскую землю, приобщились к традициям и обычаям народа, языку и культуре, а затем уехали в другие страны).

Причины переселения, как первой, так и второй категорий лиц в чужие края – тема специального рассмотрения. Но если совершить краткий экскурс в сравнительно недалекое историческое прошлое, то это, прежде всего, последствия экономического и военно-политического кризиса России в конце XIX – начале XX века, столыпинские реформы, первая мировая война, Октябрьская революция и последующая за ней гражданская война, репрессии 1930-х годов, Великая Отечественная война, стройки социализма и коммунизма, после завершения которых многие трудолюбивые белорусы оставались на освоенных территориях и, наконец, распад СССР. Особую группу «зарубежных белорусов» образуют т.н. «автохтоны», коренное национальное меньшинство, представители которого никогда не покидали ареал своего проживания, а просто передвигались государственные границы между странами-соседями (белорусы Белосточчины в Польше, Виленского края – в Литве, приграничных районов Псковской, Смоленской и Брянской областей – в России и Витебской и Могилевской – в Беларуси).

Статистика расселения белорусов зарубежья в различных регионах мира весьма условна [1–5]. По некоторым данным в России сегодня проживают около 800 тысяч белорусов, Украине – 270 тысяч, Казахстане – 100 тысяч, Литве – 55 тысяч, Польше – 50 тысяч, Эстонии – 20 тысяч. Что касается очень далеких географических мест – США, Канады, Латинской Америки, Австралии и др., то количественные данные здесь весьма расходятся и нередко берутся, как говорится, «с потолка».

Национально-культурные судьбы белорусских мигрантов, как впрочем, и автохтонов, складывались по-разному. Значительная их часть со временем поглощалась новой средой социального обитания и в итоге полностью теряла этнические и культурные признаки своего народа. Некоторые сохраняли их на семейном уровне. В местах же компактного проживания создавались различного рода белорусские организации: землячества, клубы, национально-культурные общества, центры, объединения и даже региональные автономии. К примеру, в России сегодня имеется около 90 белорусских организаций, в Польше – более 20 и т.д. Именно они составляют этнический и национально-культурный субстрат диаспоры, которая не есть подобие «разбросанных по всему миру камней» (В. Кипель), а представляет собой институционально обозначенное образование. «Диаспора, – отмечает в связи с этим известный российский ученый-антрополог В.А. Тишков, – это культурно отличительная общность на основе

представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстративного отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит нет и диаспоры» [6, с. 50].

Для нормального функционирования и развития диаспоры в правовом поле страны проживания крайне необходима национально-культурная поддержка метрополии. Молодое белорусское государство сразу же после обретения независимости начало ее оказывать и на законодательно-правовом, и практически-организационном уровнях. Различные аспекты зарождающейся диаспоральной политики, где прямо, а чаще косвенно были отражены в ряде важных законов, принятых Верховным Советом БССР (вскоре переименованного в Верховный Совет РБ) 12 созыва (1990–1995 гг.): «О гражданстве Республики Беларусь» (1991 г.), «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» (1992 г.), «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства» (1993 г.), «О беженцах» (1995 г.), и др. В 1993 году в Минске состоялся 1-й съезд белорусов мира (в 2017 г. проведен VII съезд). Эффективные практические шаги по налаживанию национально-культурных связей с белорусами зарубежья, проживающими в Польше, Литве, Латвии Украине, Молдове, России, были сделаны Министерствами иностранных дел, культуры и образования, Гродненским, Брестским, Витебским областными и Минским городским исполнительными комитетами [2; 7; 8].

Эта работа настойчиво проводилась и в последующие годы. К примеру, можно отметить масштабные государственные программы «Белорусы в мире» (2011–2015 гг.), «Культура Беларуси» (2011–2015 гг.), «Развитие конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом» (2011–2015 гг.) и др.

Следует, однако, признать, что, несмотря на несомненные успехи по установлению связей с зарубежными соотечественниками государственная диаспоральная политика Беларуси в своем концептуально обоснованном и законодательно оформленном виде была представлена лишь в 2014 году в Законе Республики Беларусь «О белорусах зарубежья» [9]. Это рамочный, программный документ, некоторые его положения оказались «семантически размытыми» и требуют специального толкования. В тоже время в нем четко обозначены принципы, цели и основные направления государственной политики в области отношений с белорусами зарубежья, указаны соответствующие нормам международного права возможные формы и методы их поддержки, определены полномочия Президента, Правительства, Министерств иностранных дел, культуры, образования, Уполномоченного по делам религии и национальностей, областных и Минского городского исполнительных комитетов, Консультативного совета по делам белорусов зарубежья и иных государственных органов и общественных организаций.

Особое внимание обращено на то, что государственная политика в области отношений с белорусами зарубежья должна быть направлена на сохранение национально-культурной идентичности наших соотечествен-

ников, оказание содействия в реализации их национально-культурных и других прав с учетом международного и национального законодательства стран проживания, обеспечение солидарности белорусов во всем мире, максимальное использование потенциала диаспоры для развития белорусского государства и продвижения его позитивного имиджа, создание благоприятных условий для желающих возвратиться на историческую родину.

Принципиально важно, что в обсуждаемом законе дается операциональное, вполне пригодное для практического применения определение понятия «белорусы зарубежья» [ст. 1; ст. 4]. Белорусами зарубежья считаются граждане Республики Беларусь, постоянно проживающие за ее пределами; иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие в других государствах при условии, что они сами или их предки по прямой восходящей линии родились или проживали на территории современной Беларуси; и, наконец, любые зарубежные граждане и лица без гражданства, которые проживают в других государствах и идентифицируют себя как белорусы по этническим и социокультурным признакам. Как заметил один из разработчиков проекта закона «О белорусах зарубежья» Ю. Амбразевич, этнический принцип здесь не является самодавлеющим. «Даже если ты, например, – отмечает он, – татарин, когда-то живший в Беларуси, или здесь жили твои родственники и ты понимаешь, что твои корни здесь, ты в этом заинтересован, стремишься к взаимодействию, то это никоим образом не ставит под сомнение самоидентификацию» [10]. Но она все-таки, как акцентируется в законе, должна быть обязательно подкреплена общественной или профессиональной деятельностью по сохранению белорусского языка, развитию белорусской культуры за рубежом, укреплением дружественных отношений государств гражданской принадлежности или постоянного места жительства белорусов зарубежья с Республикой Беларусь и другими подтверждениями добровольного выбора в пользу укрепления духовной и культурной связи с народом Беларуси и его государством [ст. 4].

Принятие Закона Республики Беларусь «О белорусах зарубежья» позволяет не только систематизировать работу государственных и негосударственных структур по совершенствованию связей с «зарубежным сегментом» белорусского народа, но и органически вписать ее в строгий контекст международной деятельности государства.

В заключение отметим, что белорусская диаспора как близкого, так и далекого зарубежья неоднородна по своим идейно-политическим и идеологическим взглядам. Имеется немало организаций, весьма критически относящихся к внутренней и внешней политике Республики Беларусь. Это в первую очередь касается тех из них, которые возникли на «возрожденческой» волне конца 1980-х – начала 1990-х годов (их иногда именуют «национально-свядомые»). В частности, они дают негативные оценки смене государственной символики Беларуси, приданию русскому языку статуса государственного, углублению интеграции с Россией и строительству Союзного государства. В определенной степени это свойственно, например, таким белорусским орга-

низациям зарубежья, как «Погоня», «Московское товарищество белорусской культуры имени Франциска Скорины», «Иркутское общество белорусской культуры имени Яна Черского (Россия)», «Белорусский дом в Варшаве», созданный в противовес «Белорусскому культурному центру» при посольстве Республики Беларусь в Республике Польша и др. Для многих белорусов зарубежья, особенно в Северной Америке и Западной Европе центром консолидации белорусской диаспоры является формально действующее с 1919 года так называемое правительство БНР в изгнании.

При проведении государственной диаспоральной политики с данным фактом необходимо считаться и относиться с пониманием. Ведь развитая диаспора всегда упрощенно репрезентирует широкий спектр политических и идеологических взглядов своего народа. Самим же конфликтующим белорусским организациям за рубежом следует искать объединительные ценности. Главная среди них – сохранение национально-культурной идентичности, поиск путей противодействия процессам ассимиляции в странах проживания. В противном случае диаспора как уникальный этнический и социокультурный феномен через несколько поколений может исчезнуть.

Источники и литература:

1. Белорусская диаспора [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org. – Дата доступа: 23.03.2020.

2. Белорусская диаспора в начале XXI века: численность, страны проживания, специфика [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://studfile.net/preview/4238698. – Дата доступа: 11.02.2020.

3. Сяргеева, Г.Г. Дыяспара беларуская / Г.Г. Сяргеева // Республика Беларусь: энциклопедия: в 6 т. – Минск, 2005–2008. – Минск, 2006. – Т. 3. – 527 с.

4. Где живут белорусы в России [Электронный ресурс] // Российская газета. – 19.05.2011. – Режим доступа: https://rg.ru/2011/05/19/proekt.html. – Дата доступа: 14.02.2020.

5. Белорусы в Польше [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org. – Дата доступа: 16.02.2020.

6. Тишков, В.А. Исторический феномен диаспоры / В.А.Тишков // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С.43–63.

7. Улейчик, Н. Институционализация национально-культурной жизни белорусов Польши в конце XX – начале XXI в. / Н. Улейчик // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. Вып. 3 : в 2 ч. : сб. науч. ст. по материалам III междунар. науч.-конф., Пинск, 30 ноября – 1 декабря 2018 г. / под ред. Р. Гагуа. – Пинск : ПГУ, 2018. – Ч. 1. – С. 322–326.

8. Гавриловец, Л.В. Белорусско-польское культурное взаимодействие в системе двусторонних отношений [Электронный ресурс] / Л.В. Гавриловец // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2016. – № 2(6) – Режим доступа: https://vestnikkguki.esrae.ru. – Дата доступа: 08.12.2019.

9. Закон Республики Беларусь «О белорусах зарубежья» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belros.org/doc/zakon_belorus_zarubeg_2014.pdf. – Дата доступа: 03.02.2020.

10. МИД: законопроект «О белорусах зарубежья» ориентирован на всех тех, кто самоидентифицирует себя с Беларусью [Электронный ресурс] // Naviny.By Белорусские новости. – Режим доступа: https://naviny.by/tag/belorusy-zarubezhya. – Дата доступа: 08.02.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрович Елена Александровна – научный сотрудник центра всеобщей истории и международных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Барановский Александр Викторович – аспирант центра новой и новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Белащенко Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Боголейша Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История белорусской государственности» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Буранок Сергей Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия.

Бурда Михаил Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Величко Нина Веньяминовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Володькин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник центра истории геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Вонсович Лариса Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и психологических основ физической культуры Института повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов физической культуры, спорта и туризма Белорусского государственного университета физической культуры, г. Минск, Беларусь.

Гогоша Орест Игоревич – ассистент кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета имени И. Франко, г. Львов, Украина.

Гришин Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Довгялло Михаил Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Ермакович Леонид Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Беларусь.

Зинченко Артем Николаевич – аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Игонина Екатерина Александровна – студентка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия.

Калинин Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета, г. Киров, Россия.

Киселёва Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой политики Гуманитарного института Вологодского государственного университета, г. Вологда, Россия.

Ковальков Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Центральноукраинского государственного университета им. В. Винниченко, г. Кропивницкий, Украина.

Ковяко Ирина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь.

Коробкина Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, Россия.

Космач Вениамин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой; доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Кравчук Ольга Юрьевна – кандидат политических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин учебно-научного гуманитарного института Национального университета кораблестроения имени адмирала Макарова, г. Николаев, Украина.

Кривошей Дмитрий Антонович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник центра всеобщей истории и международных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Курганский Анатолий Анатольевич – аспирант Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград, Россия.

Ладыга Александр Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, г. Луганск.

Лобода Дмитрий Александрович – ассистент кафедры всемирной истории и методики преподования истории Полтавского национального педагогического университета имени В.Г. Короленко, г. Полтава, Украина.

Лузан Даниил Вячеславович – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Лю Сянцянь – аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Мазарчук Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной и методической работе Института подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Макушин Александр Владимирович – сопредседатель фонда «Истпатриотика», г. Москва, Россия.

Мацулевич Евгения Васильевна – студентка исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Монин Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Морозов Илья Леонидович – доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Россия.

Пик Светлана Мирославовна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета имени И. Франко, г. Львов, Украина.

Подрез Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, директор учебно-научного института истории и философии Сумского государственного педагогического университета имени А.С. Макаренко, г. Сумы, Украина.

Редченко Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.

Рубо Олеся Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Рудковская Елена Эдвардовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.
Рудковский Эдвард Иосифович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.
Сакович Екатерина Георгиевна – кандидат исторических наук, г. Минск, Беларусь.
Саллум Ферас Садык – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.
Сальников Вячеслав Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия.
Свилас Светлана Францевна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.
Севрюк Владислав Сергеевич – магистрант факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия.
Сень Анна Юрьевна – студентка Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Россия.
Сикираж Владимир Владимирович – студент Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.
Синдеев Алексей Александрович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук, г. Москва, Россия.
Слемнёв Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.
Станкевич Юлия Викторовна – студентка факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.
Суржик Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра по изучению войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Россия.
Сурма Алексей Александрович – аспирант исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь.

Сюзева Юлия Сергеевна – магистрант кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Тунлага – аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Урываев Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Россия.

Федяев Олег Дмитриевич – студент Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Россия.

Филимонова Анна Александровна – студентка факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия.

Христофоров Василий Степанович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международной безопасности Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия.

Хришкевич Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, г. Псков, Россия.

Циватый Вячеслав Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник образования Украины, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Киевского национального университета имени Т. Шевченко, г. Киев, Украина.

Цыплин Виталий Геннадьевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.

Чикалова Ирина Ромуальдовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка; ведущий научный сотрудник отдела историографии и методов исторического исследования центра специальных исторических наук и антропологии Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Шалёная Наталия Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета имени И. Франко, г. Львов, Украина.

Шевченко Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Шенин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.

Ши Даньдань – аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Шмелев Антон Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Шутова Анастасия Алексеевна – студентка факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия.

Юрчак Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист управления культуры Витебского областного исполнительного комитета, г. Витебск, Беларусь.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ

Материалы V Международной научно-практической конференции

Витебск, 21–22 мая 2020 г.

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *Е.В. Крайло*

Подписано в печать 18.05.2020. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,20. Уч.-изд. л. 18,95. Тираж 130 экз. Заказ 59.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.